

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

39

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА

AS 262
.M58

122

XVI ПАРТСЪЕЗД И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА

Ни на одном из партийных съездов вопросы теоретической работы и научного исследования не занимали такого видного места, как на XVI партийном съезде. И это обстоятельство несомненно стоит в связи с тем, что XVI съезд войдет в историю как съезд развернутого наступления на капиталистические элементы по всему фронту.

Революционная практика социалистического строительства предъявляет во всех областях грандиозно выросшие требования к научно-теоретической мысли, выдвигая новые задачи, диктуя непривычные темпы, требуя максимальной целеустремленности и продуктивности, а в то же время и прежде всего политической, классовой четкости.

Перестройка промышленности и сельского хозяйства, изменение их технической базы, быстрее усвоение самых последних достижений капиталистической техники и в то же время решительная и смелая переделка социально-экономической структуры сельского хозяйства путем коллективизации и ликвидации кулачества как класса — эти неотделимые друг от друга процессы требуют невиданного напряжения теоретической исследовательской мысли; наступление на капиталистические элементы не может не сопровождаться ожесточеннейшей борьбой на идеологическом фронте. Рабочий класс и партия нуждаются, как никогда, в отточенном оружии марксо-ленинской теории для того, чтобы беспощадно разоблачать враждебные взгляды, в частности концепцию правоуклонистов, являющихся рупором буржуазно-кулацких элементов.

Вся работа съезда, начиная с основных докладов и резолюций по ним и кончая выступлениями и даже приветственными речами, дает богатейший материал для выводов, касающихся постановки научно-исследовательского дела на данном этапе.

Доклад т. Куйбышева заключал в себе целый раздел, характеризующий значение научного исследования для развития производительных сил, для открытия новых сырьевых и энергетических ресурсов, для внедрения в производство новых технологических процессов. Рост бюджетов научно-исследовательских институтов с 32,5 млн. рублей в 1927—28 г. до 108,6 млн. руб. в 1929—30 г. при одновременном росте сети за тот же промежуток с 34 единиц до 50,

сам по себе достаточно показателен. Но мы не можем почитать на лаврах; мы еще далеко позади США в деле развития научно-технических лабораторий. А между тем, эти расходы окупаются сторицей. Если теплотехнический институт одной рационализацией топливосжигания дает экономию в 4 млн. рублей, если разработка методов сжигания подмосковного угля дает 1 млн. руб. экономии в год, если новые расчеты для железобетонных сооружений, которые дал Институт стройсооружений, делают возможным съэкономить до 50% на бетоне и железе—это показывает, что десятки миллионов, затраченные на научно-исследовательское дело, не являются деньгами, брошенными на ветер.

Разработка крупных проектов, реконструкция и рационализация действующих предприятий, введение новых технологических процессов, все это осуществляется при ближайшем участии научно-исследовательских учреждений.¹

Геологические разведки, открывая новые месторождения, увеличивают наши запасы руды и топлива на многие миллиарды. От этих разведывательных работ зависит часто экономическое будущее целых огромных районов.

Наш пятилетний план предполагает широкое развитие научно-исследовательской деятельности. Ее достижения должны влиться в тот поток энергии, который бьет из глубины трудящихся масс, строящих социализм.

Ленин построение социалистического уклада сводил в основном к созданию высшей, чем при капитализме, производительности труда.

В 1918 г. Ленин, намечая ближайшие задачи советской власти, писал: „Во всякой социалистической революции, после того как решена задача завоевания власти пролетариатом и по мере того как решается в главном и основном задача: экспроприировать экспроприаторов, выдвигается необходимо на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада, именно: повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организация“¹.

И тут же, продолжая и конкретизируя эту мысль, Ленин писал: „Подъем производительности труда требует прежде всего обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности. Российская советская республика находится постольку в выгодных условиях, что она располагает—даже после Брестского мира—гигантскими запасами руды (на Урале), топлива (в западной Сибири), каменного угля (в центре и на юго-востоке), нефти (на Кавказе), торфа, гигантскими богатствами леса, водных сил, сырья для химической промышленности (Карабугаз) и т. д. Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники дает основу невиданного прогресса производительных сил“².

Вот совершенно конкретная канва не только для плана развития производительных сил, но и для ряда экономических, естественно-

научных и научно-технических исследований. Эти исследования становятся в порядок дня по мере того, как мы придвигаемся к реализации вышеприведенной, простой, ясной и конкретной ленинской наметки.

В 1918 г. Ленин подчеркивает значение топливно-рудных богатств Сибири и Урала. XVI съезд ставит перед партией и рабочим классом как основную задачу—„создание в ближайший период новой мощной угольно-металлургической базы в виде Урало-Кузбасского комбината“. Вот одна из грандиозных задач, которая должна немедленно мобилизовать соединенные усилия практиков-организаторов, хозяйственников и теоретических работников различных родов оружия. А таких задач великое множество. Мы привели только этот пример, а их можно привести десятки. Что тут особенно характерно? Да то, что уже с 1918 г. эту тему—Урал и Сибирь—можно и нужно было ставить в план научно-исследовательских работ наших экономических (а также и научно-технических) институтов—ведь на нее указал пальцем Ленин, ведь надлежащая предварительная теоретическая подготовка была бы весьма кстати сейчас, когда проблеме создания Урало-Сибирской угольно-металлургической базы приходится решать на практике. Но, увы, мы очень опасаемся, что если произвести точные подсчеты, то на сотню страниц, посвященных нашими марксистами-экономистами проблеме абстрактного труда, вряд ли найдется одна, трактующая экономическую сторону Урало-Сибирской проблемы.

М. Н. Покровский в своем выступлении подчеркнул курьезность положения, сложившегося на теоретическом фронте. „Создал партию величайший теоретик марксизма, человек, треть писаний которого посвящена теории, а у нас, в его партии, теория где-то на задворках, и занимаются ею между прочим, как в старое время были любительские просветительные общества в виде общества распространения технических знаний. Вечерами, после работы собираются люди и калякают, по выражению Владимира Ильича“.

Но не только эта кустарщина, не только отсутствие крепко налаженной и технически совершенной организации научной марксистской работы составляет нашу беду. Не менее парадоксален и не менее недопустим тот факт, что десятки и сотни конкретнейших указаний Ленина, дающих возможность самым тесным образом связать научную работу со строительством социализма, так мало использованы нашими марксистскими научно-исследовательскими институтами при составлении планов, при определении содержания своих работ.

Еще до XVI съезда, в известном выступлении т. Сталина на конференции аграрников-марксистов было констатировано отставание теории от практики, недопустимый разрыв между ними, противоречий самому духу марксизма-ленинизма.

Тов. Стецкий весьма кстати привел в своей речи пример с докторской диссертацией покойного Штреземана, которая была написана на тему, как выгоднее продавать пиво: бутылками или просто из бочек кружками. Этот пример показывает, что буржуазия, несмотря на крики о „чистой науке“, умеет ставить научную работу на службу своим практическим интересам.

¹ Ленин, Собр. соч., т. XV, с. 208.

² Там же, с. 208.

Мы, материалисты, еще не научились этому в должной мере. Отрыв от жизни, кабинетность, увлечение абстракциями ради самих абстракций все еще являются нашей болезнью. Схоластичность, талмудические споры словесников о словах, предпочтительное внимание вопросам „потусторонним“—вот что характеризует нашу теоретическую мысль на целом ряде важнейших участках.

Маркс писал когда-то о Фейербахе, что он не понимает значения „революционной практически-критической деятельности, что в „Сущности христианства“ он рассматривает как истинно-человеческую деятельность только деятельность теоретическую, между тем как практика понимается и изображается там лишь в грязно-жидовской форме своего проявления“. Для Фейербаха объяснение этой его позиции приходится искать в неполноте и недоразвитости его материализма. В советских условиях своеобразное возрождение домарксовской феербаханской точки зрения имеет простое объяснение политического порядка. Неумение и нежелание включиться в советскую действительность, в происходящую политическую классовую борьбу заставляет некоторых „марксистобразных“, как их определил т. Стецкий, идеологов эмигрировать в область абстракций, в сферу формалистических категорий, движение которых отрывается от действительности. Рубин и Переверзев—вот два наиболее ярких представителя этой разновидности фальсифицированного марксизма. Дискуссия в области экономической теории и литературоведения обнаружила не только наличие этих извращений марксизма, но и поразительную слепоту некоторых наших молодых теоретиков-коммунистов, выступавших первоначально в защиту фальсификаторов. Разоблачение и преодоление рубинщины и переверзевщины является одним из первых и необходимых шагов к устранению уродливого отрыва теории от революционной практики.

Однако, это лишь первый шаг. Дело не может ограничиться этой критической задачей. На очереди стоит положительная разработка ряда проблем и в первую очередь проблем экономики, как советской, так и мировой. Организация труда в колхозах, судьба рынка, проблема распределения, проблема географического размещения промышленности, проблема империализма и мирового экономического кризиса должны привлечь к себе внимание коммунистов-теоретиков.

Наши научные учреждения, и в первую очередь Коммунистическая академия, должны повысить свою активность на всех участках теоретического фронта.

Современный этап обострения классовой борьбы в связи с успешным социалистическим наступлением характеризуется тем, что ряд ученых, работавших в советских органах и именовавших себя социалистами и даже марксистами, обнаружили полностью свою подлинную природу идеологов буржуазно-капиталистической реставрации.

Теперь не может быть никаких сомнений относительно того, что скрывалось за „деловой“ критикой, которая со стороны Кондратьева, Громана, Базарова и пр. направлялась против основ советской экономической политики: против темпов индустриализации, против строительства совхозов и коллективизации крестьянских хозяйств, против господства плана над стихией. На съезде, в выступлении тов. Стец-

кого, было отмечено „как большое достижение то, что партии удалось этих буржуазных профессоров не только разоблачить, не только выставить их из тех мест, которые они занимали в наших руководящих экономических органах, положить конец их попыткам подрыть нашу политику, но и заменить их молодыми коммунистическими кадрами, которые нам удалось вырастить за последнее время“.

Разоблачение буржуазных и мелкобуржуазных теоретиков, мечтавших о возврате капитализма,—эта задача уже выполнена. Но далеко не выполнена еще задача теоретического разоблачения и уничтожения системы взглядов правого уклона.

М. Н. Покровский в своем выступлении совершенно справедливо указал, что признание отдельных ошибок со стороны лидеров правого уклона не затрагивает существа дела. Правый уклон—это не сумма отдельных ошибок, но целое мировоззрение. Для него характерна своя особая концепция русского исторического процесса, своя теория классов, свое понимание Октябрьской революции и переходного периода и, наконец, своя методология, которую прежде всего характеризует непонимание и отрицание материалистической диалектики.

Разоблачить теоретические истоки правого уклона, показать их близость к явно антимарксистским, явно буржуазным течениям значит лучше всего вооружить партию для повседневной политической борьбы с правыми. Эта борьба не снимается с порядка дня только потому, что вчерашние лидеры правых признали свои ошибки. Правый уклон, по крылатому словцу М. Н. Покровского, „способен жить и без головы, наподобие некоторых низших организмов, или найти себе другую голову“.

Чтобы доканать его, нужно вести с ним непримиримую и систематическую борьбу на всех фронтах, а в том числе и на фронте теоретическом. Задача разоблачения и разгрома правого уклона и остатков троцкистской идеологии определяет собой содержание нашей теоретической работы и диктует ряд организационно-политических мер.

Сюда относятся:

Мобилизация теоретических сил, правильная их расстановка, сплочение их вокруг единого центра, каковым должна быть Коммунистическая академия, теснейшая связь научного коммунистического центра с идеологическим и политическим руководящим центром партии, с ЦК, более непосредственное и систематическое вмешательство последнего в научную работу—вот вкратце те условия, которые дадут возможность добиться в области теоретического производства не только выполнения, но и перевыполнения плана как по количественным, так в особенности и по качественным показателям.

КАК ДОЛЖНА БЫТЬ ПОСТАВЛЕНА РАБОТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

М. Н. ПОКРОВСКИЙ

Вопрос о роли теории в работе нашей партии, вопрос, казалось бы, порешенный давным-давно, — „Что делать“ Ленина написано почти 30 лет назад, — вновь начинает вызывать какие-то сомнения. С одной стороны, появляются такие определения теории, которые чрезвычайно трудно подвести под знакомые нам, давным-давно нами усвоенные формулы. Нам изображают теорию как „систематизированную формулировку объективных закономерностей природы, где нет ни грама какой-нибудь телеологии. Логический состав теории, это — отражение объективных связей природы, не больше и не меньше“, а толкает вперед теорию „рост потребностей материального производства“, который „ставит все новые и новые задачи перед наукой, непрестанно толкая ее вперед“¹.

Как будто все весьма гладко, — т. Бухарин, вероятно, торжественно приведет целую хрестоматию выдержек из Маркса, Энгельса и Ленина в подтверждение своих формулировок. Нет никакого сомнения, что в состав понятия теории входят и эти признаки: только ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин не рассматривали теорию как нечто существующее в торичеллиевой пустоте, вне классового общества. Тов. Бухарин мог бы вспомнить, что прогресс теории Ньютона в свое время задерживался не каким-нибудь замедлением „роста потребностей материального производства“, а, например, упорным сопротивлением Французской академии, которая столетиями держала теорию Ньютона под отлучением, потому что эта теория колебала основы средневекового мировоззрения, а это мировоззрение казалось Французской академии XVIII в. одной из величайших культурных ценностей, какие только существуют. Тов. Бухарин мог бы вспомнить, что „разоблачения“ дарвинизма встречаются иногда и в наши дни, и это по той простой причине, что дарвинизм колеблет то же мировоззрение в еще более сильной степени, чем механистика Ньютона.

¹ Бухарин Н. И., Социалистическая реконструкция и естественные науки, в сборнике „Социалистическая реконструкция и научно-исследовательская работа“, с. 20—21.

Мне приходилось указывать в печати и более детальные отражения борьбы мировоззрений (т. е. борьбы классов в идеологической области) в научно-исследовательской работе: на то напр., что исправно ходящие к обедне французские геологи всячески стараются уменьшить хронологические размеры существования рода человеческого и не дают этому почтенному роду более 40—60 тыс. лет, тогда как свободные от библейских предрассудков ученые не пугаются теперь и цифры в миллион лет. Причины едва ли нужно объяснять: благочестивым исследователям хочется построить какой-нибудь мостик „от объективных связей природы“ к тем цифрам, которые от вавилонских жрецов путем плагиата, учиненного жрецами еврейскими, поступили в состав мусора, загромождающего нашу память.

Есть тут хоть один гран телеологии или нет, я не берусь судить, но нет никакого сомнения, что реальные исторические судьбы теории определяются именно этими условиями, а не какими другими, и что чисто механистическим путем „потребности материального производства“ никогда не могли бы создать тех теорий, которые теперь борются между собой, отражая не „объективную закономерность природы“, а борьбу классов.

Совершенно естественно, что абстрактно-механистическое понимание теории вызывает известную реакцию и что людям, которые убедились, что теория состоит именно в абстрактной механистике, кажется, что никакой теории вообще не нужно, что коммунисту подобает заниматься только прикладной наукой. Недиалектическое понимание теории в виде довольно естественного эхо дает немарксистское отрицание теории. Чтобы найти надлежащее место этой последней, нужно прежде всего отстаивать ленинскую точку зрения на этот предмет. „Без революционной теории не может быть и революционного движения. Нельзя достаточно настаивать на этой мысли в такое время, когда с модной проповедью оппортунизма обнимается увлечение самыми узкими формами практической деятельности“². Это написано 28 лет назад, но кажется, что это написано вчера, ибо даже „модной“ проповедь оппортунизма перестала быть в весьма относительно недавнее время. Все остальное содержание этой главы „Что делать“ современно до чрезвычайности и нуждается только в замене некоторых устаревших терминов современными. Возьмите напр. слова: „Национальные задачи русской социал-демократии/ таковы, каких не было еще ни перед одной социалистической партией в мире“. Поставьте на место социал-демократии коммунизм, и вы опять получите как нельзя более современную формулировку. Только у Ленина шла речь еще об „освобождении всего народа от ига самодержавия“, а теперь речь идет об освобождении всех народов от ига капитализма. Или возьмите вы слова: „Социал-демократическое движение международно по самому своему существу. Это означает не только то, что мы должны бороться с национальным шовинизмом, это означает также, что начинающееся в молодой стране движение может быть успешно лишь при условии претворения им опыта других стран“. Опять приходится теперь только перевернуть:

² Ленин, „Что делать“, изд. 1924, с. 24.

другим странам нужен теперь наш опыт, до сих пор нами самими теоретически не истолкованный и не осмысленный до конца; другие страны не могут удовлетвориться переписыванием наших „последних резолюций“, от чего предостерегал Ленин русских социал-демократов по отношению к их западным товарищам в 1902 году.

Словом, проблема теории в нашем движении и в нашей борьбе стоит в 1930 г. совершенно так же, как она стояла и в 1902 г. и как, можно сказать, она стояла все время существования марксизма. Новое—в конкретном содержании той действительности, которую должна осмыслить наша теория, а не в методах теоретической работы. В основе этих методов лежит, как и всегда, то, что по Ленину составляет живую душу марксизма,—его революционная диалектика. Только теоретическая работа, проникнутая этой революционной диалектикой, имеет какой-либо смысл и может быть противопоставлена, как совершенно закономерное применение энергии нашей партии, непосредственной практической деятельности. Противопоставлена не как нечто совершенно отличное от практической деятельности,—теория в одном ящике, практика—в другом,—а как осмысление этой практической деятельности, как определение ее целевых установок, как обоснование той политики, которая в этой практической деятельности находит себе отражение.

Разница между нашим временем и теми годами, когда написано „Что делать“, заключается в том, что Ленин тогда вынужден был работать в одиночку или почти в одиночку, а мы имеем возможность сейчас поставить работу коллективно в широком масштабе. Центром такой коллективной работы и должны быть учреждения типа Коммунистической академии.

Выполняет ли эта последняя уже в настоящее время ту роль, которая ей предназначена? В очень малой, нужно признаться, степени.

Вот как определяет существующее положение основной центр Коммунистической академии—ее Институт экономики:

„Существующее положение характеризуется резким отставанием теоретической экономической мысли от потребностей практики социалистического строительства (теория зачастую не только не предвидит заранее изменений в направлении нашего хозяйственного развития, но часто не успевает даже своевременно осознать тех процессов, которые уже происходят). По этой причине актуальная задача теоретической разработки осуществляемых партией и рабочим классом мероприятий, которая должна составлять главное содержание работы экономической научной мысли в СССР, выполняется в совершенно недостаточной мере“.

Институт экономики совершенно правильно ставит своей ближайшей задачей „превращение в руководящий центр партийной научно-экономической мысли“. В соответствии с этим содержание научно-исследовательской работы Института должно определяться следующими моментами:

„а) Сосредоточение центра тяжести работы Института на теоретической разработке проблем социалистической реконструкции, в особенности проблем генерального плана, социалистического воспроизводства в СССР и т. д.

б) Теоретическая разработка проблем современной фазы империализма, а также проблемы взаимоотношений СССР с капиталистическим миром (совместно с Институтом мирового хозяйства).

в) Теоретическая работа по разоблачению уклонов от генеральной линии партии, в первую очередь правого уклона, как главной опасности на нынешнем этапе.

г) Творческая разработка наименее разработанных частей марксовской политической экономии.

д) Борьба против буржуазной идеологии в СССР и капиталистических странах.

е) Помощь Института как научно-исследовательского учреждения в работе партии по подготовке кадров“.

Как видим, идея классовой борьбы красной нитью проходит через всю эту программу, ибо даже звучащая наиболее „объективно“ „творческая разработка наименее разработанных частей марксовской политической экономии“ есть не что иное, как отражение той критики буржуазной политэкономии, которая составляла исходную точку работы Маркса.

Совершенно так же ставит свою задачу и другое крупнейшее учреждение Коммунистической академии—Институт советского строительства и права. „Проблема классовой борьбы должна оставаться в центре научно-исследовательской работы, и в основном внимание должно быть сосредоточено на проблеме консолидации сил рабочего класса, новых классовых сдвигов в деревне (колхозник, элементы классовой борьбы в колхозе, колхозник и единоличник), ликвидации классов и происходящей в данный момент ликвидации кулачества как класса.

Одной из основных установок ИССП должно быть изучение советов как органов диктатуры пролетариата. В связи с создавшимся положением, при котором советы со всей системой их массовых организаций остались в стороне при разрешении целого ряда хозяйственных и политических вопросов социалистического строительства и не играют той роли, которую они должны играть как основные органы власти, необходимо изучить историю советов как массовых органов власти на протяжении всего периода пролетарской диктатуры, вскрыть причины отставания советов на данном этапе и определить пути их укрепления (проблема массовости, взаимоотношения с оперативным госаппаратом, содержание работы)... Наряду с этим необходимо продолжить критику буржуазных и социал-фашистских теорий и практики и разоблачение всех оппортунистических искажений марксо-ленинской теории, как правооппортунистических, являющихся на данном этапе главной опасностью, так и псевдореволюционных троцкистского типа и левых загибов“.

Но Институт советского строительства и права не ограничивается этой задачей и совершенно правильно. „Одной из существеннейших задач ИССП на ближайший период,—читаем мы в его программе,—должно быть изучение особенностей советского строительства в национальных районах и форм национального объединения в Советском Союзе. Вся эта работа должна быть увязана с вопросом экономического районирования и национального размежевания“.

Действительно, никакую оболочку не выбирают так охотно анти-пролетарские формы движения в нашей стране, как националистическую. Фашизм недаром по форме националистическая теория. С другой стороны, ничем иным как отрывкой старых досоциалистических, т. е. попросту говоря, капиталистических и феодальных форм государственности, нельзя считать попытки планировать и районировать, не считаясь с национальными связями, т. е. совершенно выбрасывая из своего горизонта непосредственные интересы широких народных масс. С этими отрывками необходимо бороться так же немолимо, как и с прячущимся под национальной оболочкой фашизмом.

В составе учреждений Коммунистической академии специфическую функцию в этом направлении имеют комиссии национальная и по изучению вопросов краеведения. Первая из них ставит такие темы, как „Индустриализация национальных республик“, „Идеология националистической контрреволюции внутри и вне СССР“, „Национальные моменты в партийном строительстве“ и т. д. В ее организационной программе стоит созыв совещания по национальному вопросу. В издательской—серия сборников по национальному вопросу на темы: „Роза Люксембург“, „Сталин“, „Маркс и Энгельс“.

Вторая поставила своей задачей „установку систематической связи с краеведческими организациями союзных, автономных и национальных республик“ и „организацию краеведческих курсов главным образом для национальных республик и районов“, а в плоскости научно-исследовательской работы будет „вести исследование: а) наиболее значительных районов сплошной коллективизации, б) одного из крупнейших индустриальных строителей и в) национального района, имеющего выдающееся экономическое значение“.

Краеведение только тогда станет живым делом, когда оно будет опираться на непосредственный интерес к своему краю, к своему району, какой прорывается на каждом шагу. К кому из нас не приходят рабочие и крестьяне-середняки с просьбой помочь им в изучении прошлого той местности, откуда они вышли, ее естественных богатств и т. д.? Допустим, что в массе случаев все это носит ученический характер, что в массе случаев „открытия“ этих исследователей-самоучек—самообман и открыли они Америку, которая давно известна. Но в одном случае из десяти перед нами может оказаться действительно интересное начинание, действительно ценное открытие, до которого официальная наука академий и институтов не добралась бы и в десятки лет.

Это вовлечение масс в научно-исследовательскую работу, возбуждение в массах интереса к этой работе и составляет, несомненно, одну из основных задач марксистско-ленинских научных учреждений. И это могут сделать только они, ибо всякие другие научные учреждения, как показывает опыт, втягивают в краеведческую работу не массы, а только местную интеллигенцию, и то не молодую, а наиболее престарелую, которая под крышкой краеведения пыталась,—а иногда пытается, вероятно, и теперь,—продолжать старую работу губернских архивных комиссий.

Поставленная на надлежащую базу и крепко связанная с массами работа Коммунистической академии будет конечно всегда оставаться чисто теоретической работой. Мы, марксисты-теоретики, оставаясь в рамках тех задач, которые отводил теории Ленин, не можем сами непосредственно строить тракторы и создавать колхозы. Дело Комакадемии и ей подобных учреждений—помогать партии в деле проведения политики, которая ведет к постройке тракторов и к организации колхозов, которая ведет к торжеству пролетарской диктатуры не только к нашей стране, но и в целом ряде стран,—стран, где борьба за эту диктатуру не может вестись без теории, ибо „роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией“.

ПЛЕНУМ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ПРИ ЦИК СССР

17 июня 1930 г.

(Стенографический отчет)

В. П. Милютин.—Позвольте открыть заседание пленума Коммунистической академии. Есть ли какие-нибудь замечания к повестке дня? Первый доклад—отчет и перспективы работ Комакадемии—докладчик т. Покровский. Второй вопрос—выборы членов Комакадемии и третий—выборы президиума. Позвольте считать повестку дня утвержденной и приступить к первому вопросу. Слово для доклада предоставляется тов. Покровскому.

I

ДОКЛАД М. Н. ПОКРОВСКОГО

Товарищи, я смотрю на свой доклад как на некоторого рода введение к нашей беседе. Желательно было бы обменяться мнениями об итогах работы Комакадемии и о перспективах этой работы. Введение к этому обмену мнений я постараюсь сделать. Давать вам фактический доклад не нужно, во-первых, потому, что это было бы конечно очень скучно, а, во-вторых, потому, что вы его уже имеете: вам роздан бюллетень, и там имеется сжатый, правда, и сухой, но достаточный в фактическом смысле материал отчетного характера о деятельности Комакадемии, так что мне оставалось бы только повторять этот материал. Я буду считать, что этот материал известен, и в этом порядке действовать, в иных случаях комментируя этот материал и обращаясь к нему за справками.

Прежде всего необходимо все-таки сказать о таком беспримерном даже в летописях нашей Комакадемии факте, как то, что пленарное заседание, назначенное, если не ошибаюсь, на 29 ноября 1929 г., совпадает 17 июня 1930 г. Через 12 дней мы можем праздновать полугодовой юбилей назначения этого заседания. Этого отнюдь, товарищи, не следует рассматривать как простое проявление нашей небрежности и известной организационной слабости. Дело в том, что ноябрьский пленум не мог бы учесть целого ряда вопросов, с которыми мы теперь уже можем считаться как с определенным образом разрешенными вопросами и на основе этого разрешения строить

свои планы на будущее. Собраться 29 ноября—это значило бы прежде всего собраться накануне конференции аграрников-марксистов. Если конференция аграрников-марксистов в истории нашего идеологического развития вообще занимает место, может быть, аналогичное конференции историков-марксистов или второй конференции марксистско-ленинских учреждений, которая была фактически конференцией философов и естествовников, то в истории развития самой Академии это несомненно факт неизмеримо большего значения. Несомненно, как раз конференция аграрников-марксистов послужила переломным пунктом в истории Комакадемии. Она открыла нам глаза на многие стороны нашей работы, которых мы просто не замечали. И пленум, созванный до этого, от пленума, созванного после этого, должен отличаться чрезвычайно резко.

Второе—гораздо позднее ноября, только в конце января, встал вопрос о коренной реорганизации структуры как нашей Академии, так и соседних учреждений—Института красной профессуры и РАНИОНа. И опять-таки—собрал пленум до того как решена была эта реорганизация в принципе—мы не учли бы капитальнейших фактов. Только в мае этот вопрос получил окончательное разрешение. Вы видите, что хотя мы и потеряли 6 месяцев, но эта потеря была в известной степени неизбежной. Я бы просил это не ставить на счет нашего прегидиума. Вы увидите, что в моем докладе будет достаточно самокритики, но в этом пункте позвольте начать с маленькой самозащиты.

Как всегда, разрешите дать некоторые сведения относительно нашей материальной базы. Для материалиста совершенно обязательно учитывать материальную базу. Тут мы имеем прежде всего колоссальное развертывание объема работ Комакадемии. В нее в течение этого года влилось учреждений больше, чем в ней было до сих пор, в особенности, если считать те учреждения, влитие которых в принципе решено было еще в прошлом году—до прошлого пленума,—но которые фактически влились в состав Академии только в течение этого года. Я имею в виду Философский и Исторический институты. Если их присоединить, то, повторю, количество учреждений, которые вошли в нашу Академию в этом году, больше того, которое было в ней раньше. По линии естественных и точных наук к нам вошел огромный Институт имени Тимирязева, который по объему равняется нашей Секции естественных и точных наук, а по количеству сотрудников даже больше ее. Он имеет 106 человек сотрудников. Такого количества у нас в старой Секции естественных и точных наук не было. К нам вошел Институт мовга НКЗдрава, вошел Институт генетики минералов, вошел Бюмузей,—очень большое, жизнеспособное учреждение. По линии экономики вошел Институт экономики РАНИОНа. Затем по линии литературы и искусства нам дали часть ГАХНа, целиком Институт литературы и искусства РАНИОНа, и встал на очередь вопрос о влитии к нам Института археологии и искусствознания того же РАНИОНа. По линии национальной к нам вошел Институт этнических культур народов Востока (*Голос*:—«Еще не вошел»). По крайней мере, стал вопрос об этом. Так или иначе—или в форме Института колониальных исследований, или в форме Института истории Востока—нам что-то придется в своем составе создать. Таким образом, наша Комакадемия получила за это время целый ряд новых и крупных учреждений. Я уже не говорю о том, что она за это время получила большую аспирантуру,—как вы сейчас увидите, эту

аспирантуру я выделяю в наших материальных расчетах,—и что она ведет огромное строительство.

К нам за это время влился ЛИМ—Ленинградский институт марксизма—очень крупное учреждение, в нашей республике, в РСФСР, крупнейшее после самой Коммунистической академии. Так что, видите, выросли мы в грандиозных размерах. Я считаю, что по объему работ та Коммунистическая академия, которая есть сейчас, учитывая Философский и Исторический институты и Военную секцию,—я ее забыл упомянуть, но она образовалась как раз в течение этого периода,—Общество педагогов-марксистов,—учитывая все это, работа Коммунистической академии выросла приблизительно в три раза сравнительно с тем, чем она была до включения Философского института, Исторического и всего, что за этим последовало. Это вызывает, естественным образом, усиление нашей материальной базы, усиление, как вы увидите, очень серьезное. Мы имеем, если выкинуть аспирантуру и строительство,—на аспирантуру нам придется израсходовать около 3 млн., на строительство мы испрашиваем около 4—4½ млн.,—в текущем году около 800 тыс. руб. и испрашиваем на будущий год, с благословения соответствующих инстанций, около 5 млн. р. Совершенно естественно, товарищи, поскольку от нас требуется чрезвычайно интенсивная, развернутая работа,—я буду об этом дальше говорить,—работа, по своему темпу далеко превосходящая все темпы, которые мы видели до сих пор в нашей работе, поскольку мы должны привлечь прямо, в качестве штатных единиц, или косвенно, в качестве временных научных сотрудников, гораздо большее количество людей, то совершенно естественно считать, что работа каждой единицы, вошедшей в состав Комакадемии, увеличивается в 2 раза. Это очень скромный расчет. А так как объем увеличился в 3 раза, то, помножая одно на другое, получается рост в 6 раз, что мы и испрашиваем. Причем я должен сказать, что если нам дадут меньше, чем втрое больше того, что нам было дано в прошлом году, это будет прямо означать свертывание нашей работы, потому что в три раза наша работа увеличилась просто по объему, не считаясь ни с какими темпами, и т. д. Вот относительно нашей материальной базы. Общая цифра, которую мы сейчас имеем в качестве проекта сметы на 1930/31 г., по-моему, около 12—12½ млн. р. Но это—включая и строительство, строительство совершенно нам необходимое, с одной стороны, включая, с другой стороны, расходы на аспирантуру. Этот вал помнит очень хорошо, стены его во всяком случае помнят, как мы года три тому назад спорили о том, нужна ли и возможна ли в Комакадемии аспирантура. Сейчас аспирантура, т. е. подготовка кадров, есть уже нечто само собой разумеющееся, об этом не приходится говорить.

Таковы материальные ресурсы, которыми мы располагали в текущем году и на которые мы имеем основание рассчитывать в будущем,—хотя я очень предостерегаю товарищей от чрезмерного в этом отношении оптимизма. У нас были случаи, что нашу смету урезывали даже тогда, когда она прошла уже все инстанции, кроме сессии ЦИКа. Бюджетная Комиссия перед сессией ЦИКа срезывала у нас известную сумму. А пока мы прошли только самые нижние ступеньки лестницы, а именно—финотдел ЦИКа и Ученый комитет. Так что те цифры, которые я вам сообщаю как цифры будущего,—это то, что согласился отстаивать Финотдел ЦИКа. Это, конечно, уже известная санкция, но тем не менее твердо рассчитывать на то, что нам

дадут эти 12 млн. р., не приходится. Но приблизительно в цифрах этого порядка мыслится наше материальное будущее.

Одно маленькое замечание. Чрезвычайно узким местом у нас являются заграничные командировки. Я совершенно отказываюсь понять логику Наркомфина, который нам в этом году отпустил на научные командировки 2 500 руб., т. е. дал Комакадемии, просто напроsto говоря, 2 научные командировки. Две научных командировки учреждению, которое имеет, приблизительно, 300 научных сотрудников! В силу каких оснований из 150 научных работников Комакадемии только одно лицо может поехать за границу—я этого не понимаю. На это узкое место приходится обратить внимание пленума, и в частности хорошо будет, если пленум даст поручение будущему президиуму настаивать, чтобы по этой линии нам были, наконец, даны кредиты, хотя бы такие, какими пользуется Академия наук.

Теперь позволите перейти к другой материальной базе, где уже не столько большое значение имеют количественные показатели, сколько качественные, хотя количество тут выражает качество. Это наша людская база. Относительно наших кадров. У нас всего, как я сказал, было 300, точнее говоря, 298 научных сотрудников всяких категорий. Нам нужно, конечно, гораздо больше. В этом году, если не ошибаюсь, нам нужно подойти приблизительно к цифре 600. Сейчас у нас это совершенно совпадает с тем ростом Академии, о котором я вам уже говорил.

Каков состав этой группы в 300 человек? Я не знаю, вы к счастью не видели этого документа, и у вас нет того странного раздумья, которое у меня появилось, когда я узнал, что двое из руководящего персонала Комакадемии не выяснены в партийном отношении. Как руководящий состав мог не быть выяснен по партийной принадлежности, так сразу не поймешь. Но дело очень простое. Сюда включены те учреждения, которые вошли к нам буквально в последнюю минуту. Это Институт мовга, о котором я рассказывал, Лаборатория генетики минералов и Биомузей. Просто напроsto они еще не успели доставить сведения. Так что не выяснены, а не получены сведения об этих институтах, и поэтому неясна партийная принадлежность ее членов.

Если мы возьмем с точки зрения партийной принадлежности всех остальных выясненных, то мы получим опрокинутую пирамиду, опрокинутую в смысле партийности.

Среди руководящего персонала, конечно, подавляющее большинство партийцев, хотя все-таки далеко не все—34 партийца и 2 беспартийных. Среди старших научных работников мы имеем равенство—83 и 82, 81—партийных и 2 кандидата, т. е. 83 и 82 беспартийных. Но среди младших научных сотрудников мы имеем всего 28 партийцев и 42 беспартийных. Как видите, опрокинутая в смысле партийности пирамида: верхушка партийная более или менее вся, правда, еще не совсем вся, это объясняется наличием у нас таких институтов, как Институт высшей нервной деятельности, для которого, конечно, трудно найти специалистов-партийцев; старшие научные сотрудники коммунизированы на 50%, младшие—только на 1/3. Нормальное это положение или нет? Думаю, что совершенно ненормальное. Ненормальное постольку, поскольку мы знаем по опыту, что именно среди молодежи найти достаточное количество партийцев—научных работников—вполне возможно. И даже такие, я очень извиняюсь перед отсутствующими (хотя отчасти они здесь и присутствуют), такие слабые учреждения, как РАНИОН, добились среди своих

аспирантов при приеме 80% партийцев, а Комакадемия среди младших научных работников, среди младшего научного состава имеет 2/3 беспартийных.

Вот вам первое слабое место, на которое мы наткнемся.

Так вот первая самокритика начинается с того, что совершенно неудовлетворителен в смысле партийности наш теперешний состав. Он неудовлетворителен и в социальном отношении, поскольку рабочих и детей рабочих у нас очень мало. Я извиняюсь, я приведу одну цифру, — я погубил себя уже однажды одной цифрой, но мне на роду, очевидно, написано себя губить. Рабочих и детей рабочих у нас 17 человек, а «прочих» — 50. Что это за «прочие»? Как видите, несколько неудобное положение. Но я должен сказать, товарищи, что с этой неприятностью справиться неизмеримо труднее, чем найти научных работников партийцев среди молодежи. Повторяю, найти научных работников среди партийцев, молодых партийцев, дело сравнительно легкое. Что же касается орабочивания состава наших учреждений, то я приведу только одну цифру. ИКП, которому съездом партии была поставлена специальная задача — орабочивание состава, создал для этого специальное подготовительное отделение для рабочих. И вот за 4 года деятельности это подготовительное отделение довело % рабочих в ИКП только до 50. У нас нет и 50. Как я уже говорил об этом, в различных учреждениях, вплоть до очень высоких, здесь несомненную роль играет наше неумение учить рабочих, наше неумение подходить к рабочей аудитории. Для Комакадемии тут очень грустным симптомом является то, что мы вообще рабочей аудитории у себя не имеем. Мы почти не выступаем перед широкой аудиторией, мы беседуем исключительно с активом, причем больше с научным, нежели с рабочим. И на это обстоятельство мы должны обратить внимание, поскольку в этом отношении нами сделано сравнительно еще очень мало. Я в Институте красной профессуры поднимал неоднократно вопрос об образовании специального методического клуба или методического кружка, где прорабатывались бы приемы преподавания. Я как ректор ИКП указывал на то, что нам совершенно необходимо иметь такого рода методический клуб, знать, с кем мы разговариваем, научить работе над книгой. Но нужно сказать, что мы до этого еще не дошли. Мы над этим должны еще работать. Мы не можем требовать от рабочего, чтобы он читал по 8 тыс. страниц. Это ни с каких точек зрения не нужно. Я думаю, что если вас — специалистов — спросят, что у нас напечатано на такой-то странице нашей научной работы, спросят, что напечатано у меня на такой-то странице «Русской истории с древнейших времен», то я не выдержу экзамена. Это совсем никому ни зачем не нужно. В то же время, когда вы рабочему даете конкретный материал, когда вы ему даете, скажем, архив фабрик и заводов, то он отлично разбирается. Это относится не к одной истории, а решительно ко всему. Дайте настоящий конкретный материал, и вам молодой пролетарий проработает его, хорошо проработает. А если вы его заставите зубрить без конца, у него получается оскомина, тоска, он это оставляет, и ничего не выходит. В этом отношении нам нужно будет принять меры, но эти меры гораздо более сложные и серьезные, нежели простое коммунизирование аппарата, научного аппарата, которое сравнительно очень легко. Эта задача сравнительно легкая, а задача орабочивания научного аппарата, это задача трудная. Если первая задача может быть разрешена почти сразу, то вторая задача может быть разрешена на протяжении пятилетки, но она может быть и должна быть разрешена.

Затем, не совсем благоприятен и состав наших научных сотрудников по специальности. Я уже вам сказал, что наш казовой конец, наш фасад, наш бель-этаж, как хотите назовите, это экономический сектор. Это то место, которое должно стоять в центре всей нашей работы, по которому о нас судят и продукция которого очень важна. Между тем у нас распределение работников таково: экономистов — 52, историков — 101, естественных и точных наук — 105, философов — всего 18 человек. Но философия очень «трудоемкая» наука. Там один человек может сделать чрезвычайно много. Что у нас по литературе мало народов, это объясняется тем, что литературный сектор у нас возник совсем недавно. И теперь там больше гораздо, чем помечено у меня. Но то, что у нас экономистов 52, а историков-социологов — 101 (потому что историю, право и советское строительство легко можно объединить под рубрикой «социологии»), это заставляет вспомнить ставшее крылатым выражение одного товарища, что пора историков перевести в экономистов. Совершенно понятно, что положение с экономическим сектором ненормально.

Что касается наших аспирантов, то тут положение немножко лучше. Тут рабочих 20%, а рабочих и крестьян — даже 50% и около 80% коммунистов, считая и кандидатов и комсомольцев. Так что тут приблизительно такое соотношение партийных и социальных сил, какое мы имеем в РАНИОНе. Опять таки не желая никого обвинить, я обращаю ваше внимание на то, что РАНИОН — одно из слабых учреждений, и это слабое учреждение добилося таких же результатов, каких добилася Коммунистическая академия. Тут я имею целый план развертывания научных кадров в порядке пятилетки. Я не буду его излагать, я буду говорить больше о настоящем и прошлом, тем не менее теоретически мы это узкое место преодолели. Есть подробный план, как это сделать. Здесь у нас в нашей материальной базе, поскольку речь идет о людях — не вполне благополучно.

Я нарочно обостряю положение в сторону самокритики, потому что должны же мы совершенно отчетливо отнестись к тому, что у нас имеется.

Теперь относительно самого содержания работы нашей — это вторая часть моего доклада. Третья часть — это освещение той реорганизации, о которой я заговорил в самом начале и по отношению к которой пленум должен как-то высказаться.

Относительно самой работы. Что касается экономического сектора, то тут, несомненно, наиболее работоспособными, сильными учреждениями были Институт мирового хозяйства и мировой политики.

Ин-т мир. хов. и мир. политики, надо сказать, только теперь стал существовать, — не в течение последнего года, а приблизительно в течение двух-трех последних лет. Раньше это было больше теоретическое обозначение, нежели действительно систематически работающее учреждение. Сейчас в лице Ин-та мир. хов-ва и мир. политики мы имеем крупное, хотя и не мирового значения, учреждение, — нам слишком еще далеко до этого, слишком мы слабы и людьми и материальными средствами для того, чтобы образовывать учреждение мирового значения. Что мы слабы людьми, тут играет роль то, как жалуются т. Варга, что трудно очень найти молодых людей, которые знают иностранные языки, а согласитесь, что заниматься мировой политикой, зная только русский язык, трудно. Так что тут есть известные затруднения, с которыми мы со временем справимся, но которые сейчас мешают развертыванию нашей работы. Но тем не менее Ин-т мир. хов. и мир. политики может похвастаться достижениями.

Во-первых, он провел очень содержательную, опубликованную уже дискуссию по вопросу об организованном капитализме. Мне кажется, что тот, кто бывал в Зап. Европе и наблюдал вочию, читал изо дня в день газеты, разговаривал с людьми и наблюдал, что на этом фронте происходит, тот убеждался, какая горькая ирония над буржуазным миром имеется в теории организованного капитализма. Буржуазия должна быть обижена этим, как самым жестоким издевательством, потому что, действительно, никогда она не была в более деорганизованном состоянии, чем сейчас. И то, что было перед мировой войной, прямо должно представляться, как золотой век,—и представляется некоторым писателям. Хаос, величайший хаос, который вскрыт только тем грандиозным кризисом, о котором вы читаете каждый день, но который набопаялся и до этого кризиса и который выражается не только в крупных цифрах и равных вещах, которыми занимаются статистики, экономисты и прочие ученые мужи, но который начинает чувствоваться уже в чисто бытовой области.

Германское ж.-д. хозяйство было всегда образцовым, все любовались на германское ж.-д. хозяйство, а теперь это германское ж.-д. хозяйство пускает под откос международные экспрессы. Вы знаете, как берегут международный экспресс, как с ним цацкаются, как с ним носят. У нас дальневосточный экспресс Столбцы-Манчжурия представляет самую четкую работу НКПС,—большой четкости работы у нас нет. Наш внутренний экспресс Москва-Севастополь, который отстает каждый день на три часа,—это несравнимая с ним вещь. А немцы пускают под откос международный экспресс, т. е. поворят свое ж.-д. хозяйство перед всем миром, причем вскрывается, что случилось это вследствие величайшей небрежности, за которую у нас сейчас засудили бы, сняли бы,—случилось это потому, что дан был ложный сигнал, дан был фальшивый сигнал, вследствие чего слетел под откос международный экспресс, связывающий Варшаву и Париж,—двух германских врагов, которые только и ждут, чтобы иметь возможность к чему-нибудь придраться.

(Голос с места: «Может быть потому и пустили под откос?») Ничего подобного. Они страшно дорожат своей репутацией и были страшно смущены этим. И это не единственный случай. В Германии ж.-д. крушения происходят так часто, что садясь в немецкий поезд, вы испытываете некоторую жуткость. При мне в течение одного месяца было три крушения на линии Берлин—Мюнхен, каждый раз с десятками убитых и раненых. После третьего из этих крушений Гинденбург счел нужным послать специальную телеграмму ободрения и утешения, потому что местные жители были в панике—что такое?—третий раз поезд летит с рельс.

Я привожу эти маленькие факты, которых ученые мужи не знают, чтобы показать, как в мелочах деорганизуется капиталистическое хозяйство, и если бы я был немецким буржуа, я эту постановку—теорию организованного капитализма—понял бы так, что надо мною издеваются. Какая организация? Деорганизация происходит! Можно ли говорить о крушении или только о начале развала, как говорит наша революция, вслед за революцией Коминтерна—это вопрос оценки. Очень может быть, что я, глядя под политическим углом, преувеличил, что можно говорить о начале развала, но начало развала капитализма и организованность капитализма—эти два понятия друг друга исключают.

Чрезвычайно кстати была эта дискуссия, которую провел Институт мирового хозяйства и мировой политики по поводу организованного капитализма.

Чрезвычайно кстати предпринята им большая работа, которая уже распределена по томам, и, кажется, первый том готов—работа, изучающая американский капитализм последних лет. Конечно, если где изучать капитализм, то именно на примере Америки. Если к этому прибавить журнал—«Мировое хозяйство и мировая политика», который выходит в 4 тыс. экз., т. е. стоит по тиражу на одном из почетных мест среди других наших журналов—журнал «Историк-Марксист» выходит в количестве 3½ тыс. экз.,—то мы увидим, что этот участок нашего экономического сектора в хорошем сравнительно состоянии. Но и о нем можно сказать очень много укоризненного, хотя бы, напр., то, что наш Институт мирового хозяйства и мировой политики совершенно не учитывал до сих пор, или мало учитывал, то эхо нашей социалистической реконструкции, которое равняется теперь по всему миру и которое дает в качестве отложения—целый ряд интереснейших статей в буржуазных газетах, написанных необыкновенно злобно с пожеланием нам всех черт и вех в зубы. Я вспоминаю статью Пауля Шеффера относительно пятилетки, где он говорил: «Если это удастся—это будет окончательное решение вопроса о превосходстве социалистических методов хозяйства над капиталистическими». Пятилетка нам теперь удастся, а он имел неосторожность написать такую штуку. Он был уверен, что не удастся. Статей таких много. Нет ни одной крупной газеты за границей, которая бы ни занималась этим вопросом—в Англии, Германии и даже во Франции. Всюду это есть. Наш Институт мирового хозяйства и мировой политики учета этому голосу врага не ведет, а вести следовало бы. Это интересно, как реагирует буржуазный мир на нашу социалистическую реконструкцию. У Института мирового хозяйства есть, конечно, слабые стороны, не приходится их скрывать; но все же надо сказать, что в экономическом секторе, по моим личным наблюдениям, это одна из самых сильных частей.

Теперь об Аграрном институте. Тут прежде всего приходится столкнуться вот с каким фактом: этот Аграрный институт населен так мало, что своей малой населенностью компрометирует все остальные институты. Когда Институт истории запросил 44 единицы и благодаря энергии тов. Горина получил их, я говорил: как же? у них в Аграрном институте—18, а вы хотите 44? Неужели вам поверят, что история важнее, чем аграрный вопрос в нашей стране? Ведь у нас не только для 44, а для 64 человек работа найдется. Но и там, очевидно, нет работников, нет реальных людей в большем количестве, чем 18 человек,—меня поправит т. Крицман, если я ошибаюсь,—во всяком случае заполнить эти узкие кадры оказалось крайне трудно. Это прежде всего поражает: громадный вопрос во всех смыслах, по степени актуальности, важности и просто по объему—и маленькая кучка людей, которые этим вопросом заняты. Это, несомненно, диспропорция. Тут, конечно, в значительной степени виноват ИКП, будем говорить откровенно, который должен был открыть аграрную секцию или аграрное отделение давным-давно, но открыл его только сравнительно совсем недавно и в чрезвычайно скромных размерах. Благодаря этому у нас специалистов аграрников не было.

Я не буду повторять слова т. Сталина,—вы знаете, как он охарактеризовал работу наших аграрников, и по-моему это была святая истина,—я даже могу похвастаться, что кое-что из этого в порядке частных писем я писал несколько раньше, потому что действительно у всякого человека, который наблюдает эту картину, получалось такое впечатление, что люди, если

правду сказать, живут вчерашним днем, отстают от темпа социалистического строительства, примерно, на год, на два. Это положение, конечно, тесно связано с той диспропорцией, которую я назвал в самом начале—крайне малым количеством работников и огромными задачами. Но это—факт, который все-таки остается, из которого приходится вылезать и из которого следует, что нам нужно в чрезвычайно экстренном порядке создать кадры экономистов-аграрников и в чрезвычайно спешном порядке пересмотреть всю нашу работу, выдвинуть на первый план те моменты, которые сопрягаются именно с социалистической реконструкцией, с тем, что особенно нужно сейчас, в данную минуту, оставив работу, очень, может быть, академически интересную и очень важную, но которая в конце концов может и потерпеть.

Наконец,—вопрос об экономической теории. Тут дело обстоит совсем плохо, этого не приходится скрывать. Я надеюсь, что товарищи экономисты выступят и меня покроют. Крупнейшая теоретическая дискуссия, какая разыгралась в последнее время, прошла совершенно неорганизованно и прошла совершенно мимо нас,—это дискуссия в Институте красной профессуры. Мы, в конце концов, даже не могли сказать, нужна эта дискуссия или нет, и выступили буквально в самый последний час, как думают некоторые товарищи, довольно удачно. В то время как все поезда уже давно ушли и некоторые достигли своего назначения, в этот момент мы появились на вокзале с красным флагом. Согласитесь сами, товарищи, что эта картина чрезвычайно печальная.

Почему это было? Отчасти потому, что у нас в области экономической теории не удалось сложиться то, что удалось сложиться в области философии и в области истории. В области философии и в области истории у нас есть школы. Эти школы, конечно, страдают всеми смертными грехами. Несомненно, эти школы подлежат самокритике и исправлению в целом ряде случаев (по части истории я сам принимаю участие в этом исправлении), ибо никогда не было моим догматом, что неподвижность есть дело хорошее и что если я 10 лет тому назад что-то сказал, то все, как попугаи, должны это повторять 110 лет. Никогда на такой точке зрения я не стоял. То, что я сказал 10 лет тому назад, сейчас, при новой ситуации, при изменившемся знакомстве с фактами (мы же—историки—зависим от материала, который у нас есть, мы же не можем выдумать из головы материал, мы опираемся на те факты, которые нам доступны, и знакомство с этими фактами меняется, это не есть постоянная величина) может измениться. Сейчас я по целому ряду вопросов не знаю того, что я буду знать через 5 лет. Сообразно с этим не меняются наши методы, не меняются наши научные принципы, но меняются наши отдельные конструкции по целому ряду детальных, но иногда очень важных вопросов, и будут меняться. Так что бить нас всегда можно, но когда по нас бьют, то под кулак попадает твердое место. Может быть, в конце концов под ударом кулака место, по которому бьют, развалится, но все-таки на кулаке останется порядочная шишка. А когда кулаком попадают в экономическую теорию, то попадают в кашу. Отдельные товарищи экономисты выступают каждый со своей теорией. И когда считаешь со стороны дискуссии, то, что печатается на страницах «Большевика» и «Правды», то получаешь впечатление, что все они кругом виноваты, все уклоняются, одни вправо, другие влево, одни вперед, другие назад. Тогда как возьмите вы тот же Институт философии—совершенно определенная линия. Одни бьют других, те дают сдачу, но совершенно определенная линия. Возьмите историю,—опять-таки

совершенно определенные две линии. Тут же никакой определенной линии нет, и в результате получается: та дискуссия, которая имела место в ИКП, правильно была названа т. Сталиным талмудической, — слово, которое, вероятно, никто кроме него не решился бы употребить, меткое слово, потому что действительно это были словопрения, споры о словах. Конечно, не в целом, как меня опять поправят, но в значительной степени это были споры о словах. Почему? Потому что нет твердого реального базиса, на котором можно было бы строить у нас серьезную большую дискуссию. Конечно, создание школы—это не есть такое дело, которое можно совершить в один день, это по-моему труднее, чем даже обработать состав наших научных сотрудников. Безусловно, это трудное дело. Но чтобы школа была и чтобы была твердая школа—это дело Комакадемии. Только тогда, когда мы этого достигнем, к нам станут относиться действительно серьезно. Пока мы этого не сделали, какой бы успех мы ни имели по линии истории, литературы, философии, естественных наук—к нам будут относиться с прохладцей, потому что центр всех центров в настоящий момент—это экономия.

Теперь, товарищи, позвольте перейти к другому институту, о котором тоже мне придется говорить достаточно, к Историческому институту. Позвольте тут мне заняться самокритикой в самом подлинном смысле этого слова. Мы очень гордимся тем, что Исторический институт сломал нелепые рубрики Иловайского, по которым жила вся наша университетская профессура, до коммунистов включительно, до сих пор. Нет знаменитых древней, средней и новой истории, которых ни один мудрец не сумеет отличить одну от другой по какому-нибудь серьезному научному признаку. Мы положили в основу разделения нашей работы формации Маркса, мы имеем докапиталистические формации, затем капиталистическую формацию,—причем тоже, конечно, с подразделением по степени важности,—мы выделили специально эпоху империалистической войны, монополистический капитализм и отдельно эпоху промышленного капитализма. Так что мы имеем схему—материалистическую, марксистскую, а не старую схему Иловайского. Совершив этот подвиг, мы на этом малую толику успокоились.

Я не скажу, чтобы дальше в течение истекшего года мы много совершили подвигов. Работа у нас, конечно, ведется и партийцами, но в социологической секции или в секции докапиталистических формаций она ведется почти исключительно беспартийными, по промышленной секции в значительной степени тоже беспартийными, по секции эпохи империализма она ведется партийцами, но ведется она крайне односторонне, разрабатывается история германской с.-д.—интегральная часть эпохи империализма, история центральной партии II Интернационала. Несомненно, без ее анализа нельзя обойтись, но этим нельзя ограничиться. Подготавливается у нас издание мирового значения—издание документов империалистической войны. Только что мы заключили договор с немцами, которые публикуют эти документы и распространяют их во всем мире. Мы не могли бы этого сделать, потому что у нас нет литературных конвенций, с кем следует. Мы свое издание сдаем немцам, которые, между прочим, остались чрезвычайно довольны четкостью нашей работы. Один из них выразился так, что «теперь он видит, что когда большевики хотят работать четко, они работают». В некоторых случаях, очевидно, они не хотят работать четко, вероятно, для того, чтобы не доставить лишнего удовольствия германской буржуазии. Мы уже подготовили 5 томов, больше даже, чем может охватить немецкая продукция, и немцы запросили пардона

и потребовали от нас отсрочки для перевода этих 5 томов. Не благодаря нам, а благодаря нашим немецким контрагентам они выйдут медленнее, чем мы выпустили бы их, так как мы обязаны по контракту выпускать в один день с немцами, точь в точь.

В этой работе принимает какое-нибудь участие Исторический институт? Как вам сказать? Постольку, поскольку директор Института истории является председателем Комиссии по изданию документов империалистической войны. Но это, так сказать, персональная уния, это нечто вроде того, что индусы хотят предложить Англии: Георг V—король Англии—пусть он будет императором Индии, если захочет, но пусть Индия будет самостоятельна. Здесь в этой области необходима коллективная научная работа. Эти документы не только нужно собирать и издавать, но их нужно комментировать и притом комментировать не только в самом издании, но комментировать в печати и т. д. Это пока не делается. Когда это будет делаться, я не знаю, но пока этого не делается, Институт истории к этой работе не прикасается. Пока во всяком случае сектор эпохи империалистической войны в Историческом институте заселен только на одной окраине—это на германской с.-д. Это единственное заселенное место. Дальше идут только пески. Орошение этих песков—и организация на них настоящего научного хозяйства—это наша первоочередная задача. Это третий крупный институт—Исторический институт.

Что касается новорожденного Института литературы и искусствоведения, то я считаю, что он отметил свое появление на свет очень хорошо, организовав дискуссию о теории В. Ф. Переверзева. Я очень извиняюсь перед В. Ф., если он здесь присутствует, но приходится это сказать. Так или иначе, какое-то наше авторитетное учреждение должно было что-то сказать об этой теории. Это было необходимо, ибо эта теория заражала не только нашу научную литературу (она читается ограниченным кругом), но она врастала чрезвычайно глубоко, пускала чрезвычайно глубокие корни в нашу учебную литературу. Учебники по истории литературы стали строить по Переверзеву. Наши соответствующие учреждения, вроде Государственного ученого совета, были в крайнем затруднении, они не знали, что им делать. Пропускать эту вещь, казавшуюся им антимарксистской, нельзя, но на ней стоял штамп нашего авторитетнейшего научного учреждения, а между тем, по моему личному мнению,—я, конечно, небольшой в этом отношении специалист,—это не марксистская теория. Она не дает того, что должна дать каждая теория—она не дает объяснения фактов. Я прошу всех, кто читал статью Переверзева о Гоголе, которая напечатана в БСЭ, объяснить на основании этой статьи, почему Гоголь был великим писателем. Я никак не могу этого объяснить. Там великолепно изображено, как Гоголь вышел из мелкопоместной среды. Там очень талантливо это изображено. Но неужели достаточно выйти из мелкопоместной среды для того, чтобы стать великим писателем? Конечно, нет. А между тем, кроме этого, ничего другого там нет. Так что, очевидно, эта школа неправильная. И я считаю, что наш новорожденный Институт литературы и искусствоведения блестяще ознаменовал свое вступление в свет, организовав эту дискуссию и проведя ее чрезвычайно энергично в течение восьми вечеров.

Я не буду много говорить о такой чрезвычайно важной нашей секции, как Военная секция. Я не буду говорить о ней просто потому, что ее специфическая работа потребовала бы большого отступления с моей стороны.

Я уже указывал на то, какое значение имеет для нас надвигающаяся война и научный учет всех возможностей, которые с нею связаны, в том числе и возможностей стратегических и технических; это с одной стороны; а с другой—и приближающиеся вооруженные бои пролетариата и буржуазии, уже в плоскости гражданской войны. Эту сторону дела приходится изучать чрезвычайно внимательно. Повторяю, я не буду останавливаться на конкретных подробностях, может быть, кто-нибудь из товарищей выступит в прениях и это скажет. Я считаю чрезвычайно важной в ряде других нашу Военную секцию.

Я все наши секции и комиссии не исчерпал, не исчерпал даже всех институтов, но известный пробел тут неизбежен. Я уже в самом начале предупредил, что конкретный материал разослан товарищам перед заседанием. Поэтому я не собираюсь сообщать фактических сведений.

Я считаю чрезвычайно важной комиссию антирелигиозную, или как, если не ошибаюсь, она официально называется, Комиссию по истории религии. Это чрезвычайно важное наше начинание. Мы ведь—центр материалистической диалектики. Этот центр материалистической диалектики до последнего времени не имел никакого лица, обращенного в сторону религиозной проблемы, и ничего не делал для этой проблемы. Так вот наша комиссия занимается очень широким делом. Она изучает религиозные настроения среди московского, если не ошибаюсь, пролетариата. Разослали 12 тыс. анкет. Получили 3 тыс. ответов. Это, несомненно, важное и нужное занятие. Но, по-моему, от Комкадемии наши антирелигиозники ждут другого. Они ждут, что она подведет известную теоретическую базу под их работу, теоретическую базу, которая, по-моему, чрезвычайно важна.

Наша антирелигиозная литература—это исключительно агитационная литература, и в этой агитационной литературе перемешивается борьба против религии, как таковой, как мировоззрения, с борьбой просто против православия. Ведь очень остро бороться против церкви и попов могут весьма религиозные люди. Я вам напомню одно место из знаменитого произведения религиозной литературы «Путешествие пилигрима». Это одна из блестящих вещей мистической литературы. Вспомните эту сцену, когда Беньян упал на землю в ярости и ужасе при виде «великого идола», которому принесено в жертву столько людей. Этим идолом был Ноттингемский собор. Это глубоко верующий человек, мистик, но он ненавидел всей силой ненависти английскую поповщину. Можно ненавидеть самой глубокой ненавистью православного попа, вплоть до того, чтобы сделать из его кишочек петлю для последнего короля, как в известном афоризме сказано, и в то же время быть мистиком. Не в этом суть дела. А между тем, наши антирелигиозники с большой агитационной силой бьют по определенным религиозным верованиям, тогда как нужно вырвать с корнем религиозное мировоззрение. Нам нужна теоретическая база, нам нужна увязка этой борьбы агитационной с известными основами материалистической диалектики, и это, по-моему, наша религиозная комиссия делает в малой степени. А комиссия эта одна из самых важных, из основных.

Я вижу, что мое вступление чрезвычайно затягивается: поэтому разрешите мне коротко остановиться на Институте философии, работа которого также немаложко отстает от действительности. Правда, философский анализ правого уклона он дал, но тем не менее, старая борьба, очень конечно важная борьба, с механистами над ним довлеет, по-моему, в достаточной степени, и, например, философского анализа левого уклона, он не дал, с идеологическим обоснованием левого уклона надлежащей борьбы Институт философии до сих пор не вел. Одну выго-

ную сторону Института философии составляет то, что он лучше связывается с массами, чем кто бы то ни было у нас. Достаточно сказать, что он поставил около 20 докладов в провинции, чего никто из нас не догадался сделать, чего не делает секция естественных и точных наук, которой следовало бы этим заняться в первую голову.

О наших естественных институтах я не говорю потому, что я сам не естествовед и, может быть, неясно себе представляю их работу, но думаю, что по части этой пропаганды они могли бы непосредственно действовать очень широко. Прекрасно было начинание Института высшей нервной деятельности—эта фильма «Работа головного мозга», по этому пути следовало бы идти, но, кажется, на этой фильме все застыло. Затем антирелигиозная комиссия не может обойтись без естествоведки. И вообще пропаганда естествознания—это задача даже, если хотите, не менее важная,—да не обвиняет меня в механизме, — нежелание пропаганда диалектического материализма, потому что диалектический материализм ухватывает только верхушку рабочего класса, правда, довольно глубоко вниз идущую верхушку,—меня сейчас возит шофер, который чрезвычайно увлекается т. Дебориным, читает его труды и постоянно с его книжкой я его вижу, когда он меня дожидается, так что это увлечение идет очень глубоко,—это очень хорошо, но естествознание может захватить еще более широкие массы, гораздо более широкие.

Наконец, последнее в области наших достижений—это Педагогическое общество. Педагогическое общество, и несомненно имеющийся в его лице зачаток педагогической секции или педагогического института в стенах Академии—это следовало давным-давно сделать. Курьезнейшая вещь. В области марксистской педагогики мы завоевали себе мировую позицию в самом буквальном смысле этого слова. Нигде, ни в одной стране земного шара не ведется такая широкая и такая систематическая разработка марксистской педагогической теории, как у нас. Мы являемся образцом, прообразом для всех народов и всех стран, которые вступают на наш путь. Этому совершенству педагогической теории отвечает некоторая практическая слабость. Я не стану скрывать—у нас лучше пишут и говорят о педагогике, чем ее делают. Но это уже не «наше» дело. Мы живем в области теоретических вопросов. Это дело Наркомпроса, и Наркомпросу с этим приходится считаться. Но в области теории мы стоим чрезвычайно высоко. Но где стоим? Не в Академии, а в разных учреждениях, которые собственно являются импровизированными для этого типа работ, в таких учреждениях, как педагогическая секция Государственного ученого совета. Следовательно, надо приветствовать тот факт, что в лице педагогического общества у нас образуется в Академии совершенно необходимая ей организация.

Позвольте на этом историю кончить. Я говорю уже больше часа, но позвольте еще занять вас минут на 20 перспективами. Мы собрались сюда не только для того, чтобы дать отчет о прошлом, но и чтобы заглянуть в будущее, а будущее рисуется на основании данного анализа прошлого в образе чрезвычайно энергичном, в чрезвычайно быстрых темпах, в настоящих революционных темпах напряженной теоретической работы. Для этой напряженной теоретической работы нужна какая-то организация. Я спрашиваю, годится ли организация, которая существует сейчас, для этого? В чем выражается работа Комакадемии сейчас? В бесчисленном количестве заседаний. И заседания—это пуховая перина, в которую уходят все удары. Заседать можно без конца. В настоящее время объявлен форменный поход против

заседательства. Стараются всячески сократить заседание. Указаны определенные дни месяца, в которые заседать нельзя, в которые заседать воспрещено. Но, конечно, одним запретом, голым запретом многого не возьмешь. Надо придумать организационные рамки, которые перенесли бы центр тяжести с заседания, с неорганизованного, стихийного и непрерывного заседания, перенесли бы центр тяжести на настоящую, действительно научно-исследовательскую работу. Что для этого нужно? Прежде всего для этого нужны материальные средства и люди. Это верно—людей нам мало дают. Нам из 80 человек последнего выпуска Института красной профессуры досталось только 6 человек. По-моему, мы неправильно делаем, когда требуем, чтобы нам этот молодежь на свежем корню давали, как зеленую недозревшую розу. Мы против этого встречаем два аргумента. Первый аргумент—они должны вариться в партийном соку. Они не работали в партии, не работали среди масс. Какой же это партиец, у которого нет никакого практического опыта, вся партийность которого выражается в том, что он имеет партийный билет в кармане, а в руке держит книжку. Другой аргумент, что нужно снабжать провинцию молодыми силами. Это верно—посылать их в провинцию нужно, но пора поставить вопрос по серьезному размышлению тех уже созревших сил, которые работают в провинции. Уходит человек в провинцию, 2—3 года там проработает, а дальше, дальше—пожалуйста его нам обратно. Он уже настоящий партиец, он не просто человек, обладающий партийным билетом и держащий книжку. Пожалуйте его нам обратно. И нужно поставить серьезно вопрос о том, чтобы не молодежь нам давали,—молодежь можно отправить в провинцию, это ему полезно,—но пора поставить вопрос, чтобы нам давали обратно тех, кто занимается научной работой. Нам нужны, конечно, и средства для развертывания работы и люди. Но кроме этого нам нужна известная организационная перетасовка, известные организационные изменения.

И вот, рассуждая между собою, мы пришли к следующему плану реконструкции Комакадемии.

Во-первых, следовало бы—и это вероятно со временем совершится,—увязать в одном центре всю подготовку кадров, всех кадров по общественным наукам. Одно время казалось, что объединение с ИКП совсем близко, но это, как известно, не осуществилось. Нас хотят сделать в первую очередь чисто исследовательским учреждением, а потом поручить все кадры. Это, может быть, правильно. Пока мы не показали еще себя на исследовательской работе,—вы видели, сколько у нас дефектов. Но в области исследовательской работы почему у нас такое количество заседаний? По совести говоря, потому что у нас плана нет. Приходится говорить так, потому что план у нас на бумаге есть, но нет у нас фактического плана. Мы плывем или стоим на каком-то плавуна, который под нами плывет, несется, поток заседаний увеличивается все больше и больше. Заседаем, заседаем, заседаем без конца. Необходим план. Для того, чтобы этот план мог быть выработан в пределах действительно всей Комакадемии, нужно разделить, по-моему, ту чисто плановую работу, которая может и должна быть увязана в рамках всей Академии, от работы научно-исследовательской в тесном смысле этого слова. Как может президиум Комакадемии, каков бы он ни был, руководить непосредственно научно-исследовательской работой по тем отраслям, где члены президиума вовсе не являются специалистами? Как я буду руководить исследовательской работой в области высшей нервной деятельности? Что из этого получится? Я могу быть известным объектом в этой работе, но субъектом быть не могу.

Точно так же и О. Ю. Шмидт едва ли будет очень продуктивным, если, стараясь заполнить ту вязящую пропасть, которая имеется у нас в секторе истории эпохи империализма, начнет там применять свои математические теории. Едва ли что-нибудь получится. По-моему, руководство исследовательской работой должно быть известным образом децентрализовано. И для этого должно быть в составе Комакадемии организовано несколько очень крупных институтов или секторов, как хотите, объединяющих в себе родственные дисциплины, скажем, все естествознание, скажем, с другой стороны, историю, социологию, историю права и т. д.—другой сектор. Можно, конечно, объединить,—в учебном порядке это уже объединено,—естествознание и философию. Затем, необходимо объединить все экономические дисциплины; необходимо объединить все, что касается литературы и искусствоведения. Таким образом получится,—число я заранее не берусь определить, 6—7 крупных единиц, которые, объединяя в себе однородные дисциплины, своими верхушками, своими бюро или президиумами, которые должны быть возможно менее многочисленными, должны заключать в себе не больше 5—7 человек, смогут действительно руководить научно-исследовательской работой данного сектора, ибо будут состоять из специалистов данного сектора. Над этим должна быть верхушка, главным образом плановая и политическая, в лице очень немногочисленного бюро, президиума, как хотите, опять-таки группа в 5—7 человек, которая вырабатывала бы план, которая давала бы политическую установку, отвечала бы за политическое лицо Комакадемии. Но надо, чтобы эта верхушка не вмешивалась непосредственно в исследовательскую работу таких секторов. Мы получаем таким образом известную пирамиду, верхушкой которой является этот президиум или бюро президиума из 5—7 человек, затем президиумы или бюро отдельных крупных институтов. Общий план, даваемый сверху, распределяемый между этими крупными секторами и доводимый, как сейчас промфинплан, до цеха, до станка, доводимый до каждого отдельного работника, до каждого отдельного семинара и т. д. Только таким путем можно идти. Сочинять план при помощи арифметического суммирования планов всех отдельных учреждений—совершенно безнадежная задача. Никогда никакого плана из этого не получится. И никто таких планов не составляет.

Так приблизительно нам рисуется картина Комакадемии. Значит ли это, что академики, состав которых мы вам предлагаем на этом же пленарном заседании значительно увеличить, введя от 30 до 40 новых действительных членов и от 20 до 30 членов-корреспондентов, что они будут только мертвым капиталом? Совершенно не значит. Наоборот, мы смотрим на дело так, что новый пленум Комакадемии фактически и будет новым пленумом. Этот новый пленум, по нашему мнению, должен быть учреждением, работающим более или менее постоянно, т. е. совываемым не реже чем раз в квартал для обсуждения всех принципиальных вопросов. Через него мы собираемся пропускать все планы—как центральный план для всей Академии, так и планы отдельных крупных секторов. Они конечно, должны обсуждаться на этом пленуме, это само собой разумеется, притом с привлечением не только действительных членов, но и членов-корреспондентов, научных сотрудников Комакадемии и т. д. Такие широкие пленарные заседания совершенно необходимы.

Что касается президиума, то президиум должен, по нашему мнению, состояться именно из пятерки или семерки плюс те делегации от верхушек отдельных секторов или, может быть, целиком эти верхушки,—это будет зависеть от персонального состава, о котором я говорил. Это будет более узкая

коллегия для предварительного обсуждения проектов, которые еще рано ставить на пленуме, и для подготовки пленумов, потому что должен сознаться, что подготовка пленумов,—что видно хотя бы по организованности этого пленума,—у нас до сих пор хромала. Эту организацию нужно создать. В этом—роль президиума, широкого президиума. Так приблизительно рисуется нам картина.

Далее нам необходимо особое внимание уделить подготовке кадров. Я уже упоминал, что подготовку кадров объединить в одних руках не удалось. Был одно время проект объединения подготовки всех кадров по общественным наукам (вернее почти всех, за исключением кусочка) Комакадемии.

Это не случайно. Правда, три новых института красной профессуры (вы знаете вероятно, что их теперь будет не 1, а 3)—Институт экономики, Институт философии и естествознания и Институт истории и права—они введены в наш состав. Их директора являются членами президиума, эти институты должны делать доклады по линии научно-исследовательской работы, которую они ведут у себя, здесь у нас, в президиуме. Несомненно, студенты старших курсов,—тут идут некоторые споры, что считать старшим—институт трехлетний, я считаю, что старшим являются 2-й и 3-й курсы, некоторые считают только 3-й,—студенты старших курсов должны свою исследовательскую работу проводить у нас, под нашим руководством и в рамках нашего плана. Это понятно, поскольку верхушка этих институтов и верхушка Комакадемии увязана. Это организационное слияние. Но так как нам теперь дана отдельная аспирантура, то нам придется организовать у себя сильную учебную часть. Это вопрос очень важного порядка. На моих глазах происходил несомненный упадок учебной дисциплины в ИКП, который теперь превратился в 3 института. На этот момент необходимо обратить внимание. Учебную дисциплину необходимо поставить, как следует. У нас в ИКП, по нашим грехам, бывали такие анекдоты, что кончал институт и получал диплом человек, который в все время, за все 3 года своего пребывания в Институте написал и защитил 1 доклад и обещал написать еще 3 доклада, но оставался только при этом обещании. Такого рода вещи совершенно невозможны. Это—такой упадок учебной дисциплины, за который, разумеется, нас следует жестоко взгреть, и нас, конечно, взгреют. Я говорю «нас» как бывший ректор бывшего Института красной профессуры. И правильно сделают, если взгреют, потому что это невозможнейшая вещь. Мы должны поставить твердую учебную дисциплину. Должен сказать, что в РАНИОНе она была выше, чем в ИКП, хотя и это, конечно, далеко не идеал. Это очень большая и конечно очень серьезная задача.

Вот, товарищи, те рамки, в которых нам рисуется работа Коммунистической академии в будущем, работа ее в рамках социалистической реконструкции.

Что социалистическая реконструкция не может обходиться без теории—это до такой степени всем известная ленинская вещь, что разрешите о ней сейчас не говорить. Слишком уж известно положение, что не может быть никакой передовой революционной партии без передовой революционной теории,—это азбука, которая обязательна не только для членов Комакадемии, но и для слушателя совпартшколы I ступени. Что же об этом здесь говорить? Я хотел только указать, что мы имеем тут двойного рода задачу. С одной стороны, разработку теоретического базиса для нашего строительства. Этот теоретический базис очень нужен. Комакадемия при ко-

лоссальном подъеме колхозного движения дала анализ колхозов? Осветила она, как оно происходит? По-моему, не дала. Быть может, мне возразят, что она это сделала. Не знаю, по-моему—не дала. А между тем, это было необходимо сделать. Если бы она этот теоретический базис дала, то мы бы в дальнейшем при колоссальном подъеме колхозного движения имели уже тот материал, который сыграл бы колоссальную роль для проведения этого движения, мы бы его строили не на сыром корню. Это одна сторона, на которую должны обратить внимание главным образом экономисты. Другая сторона—это сделать наконец марксистскую науку достойным широчайших масс, этого до сих пор не сделали, а ведь мы существуем 12 лет. Это второе, что мы должны сделать. И наконец, третье, не нужно забывать, товарищи, что научная работа, как мы ее понимаем, есть известная часть классовой борьбы. Разрешите вам напомнить,—это не так вошло в общее сознание,—что еще весной 1918 г. Ленин указал тот идеологический утес, на который мы наткнемся в момент социалистической реконструкции.

Ленин всегда подчеркивал в споре, главным образом с левыми эсерами и с левыми коммунистами, что главным врагом на этапе социалистической реконструкции является мелкая буржуазия и ее идеология, причем является двойко: и поскольку она, в качестве мелких хозяйчиков, всем нутром боролась против всякой социалистической организации,—как он выразился—одинаково и против государственного капитализма и против государственного социализма,—и поскольку она зависима от крупной буржуазии. Ничто так великодушно не было установлено Лениным, как эта идеологическая зависимость мелкой буржуазии от крупной, как тот факт, что мелкая буржуазия является проводником идеологии крупной буржуазии. В настоящий период все это приобретает чрезвычайно острый характер. И когда читаешь сейчас Ленина, его произведения 1919 года, то переживаешь все это так, как будто это вчера написано, как будто это написано для завтрашнего дня. И на этом фронте и экономический сектор, и вся Академия в целом, и такой сектор, как философский, как исторический и т. д.—они имеют громадной важности задачу. Мы ее выполняем несомненно, и наши философы, и наши историки, и наши правовики борются, успешно борются со всякого рода мелкобуржуазными влияниями и воздействием. Но делают все это в высшей степени несистематически, вне всякого плана и недостаточно.

Например, в дискуссии о «Народной воле». В конце концов она надвинулась на нас совершенно стихийно. Но разве раньше не было видно мелкобуржуазной идеологии? Она только нашла себе точку приложения в своеобразной теории о народолюбстве. Несомненно, плановой борьбы у нас тут нет и не было. Эту третью сторону, сторону классовой борьбы необходимо, товарищи, подчеркнуть, ибо тут суть всех наших уклонов, и левых загибов и правых уклонов. И правые и левые там увязываются и сливаются, увязываются и сливаются сейчас не только в лице Троцкого, но они увязывались и сливались в старое время. Ленин мастерски как раз и вскрыл это в своей статье относительно левого ребячества.

Эти три задачи и задачу пропаганды настоящей марксистской, а не фальсифицированной буржуазной науки среди широчайших масс, и задачу подготовки новых кадров, и задачу этой классовой борьбы, по нашему мнению, Комкадемия не может разрешить в тех рамках, которые существуют сейчас. Для этого необходима реконструкция по типу, я не скажу единоначалия, — единоначалие в науке невозможно, нельзя наукой управлять,

это невозможно, это совершенно ясно, — но по типу, я бы сказал, немногочисленного началья. Во всяком случае по типу сосредоточения, увязки всей работы Комкадемии в руках сравнительно небольшого числа, немногочисленных коллективов. Это—основа. Я повторяю, это нисколько не исключает самого активного участия всего пленума Комкадемии в работе, — наоборот, мы его будем привлекать как можно чаще, мы его заставим работать из квартала в квартал, если еще не чаще, — и работы отдельных исследователей в этой области, в которой они непосредственно работают, потому что все-таки довольно курьезно учить химика, специально калорийного химика, при помощи известных административных мер, исходящих от экономиста и философа, тому, как он должен делать опыт. Он должен делать опыт так, как он умеет, а результаты мы уже оценим. Не в этом дело, а дело в том, чтобы план работы был совершенно твердо установлен, был совершенно твердо проконтролирован, чтобы мы могли во всякое время эту работу учесть. Сейчас, в силу многочисленных этих образований, эта работа не проводится. И это мы видим на моем примере. Я глубоко убежден, что здесь в зале имеется не менее дюжины товарищей, которые обижены тем, что о работе их учреждений я ничего не сказал. Перечислить все то, что делает Комкадемия в самых разнообразных ее учреждениях, невозможно. Никакая память этого не удержит, и никакая речь, не выходящая за пределы речей, принятых в Комкадемии,—этого не вместит.

Если Комкадемия нужна как орудие реконструкции социалистической, если она не хочет обратиться в академию в собственном смысле слова, которая сидит в келье под елью, в стороне от дороги, и смотрит, как по этой дороге бегают автомобили, тракторы и т. п. вещи,—если она не хочет в это превратиться, то она должна будет реконструироваться. (*Аплодисменты*).

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ М. Н. ПОКРОВСКОГО

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. И. АНГАРОВА

Тов. Покровский предупредил уже выступающих о том, что он кое-что опустил в своем докладе. Я хотел бы без претензий, что он о нас забыл, сказать несколько слов об Ин-те советского строительства и права.

Вы, т. Покровский, обращали очень большое внимание на отыскание связи научной работы Комкадемии с практикой и забыли такое важное учреждение, как Институт советского строительства и права, где больше всего осуществляется эта связь. Прежде всего, товарищи, один общий вопрос. И в плане реконструкции, который развертывал здесь т. Покровский, и затем в отчете и в информации о штатах Комкадемии т. Покровский проводил мысль о необходимости слияния Института истории и Института советского строительства и права. Он поставил в один ряд историков, правовиков и советских строителей как вообще группу, которую можно взять за единые скобки, группу, занимающуюся «социологическими» вопросами.

История—наука, конечно, почтенная, но я должен здесь подчеркнуть огромное значение именно той группы научных сотрудников Института советского строительства и права, которая занимается непосредственно вопросами государства и советского строительства. Мне думается, нельзя брать ставку на сокращение этой группы за счет увеличения, скажем, экономистов и тем более на то, чтобы наш Институт слить с Ин-том истории. В плане рекон-

струкции т. Покровский прямо поставил вопрос о необходимости создания сектора истории и права. Меня это несколько удивляет. Раньше на заседаниях президиума Комакадемии т. Покровский все время стремился отобрать у нас историю. В Институте советского строительства и права есть историческая комиссия, и всегда были споры по той линии, что мы, дескать, не имеем права заниматься историей, что нужно изучение истории и историков от нас «извять». Вследствие неудач этого метода теперь предполагают нас растворить, так сказать, в самой истории, а поэтому теперь говорят не о том, чтобы «извять» от нас историческую комиссию, а о том, чтобы растворить советское строительство в истории и оставить для изучения только нечто в роде истории права.

Я полагаю, что это неверный путь. Постараюсь сейчас кратко описать ту работу, которую проделывает Институт советского строительства и права. Основные проблемы, поставленные Институтом советского строительства и права, имеют огромную связь с практикой. В этом отношении, может быть, с большим опозданием, с некоторыми ошибками и недостатками, но Институт советского строительства и права все-таки связан с практикой. Прежде всего по линии теоретического обобщения опыта советского строительства. В этом году впервые был серьезно поставлен вопрос о научном обобщении опыта как по линии сельсоветов, так и по линии горсоветов. Опыт в этой области у нас накопился большой, разнообразный и богатый.

К числу достижений Института советского строительства и права нужно отнести то, что он раньше чем кто-либо другой поставил вопрос о сельсоветах в связи с массовой коллективизацией. Эта проблема имела и имеет очень большое практическое и специфическое значение, поскольку находились товарищи, выдвигающие идею «ликвидации» сельсоветов в районах сплошной коллективизации, и поскольку сельсоветы недостаточно освоили и поняли задачи, стоящие перед ними в связи с коллективизацией. В этой области Институт сов. строительства и права разработал специальную докладную записку, где был выдвинут целый ряд положений, которые были положены в основу при разработке конкретных задач, стоящих перед сельсоветами в связи со сплошной коллективизацией. Институт принял ближайшее участие в работе совещания по советскому строительству, которое было по этому вопросу при ЦИК'е Союза ССР.

Проделана большая работа по разработке новых положений о сельсоветах и горсоветах. Проведена широкая следователская работа сельсоветов и горсоветов. Поставлено изучение большой проблемы, имеющей значительный практический и теоретический интерес, проблемы опытно-показательных округов. Были поставлены на эту тему доклады. Нужно подчеркнуть, что проблема опытно-показательных округов приобретает сейчас огромное значение, т. е. поставлен вопрос о распространении системы опытно-показательных кругов, — которых раньше было шесть, — на все области нашего Союза.

В области реконструкции госаппарата Институт принял активное участие, правда, далеко еще недостаточное. В связи с чисткой и проверкой госаппарата была проделана также некоторая работа: были выдвинуты специальные бригады на чистку госаппарата. Таким образом факты показывают, что этот сектор нашей работы имеет большое научное и практическое значение. Этого забывать нельзя. Что будет с этим сектором, если мы действительно станем на путь объединения, на путь слияния истории, советского строительства и права? В Институте красной профессуры такое мероприятие проводится: организуется Ин-т истории, права и советского строительства. Я ду-

маю, что это — временное объединение, которое в будущем распадется, ибо если будет перенесен центр тяжести на изучение исторических проблем, то такие современные, требующие сейчас ответа, проблемы, как проблема советского строительства, выпадут из поля зрения и не будут теоретически освещаться. Богатый опыт советского строительства не будет своевременно обобщаться.

В теоретическом отношении Институт советского строительства, может быть, с некоторым опозданием, но все же поставил целый ряд проблем в области государства. Была проделана некоторая работа по критике правоопортунистических и псевдоревизионных теорий в области государства. Эта работа была связана с критикой целого ряда неправильных положений и ошибок, имеющихся в советской литературе, с критикой ошибочных формально-юридических теорий, представленных в советской литературе по государству и советскому строительству тт. А. Малицким, Магеровским, Стекловым. Все это имеет весьма большое значение по той простой причине, что все эти неправильные теории, неправильные установки проникают в программы, входят в учебники и таким образом оказывают влияние на нашу вузовскую молодежь.

Институт советского строительства взял на себя инициативу постановки вопроса о подготовке кадров по советскому строительству и праву. Был поставлен вопрос о реорганизации факультета советского права ИГУ, об организации центрального комвуза по советскому строительству. Институт в этой области проделал большую работу, и организация комвуза решена уже почти во всех инстанциях.

Точно так же Институт поставил вопрос о нормализации подготовки кадров советских строителей по всему Союзу. В этом отношении Институту удалось провести через ВЦИК соответствующий закон, нормирующий это дело. Мы имеем, таким образом, возможность уже сейчас влиять на самый ход подготовки кадров. Но, конечно, недостаточно одного закона. Необходимы средства, силы и учебники. А поэтому Институт взял на себя инициативу по организации на местах в областях — домов советского строительства, а в союзных республиках — институтов советского строительства. Организуются выезды на места с докладами. Из центра подготовка кадров по советскому строительству переносится на места, где организуются также и те местные учреждения, которые должны взять на себя основную работу по подготовке этих кадров. Кое-что в этой области Институтом уже сделано, хотя все это, конечно, далеко недостаточно для разрешения всех проблем советского строительства. Мы должны в этом отношении работать и дальше.

Перед нами трудные задачи по выработке соответствующих программ, по подготовке квалифицированных научных сил, которые должны взять на себя руководство делом подготовки кадров для всех звеньев аппарата.

Положено начало объединению коммунистических научных сил, занимающихся вопросами советского строительства, государства и права. Состоялся съезд учредителей Общества марксистов-государственников, где был поставлен ряд проблем и в особенности проблема борьбы на два фронта в области советского строительства и в вопросах государства и права. Это имеет существенное значение, ибо только путем объединения этих научных сил мы сможем действительно укрепить систему подготовки кадров по советскому строительству и праву и расширить распространение марксистско-ленинского учения о государстве на все области строительства государства переходного периода.

Я полагаю поэтому, что объединение нас с историками в один сектор может помешать нашей работе, превратить имеющийся сейчас Институт советского строительства и права в институт, изучающий только историю права, занимающийся только вопросами исторических изысканий.

Наша связь с целым рядом учреждений ЦИКа Союза и ВЦИКа, Наркомостом может быть прочной только тогда, когда они получают от нас действительную теоретическую помощь по части законопроектов, консультации на различные темы права, по части заключений по целому ряду проектов, которые они присылают к нам. И если мы будем ограничиваться только дачей исторических справок, то, мне думается, мы не оправдаем тех надежд, которые на нас возлагают. От нас требуют по целому ряду вопросов более или менее точных ответов, марксистско-ленинских установок.

Нужно прямо сказать, что до сих пор консультационная работа в целом ряде чрезвычайно важных учреждений, имеющих огромное значение для всего процесса социалистической реконструкции народного хозяйства, проходит в значительной степени под влиянием буржуазных специалистов, которые не пишут статей и книг, но которые в повседневной практической работе проводят свои буржуазные взгляды, протаскивают формально юридическое мировоззрение в постановлениях и проектах. Все это влияет, разумеется, отрицательно на практику нашего социалистического строительства.

А поэтому нужно идти не по линии объединения истории и права, а по линии заключения между ними самой тесной дружбы. Тов. Покровский не должен отбирать у нас истории, а мы, заключая с историками прочный союз, будем помогать историческим разработкам и в то же время пользоваться материалом исторических разработок для более продуктивной работы во всех отраслях советского строительства и права. Я думаю, что те задачи, о которых говорил т. Покровский, как раз и требуют сохранения, расширения и укрепления Института советского строительства и права как института, связанного с практикой, имеющего огромное значение для борьбы за социалистическое строительство.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Е. Б. ПАШУКАНИСА

Тов. Покровский указал в своем вступительном слове, что пленум собирается с запозданием ровно на полгода. Однако, это обстоятельство он считает вовсе не столь печальным, ибо благодаря этому запозданию целый ряд событий уже произошел, целый ряд вопросов уже разрешен, и пленум спокойно мог выслушать отчет об этих событиях и не утруждать себя разрешением этих вопросов. Но если бы мы запоздали еще на полгода, то тогда бы еще больше важных событий прошло мимо, и Комакадемия в лице ее пленума уже окончательно оказалась в «неях». Я считаю, что это очень большой недостаток в нашей работе. Нам необходимо во что бы то ни стало активизировать работу Комакадемии в целом, не только по отдельным ее учреждениям, не только по отдельным секторам, а именно Комакадемии в целом, Комакадемии как интегрального учреждения, которое обязано высказываться по актуальнейшим вопросам марксистско-ленинской теории. Нужно отметить, что сейчас перед нами стоят по преимуществу комплексные проблемы, а вовсе не такие проблемы, которыми должны заниматься только специалисты.

В той революции, проект которой предложен вниманию пленума, перечислены эти проблемы: социалистическая реконструкция, пятилетний и гене-

ральный план, коллективизация сельского хозяйства, новый этап нэпа, новые формы классовой борьбы, значение пролетарского государства, пролетарской диктатуры как орудия социалистической реконструкции, новые формы коммунистического труда, социалистическое соревнование, ударничество и т. д. Вся совокупность этих вопросов должна быть подвергнута обсуждению не каким-нибудь одним институтом, не какой-нибудь одной секцией, а всеми секциями и всеми институтами Комакадемии и Комакадемией в целом. Михаил Николаевич привел пример, что странно было бы, если бы Шмидт стал применять свои математические теории в области истории империализма. Я напр. знаю, что т. Шмидт очень живо интересуется проблемой строительства социалистических городов и имеет по этому вопросу свое мнение, которое, вероятно, и будет защищать. Проблема строительства социалистических городов входит в наш план. Это — тоже комплексная проблема, в которой имеют отношение и экономисты, и товарищи, занимающиеся советским строительством, и марксисты-ленинцы вообще.

Я отнюдь не хочу сказать, что недостаток нашей совместной работы происходит исключительно по вине пленума и заключается в том, что пленум не был активен. Пленум может сослаться на то, что его не собирали, хотя по-моему эта отговорка несостоятельна, ибо члены Коммунистической академии могут сами в этом отношении проявить инициативу, если президиум долгое время пленума не собирает.

Но и президиум в этом отношении также дал очень мало. Повестка его заседаний изобилует мелкими вопросами административного порядка, вермишелью всевозможного рода, в силу чего у президиума не оставалось времени для того, чтобы поставить и обсудить крупнейшие вопросы, для того чтобы высказать свое отношение, занять определенную позицию в тех дискуссиях, которые за это время происходили.

Мих. Ник. привел в пример экономическую дискуссию. Он сказал, что «Комакадемия пришла на вокзал с красным флагом». По-моему, она даже на вокзал не пришла, пришли некоторые члены Комакадемии, некоторые работники ее, а Комакадемия, как таковая, оставалась дома.

Что касается литературной дискуссии, то, конечно, секция литературы и искусства эту дискуссию поставила и провела очень живо. Но президиум Комакадемии и здесь попал «к шапочному разбору», когда все слова были сказаны, когда дискуссия была закончена, когда революция была выработана.

А казалось бы, что если имеются такие дискуссионные вопросы, если имеются налицо теории, которые оказывают влияние, и влияние отрицательное, поскольку они не являются марксистскими теориями, то президиум Комакадемии должен был проявить в этом отношении инициативу. Это отнюдь не явилось бы со стороны президиума каким-то бюрократическим администрированием, это было бы, наоборот, живым руководством на данном участке идеологической работы.

Наконец, последний пример. Я хочу указать на ту дискуссию, которая сейчас развернулась в лагере товарищей-философов, по поводу поворота, который следует сделать на философском фронте, по вопросу о новых задачах в этой области. И опять-таки президиум Комакадемии в этом отношении оказался в хвосте. Принята известная декларация, появилась известная, вероятно, вам, товарищи, статья в «Правде», подписанная тремя работниками на философском фронте. Президиум Комакадемии никак не высказался по этому поводу. Опять-таки это положение совершенно ненормальное.

Я полагаю, что необходимо активизироваться и превидиуму и пленуму Комакадемии. Нельзя в дальнейшем допускать такое положение, которое было до сих пор у нас, когда на пленум собираются люди только для того, чтобы выслушать, что произошло, и разойтись, никак не выявив своего отношения. Был даже такой случай, когда план работ Комакадемии был заслушан, проголосован и принят членами последней, причем ни один из них ничего не высказал по поводу этого плана.

Будем надеяться, что с введением в состав Комакадемии новых членов дело изменится. Я это заключаю хотя бы из того, что на тех конференциях, которые мы рассматриваем как одно из самых главных наших достижений, среди товарищей как представлявших доклады, так и выступавших, был очень большой процент не-членов Комакадемии, но как раз тех научных работников, которых мы сейчас предлагаем избрать в состав членов Комакадемии.

Второй вопрос, который нужно подчеркнуть, это необходимость более четкой организации каждого из наших учреждений в Комакадемии. С одной стороны, у нас сложились довольно крупные единицы в виде институтов, с другой стороны, имеется целый ряд мелких образований, иногда совершенно карликовых и влачащих довольно жалкое существование.

Я не являюсь всецело сторонником того плана, который предлагал Михаил Николаевич—организовать сверхобъединения, сверхсектора, которые объединили бы те крупные институты, которые у нас уже имеются. Мне кажется, что таким путем создалось бы лишнее средостение между отдельными учреждениями и Коммунистической академией, возникли бы лишние инстанции и отсюда необходимость в лишних заседаниях, против которых правильно выступал Михаил Николаевич. Но нужно покончить с дробностью, с множеством всяких комиссий и секций, которых у нас чуть ли не два десятка. Нужно в каждом из институтов организовать более четкое руководство, сконцентрировать ответственность, которая неизбежно расплывается в тех случаях, когда во главе институтов стоят многоголовые коллегии, тогда как фактически работу ведет небольшой сравнительно кадр руководителей. Это фактическое положение надо зафиксировать. Надо так и сказать. Если образовалось определенное ядро людей, которые постоянно участвуют в работе, которые воплощают в себе преемственность в этой работе, то надо на них и возложить ответственность, а не на многочисленную коллегию, которая собирается сегодня в одном составе, а завтра в другом. Тут не получается ни преемственности, ни ответственности, ни должного контроля за работой данного учреждения. И в результате образуются иногда весьма печальные прорывы, которые очень больно отражаются на работе Комакадемии.

Необходимо, далее, во что бы то ни стало поднять академическую дисциплину. Мы об этом много уже говорили, но до сих пор не продвинулись вперед.

Для того, чтобы Комакадемия действительно себя оправдала как научно-исследовательская организация, как совокупность научно-исследовательских институтов, для этого в каждом институте должна быть заведена такая же дисциплина, как в любом крупном предприятии, должно быть введено разделение труда, должны быть нормы выработки, должен быть контроль. У нас ничего этого нет. И если к нам придет когда-нибудь,—а я думаю, что придет—рабочая бригада, чтобы нас проверить, то за это нас по головке не погладят.

У нас очень слабо ведется коллективная работа. Товарищи готовят свои личные труды для того, чтобы потом с ними выступить и их издать. Но у нас очень слабо ведется коллективная работа, которая должна вестись в каждом научно-исследовательском учреждении. Исключение представляет Институт мирового хозяйства, где такая работа ведется,—об этом институте Михаил Николаевич говорил довольно много. Такая же работа ведется и в Институте советского строительства и права, о котором Мих. Ник. по традиции ничего не сказал, ибо сколько раз я ни слушал доклады Мих. Николаевича, о секции права и государства и об Институте строительства он всегда забывал и лишь в конце говорил несколько слов об «Энциклопедии государства и права», а теперь, так как «Энциклопедия», уже издана, то он и вовсе ничего не сказал. А между тем в Институте советского строительства мы занимаемся не только писанием индивидуальных трудов, докладов, монографий, но мы коллективно собираем там материалы по очень важным вопросам, хотя бы по вопросу о коллективизации и сельсоветах. Мы подали докладную записку, которая была использована этой зимой на том совещании, где были поставлены очень важные вопросы. Сейчас мы собрали таким же порядком материалы о сельсоветах и о горсоветах. Мы проработали коллективно очень интересный и сложный вопрос о реформе нашего уголовного кодекса и в ближайшее время выступим с этим плодом нашего коллективного творчества—с проектом уголовного кодекса.

Но и у Института советского строительства и права имеются большие прорехи. Так, в других отраслях права, кроме разработки уголовного кодекса, ничего еще пока не создано, а поручение нам дано очень ответственное. Нам поручено разработать основы гражданского законодательства. Очень мало также сделано и по вопросу о реконструкции нашего государственного аппарата. Тут мы имеем большой богатый материал, но еще не приступили к его обобщению.

Наконец, скажу относительно проблемы кадров. Это сейчас проблема всех проблем. Комакадемия отчаянно залповала и в этом вопросе. У нас набор научных сотрудников происходил все время самотеком, и этим, по-моему, объясняются те неудовлетворительные цифры и по линии партийного и по линии социального состава, которые Мих. Николаевич оглашал. Мы за этим делом, как следует, не смотрели, а между тем научных сотрудников нужно не просто брать, когда они приходят, а их надо искать, надо проводить в этом отношении такую же политику активного комплектования, какая проводится при наборе аспирантов, при наборе слушателей ИКП. Нужно ставить задачи относительно качественного в партийном и социальном отношении состава этих научных сотрудников. Нужно, как верно сказал М. Н. Шокровский, стремиться вытаскивать людей из провинции. Этого у нас до сих пор не делалось, и на это нужно обратить внимание.

ВЫСТУПЛЕНИЕ П. М. КЕРЖЕНЦЕВА

Мне кажется, Комакадемия недостаточно учитывает тот политический резонанс, который имеют ее решения, ее действия, ее выступления. Фактически те общественно-политические выступления на научном фронте, которые Комакадемия делала, имели чрезвычайно крупное влияние на всю научно-исследовательскую работу и на всю борьбу на идеологическом фронте. Но это влияние Комакадемией недостаточно используется в том смысле, что целый ряд

Я полагаю, что необходимо активизироваться и превидиуму и пленуму Комакадемии. Нельзя в дальнейшем допускать такое положение, которое было до сих пор у нас, когда на пленум собираются люди только для того, чтобы выслушать, что произошло, и разойтись, никак не выявив своего отношения. Был даже такой случай, когда план работ Комакадемии был заслушан, проголосован и принят членами последней, причем ни один из них ничего не высказал по поводу этого плана.

Будем надеяться, что с введением в состав Комакадемии новых членов дело изменится. Я это заключаю хотя бы из того, что на тех конференциях, которые мы рассматриваем как одно из самых главных наших достижений, среди товарищей как представлявших доклады, так и выступавших, был очень большой процент не-членов Комакадемии, но как раз тех научных работников, которых мы сейчас предлагаем избрать в состав членов Комакадемии.

Второй вопрос, который нужно подчеркнуть, это необходимость более четкой организации каждого из наших учреждений в Комакадемии. С одной стороны, у нас сложились довольно крупные единицы в виде институтов, с другой стороны, имеется целый ряд мелких образований, иногда совершенно карликовых и влачащих довольно жалкое существование.

Я не являюсь всецело сторонником того плана, который предлагал Михаил Николаевич—организовать сверхобъединения, сверхсектора, которые объединили бы те крупные институты, которые у нас уже имеются. Мне кажется, что таким путем создалось бы лишнее средостение между отдельными учреждениями и Коммунистической академией, возникли бы лишние инстанции и отсюда необходимость в лишних заседаниях, против которых правильно выступал Михаил Николаевич. Но нужно покончить с дробностью, с множеством всяких комиссий и секций, которых у нас чуть ли не два десятка. Нужно в каждом из институтов организовать более четкое руководство, сконцентрировать ответственность, которая неизбежно расплывается в тех случаях, когда во главе институтов стоят многоголовые коллегии, тогда как фактически работу ведет небольшой сравнительно кадр руководителей. Это фактическое положение надо зафиксировать. Надо так и сказать. Если образовалось определенное ядро людей, которые постоянно участвуют в работе, которые воплощают в себе преемственность в этой работе, то надо на них и возложить ответственность, а не на многочисленную коллегию, которая собирается сегодня в одном составе, а завтра в другом. Тут не получается ни преемственности, ни ответственности, ни должного контроля за работой данного учреждения. И в результате образуются иногда весьма печальные прорывы, которые очень больно отражаются на работе Комакадемии.

Необходимо, далее, во что бы то ни стало поднять академическую дисциплину. Мы об этом много уже говорили, но до сих пор не продвинулись вперед.

Для того, чтобы Комакадемия действительно себя оправдала как научно-исследовательская организация, как совокупность научно-исследовательских институтов, для этого в каждом институте должна быть заведена такая же дисциплина, как в любом крупном предприятии, должно быть введено разделение труда, должны быть нормы выработки, должен быть контроль. У нас ничего этого нет. И если к нам придет когда-нибудь,—а я думаю, что придет—рабочая бригада, чтобы нас проверить, то за это нас по головке не погладят.

У нас очень слабо ведется коллективная работа. Товарищи готовят свои личные труды для того, чтобы потом с ними выступить и их издать. Но у нас очень слабо ведется коллективная работа, которая должна вестись в каждом научно-исследовательском учреждении. Исключение представляет Институт мирового хозяйства, где такая работа ведется,—об этом институте Михаил Николаевич говорил довольно много. Такая же работа ведется и в Институте советского строительства и права, о котором Мих. Ник. по традиции ничего не сказал, ибо сколько раз я ни слушал доклады Мих. Николаевича, о секции права и государства и об Институте строительства он всегда забывал и лишь в конце говорил несколько слов об «Энциклопедии государства и права», а теперь, так как «Энциклопедия», уже издана, то он и вовсе ничего не сказал. А между тем в Институте советского строительства мы занимаемся не только писанием индивидуальных трудов, докладов, монографий, но мы коллективно собираем там материалы по очень важным вопросам, хотя бы по вопросу о коллективизации и сельсоветах. Мы подали докладную записку, которая была использована этой зимой на том совещании, где были поставлены очень важные вопросы. Сейчас мы собрали таким же порядком материалы о сельсоветах и о горсоветах. Мы проработали коллективно очень интересный и сложный вопрос о реформе нашего уголовного кодекса и в ближайшее время выступим с этим плодом нашего коллективного творчества—с проектом уголовного кодекса.

Но и у Института советского строительства и права имеются большие прорехи. Так, в других отраслях права, кроме разработки уголовного кодекса, ничего еще пока не создано, а поручение нам дано очень ответственное. Нам поручено разработать основы гражданского законодательства. Очень мало также сделано и по вопросу о реконструкции нашего государственного аппарата. Тут мы имеем большой богатый материал, но еще не приступили к его обобщению.

Наконец, скажу относительно проблемы кадров. Это сейчас проблема всех проблем. Комакадемия отчаянно залповала и в этом вопросе. У нас набор научных сотрудников происходил все время самотеком, и этим, по-моему, объясняются те неудовлетворительные цифры и по линии партийного и по линии социального состава, которые Мих. Николаевич оглашал. Мы за этим делом, как следует, не смотрели, а между тем научных сотрудников нужно не просто брать, когда они приходят, а их надо искать, надо проводить в этом отношении такую же политику активного комплектования, какая проводится при наборе аспирантов, при наборе слушателей ИКП. Нужно ставить задачи относительно качественного в партийном и социальном отношении состава этих научных сотрудников. Нужно, как верно сказал М. Н. Шокровский, стремиться вытаскивать людей из провинции. Этого у нас до сих пор не делалось, и на это нужно обратить внимание.

ВЫСТУПЛЕНИЕ П. М. КЕРЖЕНЦЕВА

Мне кажется, Комакадемия недостаточно учитывает тот политический резонанс, который имеют ее решения, ее действия, ее выступления. Фактически те общественно-политические выступления на научном фронте, которые Комакадемия делала, имели чрезвычайно крупное влияние на всю научно-исследовательскую работу и на всю борьбу на идеологическом фронте. Но это влияние Комакадемией недостаточно используется в том смысле, что целый ряд

существеннейших проблем и вопросов, актуальнейших вопросов политической и идеологической борьбы мы оставляли в стороне от нашей работы.

Другое слабое место нашей работы—то, что наши институты—а институты и организации имеется 15—действуют изолированно друг от друга. Приведу такой конкретный пример: когда наша Секция литературы проводила дискуссию о Переверзеве, продолжавшуюся около 2 мес., то в этой дискуссии не приняли никакого участия ни тт. философы, ни тт. историки. Между тем проблема концепции Переверзева была проблемой преимущественно философского порядка. Можно сказать, что в этой дискуссии повторялись зады той философской дискуссии, частью дискуссии исторической, которые имели место в стенах Академии раньше. Или дальше—когда мы намечали план нашей работы на будущий год, мы наметили вопрос о критическом изучении наследия Плеханова в области литературоведения и искусствоведения. Как известно, в области критической оценки исторических концепций Плеханова уже проделана работа, М. Н. Покровским в первую очередь. По поводу философской концепции Плеханова ленинские критические замечания опубликованы в «Ленинских сборниках». Проблема изучения наследия Плеханова стоит перед многими нашими институтами и секциями. В этом вопросе должна быть проведена совместная работа не только нашего ин-та, но и товарищей, работающих на других фронтах, и поэтому, когда т. Пашуканис говорит, что перед нами стоят в будущем комплексные проблемы, то я бы сказал, что комплексные проблемы все время стояли перед нами, но мы эти комплексные проблемы решали кустарно. Здесь нам предстоит максимальная организационная перестройка Академии. В общем она, по-моему, правильно намечена в тезисах и в докладе т. Покровского, и нам остается только практически осуществить ее.

Теперь относительно аспирантской проблемы. На сегодняшнем собрании мы не только освежим состав Академии, омолодим его, но и увеличим вдвое. С осени мы будем представлять собою новую Академию еще и в другом смысле—в смысле обростаания Академии аспирантурой. Сейчас мы имеем 140 аспирантов, из них 40 кончат. Кроме того мы получим из РАНИОНа и ИКП около 100 человек, и будет вновь принято 500 человек. Таким образом, осенью мы будем иметь 700 человек вместо 142, которые имелись этой весной. Это наличие свежих молодых научных сил заставит саму Академию, и президиум Академии, и пленум Академии, все наши институты работать по-другому и в других темпах, работать под гораздо большим напором, под гораздо большим контролем—очень полезным и для нас. Это ставит перед нами проблему подготовки кадров на очень актуальную почву. Здесь президиуму и пленуму Академии придется приложить усилия, чтобы на этом фронте, очень трудном, на одном из главных фронтов мы не оказались бы беспомощны в организационном отношении.

Третий вопрос, которого я хотел коснуться, это вопрос о плане. Предполагалось, что в каком-то близком будущем Комакадемия сможет выполнять функции планирующего органа в области научно-исследовательских работ. Трудно сказать, когда это будущее придет, но покуда приходится констатировать, что в области нашего собственного планирования мы еще очень слабы. Если взять ту таблицу, которая нам здесь была ровдана (правда, она очень странные даты берет: с апреля 1929 г. по февраль 1930 г., почему-то не берет весь минувший учебный год), то мы увидим, что стопроцентное выполнение плана имели только те организации, которые ставили один доклад

и этот один доклад организовали,—получалось 100%. Как только число докладов превышало 5 или 10, процент выполнения падает до 25, до 40 и т. д. Правда, эти цифры не совсем точны, и по-моему местами неверны, к тому же они берут какой-то странный период, захватывающий кусочек одного учебного года и кусочек другого учебного года. Но всем известно, что в области выполнения наших планов мы чрезвычайно хромаем. У нас стопроцентного выполнения ни одна секция, ни один институт не имеет. Наш процент в прошлом году составлял около 60, и вероятно в этом году будет не больше того. И конечно при таком нашем собственном планировании довольно трудно претендовать сейчас на работу по планированию научно-исследовательской работы вообще, хотя этим мы обязаны будем заняться и имеем право на это претендовать.

Далее я подхожу к вопросу о нашей московской замкнутости. М. Н. Покровский указывал, что одна из секций Комакадемии сделала 10—15 докладов вне Москвы. Я должен дополнить, что и наша Секция литературы и искусства в четырех городах, в Ленинграде, Харькове, Киеве, Иваново-Вознесенске, поставила около 12 докладов за эти полгода. Однако надо подчеркнуть, что такого рода выступления Комакадемии вне Москвы являются единичными и случайными. Мы, хотя и всесоюзная Комакадемия, не ведем работу почти исключительно здесь и в ленинградском отделении. Вне этого Комакадемия имеет очень немного организационных связей и активных выступлений. Здесь нам, конечно, нужно сделать очень много. Сейчас мы включаем в свой состав несколько товарищей, органически связанных с Украиной, Белоруссией, Закавказьем и т. д., и это, может быть, даст нам возможность расширить наше влияние; но все-таки покуда мы еще не выполняем задач всесоюзной Академии. Может быть, в области истории мы такое всеобщее значение приобрели, но пожалуй и только. Я думаю, что здесь мы тоже должны принять некоторые организационные решения. Работа товарищей-историков дает указание на один из таких путей: наряду с Ин-том истории в Комакадемии имеется Общество историков-марксистов, более широкая организация общественного порядка, которая имеет возможность организовывать свои филиалы вне Москвы; через такие филиалы создается дополнительный актив, объединяющий в значительной степени товарищей, работающих вне Москвы. Таким образом Комакадемия получает, напр. в области истории, кадры в 600 чел., 600 марксистов и в значительной степени коммунистов, при помощи которых можно руководить научно-исследовательской работой и через которых Комакадемия значительно расширяет свое влияние и может вести и ту массовую работу, о которой говорит наша резолюция. Но у нас таких обществ еще очень мало, порою их работа еще не развернулась. По-моему, создание ряда таких обществ при институтах Комакадемии является той организационной формой, которая поможет в значительной степени расширить наше влияние и создаст вокруг нас те марксистские коммунистические кадры, которые необходимы для того, чтобы значение Комакадемии приобрело действительно всеобщий характер.

И наконец, еще одно замечание, которое, мне кажется, нужно бы учесть при окончательном редактировании резолюции—это следующее: было, примерно год тому назад, принято решение президиумом Комакадемии от времени до времени делать доклады в рабочих районах, непосредственно на заводах. В течение этого года нашей секцией напр. было сделано несколько, правда немного, таких докладов непосредственно в рабочей аудитории. Я думаю, что, поскольку наша революция говорит о массовой работе,—т. Покровский в частно-

сти подчеркнуть необходимость в такой работе для популяризации марксистской науки,—эту практику надо расширить. Если бы мы в будущем году один из наших пленумов провели непосредственно в рабочей аудитории, среди рабочих—это тоже было бы большим толчком для непосредственной связи марксистской научной теории с рабочим классом, а на основе такой связи построена вся наша работа.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В. П. МИЛЮТИНА

Товарищи, перед нами стоит задача поднять работу Комакадемии на новую ступень. Несомненно, за текущий период, по сравнению с предыдущим периодом, Комакадемия значительно реконструировалась,—Комакадемия сейчас по существу представляет собой совокупность научно-исследовательских институтов.

Основные достижения за этот период в области теоретической работы заключаются в том, что по ряду основных проблем в основных отраслях нашего знания Комакадемия—плохо или хорошо—но давала определенные решения, которые с принципиальной точки зрения были выдержаны. Сказать, что мы в основных вопросах в области истории, философии, аграрного вопроса занимали принципиально неправильные позиции,—сказать этого никто не сможет. Здесь нас могут упрекнуть в том, что мы отстали, неполно охватили работу, но про нас не могут сказать, что мы по тем или иным кардинальным основным вопросам заняли неправильную позицию или дали неправильное направление. Этот вывод является крайне существенным и важным. Было бы очень печально, если бы по принципиальной линии, в области проведения линии марксизма и ленинизма, применения методологии марксизма и ленинизма в различных областях мы бы заняли неправильную позицию. Сбиться с этого пути для Комакадемии совершенно недопустимо даже по второстепенным, даже по трестепенным вопросам.

Вот некоторые примеры. Возьмем философию. На II конференции марксистско-ленинских научных учреждений философы вынесли свое решение после длительной дискуссии, которая среди них велась. Но сами философы должны признать, что только после решения этой конференции дискуссия по философии могла считаться законченной. В области аграрного вопроса. Конференция аграрников-марксистов в борьбе с неонародничеством подвела такие итоги, после которых можно сказать, что неонародничество как шлола, как направление разбито на голову. Я не буду говорить относительно истории. Здесь точно так же решения были даны достаточно четкие с принципиальной точки зрения.

Но вместе с этим, повторяю, мы признаем,—мы единодушны в этом отношении,—огромные недостатки в работе Комакадемии, не сумевшей пойти нога в ногу с тем развертыванием практического социалистического строительства, которое мы наблюдаем. Это несомненно крупнейший недостаток, который в дальнейшем, если он будет продолжаться, грозит нам не только отставанием, но и падением, деградацией научно-исследовательской работы. Уже сейчас среди практиков, мне кажется, начинает создаваться опасное направление отмахивания от теоретической работы. «Вообще теоретики,—какие это работники, или теоретическая работа—какая это работа!» По существу этим направлением узаконяется то, что теоретическая работа вровень с другими работами не идет. Подобное отношение, отмахивание, подобный

переход по существу к теории самотека в области практической работы—это несомненно очень серьезная опасность.

Надо сказать, что очень серьезная опасность грозит также и с другой стороны. Это—недооценка значения проделанной теоретической работы. Вполне понятно, когда наши враги за границей так и говорят: история—с отъездом Милукова—у нас ликвидировалась, философия—с отъездом Бугакова—ликвидировалась, после отъезда Брудкуса в СССР остался только один экономист—Кондратьев. Такое отношение—естественно; плохо—когда аналогичные настроения начинают у нас возникать. Конечно их нужно квалифицировать как явно неправильные, ошибочные, грубейшие положения. Как вы вероятно знаете, они проявились в некоторых фельетонах, напечатанных недавно в «Правде», где говорилось напр., что наша теория оторвана от практики. Наша теория—это марксистско-ленинская теория. И сказать о ней, что она оторвана от практики—это значит допустить грубейшую ошибку. Можно говорить о теоретической работе, можно говорить о работе Комакадемии. Но наша теоретическая работа, наша теория не исчерпывается стенами Комакадемии. Это, конечно, ерунда и чепуха. Я не знаю, может быть, это описка, но в таком случае товарищи, критикующие нашу работу, должны следить за точностью своих выражений. (М. Н. Смит: «Вы тоже должны следить за точностью своих выражений. Это вам не мешает». В. П. Милютин: «Вот именно, я говорю точно, что это было сказано, в данном случае, т. Смит, вы повторили слова Пикус». М. Н. Смит: «Какие слова»? В. П. Милютин: «Те, что теория оторвана от практики. Это сказала Пикус. Я ей на это указал. Может быть, вы здесь просто некритически повторили эти слова введ за Пикус. Я сейчас на этом останавливаться не буду. Скажу только, что в свое время я указал Пикус на допущенную ею ошибку»).

Повторяю, мы не должны, конечно, говорить так. У нас есть отставание. Центральный вопрос, который в деле организации нашей теоретической работы стоит, это проблема теории и практики, сочетания их в данной конкретной обстановке. Это самое основное. Я не знаю, как в других областях, я сужу как экономист. У нас практика увязана с теорией. Но беда в том, что не всегда мы в нашей теоретической работе поспевали за практикой. Я лично сторонник того—я за это в президиуме всегда боролся,—чтобы наши теоретики-работники принимали участие в практической работе. Это дело я отстаивал по линии Аграрного института и по линии Экономической секции. Я всегда считал и считаю, что нам не нужны кабинетные работники, чистые теоретики. Нам необходимо, чтобы каждый теоретик занимался практикой. Только тогда он будет нужным нам теоретиком, а не кабинетным знатоком. Но, конечно, нужно признать совершенно ненормальным такое положение, когда наши теоретические работники, перешедшие на практическую работу, настолько перегружены ею, что у них совершенно не остается времени для теоретической деятельности. К сожалению, именно такое положение получилось с целым рядом работников. Их настолько загрузили практической работой, даже не по их специальности, что они декалфицируются как теоретические работники. Благодаря этому некоторые наши секции оказались в таком положении, на которое здесь уже указывали.

В частности, здесь была сделана совершенно правильная, справедливая оценка Экономической секции. Но, товарищи, я спрашиваю, может ли теоретическая работа проводиться путем самозарождения? Ведь в Экономической секции до последнего времени не было ни одного товарища на основной ра-

боте в секции. Был один Ронин, который отправился на практическую работу и совершенно аннулирован для теоретической работы в секции. Мы за него дрались очень много, но ничего не добились. Сейчас в этом отношении у нас имеется некоторый сдвиг, сейчас у нас имеется ряд работников по линии Экономической секции, по линии теперешнего Экономического института.

Но я тут не совсем согласен с т. Покровским в одном пункте. М. Н. Покровский усматривает слабость нашей деятельности в области экономики в том, что у нас отсутствует «школа», и более успешную деятельность историков и философов приписывает тому, что у них школа существует. Я с этим не могу согласиться. По-моему, не в этом дело. По-моему, создавать «школы» не нужно, потому что я лично считаю, что у нас есть одна школа — марксистско-ленинская, и создавать школы и школы в отдельных институтах, это значит, в конечном счете, создавать теории, которые будут в той или иной мере, в том или ином направлении противопоставляться нашей основной марксистско-ленинской школе. Таким образом я не согласен с тем, что слабость наших экономистов заключается в том, что у нас нет школы. Я считаю, что такой школы создавать нельзя.

Несомненно, что наша теоретическая работа переплетается больше чем когда бы то ни было с нашей плановой и оперативной работой. Наша теория превращается в плановую работу. Возьмите по реконструкции, возьмите по пятилетке, по любой теории, можно ли себе представить, что мы создадим особую школу среди экономистов, которая могла бы быть выделена как нечто отличное, предположим, от нашей работы в Госплане во всех областях хозяйственной и оперативной работы? Это было бы неправильно, ошибочно. Откровенно говоря, я лично себе не представляю ни целесообразности, ни нужности создания специальной школы в области экономики: у нас есть одна школа — марксистско-ленинская.

Мне представляется, что сейчас проблема организации теоретической работы заключается в том, чтобы каждый практик у нас был теоретиком и каждый теоретик практиком. Эту задачу мы должны суметь разрешить. Наша беда в том, что мы, действительно, в такой важной отрасли, как экономическая, не смогли найти конкретных путей для ее разрешения. В этом действительно наша беда. Но должен сказать, что это относится не только к области экономики, но и к области других дисциплин, в формах своей работы до сих пор не связанных с нашей социалистической реконструкцией.

Возьмем хотя бы такую отвлеченную область, как философия. Ведь мы не даром усматриваем очень крупные, существенные минусы в ее работе. А что значит для философа вмешаться в область социалистической реконструкции? Ведь мы действительно в целом ряде новых областей нащупываем методы разработки и проработки целого ряда проблем. Разве в культурной области, где мы приступаем развернутым фронтом к строительству, проблема методологии изучена? Разве эта область у нас проработана? Нет. А в целом ряде проблем социалистического строительства, — здесь работникам в области философии необходимо прийти на помощь в этих специальных областях. С другой стороны, нельзя философию сделать какой-то специальностью, которой занимаются только специалисты-философы. Философия — такая область, куда нужно втягивать большие кадры работников из других областей.

Обратимся теперь к работе наших естественников. Разве и тут не та же картина, что мы занимаемся проблемами высшей нервной деятельности, проблемами биологии и т. д., а целый ряд проблем развития производитель-

ных сил СССР, проблем нашей техники, до сих пор у нас не разрешен? Мы только кое-что начинаем в этом отношении делать. Нам только что передали один институт по минералогии из ВСНХ. Нам нужно пробывать себе в этой области пути, иначе и в области естествознания мы никогда не выкарабкаемся на смывчу с практическим строительством. И тут к прикладной науке нельзя относиться с тем известным рода пренебрежением, которое у нас наблюдается среди работников Секции естественных и точных наук.

Дальше — третья форма связи, сторонником которой я являюсь, но к которой подхожу с некоторым опасением. Должен по чистой совести на пленуме сказать, что эта форма и очень ответственна, и очень легко может привести к срывам. Мы обсуждали этот вопрос. Путь активизации нашего пленума — это путь принятия решений по тем или иным теоретическим проблемам и вопросам не только на больших конференциях и совещаниях, которые сравнительно редко бываю, но на пленуме и президиуме Комакадемии. У нас пленум собирается ежегодно, но почему он занимается только организационными вопросами? Почему не ставятся на нем научные доклады, не обсуждаются научные проблемы, по которым пленум обязан выносить те или иные решения? Я не говорю о том, через какие инстанции эти решения мы будем проводить дальше; но мне кажется, что теоретическая мысль Комакадемии, коллективная теоретическая мысль Комакадемии должна быть пробуждена именно в отношении президиума и пленума. Я не сомневаюсь, что многим товарищам, здесь присутствующим, по их квалификации, по их знаниям интересно было бы не только выслушивать всякие организационные проблемы, но и высказываться по актуальным проблемам на идеологическом фронте, где ведется определенная борьба. У нас же проблемы идеологической борьбы проходят мимо пленума и только отчасти задеваются президиумом. В этом отношении известного рода выходом являлись конференции по специальным вопросам, но это еще далеко не все. Такова третья форма — активизация работы, в сторону которой нам придется идти.

Я хотел бы остановиться дальше на работе по связи с ведомствами. Ведь сейчас получила крупнейший размах работа и по кадрам и по развертыванию научно-исследовательской работы в ведомственном масштабе (по линии ВСНХ, Наркомзема и т. д.). Мы до сего времени не могли нащупать тех путей, которыми можно связаться с ведомствами. Да откровенно говоря, мы были достаточно слабы, чтобы реализовать в этом отношении наши усилия. Те обязательства, которые мы берем на себя в революции, предлагаемой вам, без определенных организационных мероприятий неосуществимы. Это надо прямо сказать. В вопросах о связи с ведомствами, повидимому, намечается сейчас путь организации по целому ряду проблем промышленности, сельского хозяйства и т. д. специальных конференций вместе с ведомствами. На этот путь нам придется вступить.

Наконец, необходимо остановиться на очень существенном вопросе о качестве нашей научно-исследовательской продукции. Мы должны признать эту продукцию крайне низкой. В общем и целом у нас преобладает публицистика. Отдельные работы вроде книжки Бровкина и др. мы должны признать глубоко ошибочными, но это настолько незначительные работы, что большого значения это не имеет. Худо то, что вся наша работа крайне недостаточна. Поэтому борьба за качество продукции должна стать в центре нашей самокритики. И опять-таки коллективная мысль, коллективные работы в этом направлении должны прийти нам на помощь: до сих пор для научных

работников, даже крупных, у нас попрежнему налицо условия кустарнической работы. В этом отношении мы не далеко ушли от плохих форм и методов буржуазно-научной работы, и в этом смысле самокритика в Академии необходима не только по организационной структуре, но и по нашей научной работе, по нашей теоретической работе, которая иногда может быть названа теоретической в кавычках. Мы должны развить самую жестокую самокритику, и только в огне этой самокритики мы сможем достигнуть определенных положительных результатов.

Теперь последнее: мы имеем сейчас в Академии большую армию научных работников. Тов. Покровский уже называл здесь цифру свыше 300 научных работников. Кроме того у нас около 200 аспирантов, и в этом году мы наберем еще 500 человек—все вместе это даст нам армию примерно в тысячу человек с лишним, а если вы прибавите наше ленинградское отделение, то мы подходим к 1 500 человек. И вот нужно соваться, что организация работы этой армии и руководство этой работой у нас очень слабы. Тут конечно влияют—недостаток сил, недостаток средств; но мне представляется, что мы должны уделить большее внимание организации этих кадров и смелее выдвигать молодые силы. У нас установилась традиция—на все ответственные руководящие посты выдвигать тех товарищей, которые имеют имена. Надо перейти к другой системе, надо здесь применять метод более смелого выдвижения наиболее талантливых, зарекомендовавших себя работников на ответственные посты на фронте нашей идеологической работы. Вот тот путь организации нашей работы, который мне рисуется.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. С. БУБНОВА ¹

Товарищи, Коммунистическую академию обвиняют, главным образом,—и пожалуй даже законно обвиняют—в том, что она довольно плохо теоретически обслуживала до сих пор то громадное строительство, которое идет буквально во всех областях нашей работы. Если это так,—а это несомненно так,—то основное наше усилие в настоящее время должно быть направлено к тому, чтобы ликвидировать этот главнейший недостаток. Конечно, мы не можем отказаться от работы,—если можно так выразиться,—над прошлым. Мы эту работу ведем. Скажем, М. Н. Покровский изучает опыт империалистической войны, мы в Секции военных проблем заняты и ближайшим и более отдаленным прошлым, и это дело у нас идет более или менее удовлетворительно, хотя и здесь есть, конечно, очень большие изъяны. И в этой области мы должны употребить целый ряд усилий для того, чтобы лучше эту отрасль научной работы организовать. Но главное, что от нас требуют—это именно теоретическое обслуживание того громадного социалистического строительства, которое мы сейчас имеем во всех областях. Это основная задача.

И вот с этой точки зрения—я думаю, что Академии и ее институтам нужно теснейшим образом связаться с практикой строительства. Если не будет такой непосредственной связи, то у Академии никакой возможности угнаться за практикой не будет. Это совершенно очевидно. И опасность отстать тут, разумеется, чрезвычайно большая, потому что строительство у нас сейчас идет, во-первых, очень бурными темпами, а во-вторых, оно чрезвычайно детально.

Разрешите привести иллюстрацию, совершенно случайно взятую. Мне пришлось быть на партийной конференции в Архангельске. Архангельск и

весь край перестраиваются сейчас совершенно на новый лад, там работа идет под лозунгом создания нового индустриального Севера. Лес там играет громадную роль. Это как будто к Коммунистической академии отношения не имеет, но по существу дела это имеет громадное отношение, потому что эта перестройка ставит ряд крупных проблем, которые связаны и с нашим социалистическим строительством, и с внешним рынком, и с вопросами, какими путями идет перекармливание наше с империализмом, и пр. и т. п. Это имеет ближайшее отношение к Комакадемии и ее научной работе.

Я вас спрашиваю: каким образом мы можем установить эту связь, каким образом мы можем на свой язык, на язык теоретических обобщений и коммунистической науки, перевести этот опыт? Надо дать совершенно точный ответ, как связаться с этой областью опыта, потому что, если мы никакой организационной ниточки к этому опыту не протянем, то мы, конечно, не только отстанем от жизни, от строительства, но—просто не сумеем поставить целый ряд теоретических вопросов, разрешение которых требуется для того, чтобы практика социалистического строительства шла надлежащим образом, и для того также, чтобы невозможно было то снисходительное или даже пренебрежительное отношение к теоретической работе, к теоретическим работникам, о котором говорил здесь В. П. Милютин. Это совершенно естественно, потому что если человек, засучив рукава, занят практической работой и видит, что от Академии никакой пользы ему нет, он прямо скажет: вы мне не нужны. Наука только тогда и нужна, когда она дает практике какую-нибудь пользу; а если не дает, зачем она? Конечно, связь может быть очень близкая, непосредственная, и очень отдаленная, очень посредственная. Но если человек видит, что от Академии его делу, его участию нет пользы, то он будет относиться к ней весьма пренебрежительно. Я думаю, что здесь надо подумать, как связаться.

В такой практической работе, около нее работает целый ряд научных институтов. Возьмите тот же Север, тот же Сев. Кавказ с огромной коллективизацией. Что они, дожидаются Москвы? Ничего подобного, они собирают там людей, которые эту работу делают, и надо Комакадемии связаться со всеми этими организациями, учреждениями, институтами, которые там эту работу ведут.

Об этом, товарищи, мы на пленумах Комакадемии говорим не первый раз, но чтобы мы особенно энергично продвинулись по этому пути, я этого не вижу. Комакадемия должна быть очень большим центром, который должен из громадного практического материала выбирать, брать не весь материал, а выбирать тот, который ей нужен; а для того, чтобы выбирать, нужно иметь связь, потому что на местах в любой отрасли работы есть масса учреждений, которые уже заняты этим материалом. Комакадемии надо с ними связаться.

Затем, я думаю, что Комакадемии надо начать создавать нечто вроде института научных корреспондентов, которые бы систематически снабжали институты Комакадемии научной корреспонденцией, и так, чтобы это было не случайно, чтобы это было организовано, чтобы эти люди имели совершенно определенные обязанности и эти обязанности они выполняли бы и чувствовали, что то, что они делают, для Академии—полезно. В противном случае, мы ни одну область не сможем так теоретически осмыслить, чтобы не являться, как здесь М. Н. Покровский выразился, с красным флагом к отходу поезда.

¹ Дается по направленной самим т. Бубновым стенограмме.

Как мы можем заниматься, скажем, теоретически осмысливанием аграрной политики, когда Аграрный институт не имеет возможности связаться с текущим опытом по коллективизации, который везде различен: на Севере он один, на Кубани—другой, в Сибири—третий (*Тов. Кубанин*: «Мы сейчас послали бригады»).

Во всяком случае, эта проблема является основной проблемой. И уверяю вас, что дело с Аграрным институтом не совсем вышло так, как нужно, именно потому, что у вас не было этой связи (*Тов. Кубанин*: «Мы перебрали работников в с.-х. органы»).

Только при такой связи вы будете иметь то, что нам необходимо для разреза, т. е. связь научной теоретической работы Комакадемии с партийной политикой. Без связи с партийной политикой, без привлечения сюда людей, которые партийной политикой занимаются как профессией, тоже, товарищи, ничего не выйдет. Нужно иметь смычку не только с практикой строительства, но и связь с руководством, с партийной политикой. Это обязательно. Ведь не случайно, что выступление здесь т. Сталина сыграло роль перелома. Это служит наглядной иллюстрацией того, что Комакадемии нужно иметь большую связь с партийной политикой, и только тогда это дело пойдет. Но это, конечно, далеко не все, это только одна задача.

Вторая задача, которую я считаю нужной—с этой же точки зрения—выдвинуть со всей решительностью, это связь внутри Академии между институтами и обществами, которые здесь создались. Мне приходится принимать участие в двух таких организациях, которые работают под высокой рукой Комакадемии,—в Военной секции и в Обществе педагогов-марксистов. Мы в Военной секции буквально бьемся над тем, чтобы переломить тот совершенно недопустимый пацифизм, который имеется в кругах наших молодых марксистских ученых. Для того, чтобы его ликвидировать, нам нужно, чтобы эта секция была самым тесным образом связана с Институтом истории и с Обществом историков-марксистов (*С места*: «О каком пацифизме вы говорите?»).

Никто не интересуется военными проблемами, думают, что это пустяк, никого не затронешь. Никто не может сказать, что Военная секция работает плохо или что она собирает маленькую аудиторию. Ничего подобного. Придите к нам, вы у нас увидите полную аудиторию. Но это все люди в мундирах, ни одного штатского пиджака вы там не заметите: это необходимо отметить и это надо переломить, потому что это, с какой точки зрения угодно, а с точки зрения теории марксизма и ленинизма — совершенно неслыханное безобразие. Мы не можем работать в Военной секции, не имея достаточной связи с Институтом истории и Обществом историков-марксистов. Вот напр. сейчас М. Н. Покровский занимается империалистической войной с точки зрения издания документов. Мы тоже сейчас вплотную подошли к тому, чтобы практику империалистической войны осмыслить с точки зрения теории Маркса, Энгельса и Ленина. Но как мы можем это сделать, не имея связи с экономистами, не имея связи с историками? Мы никак не можем этого сделать.

Я не согласен с М. Н. Покровским относительно того, что в области педагогики мы имеем какие-то выдающиеся заслуги и достижения. Я очень молодой работник в этой области, но большего, товарищи, разноробя, большего «столоворчения» вместо занятия действительно живыми теоретическими вопросами, я не видел ни в одной области. Я могу сказать, что военно-марксистская наука, когда я в ней работал, представлялась мне такой областью,

которая тащится где-то в хвосте. А сейчас я должен сказать и берусь это утверждать, что педагогика тащится больше в хвосте, чем военная наука. Я не знаю, быть может, М. Н. Покровский знает больше, чем я, ему и карты в руки, но у меня такое впечатление, что мы тут имеем буквально чуть ли не пустое место. Возьмем напр. наши научно-исследовательские институты (*М. Н. Покровский*: «Научно-исследовательские институты—в этом я согласен»). Какое задание вы им ни дадите, какое задание вы ни возьмете, они ничего дать не могут. Это совершенно немыслимое дело. Что же затем получается? Получается то, что Наркомпрос этим институтам, примерно, 4 года никаких заданий не давал. Здесь не было той связи, которая должна быть между основным центром, ведающим этим делом, и педагогическими институтами. Тут увяки нет никакой. В области всевозможных спорных и прочих проблем марксистской педагогики положение таково, что иногда прямо приходится хвататься за голову. А ведь у нас имеется громадный опыт.

Что сделало наше Общество педагогов-марксистов? Нужно сказать, к нашему стыду,—это относится и ко мне лично,—что мы не сделали и самых начальных шагов в этом направлении, никакой работы у нас здесь нет. Конечно, Общество педагогов-марксистов не может работать без самой тесной связи с Институтом философии, потому что всем ясно, что целый ряд спорных и актуальных вопросов в области марксистской педагогики связан с целым рядом спорных вопросов в области философии, которые были спорными вчера и не являются спорными сегодня.

Итак, наблюдая работу Комакадемии с тех двух углов, к которым я имею касательство, я должен сказать,—мне это ясно,—что прежде всего необходимо установить самую тесную связь между институтами и обществами Комакадемии. Это совершенно безусловно.

Затем следующая задача. Академии нужно установить более тесную связь с квалифицированными учебными заведениями, которые дают нам теоретически подготовленных молодых людей, тех научно-исследовательских работников, которые должны быть втянуты в научно-исследовательскую работу в стенах Комакадемии. Та реорганизация, которая сейчас намечается в Комакадемии, несомненно, идет по этой линии. Мы должны за нее ухватиться, потому что кроме связи с практикой социалистического строительства, которая нам так необходима, кроме связи с институтами внутри Комакадемии, нам необходимо откуда-то черпать тот живой человеческий материал, который естественно должен притекать из наших квалифицированных учебных заведений, вроде Института красной профессуры. Вот те три задачи, которые нужно поставить перед собой.

Затем организация руководства. Это—четвертая задача. Нам нужно, конечно, здесь произвести целый ряд переворотов в организации руководства всей работой Академии. Почему, скажем, пленум обязан заседать с 8 часов и до 11½ или до 12 час., почему пленум не может заседать целую неделю, почему пленум ЦК, орган, руководящий всей нашей работой, может собирать квалифицированнейших людей на пять, шесть и десять дней, почему Комакадемия не может собрать на 5 или 10 дней, на целую сессию, чтобы поставить ряд общих вопросов, чтобы не тащиться в хвосте, чтобы действительно не приходиться к отходу поезда. Нужно для руководства найти время. Вот в чем основное дело.

Наша беда заключается в том, что мы завалены текущей работой сверх головы, что мы не имеем возможности отчасти хотя бы осмыслить то, что мы

делаем. Но, товарищи, ведь если для практиков это скверно, то для теоретиков это совсем не годится. Поэтому нужно сделать так, чтобы была изменена работа самих пленумов. Надо, чтобы пленум заседал регулярно, чтобы он заседал определенное количество времени, не один вечер, чтобы те, которые приезжают на пленум, имели возможность подготовиться и чтобы на этот пленум допускалось не только это количество людей, а значительно большее и чтобы он происходил в определенной атмосфере.

Почему опять-таки на пленумы ЦК,—очень квалифицированное учреждение,—допускается вовсе не те 120 человек, которые туда выбраны, а значительно больше? Почему Комакадемия не может выйти из этих стен, проявить свою общественность, подобрать около Академии бордюр, который бы постоянно присутствовал и принимал бы живейшее участие в сессиях Академии, которые нужно сделать регулярными?

В соответствии с этим нужно изменить работу президиума. Если т. Покровский и т. Пашуканис жалуются на то, что президиум Комакадемии забит до краев самой мелочью, то надо принять меры, чтобы это ликвидировать. Я считаю, что нужно эти четыре задачи перед собой поставить, и тогда мы сумеем рано или поздно, лучше, конечно, рано, чем поздно, ликвидировать тот основной недостаток, который имеется в работе Комакадемии, который довольно отчетливо сейчас сформулирован целым рядом органов и который в печати уже давно находил себе отражение.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Е. ВАРГА

Товарищи, я хотел бы остановиться на одном вопросе—о характере работы президиума Комакадемии и пленума Комакадемии. До сих пор положение было такое, что президиум занимался исключительно вопросами организации и политического руководства. Научные вопросы по существу в президиуме никогда не обсуждались и не разрабатывались. Я несколько раз возбуждал вопрос о том, что президиум Комакадемии только тогда может быть руководящим органом марксистско-ленинской науки, если он сам занимается хотя бы самыми важными, самыми спорными вопросами. Тут, конечно, есть большие затруднения. Тов. Покровский говорил: как может президиум по существу обсуждать вопросы Института высшей нервной деятельности или вообще вопросы естествознания? Каждый имеет свою специальность, и мы не в состоянии обсуждать вопросы любой специальности. Вот эта точка зрения нашла свое организационное выражение в том, что Комакадемия вообще должна быть ассоциацией самостоятельных институтов—Исторического института, Экономического, Института мирового хозяйства и т. д., а президиум должен только планировать. По-моему, эта точка зрения неправильна. Я думаю, что те недостатки, которые были в работе Комакадемии в прошлом, вытекают как раз из того, что мы самых важных вопросов не обсуждали в президиуме. Почему я считаю, что это неправильный подход? Какое отличие между Комакадемией и буржуазной Академией наук? Отличие это заключается в том, что в буржуазной Академии наук есть отдельные институты, из которых каждый делает свое дело. Но, товарищи, мы являемся Коммунистической академией, которая должна иметь единое мировоззрение, единый марксистско-ленинский метод, и поэтому для нас такой подход, что Комакадемия должна быть ассоциацией самостоятельных институтов и что президиум Академии должен только планировать,—не годится (Покровский: «И политически руко-

водить!»). И политически руководить—это для нас не годится. Где же тогда единое мировоззрение? Где же наш единый марксистско-ленинский метод? (Покровский: «В политике это сказывается!»). Политика—это самый высший этап, но и в идеологии должно быть единство,—и я думаю, что было бы неправильно считать, что обсуждать самые важные принципиальные вопросы по существу выше возможностей президиума Комакадемии и пленума Комакадемии. Конечно, товарищи, мы не такие люди, как Энгельс, который владел гуманитарными науками и естествознанием. К сожалению, мы не такие гиганты, как Энгельс и Маркс, но я думаю все-таки, что если мы пока оставим в стороне естествознание, то вопросы исторические, вопросы социологии, экономики и т. д. президиум Комакадемии мог бы по существу обсуждать. И если бы хоть раз в месяц президиум Комакадемии одно заседание исключительно посвящал этим вопросам, тогда, по-моему, дело Коммунистической академии и дело марксистской науки шло бы лучше, чем до сих пор.

Что касается работы пленума, то надо сказать, что пленум также не должен заниматься только заслушиванием отчетов, говорить о будущих задачах; необходимо ставить на каждом пленуме на обсуждение один из самых важных наиболее актуальных вопросов. Это возможно, конечно, только при условии, если уже работа президиума будет иметь такой научный характер, если на президиуме будут обсуждаться вопросы научного характера по существу. И я думаю, что если президиум так будет работать, то через год можно будет даже вопросы естествознания ставить на обсуждение президиума и позже на обсуждение пленума. Это не значит, конечно, что мы будем знатоками естествознания. Но если мы считаем, что есть единая марксистско-ленинская наука, что есть единый марксистско-ленинский метод, тогда очевидно, что такими вопросами, как вопрос о применении к специальным наукам естествознания единого марксистско-ленинского метода, по-моему, мы можем и должны заниматься.

Конечно, это—задача нелегкая. Поэтому необходимо, чтобы все организационные вопросы и т. д. занимали бы гораздо меньше места в работе Комакадемии, чем до сих пор, чтобы этими вопросами занималась только небольшая группа товарищей: двух-трех человек хватит для этого. А сам президиум все-таки должен, кроме планирования, кроме политического наблюдения, заниматься научными вопросами по существу, чтобы мы не попали в такое положение, что президиум Комакадемии или сама Комакадемия опардывали бы в очень важных политических и научных вопросах. Этого не должно быть, и этого не было бы, если бы президиум систематически работал над научными вопросами. Если мы это сумеем сделать, то после этого мы сможем придать работам пленума Комакадемии тоже научный характер. Если я правильно понял выступления тт. Милютин и Бубнова, то и они стоят на той же точке зрения—я уже два года повторяю, что это надо было бы сделать. Я думаю, что без этого Комакадемия не будет центром марксистско-ленинской науки.

ВЫСТУПЛЕНИЕ М. Г. БРОНСКОГО

Товарищи, Комакадемия пользуется большим авторитетом среди партийной общественности, и этот авторитет по сути дела получен ею в кредит. Это несомненно. Я думаю, что кредит уже исчерпывается. То, о чем В. П. Милютин говорил, что существуют такие «теории», взгляды и мысли, что теория нам вообще не нужна, а практика это все,—это показывает, что по отноше-

нию в Комакадемии кредит исчерпывается; и мы должны в срочном порядке приготовиться к тому, чтобы платить по нашим векселям.

Я не буду говорить о том, что Комакадемия несомненно за последние годы значительно расширила область своей работы. Экстенсивный рост работы Комакадемии—это факт, отрицать его никто не будет. Насколько в этой экстенсивно расширенной работе Комакадемии проявляется активность *самой* Комакадемии, сколько здесь моментов стихийного порядка, которые забрасывают Академию новыми заданиями,—это не трудно выяснить. По сути дела активности в работе Комакадемии в смысле исполнения основных задач, очень мало, как это признали тт. Милютин и Покровский. Я думаю, что нам пора уже это положение исправить и начать перестраивать свои ряды.

Если я перейду специально к работе экономической секции, то здесь мне ничего нового, ничего утешительного к тому, что сказали тт. Покровский и Милютин,—прибавить не придется. Экономическая секция до сих пор была, по существу, пустым местом. В настоящий момент есть перспективы на улучшение. Вы знаете, что в состав Экономической секции вошел Институт экономики РАНИОНа, и теперь мы имеем дело уже с Институтом экономики Комакадемии. Значительной частью работы Института экономики РАНИОНа была учебная работа, подготовка кадров. В этом отношении Институту экономики Комакадемии придется проделать колоссальнейшую работу для того, чтобы подготовку кадров включить в свою работу. Но подготовка кадров невозможна без научно-исследовательской работы. Институт экономики РАНИОНа проводил кое-какую научно-исследовательскую работу. Правда, благодаря недостатку материальных ресурсов, научных кадров, а также благодаря преобладанию буржуазной профессуры, которая стремилась работать больше, чем нам это было желательно,—научно-исследовательская работа Института экономики РАНИОНа была очень небольшая. Но во всяком случае там у нас намечался перелом в смысле актуальности тем научно-исследовательской работы. К нам, в Институт экономики РАНИОНа, обращались разные ведомства с предложениями проработать ту или другую важную для практики теоретическую работу. этой работой придется заняться и Институту экономики Комакадемии.

Здесь я хочу рассказать—на основе опыта раненовского института—каково отношение действительных членов Комакадемии, работающих в ведомствах, к научно-исследовательской работе. Я приведу случай довольно характерный, ибо то, что произошло в данном случае в Институте экономики, несомненно не случайное явление. В Институт экономики РАНИОНа пришло предложение из Наркомфина проработать вопросы реорганизации финансовой системы. Одновременно теми же вопросами занимались научные силы Госбанка, Наркомфина и Госплана. Как вам известно, мы в Комакадемии имеем Финансовую секцию. Один из работников Института экономики предложил эту работу объединить и передать в Финансовую секцию Комакадемии, которая объединяет тех же работников Госбанка, Госплана и Наркомфина, из которых—одни являются действительными членами Комакадемии, а другие будут сегодня утверждены в качестве действительных членов. И вообразите себе, что те же самые товарищи—действительные члены Комакадемии, но сидящие в разных кабинетах разных учреждений—были абсолютно не в состоянии найти общий язык. Прежде всего, было вынесено отрицательное решение по вопросу о передаче этой работы в Комакадемию. Было заявлено: «Мы должны заниматься делом. Нам нужно представить правительству доклад. Мы должны быть уверены в том, что это будет сделано. Комакадемия это не

такое учреждение, которое может гарантировать успех проведения этой работы». Это, товарищи, было заявлено одним из ответственных руководителей Госплана, членом Комакадемии. И вот в результате—работа, которая по сути дела должна была быть выполнена Комакадемией,—ибо все эти товарищи входили в Финансовую секцию,—разбилась, она не была передана в Комакадемию. Финансовая секция Комакадемии фактически не существует, несмотря на то, что члены ее прекрасно, но разбросанно работают в других учреждениях.

Что здесь, товарищи, характерного и поучительного для нас? Несомненно, что эти самые товарищи, собравшись в стенах Комакадемии, могли бы найти единый общий язык. Но они сидят в ведомственных бастионах и очень легко переходят на исключительно ведомственную точку зрения. Им очень трудно отказаться от ведомственности и найти общий язык. Я знаю, что наши товарищи, образованные научные работники (я не буду называть имен), подпевают ведомственным спецам, несмотря на то, что обладают прекрасной марксистско-ленинской школой. На заседании очень важного советского учреждения я был свидетелем такого факта, когда один из наших лучших молодых ученых, которого мы сегодня проводим в члены Комакадемии, защищал ведомственные позиции так, как никакой спец не мог бы этого лучше сделать, повабыв на 50% свой марксизм и ленинизм в этой области. И характерно, что его речь была воспринята спецами как прекрасная речь, защищающая их позицию. С точки зрения же Комакадемии, конечно, такое явление совсем неприглядное. Если ставить вопрос о борьбе с вредительством, о контроле над спецами, то разве может быть более авторитетное учреждение, нежели Комакадемия, учреждение, где все марксисты и партийцы могут найти общий язык и выявить то вредительство, которое очень умело скрыто и которое крайне трудно выявить без углубленного знакомства с данной областью работы? В ведомственных учреждениях наши молодые ученые очень легко разлагаются, не в обычном смысле этого слова, а в смысле теоретическом и практическом. Там они не имеют такого научного контроля, какой они могли бы здесь получить. Наши молодые научные работники, наши действительные члены заняты в ведомствах (правда, они там должны, обаяны работать), но, попадая туда, они начинают сереть, они теряют свою теоретическую марксистско-ленинскую установку и делаются ведомственниками, т. е. видят только то, что делается в их бастионе.

Такие факты, товарищи, мы наблюдаем к сожалению очень часто. Мы имеем много прекрасных молодых экономистов партийцев и марксистов, работающих в различных ведомствах, но мы их никак собрать в Комакадемию не можем. Между тем мы на них должны влиять, а не те учреждения и те спецы, которые по сути дела обосновывают ведомственную точку зрения.

Мы должны поставить вопрос о реорганизации работы Комакадемии во всем объеме. Наше учреждение должно дать принципиальную установку по важнейшим вопросам практической работы многих наших молодых ученых. Эта реорганизация в работе Комакадемии должна быть проведена в самом ближайшем времени. Но я должен сказать, что для этого нам нужно перестроить работу Комакадемии и специально—Экономической секции. Здесь т. Милютин возражает против предложения т. Покровского относительно «школ». Правильно. Школ у нас быть не должно. У нас существует—и должна быть—одна марксистско-ленинская школа. Но по сути дела у нас действительно получается нечто вроде маленьких «школ», а бы сказал, нечто вроде

маленьких «хедегов». Каждый авторитетный работник, в области напр. экономики, группирует вокруг себя товарищей, но в результате «школы» из этого не выходит, а выходит какая-то группа, какая-то келейность в работе. И получается, что крупные задачи и вопросы работы Комакадемии решаются исключительно келейным путем. Я не хочу здесь никого обижать. По всей вероятности это происходит потому, что многие из нас очень заняты и перегружены работой. Я дам вам два ярких факта. Экономическая секция решила подготовить издание «Экономической энциклопедии» от имени Коммунистической академии. Это крупная теоретическая и практическая работа. Это крупный учебник не только для нас, но и для всего мира. В этом отношении М. Н. Покровский прав, когда говорит, что многие за границей учатся больше по нашей практике и меньше по нашим учебникам. И вы думаете, наши экономисты, действительные члены Комакадемии, были привлечены к разработке этого вопроса? Наши молодые экономисты,—я был руководителем экономического института в РАНИОНе,—никакого участия в подготовке этого крупнейшего дела не принимали. Я, действительный член Академии, узнал об этом только из выписки протокола президиума Комакадемии. Проработки программы этого издания широкими кругами наших экономистов не было. По всей вероятности это было на заседании Экономической секции Комакадемии, где присутствовало 3, 4 или 5 человек, после чего вопрос был передан на утверждение президиума, и дело кончено. Это крупнейшее дело сделано было без участия широкого круга экономистов, даже членов Комакадемии.

Я не знаю судьбы этой «Энциклопедии», хотя ходят слухи о том, что первый том должен был выйти, но он задержался по целому ряду соображений, выбрана новая редакция, собираются переиздать первый том. Однако, экономисты, научные работники разных институтов, ничего не знали и не принимали никакого участия в работе по подготовке «Энциклопедии».

То же самое, товарищи, в области журнала «Проблемы экономики». Вещь большая; журнал от имени Комакадемии—«Проблемы экономики»—мог бы и должен был бы завоевать себе крупный авторитет в области теории и практики. Я заявляю, что активные работники, экономисты, стоящие близко к Комакадемии, к другим нашим институтам, никакого участия в подготовке его не принимали. Они правда получили приглашение писать, и это хорошо. Двести человек получили приглашение писать, сколько же из них пишет—я не знаю. Во всяком случае этим журналом Коммунистическая академия не может похвастать. Там есть хорошие статьи, там прекрасные работы, но ведь это же не руководящий орган ни в теоретической области, ни в конкретной экономике.

Здесь В. П. Милютин говорил, что Комакадемия прошла мимо дискуссии с Рубиним. Это было бы полбеды, если бы она прошла мимо, хотя это, разумеется, плохо. Но это неверно. В журнале «Проблемы экономики» с первого номера началась борьба, были статьи за и против, причем самое характерное это то, что редакция раскололась на две равных половины, на две равных части, и за все время своего существования до постановления прекратить прения она не заняла определенной позиции. Журнал постоянно занимался этим вопросом, постоянно помещал статьи за и против, не высказывая своего мнения. Когда гром грянул, тогда за подписью тт. Милютина, Борилина «Проблемы экономики» поместили статью. Но где сама Комакадемия, где был президиум, где был пленум Комакадемии? Ничего, ни слова, ни звука об этом.

Я перехожу к следующему вопросу—вопросу руководства институтами и секциями со стороны президиума. Это тоже фикция. Товарищи, разве возможна была бы такая вещь, что на глазах у президиума существует Экономическая секция, существует Секция финансовая, составляются планы, которые очень торжественно утверждаются, но никто ничего не делает, а президиум не заботился о том, чтобы напомнить уважаемым товарищам: почему вы ваши планы не осуществляете, почему вы ничего не делаете; представили планы, напечатали их в нескольких сотнях экземпляров, а ничего не делаете? Президиум Комакадемии пальцем о палец не ударил, не напомнил своим институтам о том, чтобы они выполняли планы. Дело ведь не только в том, чтобы исправлять ошибки,—это тоже нужно и лучше поздно, чем никогда,—но во всяком случае не только в этом должно заключаться руководство институтами. Институты должны чувствовать, что у них есть хозяин, руководитель, что они подотчетны, что каждые 3 мес. они должны прийти в президиум и сказать, что они сделали и чего не сделали. Товарищи, я тоже несу ответственность за определенную работу. Я убедился в плохой работе Комакадемии в области руководства, после того когда пришла рабочая бригада обследовать Институт экономики РАНИОНа. Я думаю, что если придет сюда рабочая бригада, чтобы проверить работу Комакадемии, то получится такой скандал, какого ни одно советское учреждение не видело. Там нам делали упрек, что работу, которую мы должны были сделать к 1 марта, мы сдаем 1 июня, и за это нас крыли. Товарищи, не только к 1 июня, но и к 1 октября не будет сделано здесь никакой работы в срок, а денег израсходовано много. Вы имеете все возможности, вы рассылаете ваши печатные вещи бесплатно, вы имеете весь государственный аппарат в вашем распоряжении и ничего не делаете. Я прекрасно знаю, что трудности большие, трудности т. н. «объективные», но мы как теоретики говорим, что нельзя ссылаться на объективные трудности. Я думаю, что причина в некоторой келейности у части руководителей Комакадемии в некоторых областях науки, которые закрывались от молодежи и в которых не было широкой проработки вопросов. Вина здесь в том, что задерживался приток молодых сил в учреждения Комакадемии. Если я назову те учреждения, которые возглавляются членами президиума Комакадемии, то вы увидите, что физически невозможно эту работу им выполнять. Возьмем напр. т. Крицмана—прекрасный товарищ,—но он возглавляет, если не ошибаюсь, три института (в последнее время он от некоторых отказался): Аграрный, Экономическую секцию, возглавлял еще разные исторические секции, был редактором «Проблем экономики», редактором журнала «На аграрном фронте» и т. п. Он как-то в разговоре со мной сказал, что совмещает 18 должностей. Разве возможно, чтобы т. Крицман, хотя бы он был в 10 раз физически здоровее, мог все это делать? Невозможно, не в состоянии один человек этого сделать. Но кто приказывает нагружать себя таким образом? Все добровольно это делают. Это плохая организационная система—делать все только самому. Никакой пользы от этого не будет. Я думаю, что нужно покончить с этим недоверием к другим, с недоверием к молодежи. Это совсем не годится.

Переход Института экономики РАНИОНа в Комакадемию должен дать толчок к полной реорганизации отношений внутри экономистов: необходимо опираться в работе на актив экономистов. Тов. Крицман предлагал еще в прошлом году созвать съезд экономистов, организовать Общество экономистов, но ничего из этого пока не вышло. Подумайте, какая колоссальная сила

получится, если вы это сделаете, если созовете такой съезд или даже будете созывать собрания экономистов и будете обсуждать там вопросы организации «Экономической энциклопедии» и целый ряд других вопросов.

Я не говорю уже о том, что мы пропустили мимо себя целую массу практически вредных и теоретически неправильных взглядов в разных областях теоретической экономики. Я не говорю уже о Рубине. Специально я имею в виду конкретную экономику, и здесь в Комакадемии полный разброд среди ее членов. Государственные органы, наши партийные органы требуют от нас научного ответа, а что мы можем сказать? Придут три человека и будут высказывать два мнения. Никакой согласованности нет. У нас не существует актива экономистов. В нашей среде есть товарищи, которые могли бы в значительной степени помочь в этом деле президиуму Комакадемии и всей Комакадемии. Недостаток в том, что организационная схема негодна: замкнутость, келейность—из самых честных мотивов—я подчеркиваю—никто не гнался за чинами, ибо в области научной никто чинов получить не может—здесь абсолютно честные мотивы, но здесь есть организационная неспособность расширенную работу распределить на значительно выросший актив. Это нужно преодолеть. Здесь т. Варга предлагал сделать из президиума такое учреждение, которое по всем вопросам выносит последнее решение. Я думаю, что это неправильно. Мы должны ограничиться политическим руководством там, где наука переходит в практическую политику. Если мы будем выносить последние решения по теоретическим вопросам—то мы далеко не уйдем. Смешно было бы, чтобы я и т. Варга решали вопросы естествознания. Я откажусь от этого или буду в лучшем случае голосовать, как голосует большинство. Что же нам нужно сделать? Образовать актив по специальности. Среди экономистов могут быть аграрники, финансисты, и они как экономисты могут образовать авторитетный актив, и в этом смысле предложение А. С. Бубнова устраивать почтае пленумы является несомненно самой здоровой мыслью. Я бы сказал—устраивать пленумы не только всей Академии, но устраивать пленумы по институтам. На них можно будет обсуждать вопросы животрепещущие и для партии необходимые. Возьмите, товарищи, что мы сделали к XVI партийному съезду. Комакадемия придет действительно с некоторыми научными трудами, но существует ли подготовка к съезду Комакадемии как таковой? Нет. Тов. Милютин, правда, собрал актив, на который пришло человек 10—12. Он предложил обсудить вопрос, но никаких заседаний после этого не было, никакой спаянности экономистов, стоящих на одной платформе и членов одной и той же партии, не было, и по сути дела не о чем было разговаривать. Это показывает, что мы приходим раз в год на торжественные заседания, иногда устраиваем «немой сейм», как ядовито заметил М. Н. Покровский, но по существу дела активность наша в Академии ниже всякой критики.

Еще несколько слов относительно издательской работы. Я думаю, что в этом отношении работа Комакадемии тоже очень хромает. Ведь у нас большой авторитет. Книжка, изданная Комакадемией, считается лучшей книжкой. Для читателей Издательство Комакадемии имеет большой авторитет, а мы издаем книги, за которые Комакадемия не всегда может отвечать. Тов. Милютин очень легко обошел два факта в этой области. Вышла книжка Бровкина. «Сделана ошибка», говорил он, и президиум принял недавно решительную резолюцию. Но эта книжка вышла 2 года тому назад. (Голос с места: «Полтора года тому назад»). Ну полтора года тому назад.

В 1929 г. в «Социалистическом хозяйстве» была помещена рецензия на эту книжку. Получается действительно вещь невозможная: идет полтора года книжка под флагом Комакадемии. (Голос: «Рецензия была положительная»). Не совсем положительная, прочтите внимательнее. Я говорю, что полтора года книжка идет под флагом Комакадемии... (Покровский: «Не только Комакадемия и ее президиум, но и журнал «Социалистическое хозяйство» не заметил, что это за книжка»). Вы не читали этой рецензии, из присутствующих не знаю, кто читал, так что я констатирую, что тот, кто хочет этим прикрыть грехи Издательства Комакадемии, ничего не выиграет. Если вы прочтете эту рецензию, вы увидите, что она от этой книжки отмежевывается. Но одно дело журнал, а другое дело—президиум Комакадемии. А т. Милютин так легко проходит мимо этой вещи.

Напомню другой факт. Вышла книга о Польше. Я этой книжки не читал, но читал самую резкую рецензию на нее в «Известиях». Хорошо. Можно ошибки делать и Издательству, нужно, чтобы президиум пробрал за это. Но должно ли Издательство издавать вещи, не имеющие никакого отношения к научно-исследовательской работе Комакадемии? Должно ли это Издательство, должны ли мы все издавать, исходя из рыночной концепции, или надо исходить из совсем других мотивов. Я думаю, что издательская деятельность Комакадемии это не вопрос рентабельности издательства, это вопрос продвижения идеологически выдержанных книжек, за которые Комакадемия как учреждение отвечает. И в этом смысле я думаю, что в Издательстве за последнее время был некоторый уклон в рыночную концепцию, концепцию рентабельности. Правильно ли это? Я думаю, что было бы более правильно, если бы Издательство Комакадемии издавало книги, представляющие научные работы Комакадемии, а не конкурировало бы с другими издательствами. В этом отношении нужно будет сделать некоторую проверку работы Издательства.

Теперь относительно организации будущей работы Комакадемии. Правильно указал т. Пашуканис, что президиум занимается вермишелью. У него нет времени заниматься руководством институтами. Я думаю, что здесь нужно практически провести следующие мероприятия. Разделить президиум—у нас пример есть—на часть, занимающуюся организационными и административными вопросами, и часть, занимающуюся вопросами руководства институтами. При таком распределении работы можно будет ожидать, что президиум Комакадемии больше внимания будет уделять руководству институтами, нежели необходимым, но мелким вопросам практического организационного порядка.

И затем,—самое важное,—нам нужно усилить активность наших действительных членов, группируя их около институтов, созывая чаще пленумы этих институтов и ставя на них актуальные теоретические и организационные вопросы.

ВЫСТУПЛЕНИЕ М. Н. СМИТ

Товарищи, происходящие заседания пленума—это удивительно новый, удивительно бодрящий момент в жизни Комакадемии. В самом деле, это ведь первый пленум, где так открыто развешиваются вопросы самокритики. Правда, самокритика эта чрезвычайно редкая. Стоило только послушать руководителей Комакадемии, тт. Покровского и Пашуканиса, чтобы понять, что такое самокритика в нашей советской работе и как глубоко способны мы обнажать наши собственные недостатки, когда в этом есть историческая не-

обходимость. Но как бы сильна эта самокритика ни была, как бы резко ни говорили о работе Комакадемии те товарищи, которые как раз за нее отвечают, слушать их все-таки было чрезвычайно весело, ибо, товарищи, это обнажение явь, это указание слабых мест, ведь оно отнюдь не было каким-то testimonium paupertatis—свидетельством о бедности. Как раз наоборот, оно является свидетельством о богатстве и силе нашего роста. Оно доказывает, что жизнь требует от Комакадемии чего-то нового, ибо советская общественность растет таким бешеным темпом, что мы, работники научного производства, не поспеваем за ней и осовняем это именно потому, что мы попали в водоворот этого темпа, окунувшись в те внутренние противоречия, которые этот бурный, бешеный рост вызывает. С этой точки зрения чем больше грустного, резкого и решительного здесь сказано, тем лучше, тем веселее, товарищи, тем отраднее за дальнейшую работу и будущее Академии.

Но, к сожалению, здесь в эту отрадную картину настоящей правильной большевистской самокритики ворвался все же один диссонанс. Мне очень жаль, что мне придется об этом говорить в отсутствие т. Милютин, которому я хочу это сказать, но ввиду того, что его не будет, я буду говорить в гораздо менее резких выражениях, чем я могла бы говорить в его присутствии.

Будет стенограмма, которую он сможет прочитать и в любое время сможет на нее ответить.

Ведь, товарищи, в самокритике такую же важную роль, как и самокритика со стороны руководителей и работников того или иного учреждения, играет и пресса и в особенности центральный орган нашей партии. Именно в этом и состоит одна из задач нашей прессы—поднимать вопросы самокритики. Ведь для самокритики вовсе не обязательно идти начальническо-ведомственным порядком. Любой участник работы, начиная от курьера, обязан участвовать в ней. Следовательно совершенно правильным и закономерным явлением было выступление некоторых работников Комакадемии в «Правде», и совершенно естественное явление, что «Правда» это выступление поддержала. А вот т. Милютин приписывает этим товарищам некое своеобразное «преступление», которое, очевидно, одновременно приходится распространить и на редакцию «Правды», ибо, увы, обе статьи были напечатаны без редакционного примечания. Может быть, выступление т. Милютин с количественной точки зрения и не заслуживает ответа, ибо так мало товарищей поняло, в чем дело, что, может быть, и говорить о нем не стоит, но раз хотя бы один товарищ понял смысл его нападения, хотя бы только сам т. Милютин, и оно попало в стенограмму, то разобрать, в чем дело, надо. А дело вот в чем. Тов. Милютин выдвинул одну вполне правильную мысль, что марксистско-ленинская теория есть сама по себе руководящая революционная практика. Это совершенно верно. Но это общее, очевидное для нас всех положение ни в коем случае не отвечает за то конкретное положение вещей, которое мы все, товарищи, здесь единогласно констатируем.

Тов. Пикус написала в «Правде»,—и я с ней вполне солидарна,—о разрыве между наукой и практикой. Разве его, товарищи, нет на деле? Разве товарищи не констатировали в своих выступлениях наличие такого разрыва в конкретный период исторического развития Комакадемии, совершенно конкретного учреждения? И разве такая констатация есть отрицание того положения, что марксистско-ленинская наука влияет на революционную практику, что она с нею органически связана? Да ничего подобного. Самокритика должна опираться не на общие положения только и не за них прятаться, а

ориентироваться и разобраться, насколько мы в конкретной действительности близко или далеко уходим от этих общих положений.

Чтобы не быть голословной, позволюте привести хотя бы такой факт. Не так давно в журнале, который редактирует т. Милютин и который называется «Проблемы экономики», была помещена статья,—«К вопросу об учете эффективности капитальных вложений», в которой чрезвычайно резко критиковался (выражаясь академически) некий документ, изданный Бюро экономических исследований ВСНХ. Тут М. Н. Покровский очень остроумно сказал, что кто-то приезжает на вокзал с красным флагом, когда поезд ушел. Хотя я автор этой статьи, но я в данном случае тоже являюсь на вокзал с чрезвычайным заповеданием, говорю это в порядке самокритики. Ведь как было дело? В Бюро экономических исследований ВСНХ сидели люди—в тот период по крайней мере,—чрезвычайно далекие от марксистской идеологии, и они-то решали по поручению Совнаркома вопросы большого значения и решали неправильно, решали так, что на основе их работы могли быть сделаны очень реакционные выводы. А мы, Комакадемия, что-нибудь об этом знали? Они нашу марксистскую научную экспертизу запросили? Да нет, они бы и махнули на нее рукой, если бы кто-нибудь предлагал им или приказал обратиться к нам. Да и не предлагал никто. Мы разве что-нибудь об этом знали? Ничего. И я об этом писала не как работник Комакадемии, а я об этом знала как бывший работник бывшего ЦСУ, которое в свое время тоже получило от Совнаркома директиву в этом разбраться. Но вот в Комакадемии не обращались. И только к концу всего, освободившись от ЦСУ, я смогла во всем этом разбраться и на страницах «Проблем экономики» завопить. А мы пока спорили об абстрактном труде, товарищи, это факт. Впрочем даже об абстрактном труде и то не спорили, и нам это ставится в вину. Разрыв налицо,—об этом говорил и т. Покровский, об этом говорил и т. Бронский,—и это разрыв чрезвычайно серьезного порядка. Мы должны исходить не из общих тенденций, не из категории должного, а из категории сущего. Вот, например, сказать, что между бюрократизмом и социалистическим строительством стоит знак равенства, что между ними можно найти много общего, никак нельзя. А возьмите газеты эпохи социалистического строительства—каждая из них полна материалами о борьбе с бюрократизмом. И дальше в «Большой советской энциклопедии» печатается замечательная во всех отношениях политическая статья, которая теоретически разбирает сущность бюрократизма. А если посмотреть со стороны, так сказать, то вы скажете, что там связывается бюрократизм с социалистическим строительством. Примерно такое же насилие было сделано и над товарищами, выступившими в «Правде» и утверждавшими, что у нас существует разрыв между практикой и теорией. Тов. Милютин предъявил обвинение в том, что они отрицают связь между марксистско-ленинскими принципами и конкретной практической действительностью.

Но, товарищи, позволюте с этим делом покончить и перейти к другим моментам.

Как ни сильна была страница самокритики, развернутая здесь, все же она может быть закончена только тогда, когда мы от критики перейдем к конкретным предложениям на будущее. Первый акт самокритики—это признание своих ошибок и анализ условий, в которых они возникли. Второй акт—это решение вопроса о том, как их устранить. Мне невольно вспомнилась, когда я слушала многих товарищей, здесь выступавших, одна статья, написанная

т. Ярославским в период, когда началась чистка партии. В этой статье т. Ярославский указывал, что важнейшим критерием чистки, которым должны оперировать все проверки, является критерий отношения работы члена партии к социалистическому строительству. «Что ты сделал для социалистического строительства?» — вот критерий, с которым мы должны подходить к каждому, кто именуется себя членом партии. Это критерий чрезвычайно правильный, критерий синтетического характера. И он приложим не только к людям, но и к учреждениям. И вот я спрашиваю, что мы, члены и работники Комкадемии, сделали для социалистического строительства в недрах нашего учреждения? Одни из нас сделали, может быть, больше, другие — меньше, но в общем и целом нужно констатировать, что мы сделали недостаточно. Следовательно, мероприятия, все предложения на будущее именно с этой точки зрения должны разбираться. Здесь предлагался — и в докладе М. Н. Покровского и в том материале, который был нам роздан, — целый ряд организационных мероприятий, которых нельзя не поддержать. Конечно, совершенно правильно, что укрупненные разделы Комкадемии создадут внутри себя, с одной стороны, небольшие по составу, но очень ответственные коллегии, о которых говорил т. Покровский, а с другой стороны, — постоянный научный актив, о котором говорил ряд товарищей и, если не ошибаюсь, говорил и т. Бронский. Это не только по форме, но и по существу изменит работу Академии на новом этапе, в переживаемую нами эпоху и в связи с требованиями ее. В связи с этим был намечен и ряд других мероприятий, в частности по этой же линии было и предложение т. Милютина о том, чтобы собирать конференции ведомственников по каждой специальности, по которой у нас ведется научная работа. Все это совершенно правильно, товарищи, но нельзя ограничиваться одними мероприятиями, нельзя потому, что организация — это форма, а не существо. Нужно найти ту организационную форму, которая наилучшим образом соответствует нашему критерию. Надо начать с того, чем мы должны быть, что мы должны делать, что мы должны дать, и согласно этому, намеченному нами представлению, уже говорить об оргформе. Это хорошо, что будет несколько крупных институтов вместо случайных, иногда очень смутных секций и подсекций, но не в этом дело. Дело в том, чем они будут заниматься. Ведь это решающий вопрос. И затем вопрос о том, какими способами, какими каналами будет проникать то, чем они будут заниматься, в практическую жизнь. Нужно это практической жизни или это разного рода научные исследования вообще, которые могут иметь место сегодня или 100 лет тому назад, или еще через 100 лет? С этой точки зрения, я думаю, что важно будет обсудить на пленуме, хотя бы через 3 месяца, если это будет возможно, то, что формально называют планом работы, а что по существу определяет самую сущность нашей работы. План работ любого учреждения, практического или научного, состоит с внешней стороны из перечня работ, идущих отдельно или соединенных в определенные группы. Но, товарищи, ведь в любом учреждении можно предложить много всяческих работ. И те учреждения, в которых пухнут штаты, которые борются за право госаппарата на существование, они обыкновенно любят предлагать несметное количество работ, иногда просто в порядке борьбы с безработицей интеллигенции. И ведь не в том дело, чтобы написать длинный список, а в том, чтобы выпятить на первый план по каждому нашему институту и секции те крупнейшие и важнейшие работы, вокруг которых можно возбудить революционный энтузиазм наших молодых научных сил. Несколько крупнейших

работ и только их, товарищи — это организационно совершенно необходимо, не «числом поболее, ценою подешевле», а как раз наоборот, только крупнейшие работы, которые важны для социалистического строительства. Пусть физики из Секции точных наук знают, что они обязаны что-то сказать принципиальное в области реконструкции техники, ибо это неслыханное, товарищи, дело, чтобы ученые физики из Комкадемии были сами по себе, а реконструкция — сама по себе, хотя бы эти ученые физики из Комкадемии излагали и переводили сколько угодно иностранных работ.

Пусть биологи из Секции точных наук поймут, что они обязаны что-то сказать об организации труда и быта, потому что над этими проблемами работают часто люди только эмпирически, а биологи занимаются вопросами и евгеники, чтобы дать материал Демьяну Бедному, и чем только ни занимаются. Если физики и биологи докажут, что они занимались вопросами современности, я буду счастлива взять свои слова обратно.

В особом положении находятся институты истории и философии. Совершенно естественно, что их влияние на жизнь не непосредственное. Они решают более общие проблемы.

Об Экономической секции даже говорить не приходится. Во-первых, здесь о ней достаточно говорили, а во-вторых, ее роль совершенно очевидна, и сам М. Н. Покровский говорил, что первая и определяющая роль принадлежит экономическому сектору. Но тем ответственнее дело составления плана работ по экономическому сектору. Ибо и здесь перечень работ может быть очень длинен, а отделить в нем главное от второстепенного, выбрать то центральное и важное, вокруг чего можно зажечь революционный энтузиазм наших молодых марксистов, — в этом и состоит вся трудность.

Наряду с этим, товарищи, нашей важнейшей задачей является принять участие в той огромной работе по поднятию теоретического уровня советской работы, которую ведет наша партия. Как можем мы, если мы действительно достойны звания научных работников Коммунистической академии, это осуществить? Это, откровенно говоря, самая трудная из всех труднейших задач, ибо здесь мы действительно упираемся в двусторонность процесса, о котором писала т. Пинкус. Мы иногда не умеем повлиять на практику и поставить именно те вопросы, которые для практики важны, но и сами практики часто совсем игнорируют нас и иногда предпочитают решать вопросы в порядке полувечного эмпиризма и административных восторгов и только отмахиваются от Комкадемии. Поэтому, товарищи, мы внутри себя этот вопрос не решим. Мы должны поручить это вновь избранному президиуму, дать ему наказ, что он должен серьезно проработать, политически проработать, а не эмпирически или как-нибудь иначе, вопрос о формах связи с практическими учреждениями. Возможно, что вопрос этот должен решать кто-то третий, ибо когда двое друг друга не понимают, то нужно обратиться к кому-то третьему.

И вот, товарищи, если бы мы сумели выбрать центральные проблемы и сделать так, чтобы учреждения и практики поняли, что от той работы над этими центральными проблемами, которая проводится в Комкадемии, что-то зависит, и если бы они научились ценить научные эксперименты коммунистов и марксистов-научных работников, а мы научились бы понимать, что каждая наука необходима не сама для себя, а именно для социалистического строительства — тогда все вопросы были бы решены.

Прежде чем закончить, разрешите еще сказать следующее: категория самокритики никогда не исключает категории ответственности, об этом уже

говорил М. Н. Покровский. Пусть же впредь наша самокритика во всей работе, которую нам еще предстоит проделать, будет действительно связана с новыми принципами управления, и если мы не можем достигнуть полного единоначалия, то, как осторожно выразился М. Н. Покровский, надо идти к созданию небольших, но вполне ответственных групп, которые будут по каждой крупной части Комакадемии руководить работой и отвечать за нее.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. МАРТЫНОВА

Настоящий пленум стоит под знаком самокритики. Очень много говорилось уже со времени конференции аграрников-марксистов о том, что теоретическая работа Комакадемии несвоевременно отклоняется на актуальные задачи в области социалистического строительства в реконструктивный период. Я хотел бы остановиться на другом вопросе—на том, насколько теоретическая работа Комакадемии отклоняется на те актуальные и актуальнейшие проблемы, которые выдвигаются в международном рабочем и революционном движении. И в этой области, товарищи, дело обстоит весьма неблагоприятно. В последнее время мне известен только один доклад в Комакадемии по вопросу, связанному с международным рабочим движением (доклад на тему о теории «организованного капитализма»). Это, конечно, вопрос огромной принципиальной важности. По этой линии лежит водораздел между коммунистами, с одной стороны, социал-демократами и правыми оппортунистами в рядах Коммунистического Интернационала, — с другой. Несомненно, что этот вопрос заслуживает серьезного внимания. Но, товарищи, этот вопрос нам решать было сравнительно очень легко, потому что каждый день и каждый час в жизни капиталистического мира показывает всю нелепость и беспочвенность теории «организованного капитализма». Эту теорию развить нам было легко и потому, что на этот счет мы имели уже ясные высказывания не только у Ленина, но уже у Энгельса. Теоретически этот вопрос для нас является исчерпанным. Здесь остается только вопрос практический: каким образом довести марксистско-ленинское освещение этой оппортунистической теории до сознания широких масс? Но это уже вопрос тактики. Но, товарищи, есть много актуальных вопросов из области международного рабочего и революционного движения, которые перед нами ставятся жизнью, которые далеко еще не выяснены до конца и на которые Комакадемия тем не менее совершенно не реагирует.

Я, товарищи, остановлюсь на нескольких проблемах, имеющих огромное значение, которые далеко не так ясны, как вопрос об «организованном капитализме». Первый вопрос. Как объяснить то, что вопреки чрезвычайно благоприятной для коммунистического движения объективной ситуации падение влияния и престижа социал-демократии в пролетарских массах идет не по прямой линии, не по ровной наклонной плоскости? Социал-демократические партии несомненно утрачивают влияние в массах, но линия их падения—зигзагообразная, и как раз в самое последнее время, в нынешнем году, мы видим некоторую поддержку в их падении. Это вопрос, имеющий для нас огромное значение. Ни для кого из нас не подлежит сомнению, что мы переживаем все более и более обостряющийся кризис капитализма, осложненный в последнее время еще экономическим кризисом, очагом которого явилась Америка. Ни для кого из нас не подлежит сомнению, что мы живем в эпоху загнивания капитализма, фашизации государства, фашизации социал-демократических партий и реформистских профсоюзов. Совершенно очевидно, что социал-демократия

сама себя разоблачает перед массами, как никогда. Ни для кого из нас не подлежит сомнению, что уровень жизни рабочего класса в капиталистических странах понижается и что мы имеем всюду бешеное экономическое и политическое наступление на рабочий класс. Ни для кого из нас не подлежит сомнению, что происходит не только полевение рабочего класса, но и новый революционный подъем среди рабочих. Тем не менее мы имеем такой факт, что если в 1928 г. на парламентских выборах в Германии, в Польше и во Франции можно было констатировать, что Коминтерн отвоюывает рабочих у социал-демократии, если в 1929 г. мы смогли пробить такую брешь в социал-демократической крепости, которая вызвала настоящую панику у буржуазии, то в самое последнее время, после невероятных предательств, совершенных социал-демократией у власти, социал-демократы завоевали себе какую-то передышку. Они сумели на некоторых участках демагогическими маневрами явно укрепить позиции и завоевать новые. Почему это, чем это объясняется? Вот вопрос, который имеет для нас огромное значение. Коминтерн этим вопросом занимается, и Коминтерн как штаб, руководящий революционным движением пролетариата, выяснил, что это является нашей виной и что социал-демократы, социал-фашисты завоевали позиции именно в тех местах и только в тех местах, где наши товарищи проявили оппортунизм на практике или где мы имели «левые загибы». Это совершенно бесспорно. Не место здесь об этом распространяться. Это можно точно доказать на основании фактов.

Но вот, что нас здесь как членов Комакадемии должно интересовать. Когда мы подходим к вопросу, чем питается этот оппортунизм на практике и эти «левые загибы», то мы видим, что они питаются некоторой идеологической неясностью. Есть некоторые, связанные с этими штатными идеологические проблемы, которые надо было выяснить и которые недостаточно выяснены. Я укажу на две. Прежде всего насчет некоторых идеологических корней правого оппортунизма. Мы наблюдали в последнем году колебания в рабочем классе. В целом ряде крупнейших предприятий коммунисты в прошлом году одержали блестящие победы в Германии при выборах в фабзавкомы, теперь при дальнейшем общем росте влияния коммунистической партии, при общих дальнейших успехах на выборах в фабзавкомы, мы в ряде крупнейших предприятий потеряли позиции, которые мы завоевали в прошлом году! Это объясняется тем, что выбранные в прошлом году красные фабзавкомы проявляли на этих предприятиях оппортунизм на практике. Чем питался этот оппортунизм? В значительной мере непониманием характера современного периода. Мы могли наблюдать, что некоторые товарищи из факта колебаний в рабочем классе или из сокращения числа забастовок делали вывод, что сейчас имеется известная *пассивность* в рабочем классе. Это глубокое заблуждение. Это означает полное непонимание характера современного этапа. Уже Маркс указывал в «18 Брюмера» на то, как пролетарская революция отстывает, испугавшись огромности стоящих перед ней задач, пока не сойдется обстановка, которая отрежет всякие отступления, и сами обстоятельства скажут: *Hic Rhodus, hic salta*. Мы видим сейчас колебания именно потому, что находимся накануне решающих боев. Рабочие массы чувствуют, что им надо сделать решительный скачок, и тут у них возникают колебания, когда они не чувствуют нашего твердого руководства, когда у нас нет достаточно прочной связи с массами. Они делают шаг вперед, а затем отступают перед громадностью задач. Это значит, что германский пролетариат чувствует, что он

плотную подходит к задаче взятия власти. Это очень трудный скачок, и поэтому мы имеем колебания.

Я спрашиваю: наша Комакадемия занималась ли этими вопросами? Она занимается историей. У нас есть 0-во историков марксистов, у нас есть Институт истории. Занимались ли они изучением революционного движения с этой точки зрения? Мы, старики, хорошо помним и знаем 1905 год, мы знаем такие моменты в революции 1905 года, когда ЦК РСДРП обращался с призывом к рабочим, а рабочие не откликнулись, а потом вспыхивало бурное движение. Мы помним, что как раз накануне 9 января Струве возвестил, что «революционного народа нет». Мы все это переживали на собственном опыте. Мы знаем, какие в такие острые моменты, накануне обстрых революционных ситуаций, бывают скачки, какие бывают колебания, приливы и отливы. Мы это знаем, но сумели ли мы, сумели ли историки из Комакадемии передать этот опыт нашим западным товарищам, предупреждая этим оппортунистические настроения? Нет, Комакадемия этим не занималась.

«Левые» загибы. «Левые» загибы выражались в том, что записывали всю массу с.-д. рабочих в социал-фашизм. Не делали различия между социал-демократическими вождями и массой. Мало того, возникла такая теория, что все квалифицированные рабочие, организованные в реформистских профсоюзах, составляют рабочую аристократию и что они обречены стать соцфашистами; и отсюда вывод, что мы должны обращать внимание только на неквалифицированных рабочих, на неквалифицированную рабочую массу и что мы можем поставить крест на всей рабочей аристократии и даже на всех квалифицированных рабочих. Откуда появляются такие «левые» теории, такие «левые» загибы? Из недостаточного анализа тех глубоких процессов, которые происходят в настоящее время в рабочем классе. В связи с капиталистической рационализацией мы имеем сейчас глубокое изменение характера рабочей аристократии. Удельный вес старых квалифицированных рабочих все больше и больше падает на предприятиях, возникает тонкий слой новой рабочей аристократии, не связанной с квалификацией труда. Это загонщики при конвейере, шпионы-надсмотрщики и т. п. Я не буду останавливаться на этом вопросе. Но я спрашиваю: занималась ли Комакадемия этим вопросом? Изучала ли она вопрос об изменении состава рабочего класса, структуры рабочего класса и о том, как эти изменения отражаются на судьбах реформизма, социал-фашизма и пр. и пр.? Занималась ли Комакадемия этими актуальнейшими проблемами, которые имеют самое злободневное значение для нас? Нет, не занималась.

Третий вопрос. У нас на X пленуме ИККИ был поставлен вопрос о массовой политической забастовке. Когда мы подошли практически к этому вопросу о массовой забастовке, мы натолкнулись на тот факт, что стачечное движение, которое одно время в Чехо-Словакии, Германии, Польше высоко поднялось, потом в одних странах продолжало развиваться, а в других стало спадать и спадало как раз в таких странах, где особенно ухудшается положение рабочего класса, как Германия. На этой почве опять возникли сомнения, и эти сомнения породили оппортунистическую теорию, которая нашла себе особенно яркое выражение у ренегата Троцкого, что вот, дескать, забастовки бывают только во время благоприятной экономической конъюнктуры, а при экономическом кризисе нельзя ожидать подъема забастовочного движения. Эта теория заимствована из эпохи довоенного стабилизированного капитализма второй половины XIX века, когда стачки имели характер среднени-

нистских, чисто экономических стачек. Эта теория никакой критики не выдерживает. Как раз проверка этих фактов, которая была сделана работниками Коминтерна, показывала, что в послевоенную эпоху мы в некоторые моменты кризиса имели самое сильное забастовочное движение, а там, где в связи с кризисом и безработицей число забастовок сокращалось, забастовки принимали более революционный характер, более боевой, превращались в революционные забастовки и т. д.

Я спрашиваю, этими проблемами, проблемами развития забастовочного движения, и в особенности анализом характера этого движения в современную эпоху кризиса капитализма занималась ли Комакадемия? Нет, не занималась.

Следующий вопрос, товарищи. В нашей программе, программе Коминтерна, было указано на различные типы революций. Была дана классификация стран: страны, где революция будет непосредственно пролетарской, страны, где революция будет пролетарской, попутно решающей буржуазно-демократические задачи, и, наконец, страны, где мы будем иметь буржуазно-демократическую революцию, более или менее быстро перерастающую в пролетарскую. В программе не было точно указано, какие именно страны куда нужно отнести. Это вопрос, требующий специального изучения экономических и политических условий в каждой стране, это вопрос, имеющий актуальнейшее значение. Мы с этим вопросом столкнулись в Коминтерне по отношению к целому ряду стран. Для Румынии напр. сначала вопрос был решен в том смысле, что мы там будем иметь буржуазно-демократическую революцию, перерастающую в пролетарскую. Теперь этот вопрос пересматривается. Был поставлен вопрос по отношению к Югославии. Вопрос этот вызвал споры. Вопрос этот обсуждался по отношению к Италии, где на этой почве возникли оппортунистические взгляды, ныне ликвидированные. Вопрос этот обсуждался и по отношению к Испании. Все это вопросы насчет применения к конкретной обстановке программы Коминтерна. Занималась ли Комакадемия этими вопросами? Нет, совершенно не занималась.

Наконец, остановлюсь еще на одном вопросе, насчет Китая. Здесь мы имеем сейчас явление всемирноисторического значения. В первый раз в мировой истории мы имеем здесь практическое осуществление советской власти не как формы диктатуры пролетариата, а как форму демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Та формула, которую выставил Ленин в 1905 г., теперь осуществляется в Китае хотя и не на сплошной территории, но на территориях с населением в 60—70 млн. чел. Мы имеем осуществление этой формулы в новой обстановке, в обстановке мировой пролетарской революции, в полукOLONиальной стране. Уже те факты, которые мы там наблюдаем сейчас, дают нам чрезвычайно богатый, интересный материал, требующий обобщения.

С другой стороны, в советских районах Китая возникает целый ряд новых сложных проблем практической революционной борьбы. Взять хотя бы один из множества вопросов. Например, какой тактики держаться в экономической борьбе пролетариата, как согласовать в этой борьбе его интересы с интересами советской власти и с интересами крестьянства в условиях сохранения капитализма и в обстановке революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства? Этот вопрос еще никогда не обсуждался, и его приходится сейчас решать в Китае. Как согласовывать интересы революционных классов, как бороться за улучшение положения рабочего класса,

не нарушая союза с крестьянством и не ослабляя сил советской власти в такой обстановке, где мы не имеем еще диктатуры пролетариата? Таких вопросов возникает в Китае сейчас множество. Я спрашиваю, товарищи: занималась ли Комакадемия этими вопросами? Не занималась.

Каждый день перед Коминтерном возникают такие проблемы, которые требуют углубленной теоретической работы. Работники Коминтерна, практически руководящие революционным движением, представляющие оперативный штаб этого движения, должны попутно решать важнейшие теоретические проблемы. Приходит ли им на помощь Комакадемия? Нет, не приходит. Не только не приходит, но получается такое впечатление, что Комакадемия даже не знает о том, какие вопросы возникают перед нами. Только тогда, когда в связи с оппортунистическими ошибками т. Бухарина поднят был вопрос об «организованном капитализме», это дошло до Комакадемии, и здесь был представлен доклад.

А другие вопросы не доходили до Комакадемии. Не слышно, чтобы здесь обсуждались такие вопросы. Товарищи, это показывает, что Комакадемия и на этом участке фронта и на фронте зарубежной революционной борьбы плетется в хвосте жизни. Как быть, чтобы этого не было? Когда выступал т. Бубнов и говорил о методах установления связи между Комакадемией и практическими работниками на местах, я поддержал его «цвишнурфом»: «Совершенно верно!» Комакадемия, замкнувшись в себя, не может выработать жизненного плана работы. Вопросы возникают в процессе борьбы. Комакадемия сама из одних только книг этих вопросов не нащупает и не узнает.

Очевидно, для того, чтобы Комакадемия могла теоретически обслуживать практическую борьбу, необходимо, чтобы были какие-то щупальцы, которые связывали бы Комакадемию со всеми участками нашей борьбы как внутри, на территории СССР, — борьбы в области социалистического строительства, — так и руководимой Коминтерном революционной борьбы в капиталистических странах. Должна быть какая-то связь. Комакадемия должна знать о всех наших проблемах. Должны быть какие-то органы, связывающие нас, позволяющие нам устраивать какие-то общие совещания, которые, с одной стороны, сигнализировали бы Комакадемии те влгодневные, важные и актуальные вопросы, которые возникают в процессе революционной борьбы, которые, с другой стороны, дали бы возможность нам использовать теоретические силы Комакадемии при решении занимающих нас вопросов. Нам приходится попутно заниматься теоретическими исследованиями, в то время как мы обременены текущей практической деятельностью, и это неизбежно. Но здесь в Комакадемии имеются теоретические силы, которые могли бы теоретически углубить те вопросы, которыми мы занимаемся и будем заниматься. Для этого необходимо, чтобы существовала тесная связь между Комакадемией и другими учреждениями, ближе стоящими к практической работе, непосредственно руководящими революционной борьбой и социалистическим строительством.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Ц. ФРИДЛАНДА

Для нас, практических работников Комакадемии, прения, которые мы слышим здесь, имеют колоссальное значение. Если не ошибаюсь, мы присутствуем впервые при обсуждении основных принципиальных вопросов о характере работы и будущем Академии. Поэтому особенно странным кажется то

предложение, которое мы слышали, о необходимости передать разрешение спорных вопросов о работе Академии на рассмотрение чрезвычайно узкой и закрытой коллегии; предложение, которое имело в виду отделить Комакадемию от широкой партийной и научной марксистской общественности.

Первый вопрос, который стоит перед нами, это вопрос о том месте, которое Комакадемия занимает в научной работе СССР. Та общая установка, которая дана нам в последнее время, говорит о том, что Комакадемия должна стать центром, могущим научной работы страны, Комакадемия должна, само собой разумеется, не сокращать и не уничтожать существующую сеть учреждений, она должна собирать опыт этих учреждений, институтов, стать центральной лабораторией всей методологической и научно-исследовательской работы СССР. Но это решает вопрос о взаимоотношениях Комакадемии и Академии наук; эта установка разрешает вопрос ясно и точно. Коммунистической академии принадлежит будущее; Академия наук вся в прошлом. Если это так, а иначе быть не может, то нужно прямо обратить внимание на тот факт, что мы имеем дело не только с самоизоляцияцией, а с изоляцией Комакадемии, с ее сознательной изоляцией... Комакадемия нужно решительно бороться против того пренебрежительного отношения, которое к ней проявляет широкая советская и к сожалению даже партийная общественность. До сих пор она все еще рассматривается как Академия «второстепенная», ибо подлинная наука исходит, мол, отсюда, сверху, из настоящей Академии, а здесь «вообще», «марксизм»...

Мнение это, широко распространенное и связанное с обывательским представлением о нутях нашей научной марксистской мысли, связано также с пренебрежительным отношением к тем новым кадрам, которые мы создаем. Это возмутительное барское отношение сверху вниз к тем новым людям, которые строят новую науку. Борьба против этой пошлости должна вестись самым решительным образом со стороны нашей партийной общественности.

Я вижу попутно одну из больших задач, которая стоит перед Комакадемией, в пропаганде и разъяснении в массах, в самых широких массах задач и значения Комакадемии как научного центра СССР. Но ведь, товарищи, *самоизоляция* Коммунистической академии, как я уже говорил, связана с *изоляцией*, сознательной изоляцией Комакадемии. Я просил бы товарищей, — нам, практическим работникам Комакадемии, приходится сталкиваться с этим, — обратить на это серьезнейшее внимание.

Я позволю себе обратить внимание на факты из жизни Института истории. Разве терпимо такое положение, когда мы, западники Института истории, лишены возможности не только совместной работы, — кто уже об этом мечтает, — но самого элементарного согласования плана наших работ с учреждениями, которые помещаются очень близко от Коммунистической академии? Разве терпимо такое положение, когда работники нашего Института истории наталкиваются в Институте Маркса и Энгельса не только на совершенно определенный отказ от совместной проработки планов, — но на совершенно сознательное, а бы прямо сказал, игнорирование нашей работы, наших практических потребностей в научно-исследовательской работе? Это есть, товарищи, не только самоизоляция, но в значительной степени изоляция Комакадемии. Она исчезнет, когда наши советские и партийные учреждения поймут, что в Коммунистической академии они имеют мощное орудие не только теоретического анализа, но и практической работы в деле социалистического строительства нашей страны.

Второй момент, на который я бы хотел, товарищи, обратить ваше внимание, вторая задача, которая стоит перед Комакадемией, перед ее отдельными институтами, — ибо Комакадемия представляет собой органическое объединение работающих научных институтов, — а не «элит» бессмертных, — это ликвидация распыленности наших научных организаций. Ведь в самом деле, исторических учреждений, ведущих работу совершенно самостоятельно, без общего плана, существует около пяти. Они ведут работу изолированно друг от друга, конкурируя друг с другом. Ближайшая задача, которая стоит перед нами, это задача ликвидации подобной изолированности и распыленности.

Я обращаю ваше внимание еще на один момент. Есть ряд институтов в стенах Комакадемии, которые не имеют материальной научной базы для развертывания своей работы. Таким учреждением является Институт истории.

Работа Института истории предполагает научно-организационную базу в виде или самостоятельной библиотеки, как в Институте Маркса и Энгельса и в Институте Ленина, или собрания архивных материалов. Для Института истории такой базой может быть Централхив, и вопрос о связи Института истории с Централхивом, об органической увязке и создании такой научно-организационной базы является для нас, историков, одной из центральных задач, которую мы сами своими силами разрешить не сможем. Комакадемия должна организовать работу Института истории, должна помочь нам вопрос этот разрешить.

Я хотел бы обратить внимание еще на два момента. Это вопрос об основных кадрах работников Комакадемии. Нужно прямо сказать, что все те крупнейшие задачи, которые стоят теперь перед Комакадемией, ставят вопрос о том, кто же будет работать в Комакадемии?.. Здесь я должен отметить, что в том случае, если нам не будут оставлять ни одного человека из оканчивающих ИКП и даже из оканчивающих наш собственный Институт, аспирантов, как это имело место в этом году, если мы не сможем пополнять наши кадры новыми молодыми товарищами, если за нами не будут закреплены основные кадры работников, то говорить о расширении нашей работы не приходится. Вопрос о расширении работы Комакадемии — это прежде всего вопрос о создании и о подборе кадров.

Необходимо также отметить, что к сожалению, обмена опытом в стенах Комакадемии между отдельными ее секторами не существует. М. Н. Покровский уже отметил ту огромную революцию в области научно-исследовательской работы, которая проведена по его инициативе в Институте истории, — это ликвидация старого деления истории на древнюю, новую и т. д. историю и введение нового социологического принципа распределения материала исторического исследования. Но этот новый принцип организации научного исследования в области истории не есть нечто специально необходимое для истории. Ведь марксистский метод заключается не только в том, как мы исследуем вопрос, но и как мы ставим его, марксизм — в новых принципах организации научно-исследовательской работы. На каждом участке Комакадемии — в области политической экономии, философии и т. д. — должна вестись своя работа в этом направлении, должны быть выработаны новые марксистские принципы научной организации исследовательской работы. Но обмена опытом различных секций у нас не имеется, и, к сожалению, важный опыт отдельных институтов пропадает для других.

Тов. Бубнов резонно говорил нам, историкам, о нашем пацифизме. Я должен однако отметить, что когда был поставлен доклад т. Фенделя,

человека штатского, то в то время, когда мы, историки, пришли на доклад и вели там борьбу со Свечиным, который развил оригинальные теории, ничего общего с марксизмом не имеющие, то активных участников военной секции на этом заседании мы не видели (Бубнов: «Были, были»). Возможно, но очень мало).

Наша ошибка была в том, что мы не смогли их привлечь, но эта ошибка объясняется не нашим пацифизмом, а неудачной организацией, неумением Комакадемии увязывать работы отдельных секций. Еще более revealing это проявилось в философской дискуссии. Надо прямо сказать, что преступен тот факт, что все остальные секции относятся к «нейтрально» к дискуссии, которая происходит на философском фронте. Мы допускаем в данном случае большую ошибку. Ведь проблема философии марксизма не есть частная проблема одного или другого сектора Комакадемии — это общие проблемы всех наших учреждений и секторов. И то, что Фурщик мог выступить со столь вульгарной теорией «историзма», не встретив с нашей стороны никакого отпора, говорит об отсутствии согласованности нашей работы внутри самой Академии. Необходимо расширить обмен опытом между отдельными секциями Комакадемии.

В заключение я хотел бы обратить ваше внимание на необходимость для Комакадемии взяться за постановку за границей широкой и систематической информации о научной работе СССР. Интерес там к нашей работе огромный, представление о нас самое фантастическое. Сделать это должна Комакадемия, чтобы не допустить дальнейшего распространения информации о нашей работе со стороны случайных и враждебных нам лиц. Огромные задачи, которые партия и правительство возлагают на Комакадемию, могут быть выполнены только при дружной коллективной работе всех наших марксистских научно-исследовательских институтов: тогда и только тогда Комакадемия сможет оказать великому делу социалистического строительства нашей страны посильную помощь.

ВЫСТУПЛЕНИЕ К. В. ОСТРОВИТЯНОВА

Мне хотелось прежде всего остановиться на вопросе о методологическом руководстве со стороны президиума Комакадемии работой своих институтов. М. Н. Покровский не совсем правильно очертил те задачи, которые в этой области стоят перед президиумом Комакадемии. Может быть, это просто оговорка, но он сказал, что «руководство научно-исследовательской работой со стороны президиума должно быть снижено» (Покровский: «Снижено не в смысле качества»). Я не думаю, что это нужно понимать в смысле снижения качества научно-исследовательской работы, это надо понимать в том смысле, что президиум Комакадемии не должен особенно ретиво вмешиваться в научно-исследовательскую работу своих институтов. Затем т. Бронский высказал мысль, что мы должны сейчас создать актив вокруг наших институтов, для того чтобы они участвовали в разрешении крупнейших методологических проблем, которые стоят перед Комакадемией, а что касается президиума, то он как будто не должен заниматься этими вопросами. «Что я понимаю в естествознании», — сказал т. Бронский, — «и если проблемы естествознания будут поставлены, то я буду присоединяться к голосованию большинства». Такая установка на работу президиума Комакадемии является совершенно неправильной и не только по тем соображениям, о которых говорил здесь т. Варга, что мы — марксисты и у нас должна быть единая методология, единый

методологический подход ко всем дисциплинам—но еще и потому, что сама жизнь с необычайной остротой перед нами выдвигает комплексные проблемы и чем дальше—тем больше. Перед Институтом экономики уже встал вопрос о том, чтобы поставить одну общую проблему для всех его секций, потому что такие проблемы стоят в реальной действительности и требуют комплексной работы целого ряда специалистов в различных областях знания (*Бронский*: «Экономистов»). Не только экономистов. Я думаю, что и перед Комакадемией могут и должны быть поставлены общие проблемы для разработки их силами всех институтов Комакадемии. Президиум Комакадемии не может превратиться в орган, который бы только планировал и не вмешивался в методологическое руководство. Позвольте сослаться на такой пример. Возьмите редакцию какого-нибудь журнала или газеты. Эти редакции не составляются по принципу представительства всех абсолютно областей знания. И тем не менее мы требуем, чтобы наши журналы и газеты занимали правильную позицию в вопросах экономики, философии и т. д. Я думаю, что это требование с тем большим основанием должно быть предъявлено президиуму Комакадемии. Здесь уже приводилось много примеров того, что президиум Комакадемии это методологическое руководство в сколько-нибудь достаточной степени не осуществлял. Тов. Фридлянд говорил о том, что институты Комакадемии не принимают участия в философской дискуссии. Но мало этого. Дискуссия, ведущаяся в рядах наших философов, проходит совершенно мимо президиума Комакадемии. Пишутся статьи в «Правде», в «Большевике», в течение нескольких заседаний чрезвычайно бурно обсуждается вопрос о задачах философского фронта в о-ве диалективов-материалистов, выносятся резолюция, эта революция помещается на страницах журнала «Под знаменем марксизма», а президиум Комакадемии до сих пор не удосужился высказать свое мнение по этому вопросу. Конечно, в своем методологическом руководстве президиум должен соблюдать известные границы, он не может так руководить, чтобы не давать никакой самостоятельности своим учреждениям. Наоборот, президиум должен быть инициатором того, чтобы вопрос был обсужден с максимальной добросовестностью, чтобы в это обсуждение вовлечен был весь актив, пленумы и т. д., но после того, как все это проделано, он должен занять ту или иную позицию в этих вопросах и сказать свое мнение. Так что в данный момент нужно делать ударение не на том, что президиум слишком вмешивается в научную работу институтов, а на том, что он почти не вмешивается в эту область. Я думаю, что с этой точки зрения мы должны требовать от президиума, чтобы методологическое руководство работой учреждений Комакадемии было в значительной степени усилено.

Второй вопрос, который является чрезвычайно острым для Комакадемии и в отношении которого президиум не проявил достаточной активности, это—проблема кадров. Проблема кадров—это двусторонняя проблема. С одной стороны, Комакадемия все больше и больше становится тем учреждением, которое должно готовить кадры и для себя и для других учреждений, а с другой стороны, пока она сама еще не создала для себя кадров, она должна получить эти кадры со стороны. Можно привести много ярких примеров, говорящих о том, что до сих пор Комакадемия кадрами в достаточной степени не снабжается. И если дело будет продолжаться таким образом и в дальнейшем, то нужно прямо сказать, что Комакадемия с теми задачами, которые перед ней сейчас стоят, не справится. Здесь многие вполне справедливо критиковали Комакадемию за целый ряд крупнейших недостатков в ее работе.

Однако надо иметь в виду, что основной предпосылкой исправления этих недостатков является усиление ее новыми научными кадрами.

Третий вопрос, на котором мне хотелось бы остановиться, это вопрос об организационной перестройке Комакадемии. Тут наметились две точки зрения. Вопрос идет об узких правлениях, о директоратах, или о широких правлениях. Часть товарищей высказывалась за то, чтобы Комакадемия сейчас перешла, если не к единоначалию, то, во всяком случае, к такой структуре, при которой ответственность возлагалась бы на тех, кто фактически руководит работой тех или иных институтов, секций и учреждений. Тов. Фридлянд выступил здесь с такой точкой зрения, что именно необходимость широкого обсуждения научных вопросов является доводом против узких правлений или директоратов. Я думаю, что такая позиция является совершенно неправильной. Один из основных недостатков теперешней структуры Комакадемии—это вопиющий разноречивый в руководстве институтами и секциями. В некоторых случаях существует правление из 10 лиц, в Институте истории наряду с многочисленным правлением существует еще особый секретариат, состоящий из трех ученых секретарей. Между тем, в других институтах, наоборот, почти вся работа лежит на директорах, заместителях или на ученых секретарях.

Я думаю, что в этот вопрос должна быть внесена максимальная четкость. Эта четкость должна идти по линии разграничения оперативной работы от работы научно-методологической. И в той части, в какой мы говорим об оперативном руководстве институтами и со стороны институтов работой секций,—тут должна быть в максимальной степени соблюдена ответственность узкого круга лиц, которые фактически работают и которые должны нести всю ответственность за вверенную им работу. Поскольку же речь идет о вопросах научно-методологического значения, то тут в максимальной степени должна быть привлечена наша научная общественность и в частности тот актив научных работников, который работает в Комакадемии.

Должен сказать, что как в решениях президиума, так и в докладе М. Н. Покровского, нет ясного ответа на этот вопрос. Президиум по моему докладу, в котором эти вопросы были заострены, вынес такое решение: «По вопросу об управлении институтами составить два варианта: один, исходя из узкого состава правлений, другой—из широкого». Значит, президиум не высказал по этому вопросу определенного мнения. Но наряду с тем он принял, на мой взгляд, чрезвычайно опрометчивое решение о введении в состав правлений институтов представителей научных работников и аспирантуры. Таким образом мы имеем уже не деловой орган, который состоит из лиц, работающих и целиком ответственных за эту работу. Ответственность Комакадемии должна быть в максимальной степени вовлечена в производственную работу, но не путем посылки своих представителей в оперативные органы, а путем развертывания самокритики, производственных совещаний, соцсоревнования и т. д. Профессиональные организации Комакадемии так именно и поняли свои задачи и вынесли решение на объединенном местном вместе с представителями цеховых месткомов о том, чтобы не посылать представителей научных работников и аспирантуры в оперативные органы, мотивируя это тем, что ответственность за работу институтов должна быть возложена целиком на их руководящие органы.

Таким образом профессиональные организации Комакадемии не хотят становиться на бюрократический путь «представительств» в оперативных органах, а хотят действовать обычными методами пролетарской общественности.

По этому важнейшему в жизни Комакадемии вопросу нужно внести определенную ясность. Без четкости в организационной структуре Комакадемии, так же как и без достаточного количества научных кадров, Комакадемия со стоящими перед ней задачами не справится.

Последнее замечание. В проекте резолюции, ровданном товарищам, изложен целый ряд организационных и принципиальных моментов, касающихся работы Комакадемии. Вопрос об организации нашей работы является важнейшим. Очень жалко, что по этой линии было мало конкретных указаний. На последнем заседании Института экономики всплыла довольно интересная идея: оживить работу Института путем замены секций группами, работающими над определенными проблемами. Эти группы должны быть подчинены непосредственно правлению Института. Я думаю, что эта идея заслуживает внимания и должна быть в виде опыта поставлена хотя бы в Институте экономики. Тут, с одной стороны, как будто уничтожается некоторое промежуточное звено в виде секций, а с другой—создаются группы действительно работающих товарищей, которые не будут числиться только на бумаге. Конечно, заранее можно сказать, что далеко не везде эту идею можно применить в том виде, как это предполагают сделать в Институте экономики. Там, где секции выросли в достаточно крупные научно-исследовательские учреждения, там внутри этих секций должен быть применен метод работы группами. Но, во всяком случае, к этим поискам новых форм организации научной работы должно быть привлечено в гораздо большей степени внимание Комакадемии и ее учреждений, чем это было до сих пор.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Л. Н. КРИЦМАНА

Товарищи, настоящий пленум Комакадемии выделяется, как это было отмечено многими из выступающих товарищей, тем, что на нем широко развернулась критика работы Комакадемии. Эта критика, основное содержание которой состоит в указании на недостаточность теоретической работы для удовлетворения потребностей нашей практики, потребностей нашего социалистического строительства,—представляет собой отраженный голос самой практики. Эта критика означает, что практика осознает необходимость для нее теоретической работы, ибо недостаточность теоретической работы, это — недостаток самой практики. Вот в чем прежде всего громадное положительное значение той критической работы, которая производится настоящим пленумом.

Разрешите мне остановиться на некоторых моментах работы Комакадемии, на которых, насколько мне известно, не останавливались другие из выступавших здесь товарищей.

Громадная масса проблем, ставящихся социалистическим строительством в разнообразных областях, остается еще практически не включенной в работу Комакадемии (хотя нередко фигурирует в плане ее работ, но планы эти в значительной части не осуществляются). Но дело не только в том, что ряд злободневных вопросов текущего дня не находит освещения со стороны Комакадемии, не менее важно и то обстоятельство, что, поскольку освещение злободневных вопросов производится Комакадемией, ее учреждениями и ее работниками, оно нередко производится так, что приобретает скорее обычный публицистический, чем научный, т. е. основанный на специальном углубленном изучении данного вопроса, характер, т. е. Академия не дает того, что она должна дать как Комакадемия. Разумеется, и обычные публицистические выступления работников Комакадемии крайне необходимы, потому что и в них

происходит, так сказать, реализация того теоретического багажа, которым располагает актив научных работников Комакадемии.

Но нельзя этим ограничиться. Перед нами стоит вопрос о такой постановке работы наших научных учреждений, при которой работники Комакадемии были бы в состоянии выступать не просто в качестве публицистов, а в качестве людей, имеющих возможность ввиду своей теоретической подготовленности более основательно откликаться на проблемы сегодняшнего дня. Необходимо, чтобы работники Комакадемии выступали и в качестве научных работников. А надо сказать, что до сих пор это не имело достаточного места.

Между тем такая работа необходима и прежде всего по следующим двум направлениям. Во-первых, наша революция, наше социалистическое строительство имеет громадное значение не только для нас самих—для СССР—оно имеет громадное мировое значение. Обобщение нашего опыта, подведение известных итогов нашей работы имеет громадное значение для других стран, которые стоят перед своей пролетарской революцией. Для этой работы мы имеем известный срок. Эта работа может и должна быть научно поставлена. Но до сих пор это делалось в совершенно недостаточной мере.

Во-вторых, мы знаем, что, как сказал т. Сталин на конференции аграрников-марксистов, «нам необходимо, чтобы наша теоретическая работа не только поспевала за практической, но опережала ее, давая оружие нашим практикам в их борьбе за победу социализма». С моей точки зрения это означает, что коллектив наших теоретических работников, располагая определенным марксистско-ленинским научным багажом, должен, опираясь на предвидение хода развития, разрабатывать такие вопросы, которые сегодня еще не актуальны, но которые через некоторое время станут актуальными, чтобы к тому моменту, когда эти вопросы станут актуальными, можно было бы выступить с действительно научной разработкой этих вопросов. Мне кажется, что это не правдная постановка вопроса, а вполне возможная.

Возьму пример из области, которая мне более близка, из области аграрной. К разработке вопросов коллективизации необходимо было приступить года два тому назад. Тот опыт колхозного строительства, который уже тогда имелся, хотя он был тогда количественно не велик и качественно отличался от нынешнего, все же мог быть, если бы он был научно разработан, использован для разработки вопросов коллективизации, вставших теперь как вопросы актуальные.

В свое время, два года тому назад, эти задачи были поставлены тогдашней Аграрной секцией, но работа эта осталась несделанной в основной своей части.

Итак я считаю, что помимо откликов научно-(марксистско-ленински) образованных товарищей на вопросы дня, откликов неизбежно публицистического характера, должна быть развернута и научная работа в узком смысле этого слова, которая, с одной стороны, подвела бы важные для других стран, — которые вступят на путь социалистической революции,—итоги нашего социалистического строительства, нашей революционной работы и которая, с другой стороны, заранее подготовила бы разработку таких проблем, которые сегодня еще не актуальны, но станут актуальными в ближайшее время. Я думаю, что без такой разработки проблем, которые только станут актуальными, теоретическая работа не сможет опередить практическую, так как научная работа *требует времени*, и довольно значительного, если это действительно научная работа.

Научная работа, которую мы здесь производим, и еще более та, которую мы должны производить, имеет громадное значение, выходящее за пределы СССР, еще в одном отношении. История создала такие условия, благодаря которым мы здесь, в СССР, имеем 10—15 лет вымысла по сравнению со всеми другими странами. Ведь когда начнется социалистическая революция в других странах, то от этого момента до момента создания научных кадров, которые будут, скажем, на таком уровне, как у нас, несомненно пройдет очень большой период времени, который надо измерять не меньше чем десятилетием.

Если мы здесь, в СССР, используем для развертывания марксистско-ленинской научной работы наше положение, которое создано благодаря тому, что революция у нас совершилась 13 лет тому назад, то мы произведем громадную работу не только для СССР, но и для всего мирового пролетариата.

Не буду останавливаться на тех сторонах нашей работы, которые подверглись достаточной критике со стороны выступавших до меня ораторов, я хотел бы еще кратко остановиться на вопросе о том, чем объясняются недостатки нашей работы. По этому вопросу примерно год с лишним тому назад Центральный комитет нашей партии в своем постановлении, которое было опубликовано в № 33 «Вестника Комкадемии» (это постановление было вынесено в связи с оценкой работы Второй всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений), сказал, в частности, следующее: «Отметить, что темп развертывания работы марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений отстает от предъявляемых к ним современными условиями требований и запросов, что объясняется, главным образом, совершенной недостаточностью выделяемых на научную работу сил и средств». В этом постановлении нашего ЦК уже тогда было, следовательно, отмечено, — во-первых, *отставание* научной работы от предъявляемых к ней требований и, во-вторых, указано, что отставание это объясняется, главным образом, совершенной недостаточностью сил и средств. *Главным образом, но не исключительно.* Мы, со своей стороны как научные работники, в частности работники Комкадемии, должны особенно подчеркнуть и другую сторону дела, — что отставание это объясняется не только недостатком сил и средств, но и недостаточной работой нас самих. Это в первую голову относится к активной части работников Комкадемии, которая несомненно не делала всего того, что могла бы сделать, но это относится также и к той еще большей части членов Комкадемии, которая не участвует активно в ее работе, что не раз отмечалось на пленумах Комкадемии. Конечно, эти товарищи оказывают большую услугу делу научной работы, когда выступают здесь с критикой той работы, которая произведена в Комкадемии, но я полагаю, что заслуга их в этой области будет еще больше, если они к этой своей полезной работе добавят еще полезную работу в рамках самой Комкадемии.

Тот факт, что многие члены Комкадемии до сих пор не участвуют активно в работе Комкадемии, ставит перед нами тот вопрос о недостаточности наших научных кадров, на который указал в своем постановлении ЦК нашей партии, а в связи с этим — и вопрос о положении, которое занимает у нас научная работа, поскольку перед нами тот факт, что при наличии находящихся на научной работе научных кадров научная работа отстает, главным образом, из-за недостаточности выделяемых на нее сил (и средств).

Та критика, которая сейчас развернулась, объясняется прежде всего тем, что социалистическое строительство и наша практика ощущают сей-

час в теоретической работе большую потребность, чем это имело место до сих пор. Это в высшей степени положительный факт. До сих пор эта потребность была недостаточно осознана, и это сказывалось, в частности, и в отношении кадров. В то время как широкими кругами достаточно осознана необходимость (как это ни трудно с точки зрения непосредственных потребителей практической работы) отрывать от практической работы значительные кадры ценных товарищей для науки, — и сотни товарищей отрываются от практической работы и направляются на три года в наши учебные заведения, хотя бы в ИКП, — с научной работой дело до сих пор обстоит иначе. Необходимость предоставить нужные для научно-исследовательской работы кадры еще недостаточно осознана, и отчасти поэтому мы наблюдаем факт явного недостатка научных кадров на научной работе, который отмечен в постановлении ЦК и который особенно резко проявляется в экономической области. В самое последнее время здесь намечается как будто известное улучшение, но только в самое последнее время. Теперь, я надеюсь, мы будем иметь известный поворот в этой области к лучшему.

Из развернувшихся здесь прений явным образом вытекает необходимость усиления нашей теоретической работы, необходимость улучшения работы тех, кто активно работал до сих пор, необходимость вовлечения в работу Академии тех, кто до сих пор в нее не был вовлечен, вовлечения в нее членов Академии и других, в особенности молодых, товарищей, которые сейчас пополняют кадры наших научных работников, словом, необходимость усиления наших кадров и улучшения их работы, которое позволило бы избежать мешающее развертыванию нашей практики отставание научной работы.

Разрешите сделать еще коротенькое замечание pro domo sua. Тов. Бронский отметил в своем выступлении, что на мне лежало очень большое количество должностей и что на это была моя добрая воля. Ненормальный факт моей перегрузки большим количеством должностей действительно имел место, но ни о какой добровольности здесь говорить не приходится. Увеличение числа моих обязанностей происходило, несмотря на мои категорические протесты. Более того, мне даже ставили в вину, что я не выполнял многих из этих обязанностей, хотя я — особенно последние два года — физически не мог их выполнять. На этот счет имеются соответствующие документы. Это вытекает и из факта постановления соответствующих органов о моей разгрузке, хотя и после этого постановления число моих обязанностей начало снова возрастать, даже в то время, когда я лежал в больнице. Ненормальная перегрузка большим количеством должностей не являлась ни в какой мере результатом моей доброй воли, наоборот, она имела место вопреки моим протестам.

ВЫСТУПЛЕНИЕ И. М. БУРДЯНСКОГО

Я выступаю одним из последних, поэтому мне не хотелось бы повторяться, говоря о тех недостатках Академии, которые всем уже известны. Я сам в Академии работаю недавно, около полугода, и должен констатировать, что, попав в Академию, я почувствовал, что попал в обстановку, не соответствующую той, в какой работа протекает во всем Союзе. Везде ведутся за темпы. Здесь же живут по-старинке — спокойно, медленно, без нервов; здесь обстановка находится в полном несоответствии с теми задачами, которые стоят перед всеми нашими учреждениями, в том числе, очевидно, и перед учреждениями идеологического порядка. Я представляю себе, что так может

работать Академия наук. Им и карты в руки в этом отношении. На то она старая Академия наук, которая не может иначе работать. Ее тоже нужно перетряхнуть. Ее теперь и перетряхивают. Но для Комакадемии те темпы, которые мы имеем в работе, безусловно недостаточны.

Перейду к вопросу о том, является ли Комакадемия идеологическим штабом в области общественных наук, т. е. выполняет ли она ту основную задачу, которая перед ней стоит. Тов. Милютин так заявил: возьмите историю—здесь у нас лучшие силы из всех имеющихся марксистских сил. Возьмите философию—тут то же самое положение. Вопрос однако не только в том, что мы имеем лучших представителей марксистских сил, а вопрос в том, какими темпами мы движемся. Если мы будем утешать себя тем, что мы собрали лучшие научные силы, и не будем идти соответствующими темпами в разработке вопросов, то мы все равно будем отставать, как фактически и отстали. Не случайно, что к XVI партийному съезду у нас в Академии нет ни одного большого теоретического документа, который мог бы помочь методологически правильно разрешить те проблемы, которые стоят перед партией. Возьмем дискуссии, которые стоят на партийном съезде. Мы не видим здесь организованного участия в них наших научных институтов, которое помогло бы решить те проблемы, которые поставлены перед партийным съездом. Имеются отдельные работы, отдельные выступления, но не чувствуется такого мощного выступления, которого мы в праве ждать от Комакадемии.

Почему это произошло? Отсутствие кадров—объяснение вполне законное, но недостаточное. Если у нас действительно мало марксистских сил, работающих в ряде областей—технической и в других,—то этот недостаток кадров вытекает отчасти из очень большой организационной слабости президиума Комакадемии, так как в противном случае можно было бы стянуть соответствующие силы. Тов. Бронский правильно указал, что экономистов есть достаточно в Союзе, но их сюда не могли собрать.

Таким образом организационная слабость—вот то, что является основной причиной, причиной причин.

Мы слышали интересное выступление т. Пашуканиса, весьма самокритическое. Если бы тут были товарищи, которые не знали бы, что т. Пашуканис сам является заместителем председателя Комакадемии, то можно было бы подумать, что так у нас выступают академики. Но самое печальное это то, что т. Пашуканис сам заместитель председателя Академии, и я, бывая часто на заседаниях президиума Комакадемии, не слышал, чтобы он там так говорил. Он почти всегда присутствует на заседаниях президиума и мог бы об этом там говорить, но не говорил, а пришел сюда и сказал очень красивую самокритическую речь. Позволяйте поэтому сомневаться в том, является ли эта самокритическая речь только речью или за этой речью последует и дальнейшее, т. е. решимость изменить то, что имеется. Будем надеяться, что т. Пашуканис эту речь претворит в дело в порядке практической работы в президиуме Комакадемии.

Еще больше чем на отдельных членов президиума мы должны возложить надежды на общественность Комакадемии, на все научные силы Комакадемии. В этом отношении на очень печальные размышления наводит отсутствие здесь наших будущих академиков: их почти нет; их сейчас будут выбирать, а они отсутствуют; они очевидно берут пример с тех академиков, которые были до сих пор в списке 71. Надо как-то изменить организацию Комакадемии, добиться большего темпа бегания пульса и в партийной жизни

Академии. Я полагаю и надеюсь, что, пожалуй, аспирантура, которая скоро появится, раскочует Академию, ибо, когда по Академии будут ходить живые аспиранты, они возьмут нас всех, грубо говоря, за глотку и поднимут темп работы. Но кроме аспирантуры, надо поднять активность всей партийной организации Академии и всех ее работников.

И последний момент,—это относительно связи с массами, которые должны будут поднять темп нашей работы. В высшей степени печально, что на пленуме Комакадемии не видно рабочих масс. На любом пленуме, на пленуме по химизации было больше рабочих, пускай только рабочих-химиков. Тут же никого нет, одни сотрудники Комакадемии, да и то их мало; они, очевидно, не очень заинтересованы в том, что делается в Академии, т. е. каждый из них, большей частью, работает на своей узкой полочке, лучше или хуже, но Академией в целом не интересуется. Таким образом, вопрос о связи с массами стоит не только в том смысле, что мы выедем куда-то и там доклад сделаем, а и в том смысле, что мы сюда привлечем рабочие массы. Тут говорилось относительно рабочей бригады; пожалуй было бы неплохо, если бы к нам пришла рабочая бригада,—может быть, темп работы усилился бы.

Теперь позволяйте перейти к вопросу *pro domo sua*, о состоянии работы в области техники. Приходится констатировать как одну из основных болезней нашей Академии полное отсутствие связи между отдельными секциями и институтами. Каждая секция делает то, что она считает нужным, но нет связи. В тезисах правильно написано, что надо эту связь организовать. Пока же получается самотек работы секций. Здесь т. Бубнов жаловался на наш пацифизм в том смысле, что никто в Академии не интересуется военным делом. Это верно, в этом все повинны, и в том числе и про себя скажу, что тоже повинен. Аналогичное отношение к вопросам техники. Если в отношении всех прочих вопросов мы имеем ряд марксистских работ, то в области технической политики мы этого не имеем. Именно в этой области мы имеем не только много ошибок, но и вредительство, и казалось бы, что Комакадемия к этому участку научного фронта должна была бы привлечь больше внимания, и внимания не только той небольшой ячейки—секции техники,—которая здесь имеется, но, очевидно, внимание всех институтов и секций Комакадемии. Правда, за последнее время в этой области некий толчок получился. Организовалось на днях *de jure* 0-во техников-марксистов. Предполагается, что удастся собрать не только первичные силы в этой отрасли, но собрать и больше народу. Предполагается с осени начать преподавание в вузах марксистской истории техники. Но все это делается таким образом, что товарищи, которые работают по этой линии, кое-что делают, но не чувствуются, чтобы этими вопросами была заинтересована вся Академия, все соответствующие институты, секции и т. д. Скажем, Институт мирового хозяйства. Как будто бы перед ним стоит важная задача—заинтересоваться проблемами мировой техники с тем, чтобы подчеркнуть, куда должна идти и наша техническая политика. Возьмем аграрников—я полагаю, что им тоже нужно этими проблемами заинтересоваться. Военной секции таким делом тоже не плохо заинтересоваться. Я это говорю не в порядке упрека, товарищи, ибо я и сам повинен напр. в «пацифизме» нашей небольшой группы. Но, очевидно, такова уже традиция, таков уже здесь порядок,—каждый занимается тем, что ему полагается по штату, и не чувствуется той направляющей руки, которая увявывала бы работу всех секций и институтов как комплексную работу всей Академии.

Я с удовольствием услышал сообщение т. Островитянова, что Институт экономики предполагает поставить комплексную работу. Хотелось чтобы такая комплексность была и по линии всех институтов, по линии разработки всех тем!

Я поднял вопрос о темах в области технической политики потому, что эти темы являются сейчас решающими. Ошибки в области технической политики будут нам стоить десятки и сотни миллионов. Я хотел бы здесь привлечь внимание всей Академии к этому вопросу с тем, чтобы реконструкция нашего хозяйства на новой базе пошла бы наиболее грамотно, наиболее экономно, наиболее теоретически обосновано.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В. Е. КИРПОТИНА

Здесь уже неоднократно вспоминали выступление т. Сталина на конференции аграрников-марксистов, которое сыграло роль поворотного пункта по крайней мере в разработке планов нашей работы. Тов. Сталин—член Комакадемии, и выступал он также в стенах Комакадемии, при большом желании его выступление можно рассматривать как внутреннюю самокритику самой Академии.

Но как бы мы этого ни хотели, все же выступление т. Сталина свидетельствует о запоздании с постановкой целого ряда серьезных вопросов научной работы, связанных с актуально-политическими проблемами современности. Как всякое запоздание, и это наше запоздание вносит некоторые добавочные трудности в работу.

Нет никакого сомнения, что ближайшие год или два будут самыми трудными годами в работе марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений. Прежде всего, чрезвычайно вырастает просто количественный размах работы этих учреждений. Вот небольшой, но яркий пример. Ленинградское отделение Комакадемии в будущем академическом году дает первый выпуск своей аспирантуры. Выпускает оно 13 человек. А набор в этом году будет произведен в 420 чел. (включая подготовительное отделение). Вот это различие между цифрами 13 и 420 свидетельствует о том различии, которое скажется в нашей работе в ближайшем же году с чисто количественной стороны. Растет спрос на педагогическую работу не только со стороны аспирантуры, но и по линии вузов, ибо вузы умножают и расширяют свой контингент. Возрастает размах научно-организационной работы. Растет спрос на научных работников со стороны различных хозяйственных и советских учреждений. Вот этот количественный рост, который сейчас нагрянул на нас, недостаточно подготовленных, уже свидетельствует о том, как трудно будет вести нам работу в ближайшие годы, пока эта расширенная работа не начнет давать результатов в виде большого количества вновь подготовленных кадров. При этом нельзя спрятаться за то положение, что, направив внимание на количественную сторону работы, мы несколько снизим требования по линии качества работы. Положение обстоит таким образом, что мы количественные наши задачи не сможем выполнить, если не усилим качественной стороны нашей работы. Для того, чтобы учить (исходя хотя бы только из этой стороны дела), учить, как следует, для этого нам нужно несомненно глубже развернуть теоретическую научно-исследовательскую работу, ибо без наличия такой работы мы не сможем готовить новых кадров. Я говорю о том, что ряд новых требований на повышение качества работы связан с тем, что мы должны поставить в поле своего внимания ряд проблем, которыми мы раньше не за-

нимались, которые чрезвычайно серьезны и по которым чрезвычайно мало еще сделано. Таким образом, наряду с количественным ростом перед нами стоит целый ряд требований на повышение качества нашей работы. Ни в коем случае нельзя снижать теоретической глубины нашей работы. В связи с поворотом, совершающимся в данный момент на некоторых участках нашей научной работы, в частности, скажем, на философском фронте, мы встречаемся с некоторыми тенденциями противопоставления, замены диалектической линии развития марксистско-ленинской мысли рецидивом механистических тенденций, или попытки жалкого примирения механистических тенденций с диалектикой. По этой линии мы в теоретической работе должны повести серьезную борьбу, обрушиваясь однако со всей силой на тех, кто не понимает новых задач, поставленных партией перед марксистской наукой.

Мы должны сделать ряд поворотов в самом характере учобы при подготовке новой научной смены. Наша беда состоит в том, что мы в значительной степени готовили больше публицистов, готовили больше критиков чужих книг, чужих теорий, чем исследователей, которые исследуют саму жизнь. Для того, чтобы готовить людей, которые умеют исследовать жизнь не только сквозь призму чужой книги, но исследовать жизнь по следам самой жизни, исследовать все проблемы, по мере того как они возникают в процессе развёртывания советской и мировой действительности, для этого нужны и соответствующие изменения в учобе аспирантуры.

Все эти задачи очень трудны. Они встали перед нами сейчас. Они трудны, но они вполне выполнимы. Когда мы, ленинградские работники, обсуждали этот вопрос, то у нас невольно напрашивалось сравнение стиля нашей научной работы со стилем той работы, которая ведется в хозяйстве. Мы стоим перед очень большими темпами в нашей работе. Мы имеем очень небольшое количество, — сравнительно с нашими потребностями, — научных кадров. Поэтому выполнить эти работы очень трудно, но в то же время выполнить их вполне возможно. Мы должны их выполнить в возможно короткий срок. Но для этого чрезвычайно важно правильно и во-время организовать. Между тем, эта сторона работы Комакадемии и вообще марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений находится в очень жестоким загоне. Целым рядом вопросов, которыми должна была заняться Комакадемия (так же как и ряд других учреждений), она не занималась. Целый ряд вопросов не доходил до этих учреждений. Иногда они доходили, но с запозданиями. Ряд решений Комакадемии никогда не проводился в жизнь. Возьмите происходящие теперь пленарные заседания. То внимание, которое было оказано этому пленуму, хотя бы со стороны только членов Комакадемии, свидетельствует о недостаточном интересе к новым крупным задачам, которые перед нами стоят.

Чрезвычайно важно использовать хотя бы предстоящее лето, для того чтобы преодолеть все имевшиеся у нас организационные дефекты. Для научных учреждений лето является моментом самой слабой работы, лето — это затишье для работы Комакадемии. Это, товарищи, вполне естественно. Но если мы разрешение этих важнейших организационных проблем, без которых нельзя двигаться вперед, перенесем на осень, это будет означать потерю минимум полугода, а то и еще одного целого академического года. Это задачи, которые должны быть сейчас же разрешены. Та резолюция, которая предложена в виде проекта, правильно указывает путь для решения тех вопросов, с которыми связаны перспективы развития Комакадемии.

Комакадемия имеет все возможности для быстрого и бурного развития. Однако она не может расти и развиваться по примеру старых буржуазных академий, как просто механическая сумма различных институтов, комиссий, групп и т. д. Комакадемия сможет только тогда оправдать свое существование как Академия, если она будет расти и развиваться в центральное планирующее учреждение науки в Союзе, с тем, чтобы стать с течением времени не только центральным, но и единственным этим учреждением, ибо уже сейчас мы в области науки находимся в таком положении, когда без правильного разделения труда между учреждениями, между центром и периферией, без правильного кооперирования в труде, мы не можем плодотворно разрешать большие и сложные проблемы.

Тов. Варга говорил о том, что суть дела не в том, чтобы заниматься планированием, а суть дела в том, чтобы заниматься существом дела, наукой как таковой. Все это правильно, конечно, но планирование не может быть только количественным, планирование носит в себе и качественный характер. Для нашей отрасли работы качественное планирование и означает, чтобы Комакадемия занималась во-время, не запаздывая, целым рядом научно-теоретических проблем, по существу давала по ним ответы, давала по ним линию, охраняя марксистско-ленинскую выдержанность в научной работе.

Применительно к этим задачам должен видоизмениться и характер работы пленумов Комакадемии. Об этом сказано уже в проекте резолюции. Совершенно очевидно, что пленумы Комакадемии должны будут собираться чаще, должны будут ставить на разрешение ряд таких научных проблем, решение по которым имеет общий характер, по которым дается научная линия, но кроме того, пленумы Комакадемии должны ставить на обсуждение и крупные научно-организационные вопросы, ибо разрешение этих вопросов имеет весьма существенное значение. Пленумы Комакадемии должны быть значительно шире по своему составу. Тут нельзя ограничиться тем, что будут присутствовать только члены Комакадемии или внутренние работники Комакадемии. Безусловно на пленумы Комакадемии необходимо привлекать представителей различных научных институтов и представителей заинтересованных кругов советской общественности и учреждений.

В заключение я хочу отметить еще одно обстоятельство: практическим работникам Комакадемии приходится сталкиваться, наряду с большим почтением перед маркой Комакадемии, с очень резко выраженным непониманием перспектив развития Комакадемии и политического значения разворачиваемой Комакадемией работы. Это непонимание или даже нежелание понимать носит не только платонический характер. Оно приводит к тому, что, когда речь заходит о деньгах, когда речь заходит о помещении, о библиотеке, о строительстве и т. д., Комакадемию рассматривают как такую величину, которой можно пренебрегать или которая отступает на задний план перед старыми, сложившимися буржуазно-научными учреждениями. В этом повинны и отдельные товарищи из числа членов Комакадемии, тихие на пленуме, но которые это непонимание и нежелание понимать значение роста Комакадемии проявляют очень реально, очень конкретно в самой живой практике. Несомненно, что когда мы говорим о планировании, о материальном планировании научно-исследовательских учреждений, то мы должны ясно поставить вопрос, — и добиться понимания его всеми, — что темпы роста Комакадемии должны быть значительно выше, чем темпы роста других научно-исследовательских учреждений, ибо перед нами стоит задача превратить Комакадемию в центральный

пункт руководства наукой и объединения задач науки с задачами социалистической стройки.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО М. Н. ПОКРОВСКОГО

Товарищи, наша дискуссия продолжалась около 5 часов. Если бы я задал целью ответить на все возражения и замечания по поводу моего доклада, которые были сделаны, я должен был бы говорить не меньше часа. Я полагаю, что это совершенно непрактично. Я буду говорить минут 20—25, останавливаясь только на тех моментах, которые являются наиболее существенными для выяснения недоразумений, которые здесь были.

Первое недоразумение возникло в связи с выступлением тт. Ангарова и Пашуканиса, которые меня обвинили в том, что я по злобе на Институт советского строительства, в качестве постоянного едун этого Института, о нем ничего не упомянул, причем т. Пашуканис даже обобщил это в виде постоянной моей политики: никогда, говорит он, вы ни слова не говорите об этом Институте. Позвольте обратить ваше внимание на то, что я ни слова не сказал об Обществе историков-марксистов, которое я имею основание рассматривать как свое детище, позвольте указать на то, что я ни слова не сказал, говоря об Историческом институте, о Комиссии по истории пролетариата, которая была создана, с позволения сказать, в связи с моим юбилеем. Таким образом я оказался едуном не только института, но и в некотором роде сатурном, истребляющим своих собственных детей. Извиняюсь перед отсутствующими, впрочем я не виноват — они могли бы и присутствовать, — но то, что я пропустил Институт, объясняется совсем не этим, а главным образом тем, что мой доклад был заострен в сторону самокритики. Мой доклад являлся мотивировкой нашей резолюции, которую мы вам предлагаем, и в этом порядке я выдвигал те или другие учреждения, останавливаясь преимущественно на их слабых сторонах. Моя вина, может быть, заключается в том, что в Институте советского строительства этих слабых сторон, по крайней мере бьющих в глаза, таких, которые были бы яркими и показательными, я не нашел, вероятно, по недостаточному внимательному изучению деятельности этого Института. Так что, моя вина здесь есть. Если бы я занялся им более пристально, вероятно, я нашел бы и на этом солнце пятна, достаточно внушительные, чтобы об этом здесь сказать. Но что же делать? Я уже указывал, что один из лейтмотивов моего доклада была такая сложная, пестрая и громоздкая конструкция Комакадемии, что невозможно изучать все институты и все стороны их работы с одинаковым тщанием. И в отношении Института советского строительства меня постигла неудача: там, конечно, есть пробелы, — они сами признают это, — главным образом, пробелы количественного характера, — не весь план выполнен, а только часть плана и т. д., но на этом останавливаться не стоит, поскольку в других учреждениях Комакадемии имеются недостатки гораздо более крупного характера. По этим учреждениям я и ударил и считаю, что поступил правильно. Никакой, разумеется, мысли о нанесении обиды Институту советского строительства у меня не было и быть не могло, повторяю — это предположение просто курьезное, — иначе придется предполагать, что я обижаю и О-во историков-марксистов и Комиссию по истории пролетариата и др. учреждения, с которыми я связан, которые я люблю и которым всячески помогаю.

Другое недоразумение — странное недоразумение — заключается в том, что, видите ли, я, так сказать, выдвинул президиум в своем положении за

пределы, за границы руководства научной работой. Только, говорит, политика и затем планирование и больше ничего, — а наукой кто будет руководить? Тут мне читали нотации, что мы не можем как коммунистическое учреждение так отослаться. Мы — марксисты. Дорогие товарищи, я понимаю науку не по-буржуазному, а вы понимаете слова «наука» и «политика» по-буржуазному. Для буржуа — политика это то, что говорится в парламенте, то, что делается в комиссиях и на дипломатических конференциях, и это глухой стеной отделено от науки, которая делается в академиях, научных обществах. На практике и у буржуазии это связано, но эта связь не осознается, не понимается. Для буржуа это две вещи: когда говорят «политика» — это значит будут заниматься выборами, будут организовывать выборы в парламенты. А кто будет заниматься наукой? В том и особенность марксизма, что у нас этим политика занимается, и нельзя представить себе политическое руководство марксистско-ленинским учреждением без методологического руководства. Я этого себе не представляю, а вот уважаемые мои критики это легко себе представляют и говорят: «Ах, политика, а кто будет наукой заниматься?». Мы будем заниматься и методологическим руководством, и в этом будет состоять специфическая нашей Коммунистической академии политика. Иначе и быть не может. Что я имел в виду? Я недаром все время говорил не о науке, а о научно-исследовательской работе. Я приведу конкретный пример. Была дискуссия о Народной воле. Если встать на точку зрения тт. Варга и Островитянова, то получается такая картина, что мы должны были эту дискуссию со всеми ее частностями и конкретными положениями везти в заседание президиума и президиум должен был корпеть над ней 3—4 заседания. То же самое с дискуссией об «организованном капитализме», с философской дискуссией и т. д. Но представьте себе, что это будет конкретно, если президиум станет разбирать эти вопросы? Я еще скажу — какой смысл разбирать эти вопросы при закрытых дверях, если не становиться на точку зрения, что мы, баре, аристократы должны собираться в тесном кругу и там обсуждать вне «черни непосвященной». А мне думается, что все эти дискуссии — о Народной воле и об «организованном капитализме» в том и имеют свой смак, что они происходят на широкой арене научной общественности с привлечением не только наших работников, но более широких кругов, всех товарищей, которые желают высказаться. Только тогда эти дискуссии могут иметь смысл в Комакадемии. В чем может заключаться роль президиума? Принимается революция по дискуссии о Народной воле — президиум должен сказать свое слово, должен сказать, что эта революция — марксистско-ленински выдержанная или нет? Это вопросы методологические, и это дело президиума. Что он не заслушивает таких революций иногда и вообще уделяет мало внимания принципиально-методологическим вопросам — это дефект его работы, и этот дефект нужно исправить. Эту сторону президиум должен твердо держать в своих руках, чтобы никаких документов, по поводу которых могут быть правильные упреки, не было и чтобы они не выходили под маркой Академии. Вот в чем дело. То же самое и в отношении постановки вопросов. План заключается не только в количественных моментах, но и в качественных — что мы будем изучать и почему будем изучать по этой линии, а не по другой. Это — методологическое руководство и в то же время политическое, и эту методологию оторвать от политики невозможно.

Наконец, третье недоразумение. Третье недоразумение заключается в том, что т. Милютин и некоторые другие товарищи, кажется, т. Бронский, опол-

чились на слово «школа», которое я употребил. Опять-таки, я школу понимал здесь иначе. Тут, вероятно, вина моего доклада была, я высказался недостаточно ясно, но повторяю, под школой я разумел, конечно, не то, что буржуазная наука понимает под школой, т. е. обожаемого учителя, окруженного толпой поклонников, смотрящих ему в рот и кланяющихся словами учителя. Под школой я понимаю определенное количество выдержанной в марксистско-ленинской методологии молодежи, и я убежден, без всякого сомнения, поскольку это касается моего ремесла, моей профессии, что такого рода школа, т. е. группа марксистско-ленински выдержанной молодежи, есть уже, есть она и у философов. У них, конечно, есть известные дефекты, их нужно критиковать. Но такого рода группы есть. А у экономистов таких групп нет, по-моему, рубинская дискуссия показала, что этого нет. Если бы они были, рубинская дискуссия пошла бы организованно с самого начала. Да и рубинщины бы не было.

Если бы у нас была школа, как я ее понимал действительно, могла бы быть такая штука или нет? Я полагаю, что не могла бы быть. Так что я категорически утверждаю, что не существует здесь у нас марксистско-выдержанной группы молодых товарищей, которые могли бы вести работу. Это, конечно, очень большая беда. Я назвал эту марксистски выдержанную группу школой. Может быть, я употребил неправильное название, может быть, ее следовало назвать как-нибудь иначе. Но «марксистско-ленински выдержанная группа товарищей» — 5 или 6 слов, а школа — одно слово, конечно, понимая слово «школа», как и слова «политика», «наука», — не по-буржуазному. Вот те недоразумения, которые здесь были высказаны. Само собой разумеется, — это я уже возражаю т. Бронскому, — что между этой школой и, скажем, кружками ничего общего нет. К кружковщине я не привыквал ни в коем случае, — она в высокой степени была далека от моего понимания.

Далее, я чрезвычайно благодарен т. Смит за то, что она — кажется единственная (впрочем об этом говорили и некоторые другие товарищи) — признала самокритичность моего доклада. Я читал статью в «Вечерней Москве». В этой статье я изображен как некий безудержный воспеватель Комакадемии — одни достоинства и больше ничего. А потом выступают критики и начинают меня крыть: как это, помилуйте, я ни о каких недостатках ни слова не сказал. Конечно, на такую статью нужно реагировать, и я буду реагировать письмом в редакцию. Так извращать нельзя. И я чрезвычайно благодарен т. Смит, что она подчеркнула, что самокритика началась с моего доклада, а затем продолжалась ораторами, выступавшими по моему докладу.

Чрезвычайно ценно было указание т. Мартынова о необходимости нашей идеологической работы для Запада. Об этом я мечтал постоянно и об этом я говорил, в частности в О-ве историков, где это тоже совершенно необходимо. Это имеет колоссальное значение для Коминтерна, а мы чрезвычайно мало этим занимаемся. Но я должен сказать т. Мартынову, что мы к Коминтерну всей душой, а он к нам всей спиной. В наш президиум ex officio входит зав. агитпропом Коминтерна. Но ни на одном заседании нашего президиума со времени, когда я председательствую, — а я председательствую в течение 8 лет, с 1922 г., — я зав. агитпропом Коминтерна не видал. Теперь мы выберем в состав нашей Академии т. Гопнер, может быть, она сломает, наконец, эту традицию (Мартынов: «В этом случае, мне кажется, можно и в Коминтерне заняться самокритикой»).

Это уже ваше дело. Я констатирую тот факт, что никогда, ни разу я не видел на заседании президиума зав. агитпропом Коминтерна. Так что не только мы виноваты. В конце концов мы же не Коминтерн, не можем сами начать такое предприятие в этой области. Но ваше указание было чрезвычайно ценным. Мы действительно должны работать, учитывая и Запад.

Дальше я перехожу к тому положительному, что было сказано в наших прениях. Тов. Пашуканис облыжно обвиняет меня в том, что я будто бы съезжаю Ин-т советского строительства и даже являюсь постоянным потребителем этого кушанья, это—нормальное мое питание вампира, который пьет человеческую кровь. Но он в то же время сказал две совершенно правильные вещи, одну из которых поддержали некоторые ораторы. Во-первых, его указание о комплексном характере нашей работы. Это мне приходилось говорить, — я опять могу заняться самопитанием. — У меня напечатана статья, где я доказываю, что марксизм по своей природе носит комплексный характер, что марксизм ни одной идеи не ставит изолированно. Любая экономическая проблема всегда у нас упирается одним крылом в технику, а значит во всю область естествознания, а другим крылом — в историю и философию. Это неизбежно. Тов. Пашуканис совершенно прав, что наш пленум имеет, между прочим, потому значение, что основные комплексные идеи мы можем обсуждать именно на пленуме. Обсуждение комплексных проблем в президиуме, по-моему, только загрузит президиум и никакой пользы не даст. Но на пленуме мы должны их ставить, в этом и сущность нашей работы на пленумах. Я повторяю, что мы вовсе не думаем пленумы заглушать и бюрократически брать все в руки небольших отдельных замкнутых кружков. Но дело в том, что мы должны как-то разделить труд между различными инстанциями. Мы не можем все заниматься всем. Тогда из этого ничего не выйдет. Мы, в сущности говоря, сейчас все занимаемся всем, и поэтому из этого ничего не выходит. Необходимо какое-то разделение труда. Совершенно правильно указание т. Пашуканиса относительно комплекса.

Другое совершенно правильное замечание т. Пашуканиса касается нашей философской дискуссии. Действительно, дискуссия давно вышла из стен Института, давно проникла не только в специальную, а в общую печать, в газеты, а Академия, как таковая, Академия, которая и за эту дискуссию отвечает, ничего о ней не знает.

Совершенно правильно говорил т. Бурдянский о том, что ни рабочие массы, ни даже работники самой Комакадемии, повидимому, не заинтересованы в нашей работе. Относительно рабочих масс в своем докладе я говорил достаточно. Я уже говорил, что мы с ними не общаемся, что мы с ними непосредственно не работаем. Это, конечно, для нас, коммунистов, для нас, партийных людей—абсолютно недопустимая вещь. Что касается наших работников, то здесь позвольте напомнить, уже не по случайной обмолвке языка, а вполне сознательно, Академию наук. Я бывал на пленумах Академии наук. Я знаю, что отсутствие на этих пленумах всегда бывает очень четко декларировано: «Болен», «В командировке» и т. д. Но чтобы кто-нибудь не пришел на пленум Академии наук, чтобы кто-нибудь не приехал на этот пленум из Киева, из Москвы, или из другого центра, без объяснения причин—это в практике Академии наук абсолютно невозможный случай. А в нашей практике это не только абсолютно возможный случай, но даже весьма вероятный случай (смеет). Не хотел прийти товарищ и не пришел. «Ах, что там такое. пленум Комакадемии, лучше пойду в театр!» И действительно, у нас отсут-

ствуют сплошь и рядом наши работники, отсутствуют большевики в большинстве случаев, т. е. представители самой дисциплинированной партии в мире. Я очень боюсь, что масса нас действительно за это не поглядит по головке, а в один прекрасный день схватит нас за шиворот и потащит, я не знаю, на пленум ли Комакадемии или в какое-нибудь другое место (смеет). Но что действительно они нас за это не похвалят, я в этом уверен. Мы должны добиться того, чтобы наши товарищи посещали наши заседания. Это не такая трудная задача. Если человек не может присутствовать на прениях, то придти для обсуждения организационного вопроса на час-полтора—это не такая уже сложная вещь. Таким образом указание т. Бурдянского на то, что даже работники Комакадемии очень мало заинтересованы в ее работе, вполне правильно. И вот почему нам нужно как можно скорее пустить в ход наши пленумы.

Затем, отчасти по поручению т. Бубнова, я должен сделать одно замечание по поводу его выступления. Тов. Бубнов высказал превосходную, совершенно верную мысль, что мы должны связаться со всеми учреждениями, нам аналогичными, которые ведут работу в провинции. Это безусловно так. И мы этого не делаем. Ни одно наше общество этого не делает. Я, кажется, упомянул, что Общество историков-марксистов—почти исключительно московское общество, оно состоит из москвичей. Очень немногие наши учреждения связаны с местами. Институт философии, и особенно Общество воинствующих материалистов, имеет связи с провинцией. Но это очень немного. Комакадемия в целом должна по этому пути пойти. Это, конечно, совершенно необходимо. У нас есть Комиссия по краеведению, но она как-то на отлете. Мы очень мало заинтересованы в этом деле. Так что в этом отношении замечание т. Бубнова совершенно правильно.

Затем, многим повзалося—и мне в том числе,—что т. Бубнов напал на марксистскую педагогику. Оказывается, что он имел в виду не марксистскую педагогику, а имел в виду наши научно-исследовательские институты. Здесь я с ним совершенно согласен. Может быть, вы плохо знакомы с их работой, а я хорошо их знаю, и я действительно должен сказать, что найти что-нибудь более странное, чем работа этих учреждений,—невозможно. Тов. Бубнов приводил пример, что им не давали никаких поручений. Я должен сказать, что этим институтам, этим учреждениям давали поручения, в частности, им было поручено разработать программы для школ нового типа—разработать основной вопрос о политехническом методе и политехнической школе. Что из этого получилось? Этот вопрос всплыл при чистке Наркомпроса. Туда призвали этих наших почтенных, с позволения сказать, тоже своего рода «академиков» и спросили, что они сделали по этому поводу. Оказывается, что они собрались разок, переговорили разок и разошлись. Больше ничего. Это дело действительно обстоит очень катастрофически. Здесь дефект в нашей работе был в том, может быть, что наша педагогическая секция Гуса захватила себе фактически научно-исследовательскую работу, т. е. работа не была дифференцирована, не было разделения труда. Но так или иначе этот факт неоспоримый. Так что критика т. Бубнова направилась против деятельности тех или других учреждений, а не против марксистской педагогики. То, что я сказал в докладе,—это относилось в области той марксистской педагогики, которую разрабатывала Н. К. Крупская, к ее журналу «На путях к новой школе», а не к работе институтов. Я должен констатировать, что работой этих учреждений—наших научно-исследовательских

84 О ВЫВОДЕ ИЗ СОСТАВА КОМАКАДЕМИИ ЕРМАНСКОГО, БАЗАРОВА И СУХАНОВА

институты по педагогике,—я хвастать не собираюсь и никогда не собирался и думаю, что никто не собирается, хотя они могут исправиться и вероятно с течением времени исправятся. Вот, что я хотел отметить в своем заключительном слове.

Товарищи, разрешите резюмировать. Несомненно, для того, чтобы стать одним из орудий социалистической реконструкции нашего хозяйства, наша Коммунистическая академия должна изменить темпы своей работы и характер своей работы и свою собственную конструкцию. Прежде всего она должна, чтобы выйти на открытый воздух, организовать свои собственные массы или своих собственных сотрудников, организовать их вокруг четкого плана, проведенного до самой глубины, до мельчайших ячеек. Этим самым Академия должна привлечь к своей работе и заинтересовать широкие массы, находящиеся вне ее. Это—основная линия тех организаций, которые мы имеем в виду. То, что я конкретно предлагал как образец организации, например, объединение Института советского строительства и Института истории в одно учреждение, это только для примера приводилось—это вопрос, который мы будем потом детально обсуждать. Но не в этом дело. Одним из основных условий для того, чтобы мы могли приступить к этой работе, является тесная большевистская марксистско-ленинская сплоченность наших рядов, это прежде всего. Я думаю, что в данном случае серьезных расхождений у нас нет, но известные пережитки прошлого периода Академии, когда она по грехам являлась иногда парламентом мнений и во всяком случае признавала существование «как бы марксизма», такого рода пережитки должны быть истреблены.

В этой связи, товарищи, будет сделано заявление от фракции Коммунистической академии, которое вы заслушаете и которое будет мотивировано.

Теперь относительно состава предлагаемых кандидатов (список всем был роздан), относительно изменения в составе. Слово имеет т. Бурдянский.

II. О ВЫВОДЕ ИЗ СОСТАВА КОМАКАДЕМИИ ПРОФЕССОРОВ ЕРМАНСКОГО, БАЗАРОВА И СУХАНОВА

Тов. И. М. Бурдянский по поручению фракции ВКП (б) Комакадемии просит пленум Академии о выводе из состава Академии проф. Ерманского, по следующим мотивам.

Литературные выступления Ерманского по вопросам научной организации труда, по вопросам рационализации за последние, примерно, 8—9 лет не соответствуют тем установкам, какие к лицу члену Комакадемии. Проф. Ерманский вопросы рационализации сводит к принципу оптимума, причем этот оптимум он понимает не как проблему социальную. Казалось бы, что вопросы рационализации, вопросы научной организации труда являются вопросами сугубо социальными, сугубо общественными. Проф. Ерманский проблему оптимума понимает исключительно как проблему энергетическую. К этому вопросу он подходит сугубо механистически, исходя из тех соображений, что хорошо затрачивать на единицу продукции меньше энергии, и на этой базе проф. Ерманский строит всю свою теоретическую концепцию. В результате у него налицо сплошной энергетический фетишизм. Надо сказать, что энергетизм проф. Ерманского сочетается у него со сплошной мистикой. Мы читаем в одном месте его работы о том, что коэффициент полезного действия может расти безгранично. В контексте, который имеется там, получается неясное положение, таким образом из ничего рождается энергия.

Поскольку Коммунистическая академия имеет задачей не только разработку теоретических проблем, поскольку Комакадемия ставит себе задачей влиять и на практику нашего советского строительства, постольку приходится констатировать, что проф. Ерманский всегда служил тормозом делу социалистической рационализации. Когда партия, советская власть, и профсоюзы ставили вопрос об интенсификации труда, проф. Ерманский, исходя из придуманной им формулы оптимума, выступал против интенсификации труда с своеобразным рабочелибием. Это характерно для периода 1923/1924 г., и уже тогда было полное основание для вывода Ерманского из состава Комакадемии. Ерманский выступает против хронометража и так выступает, что вредит делу технического нормирования. И стоит назвать на любом собрании нормировщиков имя Ерманского, как нормировщики приходят в ужас, ибо Ерманский мешает работе по нормированию.

Вообще говоря, деятельность Ерманского с точки зрения влияния на практику рационализации нужно охарактеризовать как деятельность разрушителя производства. Неудивительно, что Ерманский имеет возможность цитировать благожелательные отзывы о нем иностранной прессы. Ерманский не отличает сущности капиталистической рационализации от сущности социалистической рационализации и подрывает дело рационализации у нас в СССР.

Не приходится поэтому замалчивать тот факт, что мы имеем со стороны ряда организаций заявления о том, что они удивляются, каким образом Ерманский состоит членом Комакадемии.

Необходимо проф. Ерманского вывести из состава членов Комакадемии.

Проф. Ерманский возражает против положений, выдвинутых против него т. Бурдянским, заявляя, что книга его, Ерманского, проникнута «социалистическим» духом и ссылается на отзыв Ленина, помещенный в VIII Ленинском сборнике. При этом проф. Ерманский позволяет себе ряд политических выпадов против Пленума Комакадемии и научных работников-коммунистов, проводящих в области рационализации линию партии и правительства.

В ответ на это выступление *М. Н. Покровский* оглашает цитату из статьи Ленина «Лучше меньше да лучше», где говорится, что книга проф. Ерманского проникнута меньшевистским духом и что проф. Ерманский не годится для составления учебника, подходящего для советской власти.

Я предоставляю вам судить,—говорит М. Н. Покровский,—может ли человек, который был признан Лениным в 1923 году непригодным даже для составления учебника, подходящего для советской власти, входить в состав центра науки, которым является Комакадемия. Мы жестоко виноваты в том, что поставили вопрос о выводе проф. Ерманского только в 1930 г. Это лишняя иллюстрация к тому, что Академия запаздывает.

Что же касается того, что в книге проф. Ерманского наряду с тем могут быть и полезные мысли, это, по мнению М. Н. Покровского, еще не дает Ерманскому основания состоять членом Комакадемии.

«Мало ли есть,—говорит М. Н. Покровский,—полевных книг, авторов которых мы и не подумаем избрать в члены Комакадемии? Эти авторы нам враждебны идеологически. Я в одной из своих статей совершенно откровенно сделал комплимент работе проф. Заозерского «Царь Алексей Михайлович в своих хозяйствах». Для нас, историков-марксистов, интересная книга, а Заозерский сейчас в Соловках, и его будут судить. Мы можем извлечь пользу из книг наших политических противников и лиц, нам идеологически

чуждых, а что Ерманский—человек нам идеологически чуждый, я надеюсь что я это иллюстрировал цитатой из Ленина».

Т. Вайсберг от имени фракции Комакадемии предлагает вывести из состава Комакадемии В. А. Базарова. «Я знаю, говорит он, Базарова по практической работе. В течение 5—6 лет мы соприкосаемся с ним на работе по вопросам наиболее острым, по вопросам планирования народного хозяйства,—и всем вам Базаров известен по его и старым и новым литературным трудам.

В вопросах философии Базаров является совершенно явным, неприкрытым богдановцем, в отличие от других он этого не отрицает. В вопросах политэкономии, несмотря на то, что ему принадлежит несомненная заслуга участия в переводе «Капитала» Маркса, он по ряду вопросов, конкретно—по вопросу о производительном труде, совершенно недвусмысленно с Марксом расходится.

Но самое важное, о чем я хотел сказать, это установка Базарова по отношению к нашему советскому хозяйству. По этому вопросу у него имеется целый ряд работ и выступлений, которые могли бы служить предметом самостоятельного обсуждения и рассмотрения. Я совершенно кратко остановлюсь только на нескольких моментах. Базаров напр. считает, что основным принципом планирования советского хозяйства является оптимальное сочетание производительных сил и производственных отношений и роста благосостояния трудящихся масс. Эта, с первого взгляда, как будто советская, формула страдает у него однако тем, что он ставит производительные силы над всем остальным, механистически отрывает их от социальной формы. Делая ударение именно на развитии производительных сил, он стыкается с Громаном, Кондратьевым, которые вместе с Базаровым делали на основании этого совершенно неприемлемые, антикоммунистические, антисоветские предложения в области нашего социалистического строительства.

Я не имею времени для того, чтобы говорить здесь подробно по этому вопросу, тут можно было бы проиллюстрировать очень любопытную картину, как у Базарова эта концепция увязывается с концепцией Громана насчет телеологии и генетики, с концепцией Кондратьева насчет планирования и предвидения, но этого я здесь делать не буду.

Второй момент, который я хотел отметить. Базаров, несмотря на то, что у него по советским вопросам бывает иногда кажущаяся левизна, все-таки в ряде работ, в особенности в 1924 г., настаивал на том, что у нас развитие промышленности должно быть подчинено темпу развития сельского хозяйства, и этим самым он ставил определенные пределы нашей индустриализации. Не случайно то обстоятельство, что именно Базаров является автором той, приобретенной довольно печальную известность, теории потухающей кривой, по которой у нас развитие социалистической промышленности должно идти снижающимися темпами. Эта теория в настоящее время опровергнута самой жизнью и, пожалуй, никакой особой критики не заслуживает.

Интересно еще отметить то, что Базаров довольно схоластически ставит вопрос о наших международных отношениях и международных связях. Он считает, что, исходя из гоголя принципа международного разделения труда, мы должны развивать только те отрасли промышленной продукции, которые являются массовыми, и должны все необходимое для всех остальных отраслей ввозить из-за границы. Он определенно хочет поставить целиком и полностью

наше социалистическое развитие в зависимости от капиталистических стран. Здесь он, как и в вопросе об оптимуме, о котором я говорил раньше, совершенно отрывается от социальной сущности советского государства и капиталистических стран. Он при этом не учитывает того особого специфического положения, в котором мы находимся, будучи в капиталистическом окружении.

Я не буду останавливаться на целом ряде других моментов, укажу только еще на одно обстоятельство. Базаров вообще довольно скептически относится ко всему нашему хозяйственному и культурному строительству. И не случайно он, выступая на одном съезде плановых работников по вопросам планирования науки, планирования труда, заявил, примерно, следующее: в старое время была универсальная наука, объединявшая все, богословие, а в настоящее время такой наукой является политграммота.—Если человек при тех теоретических и политических установках, о которых я вам говорил, доходит до такого цинизма в отношении политграммоты, то-я думаю, что и тут особого разговора, пожалуй, быть не может.

В. А. Базаров—человек с эрудицией. Он, пожалуй, может быть членом какой-нибудь академии, но не членом Комакадемии, которая имеет не просто абстрактные научные задачи, но призвана идеологически служить социалистическому строительству. С такими людьми мы, конечно, социализм строить не можем.

Л. Н. Крицман вносит по поручению комфракции предложение об устранении из состава Комакадемии Н. Н. Суханова. «Я буду краток,—говорит он,—в обосновании этого предложения, ибо полагаю, что по существу дела, скорее следовало бы обосновать не необходимость устранения Н. Н. Суханова, а тот несколько странный факт, что до сих пор это устранение не произведено.

Как вам известно, Н. Н. Суханов никогда марксистом не был, он был народником, он был и является ревизионистом, в марксизму никогда никакого отношения, кроме враждебного, не имел. Ленин неоднократно до Октябрьской революции и после нее выступал против него как представителя антимарксистских взглядов. Н. Н. Суханов вел борьбу с марксизмом до Октябрьской революции, он вел эту борьбу и после Октябрьской революции, в частности,—в стенах Комакадемии. Он продолжает и сейчас стоять на той точке зрения, что в спорах с марксизмом он был прав. Н. Н. Суханов был и остается идейным противником марксизма. Поэтому, повторяю, его пребывание в составе Коммунистической марксистско-ленинской академии всегда было странно, и оно является совершенно невозможным теперь, в момент обостренной классовой борьбы в стране, в момент обостренной борьбы на идейном фронте, которая вытекает из обостренной классовой борьбы в стране. Вот почему я считаю, что предложение об устранении Н. Н. Суханова из состава членов Комакадемии более чем обосновано.

М. Н. Покровский оглашает результаты голосования и объявляет, что *В. А. Базаров*, *О. А. Ерманский* и *Н. Н. Суханов* не являются больше членами Коммунистической академии.

III. ВЫБОРЫ НОВЫХ ЧЛЕНОВ И ПРЕЗИДИУМА КОМАКАДЕМИИ

Производятся выборы членов Комакадемии.

М. Н. Покровский: Имею честь поздравить Комакадемию с прибавлением 37 действительных членов и 24 членов-корреспондентов. Позвольте выразить надежду, что это будет твердый настоящий пленум, который можно будет собирать без особенных усилий, который будет действительно комплексным, как правильно указал т. Пашуканис. Это будет действительно новая научная сила, которая будет жизнедеятельной и энергичной.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. Члены Коммунистической академии, избранные на пленуме 18/VII—1930

Агол, И. И.; Берман, Я. Л.; Беспалов, И. И.; Бессонов, С. А.; Борин, Б. С.; Вайсберг, Р. Е.; Ваняг, Н. Н.; Гессен, В. М.; Гопнер, С. И.; Горин, П. О.; Диманштейн, С. М.; Игнатовский, В. М.; Карев, Н. А.; Кривошеина, Е. П.; Крумин, Г. И.; Куусинен; Лепешинский, П. Н.; Мануильский, Д. З.; Мартенс, Л. К.; Махарадзе, Ф. И.; Мендельсон, А. С.; Орахелашвили, М. Д.; Островитянов, К. В.; Панратова, А. М.; Поверн, Б. П.; Попов, Н. Н.; Ронин, С. Л.; Рубинштейн, М. И.; Савельев, М. А.; Семашко, Н. А.; Скрышник; Стецкий, А. И.; Сырцов, С. И.; Фридлянд, Г. С.; Шестаков (Никодим); Шлихтер, А. Г.; Юринец, В. А.

Б. Члены-корреспонденты Комакадемии, избранные на пленуме 18/VII—1930

Ангаров, А. И.; Билаш, Г.; Верменичев, И. Д.; Голендо, М. С.; Гониман, О. С.; Дубровский, С. М.; Зайдель, Г. С.; Зелькина, Е. В.; Игнатов, Е. Н.; Икрамов, А. И.; Кин, Д.; Кирпотин, В. Е.; Кон, А. Ф.; Кубанин, М. И.; Леонтьев, А. А.; Маца, И.; Моносов, С. М.; Пионтковский, С.; Сорин, В. Г.; Столяров, А. К.; Стальбегвич, А. К.; Тымьявский; Угаров, А.; Хмельницкая, Е. Л.

В. Президиум Коммунистической академии

Бюро президиума

Покровский, М. Н.; Мялутин, В. П.; Керженцев, П. М.; Пашуканис, Е. В.; Островитянов, К. В.

Члены президиума

Бубнов, А. С.; Варга, Е. С.; Гайстер, А. И.; Деборин, А. М.; Крицман, Л. Н.; Кржижановский, Г. М.; Лукин, Н. М.; Ронин, С. Л.; Рязанов, Д. Б.; Савельев, М. А.; Стецкий, А. И.; Шмидт, О. Ю.

Письмо в редакцию «Известий» от 16/VII 1930 г.

Уважаемый тов. редактор!

Напечатанный в «Известиях» от 21 июня с. г. отчет о пленуме Комакадемии,—в той части, которая касается обсуждения вопроса о моем выводе

из состава Комакадемии,—может ввиду неполноты вызвать неверное представление о происшедшем. Поэтому прошу отметить в газете следующее:

1) Приведенная в «Известиях» характеристика моя дана была не членом Комакадемии.

2) Из членов Комакадемии не высказался по всему этому вопросу никто, кроме председателя М. Н. Покровского, давшего только реплику на одно место моего выступления с опровержением представленной характеристики.

3) В своем 15-минутном выступлении я опроверг и несоответствующий действительности упрек в том, будто я семичасовой рабочий день рассматриваю не с социально-классовой точки зрения, и привел, между прочим, заявление моего критика С. Бессонова (ныне члена Комакадемии), что мою работу «пронизывает глубокая симпатия к делу социалистической рационализации», и о моем «полном слиянии с делом социалистической рационализации», что, впрочем, отмечено в свое время и в самих «Известиях» (номер от 25 марта 1928 г.).

4) В своем кратком выступлении я процитировал заявление В. И. Ленина, который характеризует мою книгу как «очень полезную и очень хорошую», и говорит: «В целом книга вполне годится, по моему мнению, для того, чтобы быть призванной обязательным учебником для всех профшкол и для всех школ II ступени вообще» («Ленинский сборник» № 8, с. 91).

О. А. Ерманский

От редакции

Поменяя письмо О. А. Ерманского, редакция считает необходимым напечатать постановление малого президиума Коммунистической академии от 1 июля 1930 г. по поводу выступления профессора Ерманского на пленуме Комакадемии.

КОМАКАДЕМИЯ О ПРОФ. ЕРМАНСКОМ

«Пленум Коммунистической академии постановил вывести проф. Ерманского из своего состава, так как настоящий период социалистической реконструкции всего нашего хозяйства и связанное с ним обострение классовой борьбы на теоретическом фронте требует, как никогда, усиления борьбы за чистоту марксистско-ленинской методологии против всяких извращений.

В этих условиях особенно нетерпимыми являются меньшевистские тенденции и концепции, которые, прикрываясь флагом марксизма, проникают в нашу литературу.

К числу последних относятся и литературные произведения проф. Ерманского, которые еще Ленин характеризовал как проникнутые меньшевистским духом, хотя и признавал за ними и известные положительные качества. Так, в VIII ленинском сборнике (с. 89) Ленин в письме к Аванесову, говоря о том, что Свидерский поручил Ерманскому собрать литературу по рационализации, заявляет: «Я немного сомневаюсь, выполнит ли удачно Ерманский? Он—меньшевик, и в его книге видна некоторая злость (хотя книга все же хорошая)». В этом же письме несколько раз Ленин подчеркивает: «Надо собрать все и не полагаться на Ерманского без особой проверки».

В XVIII томе (ч. 2, с. 121) сочинений Ленина говорится, что Ерманский «отличается явным сочувствием меньшевизму и непригоден для составления учебника подходящего для советской власти».

Проф. Ерманский как в своем выступлении на пленуме Комакадемии по этому вопросу, так в особенности в своих репликах, позволил себе ряд совершенно недопустимых политических выпадов по адресу пленума Комакадемии, заявив, что Коммунистическая академия ведет политику «пригодобливания тех, кто имеет партийный билет», и что такая политика «ведет к Беседовским»; тех, кто проводит линию партии и советского правительства в вопросах труда и рационализации производства, называл «чиновниками» и т. д.

Подобные выступления характеризуют проф. Ерманского уже не только как идеологически чуждого, но и как антисоветски настроенного ученого и лишней раз доказывают, что ему не место в Коммунистической академии.

Вместе с тем президиум Коммунистической академии должен заявить, что исключение Ерманского не имеет ничего общего с его «беспартийностью», так как в составе членов Коммунистической академии имеются и беспартийные, стоящие в основном на позициях марксистско-ленинской методологии и идеологически близкие коммунистической партии.

Ерманский же, наоборот, по своей идеологии, как видно из всего вышеизложенного, до сих пор еще в основном остается на позициях меньшевизма.

(Выписка из протокола № 5 заседания малого президиума Коммунистической академии от 1 июля 1930 г. Протокол подписали: М. Н. Покровский — председатель и тов. Островитянов — секретарь).

Письменное заявление И. Бурдянского

(К протоколу пленума Комакадемии)

©. Ерманский в своем выступлении на пленуме Комакадемии по поводу сделанного мною ему по поручению фракции ВКП(б) Комакадемии отвода из состава Академии наговорил много неправды.

Экономия время пленума, я не брал слова для справок.

Считаю все же необходимым разоблачить одно клеветническое утверждение Ерманского по моему адресу насчет того, что я подписывал платформы, где были формулировки солидарности с установками Ерманского.

Категорически заявляю, что во всех платформах по вопросам НОТ, где была моя подпись, я, вместе с другими товарищами-коммунистами, работающими по рационализации, всегда выступал с критикой Ерманского.

Это знает каждый, знакомый с историей теоретических споров о НОТе в СССР¹.

И. Бурдянский

¹ Укажу для примера опубликованные ко II-ой всесоюзной конференции по „НОТ в СССР“ („Правда“ от 13/II—1924 г.) за подписями П. Керженцева, В. Радус-Зеньковича, А. Стопани, И. Шпальрейна, И. Бурдянского, Г. Торбека, М. Рудакова, Мод. Рубинштейна и др.

В этих тезисах о Ерманском связано достаточно ясно:

„3) Существует течение, не связанное с практической работой, но выявленное в литературной и педагогической деятельности, которое при постановке проблем НОТ исходит из интересов отдельного рабочего и анализа индивидуального труда, не дооценивая как интересов всего класса и нужд хозяйственного целого, так и специальных особенностей эпохи диктатуры пролетариата. Это течение, сугубо выдвигающее принцип оптимума, затмевает этим проблему поднятия производительности (Ерманский)“.

Речь т. Бубнова, помещенная в прениях, на пленуме, дана по направленной самим т. Бубновым стенограмме—Ред.

О ЗАДАЧАХ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ В ОБЛАСТИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Текущий период социалистического строительства выдвинул перед марксистско-ленинской научно-исследовательской мыслью огромные задачи теоретического осознания и предвидения в сфере процессов социалистической реконструкции. В особенности это относится к области экономических наук, так как социалистическое строительство есть прежде всего создание основ социалистической экономики. Существующее положение характеризуется резким отставанием теоретической экономической мысли от потребностей практики социалистического строительства. Теория здесь зачастую не только не предвидит заранее изменений в направлении нашего хозяйственного развития, но иногда не успевает даже своевременно осознать тех процессов, которые уже происходят. По этой причине *актуальная задача теоретической разработки мероприятий, осуществляемых партией и рабочим классом в области социалистического переустройства нашего хозяйства, которая должна составлять главное содержание работы экономической научной мысли в СССР, выполняется в совершенно недостаточной мере.*

2. Институт экономики Комакадемии призван согласно постановления ЦК партии о мероприятиях по укреплению научной работы («Правда», 13 июля 1929, § 2 и 3) идеологически руководить и играть роль планирующего центра в соответствующих областях научно-исследовательской работы.

Однако за год, прошедший со времени указанного постановления, работа, проведенная Экономической секцией в направлении осуществления задач, поставленных перед ней ЦК партии и всем ходом социалистического строительства, была недостаточной. Экономическая секция не осуществила задачи фактического объединения вокруг себя всех научно-партийных сил в области экономики и превращения в центр партийной экономической мысли, не осуществила практически коренного поворота к разработке проблем реконструктивного периода.

Непосредственной причиной невыполнения вышеуказанных задач было слабое развитие в секции коллективной работы, являющейся основным условием плодотворной и своевременной разработки проблем социалистического строительства. Создание действенных коллективов для разработки тех или иных вопросов сильно тормозилось отсутствием на постоянной работе в Институте экономики сколько-нибудь значительного числа научных работников и

крайней трудностью привлечения к практическому участию в работе Института научных работников—экономистов, занятых на работе в хозяйственных учреждениях.

3. Положительная работа Института экономики за истекший год выразилась, главным образом, в издании журнала «Проблемы экономики» и в постановке публичных теоретических докладов и дискуссий по вопросам советской экономики. Параллельно была проведена значительная организационная работа, результатом которой было создание при Институте некоторого постоянного кадра квалифицированных научных работников и тем самым подготовка одной из основных предпосылок для подхода в ближайшее время вплотную к осуществлению задач Института. Однако само по себе число этих работников далеко недостаточно; настоятельной задачей Института является дополнительное комплектование постоянных научных работников и осуществление ряда организационных мероприятий, обеспечивающих вовлечение в постоянную работу Института научных работников—экономистов, занятых на хозяйственной работе.

4. Ближайшей задачей Института экономики является превращение в руководящий центр партийной научно-экономической мысли, в орган классовой борьбы на теоретическом фронте, подвергающий решительной методологической критике правый и левый оппортунизм, раскрывающий его классовое содержание, дающий в тоже время решительный отпор каждой вылазке буржуазных ученых типа Чаяновых, Кондратьевых, Сухановых и т. д., скрывающих под маской «лояльности» свою контрреволюционную враждебность пролетарскому государству. В соответствии с этим содержание научно-исследовательской работы Института должно определяться следующими моментами:

а) Сосредоточение центра тяжести работы Института на теоретической разработке проблем социалистической реконструкции, в особенности, проблем генерального плана, социалистического воспроизводства в СССР и т. д.

б) Теоретическая разработка проблем современной фазы империализма, а также проблемы взаимоотношений СССР с капиталистическим миром (совместно с Институтом мирового хозяйства).

в) Теоретическая работа по разоблачению правых и «левых» уклонов от генеральной линии партии, в первую очередь правого уклона как главной опасности на нынешнем этапе.

г) Творческая разработка наименее разработанных частей марксовской политической экономии.

д) Борьба против буржуазной идеологии в СССР и капиталистических странах.

е) Помощь Института как научно-исследовательского учреждения в работе партии по подготовке кадров.

5. Плодотворная и своевременная разработка проблем, выдвигаемых социалистической реконструкцией нашей экономики, а также проблем современной фазы империализма может быть осуществлена лишь при условии согласованной совместной работы в этой области всех партийных научно-экономических кадров, в частности, путем координирования в соответствии с вышеуказанным постановлением ЦК партии всей работы ведомственных (наркоматских) научно-исследовательских институтов с работой Комкадемии при обеспечении идеологического руководства со стороны последней. Во всей своей работе Институт экономики должен быть непосредственно связан с плановыми и хозяйственными органами.

6. Большую роль в деле успешного осуществления целей Института должен сыграть журнал «Проблемы экономики», главной задачей которого является теоретическое освещение наиболее актуальных проблем переходной экономики и систематическая жестокая борьба против уклонов и оппортунистических извращений партийной линии, против всяких «теорий» и «теориек», оправдывающих эти уклоны и извращения. Тем самым «Проблемы экономики» должны стать боевым политико-экономическим органом партии и добиться привлечения к себе внимания широких кругов партийного актива, несколько не снижая при этом своего высокого теоретического уровня.

7. В основу работы Института должно быть положено продвижение результатов научно-исследовательской работы в массы путем устройства широких докладов и дискуссий и издания научно-популярной экономической библиотеки. Помимо самостоятельного значения этого продвижения оно должно сыграть большую роль в деле оживления работы Института и привлечения внимания широкого актива к Институту и журналу.

8. Одной из задач Института на ближайшие годы является ускорение темпа роста по изданию «Экономической энциклопедии» при одновременном обеспечении идеологической чистоты и высокого научного качества помещаемого в ней материала.

9. Огромное значение научно-исследовательской работы для социалистического строительства требует постановки ее в центр всей работы Института экономики. Ни в коем случае недопустимо такое положение, чтобы сама по себе чрезвычайно важная работа по подготовке кадров (аспирантура) заслоняла собой громадные задачи, стоящие перед Институтом экономики в области научного исследования.

II. СОДЕРЖАНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ

В соответствии с вышеприведенными общими положениями, относящимися к научной работе Института экономики, президиум Комкадемии постановляет:

А. Внутренняя организация научно-исследов. работы Института

1. Организовать научно-исследовательскую работу Института экономики на основе отделения ее от учебной работы. Это не исключает, а наоборот, предполагает постепенное и последовательно проводимое вовлечение аспирантуры как самого Института, так и аспирантуры Института красной профессуры в научно-исследовательскую работу Института экономики.

2. Добиться максимального осуществления в научной работе Института метода коллективных работ путем создания жизнеспособных и действенных групп по отдельным комплексным и частным проблемам.

3. Максимально упростить организацию научной работы Института, осуществив непосредственную связь между отдельными группами и президиумом Института, обеспечив фактическое руководство президиума группами и контроль над их работой.

4. Увязать план научно-исследовательской работы Института с планом его издательской работы, поставив основной задачей каждой работающей группы обязательное издание к концу 1930/1931 г. сборника или другого вида коллективной печатной работы, посвященного данной проблеме.

5. Предусмотреть в плане научной работы Института на 1930/1931 г. создание и всемерное развитие подсобных научных учреждений (бюро вырезов,

архив, специальные кабинеты-библиотеки и т. д.) Института с соответствующими ассигнованиями на это.

Б. Основные линии научно-исследовательской работы Института экономики на 1930/1931 г.

1. Предусмотреть в плане научно-исследовательской работы Института экономики обязательное создание групп для проработки следующих тем:

- а) «Проблема воспроизводства в СССР», включая сюда разработку методологии составления народнохозяйственного баланса и генерального плана.
- б) «Проблема денег и кредита в СССР» (в связи с реконструкцией финансовой системы).
- в) «Теоретические проблемы современной фазы империализма».
- г) «СССР и мировое хозяйство».
- д) «Теория рынка, кризисов и конъюнктуры».
- е) «Географическое размещение промышленности, сельского хозяйства и транспорта в генеральном плане» (комплексная группа с участием экономистов промышленности, транспорта, аграрников, экономгеографов и плановиков).
- ж) «Проблема труда на новом этапе» (в связи с генпланом).
- з) «Организация труда в колхозах» (совместно с Аграрным институтом).
- и) «Социальный состав пролетариата в СССР».
- к) «Методика преподавания» (политэкономию, теории советского хозяйства и экономполитики, экономики промышленности и др. экон. дисциплин).
- л) «Методология и методика экономгеографии» (при ней кружок по вопросам преподавания экономгеографии).
- м) «Энергетическая группа».
- н) «Группа рационализации и организации производства».
- о) «Группа истории техники».
- п) «Тенденции современного технического развития» (в связи с генпланом).

2. Помимо создания указанных групп предусмотреть в плане работ Института подготовку и выпуск следующих печатных работ:

- а) сборника, посвященного систематической критике экономической теории правого уклона;
- б) сборника, посвященного систематической критике построений буржуазных и мелкобуржуазных экономистов в СССР (Базаров, Альб. Вайнштейн, Громан, Каценеленбаум, Кондратьев, Первухин, Соколов, Финн-Енотаевский, Юровский и др.), включив сюда все проблемы экономической теории, за исключением специальных аграрных, разрабатываемых Аграрным институтом;
- в) сборника о современных буржуазных экономистах Зап. Европы и Америки (главным образом, о социально-политической школе и американских конъюнктуристах).
- г) коллективного учебника по политэкономии в связи с теорией советского хозяйства для соц.-экономических вузов.
- д) коллективного учебника и хрестоматии по истории техники для вузов и втузов.

В. Научные кадры Института

1. Обратиться в ЦК ВКП(б) с просьбой о переводе во исполнение вышеупомянутого постановления ЦК о мероприятиях к укреплению научной работы (№ 11) на постоянную научную работу в Институт экономики Комкадемии некоторого числа научных работников-коммунистов, занятых на административной работе в советских учреждениях.

2. Возбудить перед ЦК ВКП(б) ходатайство о предоставлении, во исполнение того же постановления § 6, 4—6 мес. отпуска исключительно для научной работы группе научных работников-коммунистов, занятых в советских учреждениях. Поручить Институту экономики в десятидневный срок представить президиуму Комкадемии персональный список товарищей, относительно которых возбуждается ходатайство об отпуске с указанием продолжительности каждого отпуска, календарного срока его и характеристики работы, поручаемой товарищу, получающему отпуск.

3. Обязать президиум Института экономики вести систематическую работу по комплектованию научных работников как штатных, так и внештатных, имея в виду, чтобы к 1 декабря с/г. все исследовательские группы Института были обеспечены основным рабочим составом и руководителями. При комплектовании научных сотрудников иметь в виду директиву об улучшении партийного и социального состава научных работников Комкадемии и о повышении их научных квалификаций.

Г. Связь с научно-исследовательскими учреждениями и группами в Москве и провинции

1. Обеспечить в части Института экономики выполнение постановления ЦК ВКП(б) о превращении Комкадемии в планирующий центр марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений и об обеспечении идеологического руководства Комкадемии их работой путем организации при Институте планового бюро с участием представителей Института экономики Комкадемии, Экономического института красной профессуры, ИЭИ Госплана и сектора науки и просвещения ЦК ВКП(б). На обязанности бюро лежат согласование между собой планов научно-исследовательской работы Института экономики Комкадемии, его ленинградского отделения и ведомственных (союзно-наркоматских) институтов, разграничение работы всех указанных институтов, постановка новых вопросов, подлежащих изучению, заслушивание отчетов о работе отдельных институтов и вообще обеспечение идеологически правильной и своевременной разработки актуальных проблем социалистической реконструкции и наиболее рационального использования в этом направлении наличных сил.

2. Обеспечить активизацию работы научных групп в провинции путем: а) создания на первое время в республиканских, краевых и областных центрах активы экономистов, объединив их вокруг журнала «Проблемы экономики», б) выездов на места с докладами на темы, служащие объектом работы Института, в) организации заочной консультации научным работникам в провинции.

Осуществление намеченных мероприятий должно подготовить почву для создания Общества экономистов-марксистов и созыва всесоюзной конференции Общества.

Д. Продвижение результатов научно-исследовательской работы в массы

1. Предусмотреть в плане работы Института экономики постановку ряда докладов на темы, служащие предметом работы Института, с привлечением на эти доклады партактива и хозяйственных работников Москвы.

2. Разработать план издания научно-популярной экономической библиотеки по вопросам экономической теории и актуальным проблемам советской и мировой экономики.

ОБРАЩЕНИЕ КО ВСЕМ РАБОТНИКАМ В ОБЛАСТИ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ПРАВА

(Принято на учредительном собрании Общества марксистов-государственников)

Успехи социалистической реконструкции, ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, усиление плано-регулирующей роли пролетарского государства, обострение в связи со всем этим классовой борьбы в стране—с особой силой подчеркивают значение государства диктатуры пролетариата и революционную роль советского права и открывают величайшую возможность для осуществления одного из основных принципов власти советов, заключающегося в неразрывной связи социалистической реконструкции сельского хозяйства с вовлечением самых широких масс трудящихся в государственное управление.

Обострение классовой борьбы в стране вызывает на фронте теории и практики советского строительства и права ожесточенное сопротивление наступающему марксизму со стороны старых и новых сторонников юридического, т. е. буржуазного мировоззрения, нередко прикрывающих свои буржуазные взгляды марксистской фразеологией (Понтович, Тоцкий, Трайнин, Пионтковский, Архинов, Палиенко, Колман, Розенблюм, Ширяев, Паше-Озерский и др.). В стенах вузов, на страницах ряда журналов буржуазная юридическая мысль активно выступает против марксизма. Непримируемая борьба против всевозможных форм юридического мировоззрения, какими бы ярлыками это враждебное пролетариату мировоззрение не прикрывалось, является важнейшей задачей. Эта борьба есть борьба за гегемонию марксизма—ленинизма, борьба за новые, подготовленные в духе воинствующего материализма кадры строителей советского государства.

Давление идеологии чуждых и враждебных пролетариату слоев проникает даже и в ряды марксистов (Магеровский, Малецкий) и

получает в их лице поборников буржуазных и оппортунистических теорий. Разоблачение этих теоретиков должно явиться составной частью борьбы за чистоту марксо-ленинской теории государства и права.

Правооппортунистические—особенно опасные в настоящий момент—теории ликвидации низовых органов диктатуры пролетариата в связи с массовой коллективизацией и подмены их другими органами, в частности, уполномоченными, должны встретить самое резкое осуждение и решительный отпор. Забвение классовой роли советского государства в обстановке обострения классовой борьбы, смазывание классового существа политики оживления советов, попытка выдать это оживление за гражданский мир в пролетарской демократии, за шаг в сторону «чистой демократии», отрицание активной революционной роли советского государства и права в процессе социалистической реконструкции—характеризует правооппортунистическую позицию в вопросах советского строительства и права. Глубокая враждебность этих взглядов учению Маркса и Ленина и их оппортунистическая сущность должна быть до конца вскрыта и разоблачена.

Левые загибы в теории и практике, искажение революционной законности, «административный восторг» в процессе коллективизации, теория «отмены права», ведущие к немедленной отмене нэпа, усиливают антипартийные позиции правых и ставят под угрозу союз пролетариата с крестьянством. Непримируемая борьба против всяких искажений революционной законности на практике и против попыток оправдать эти искажения, борьба против практики извращения генеральной линии партии под лозунгом «конец нэпа» является очередной задачей. Загибы, сочетающие левое фразерство с оппортунизмом на деле, льют воду на мельницу наших классовых врагов—рассуждениями о замене революционной законности революционной целесообразностью, о необходимости снятия лозунга революционной законности.

Наряду с этим попрежнему стоит задача непримиримой борьбы против остатков контрреволюционной троцкистской идеологии в вопросах советского строительства и права. Троцкистские «теории» и «теориейки» о термидорианском перерождении диктатуры пролетариата, рассуждения о принципиальной враждебности всего крестьянства интересам рабочего класса (теория перманентной революции со всеми вытекающими из нее выводами) и перенесение их на вопросы советского строительства, в частности, на вопросы организации массовой работы советов,—должны встретить самый решительный отпор. Борьба за окончательную ликвидацию остатков этой разновидности меньшевизма, должна являться одной из важнейших политических задач.

Решительная борьба как с правым уклоном, главной опасностью в данный период, так и с «левыми» загибами, представляющими от-

рыжки троцкизма,—должна стать в центре внимания нашей борьбы за четкие марксо-ленинские позиции в области государства и права. Правый уклон, находящий свое проявление в виде недооценки революционной роли советского государства и права, и «левые» загибы, проявляющиеся в подмене административными приказами систематической борьбы за уничтожение классов и строительства социализма,—являются прямым препятствием в деле социалистической переделки общества.

Борьбой на два фронта с извращениями марксо-ленинской теории должна быть пронизана вся деятельность нашего Общества. Под идеологическим руководством Института советского строительства и права общество поведет решительную борьбу против всех уклонов от генеральной линии партии.

Борьба с буржуазными и мелкобуржуазными взглядами в области теории государства и права требует в первую очередь решительной борьбы с механической концепцией, лежащей в основе правоопортунистического мировоззрения. Наряду с этим, столь же решительно, должна быть продолжена борьба с идеалистической концепцией, в частности с враждебной марксизму идеологией неокантианства, как мировоззрением меньшевизма, идеологией, которая в своеобразном сочетании с механической концепцией, составляет также теоретическую основу троцкизма.

Выполнение всех стоящих перед нами политических задач возможно только на базе неразрывной связи теории с практикой советского строительства. Работа нашего государственного аппарата должна проверяться и освещаться марксистско-ленинской теорией. Эта теория должна указывать правильный путь работе по реконструкции нашего государственного аппарата: она должна вооружать наших практиков в их повседневной работе по советскому строительству. До сих пор теория отстает от практики. Задача общества—направить все силы на преодоление отставания теоретической разработки наиболее актуальных проблем советского государства и права. С другой стороны, чтобы быть руководством к действию, теория должна неразрывно обогащаться практическим опытом социалистического строительства. Должна быть объявлена беспощадная борьба «чистому академизму», чистой от практики «теории», воспроизводящих самую отвратительную, как говорил Ленин, черту буржуазного общества—отрыв теории от практики. Наше общество является шагом вперед в деле взаимного вооружения практики советского строительства теорией Маркса—Ленина. Оно должно включить в свои ряды и объединить в дружной коллективной работе как теоретиков, так и практических работников фронта советского строительства и права. Оно должно

организовать и направить все свои силы на борьбу с буржуазными теориями государства и права, на борьбу с извращениями марксизма в области советского строительства и права. Работая под руководством Комакадемии, как марксистского идеологического центра, Общество должно стать центром всех марксистских сил и воинствующей пропаганды марксо-ленинской теории советского строительства.

Реконструктивный период выдвигает с особой настойчивостью проблему реорганизации госаппарата, широчайшего вовлечения в его работу трудящихся масс, максимального упрощения всей законодательной и административной деятельности. Наблюдающееся в этой области отставание теоретической работы от практики заставляет общество уделить особое внимание разработке проблем государства и права переходного времени вообще, реконструктивного периода—в особенности.

Победоносный ход социалистического строительства, рост активности рабочих масс, все большее втягивание их в деятельность госаппарата ставит перед нами задачу—изучение всевозрастающей роли гор- и сельсоветов в деле социалистического строительства и развертывания новых форм их массовой работы, в частности, в районах сплошной коллективизации.

Наряду с теоретической разработкой вопросов советского строительства и права общество ставит своей задачей как популяризаторскую и пропагандистскую деятельность, так и участие в подготовке квалифицированных кадров для советского строительства. Общество должно принять участие в подготовке научных работников и преподавателей, в разработке программ и учебных планов, в создании действительно марксистской учебной литературы. Особое внимание должно быть уделено подготовке квалифицированных кадров из коренного населения в напеспубликах и отсталых окраинах.

Обострение классовой борьбы требует от нас бдительности в деле борьбы со всякими извращениями национальной политики в советском строительстве как в теории, так и на практике. Проводя решительную борьбу как с великодержавным, так и с местным шовинизмом, Общество ведет работу над практическими проблемами советского строительства в национальных республиках и районах, стремясь к максимальной активизации трудящихся масс многочисленных национальностей Советского Союза.

Беспощадно борясь со всякими отклонениями от революционного марксизма—ленинизма, развертывая широкую практическую работу по вовлечению трудящихся масс в советское строительство, Общество в то же время ни на минуту не забывает своих международных задач и обязанностей. Значительное место в теоретической работе должно

занять изучение проблем государства и права современного капитализма, особенно вопросов фашизации буржуазного государства, проблем социал-фашизма и т. д.

В своей пропагандистской деятельности Общество использует все возможности для разоблачения перед многомиллионными трудящимися массами Запада и Востока действительной сущности империалистического государства и его реакционной политики.

Организационное собрание Общества марксистов работников в области советского строительства и права призывает всех партийных, советских и научных работников, учащихся вузов и широкие массы рабочего актива, разделяющих и борющихся за теоретические основы нашего Общества, вступить в число его членов.

* * *

ОТДЕЛ ДОКЛАДОВ И ДИСКУССИЙ

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕКОНСТРУКТИВНЫЙ ПЕРИОД¹

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО СТ. С. КРИВЦОВА

Товарищи! Я прошу считать то, что я буду говорить, только вступлением к тому обмену мнениями, который должен произойти у нас по вопросу о производительных силах и производственных отношениях в реконструктивный период. Я хочу коснуться, во-первых, общеметодологического вопроса о том, какое место проблема производительных сил и производственных отношений занимает в учении марксизма; во-вторых, я напомним, как ставилась у нас эта проблема в отношении экономики переходного периода, и в-третьих, я постараюсь наметить, как, с моей точки зрения, нужно ставить эту проблему в условиях данного момента реконструктивного периода, — того момента, когда мы приступили к уничтожению последнего капиталистического класса в нашем Союзе, именно, кулачества.

Вам, конечно, прекрасно известно, что учение о производительных силах и производственных отношениях является одним из основных пунктов в марксизме. Поэтому как раз против этого учения направляются наиболее ожесточенные нападки со стороны всякого рода ревизионистов.

Еще в письме к Анненкову Маркс писал, что производительные силы являются основой всей человеческой истории. В зависимости от производительных сил изменяются в той или другой мере те производственные отношения, в рамках которых эти производительные силы возникли. Затем мы имеем момент социальной революции, смену одной общественно-экономической формации другой.

Что понимал Маркс под производительными силами? Еще в «Немецкой идеологии» Маркс замечает, что *способ совместной деятельности людей* есть «производительная сила». Но из каких составных частей складывается этот «способ совместной деятельности людей»? Очевидно, что речь идет о людях, работающих с помощью *средств производства* (сюда входят и орудия труда, и сырье).

Говоря о работающих людях, о живой рабочей силе, мы имеем в виду определенную *общественную* категорию, а не просто физиологическое, энергетическое или психологическое понимание трудовых процессов. Маркс всегда

¹ Дискуссия в Институте философии 13/V—6/VI 1930. Ввиду отъезда т. Рудаша за границу речь его не приведена.

подчеркивал общественный, исторический характер живой рабочей силы. Беря различные экономические условия, мы получаем качественно различную живую рабочую силу. Маркс видит общественный характер живой рабочей силы в кооперации, в разделении труда, в мануфактуре и т. д. Мы великолепно знаем, что даже простая кооперация дает больший эффект полезного труда, чем сумма работ отдельных лиц: в кооперации люди создают себе новую производительную силу.

Какая бы ни была форма производства, мы всегда имеем в производстве два основных момента: живую рабочую силу и орудия труда. Способ же соединения орудий труда с непосредственными производителями в различные исторические эпохи различен.

Что же является ведущим началом среди указанных выше основных элементов производительных сил? Маркс говорил, что живые люди сами развивают свои производительные силы. Всякое производство представляет собой оплодотворение пламенем труда мертвой природы и мертвых орудий. Отсюда мы заключаем, что основным и ведущим моментом производительных сил является живая рабочая сила в ее общественно-экономической характеристике.

По этому вопросу мы имеем совершенно недвусмысленное высказывание Маркса из «Нитцы философии». «Из всех орудий производства наибольшую производительную силу представляет сам революционный класс. Организация революционных элементов в класс предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества».

Ленин в заметках на «Экономику переходного периода» Бухарина неоднократно подчеркивает (против Бухарина) тот момент, что основное движущее начало мы имеем в живой рабочей силе. Да это и естественно, поскольку мы придерживаемся трудовой теории стоимости.

Во «Введении к критике политической экономии» Маркс писал: «Диалектика понятий—производительные силы (средства производства) и производственные отношения,—диалектика, границы которой подлежат определению и которая не уничтожает реального различия». Если мы будем забывать этот момент диалектического единства производительных сил, их выявление в определенных производственных отношениях, а вместе с тем не будем постоянно иметь в виду качественное различие между ними, то мы в нашем анализе не сможем сдвинуться с места.

Способ соединения живой рабочей силы со средствами производства дает определенную форму производственных отношений. Это соединение носит антагонистический характер в капиталистическом обществе. При этом Маркс указывает, что определенные производительные силы, раз возникши, развиваются в течение определенного времени как бы в тиши, а затем получается конфликт между производственными отношениями, в рамках которых развивались эти производительные силы, и самими производительными силами. Старые производственные отношения уничтожаются и создаются новые.

Стройная система марксовой «социологии», основанная на его теории производительных сил, всегда вызвала бешеные наскоки со стороны ревизионизма. Туган-Барановский старался даже показать неправомочность самого термина «производительные силы»². Струве пытался провести ту мысль, будто Маркс, говоря о развитии производительных сил, по существу дела стано-

вится на надклассовую точку зрения гармонии интересов общества в целом³. При этом самое понятие производительных сил Струве сводит к понятию производительности труда единичного человека, а тем самым к понятию годности человека, что является уже, по Струве, понятием этическим и религиозным. Основной причиной развития производительных сил Струве считает рост народонаселения. В цитированной статье, вышедшей в 1910 г., Струве, между прочим, иллюстрирует свою теорию на примере Франции. Он говорит, что техническое и экономическое развитие Франции остановилось по той причине, что население ее перестало расти. Наоборот, в Германии растет народонаселение, и потому растут и производительные силы. Отсюда Струве делает тот вывод, что не может быть никакого «реванша» со стороны Франции, политическое положение которой предопределяется фактом стационарности ее населения. Стоит вспомнить войну 1914 г., стоит вспомнить, как на наших глазах Франция превращается в индустриальную металлургическую страну (несмотря на убыль населения в результате войны), чтобы лишний раз убедиться в методологической «ценности» теории Струве.

Попытаемся теперь от общей методологической установки перейти к проблеме производительных сил переходного периода. Вам хорошо известно, что существует книга Бухарина («Экономика переходного периода»), которая специально ставит этот вопрос. Поскольку Бухарин стоит на механистической точке зрения «теории равновесия», у него по существу дела выпадает качественная определенность общественно-экономических формаций. По Бухарину получается, что новая общественно-экономическая формация представляет собою лишь иную комбинацию одних и тех же качественных элементов.

Бухарин пишет: «Необходимо искать элементов нового общества в производственных отношениях старого. Другими словами, вопрос необходимо поставить таким образом: какой вид производственных отношений капиталистического общества может лечь в основу новой производственной структуры?»⁴ В другом месте мы читаем, что задача заключается только в «перегруппировке производственных отношений»⁵,—очевидно, производственных отношений капиталистического типа.

Такого рода явно механистическое понимание естественно приводит к теории вращающегося капиталистических элементов в социализм, в частности к теории вращающегося кулака в социализм или, шире, к общей ревизионистской теории эволюционного перерастания капитализма в социализм.

Отсюда, далее, Бухарин приходит к такой мысли, что «задачи, стоящие перед пролетариатом»—(это он говорит о моменте отрицательного расширенного воспроизводства)—«в общем и целом, формально, т. е. независимо от социального содержания процесса, те же, что и для буржуазии»⁶. Само собой разумеется, что для нас важен не «формальный» анализ, а социальный. Бухарин же, в силу своей механистической точки зрения, должен волею-неволею снять этот основной и решающий момент. Ленин в ряде своих заметок на полях «Экономики переходного периода» указывает на то, что у Бухарина, в результате его неверной методологической установки, в конце концов выпадают даже классовые отношения.

³ См. ст. «О проблеме роста производительных сил и теории социального развития».

⁴ «Экономика переходного периода», с. 52, курсив Н. Бухарина.

⁵ Там же, с. 67.

⁶ Там же, с. 59.

² Туган-Барановский, Теоретические основы марксизма.

У Бухарина в основе его теории производительных сил лежит техника. Бухарин даже склоняется к полному отождествлению производительных сил и техники. Совершенно иное мы видим у Ленина: Ленин развивает ту же точку зрения, на какой стоял Маркс. Поэтому для него, как и для Маркса, основной производительной силой является рабочий класс. Можно указать ряд высказываний Ленина, относящихся к этому вопросу⁷.

В своей работе, посвященной эсерам, Ленин говорил следующее: «Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся. Если он выживет, мы все спасем и восстановим». И далее: «В стране, которая разорена, первая задача—спасти трудящихся»⁸. Только сохранив живую рабочую силу нашего пролетариата, сохранив квалифицированных рабочих, мы смогли заняться восстановлением нашей промышленности.

Любопытно, что меньшевики со своей механистической точкой зрения не понимали всей решающей важности сохранения живой рабочей силы. Они с овлечением критиковали нашу продовольственную политику эпохи военного коммунизма и упрекали нас в том, что мы уничтожаем производительные силы страны, так как меньше заботимся о сохранении машин, фабрик, домов и т. д., чем о сохранении живой рабочей силы.

Но вместе с тем Ленин самым решительным образом выступал против тех, кто считал, что мы построим социализм без освоения производственной культуры Запада, руками одних рабочих, одних коммунистов, без участия специалистов.

Вспомните выступление Ленина на III Съезде комсомола, где он указывал на великое значение учобы. Но учоба учобе рознь. Ленин никогда не ставил так вопроса, как его ставил Бухарин, который говорил, что надо взять американскую технику и просто пересадить ее к нам. Ленин всегда требовал критической переработки старой культуры под углом зрения задач социалистического переустройства всей жизни.

Отсюда получилось известное положение Ленина, о том, что «социализм есть советская власть плюс электрификация», причем под электрификацией в широком смысле слова можно понимать овладение всей передовой техникой производства, а под советской властью—новый тип производственных отношений и их политическое выражение в диктатуре пролетариата.

Особо актуальный характер проблема производительных сил и производственных отношений приобретает применительно к условиям переживаемого нами периода социалистической реконструкции, когда закладываются и укрепляются основы социалистического производства не только в индустрии, но и в сельском хозяйстве, когда в порядок дня ставится проблема переделки крестьянина—мелкого буржуа в труженика бесклассового общества.

Между тем в нашей литературе до сих пор почти ничего не сделано по вопросу о производительных силах и производственных отношениях не только применительно к периоду социалистической реконструкции, но и вообще применительно ко всей эпохе переходного периода к социализму. Были попытки Бухарина, но они не могут нас удовлетворить. Имеется ряд отдельных высказываний Ленина, но они до сих пор еще никем не систематизированы.

⁷ Напр. в «Очередных задачах советской власти» (работа 1918 г.: эпоха Вреста), «О нашей революции» (работа 1923 г.: эпоха запа), в его заметках об улучшении аппарата (в VIII лен. сборн.: время с 1918 по 1922 гг.), в его замечаниях на книгу Бухарина «Экономика переходного периода» (1920 г.: эпоха военного коммунизма).

⁸ Ленин, т. XVI, с. 214.

О производственных силах у нас был целый ряд статей в «Вестнике Ком-академии», но все они носят слишком общий характер. В самые последние дни появились еще две статьи: т. Тымянского в «Проблемах марксизма» (II сборник) и т. Мартынова в № 2—3 «Под знаменем марксизма» («Теория подвижного равновесия общества и взаимоотношения между обществом и внешней средой»). К сожалению, ни тот, ни другой не касаются вопроса о производительных силах и производственных отношениях применительно к условиям реконструктивного периода, а между тем это как раз и является наиболее актуальной задачей наших дней. Абстрактная постановка вопроса не дает нам того, что нам нужно.

В самом деле, что нам может дать формула т. Тымянского? Он пишет так: «Беспокойство людей и средств производства становится движущей силой общества. В силу такого беспокойного своего характера, вызывающего развитие производства, люди и средства производства и называются производительными силами. Производительные силы, таким образом, суть раньше всего части природы, материальные элементы производства, которые обуславливают его развитие. Вместе с тем они обуславливают и развитие общества благодаря своему происхождению из процесса производства и своему взаимному воздействию друг на друга»⁹.

Уже самое представление о том, что вещь может «беспокоиться», наводит на грустные размышления. Это даже не гегельянщина (в дурном смысле слова), а имажинизм, антропоморфизм, анимизм,—все что угодно, только не диалектический материализм.

Мы все время говорим о том, что необходимо активизировать теорию исторического материализма. Однако до сих пор настоящего поворота к углубленной разработке актуальных проблем переживаемого нами этапа социалистического строительства мы не имеем. Возьмите статью т. Мартынова, которую я назвал выше. Здесь мы находим классическую формулу Маркса, но детального анализа современных отношений производства и производственных сил не дано. Имеется только критика бухаринского подхода к современной экономике.

Если мы обратимся к экономической дискуссии, имевшей место в последние два года, то мы опять увидим отрыв от современности и вместе с тем непонимание диалектического единства, существующего между производительными силами и производственными отношениями.

В наших планирующих органах, в большинстве случаев находившихся под влиянием инженеров, возобладала инженерно-техническая точка зрения. Отсюда—недооценка значения проблемы воспроизводства живой рабочей силы, притом рабочей силы нового социалистического типа. А между тем без воспроизводства живой рабочей силы нового социалистического типа мы не сможем построить социалистического общества. Вообще без диалектического единства элементов производительных сил мы всегда будем иметь те или иные уклоны.

Если стать на узкотехническую точку зрения и признать, что основным является машина, инструмент, мы получим гастевщину, рассматривающую человека только как придаток к машине.

Если брать одну живую рабочую силу, не учитывая материальных предпосылок производства, мы получим левый загиб вроде того, который имел

⁹ «Проблемы марксизма», сборн. II, с. 31.

место в нашем колхозном движении. Ленин неоднократно предостерегал против такого рода загиба¹⁰.

С другой стороны, если односторонне выпячивать на первый план техническую постановку вопросов, то мы получим правый уклон с его уверениями, что вообще нельзя заниматься коллективизацией сельского хозяйства, пока у нас нет вполне достаточного количества тракторов и сельскохозяйственных машин.

Таким образом мы видим, что здесь нужно иметь четкое представление о диалектическом единстве этих двух моментов. При этом надо иметь в виду, что если мы заимствуем, скажем, у американцев какое-нибудь техническое нововведение, то мы не можем попросту переносить его на наши фабрики и заводы: необходима переработка капиталистической техники на социалистический лад. Напр. мы ни в коем случае не можем применять систему Тейлора в том виде, как это делают капиталисты, преследуя цели максимальной эксплуатации рабочего класса. Вообще существует колоссальная равнина между капиталистической рационализацией и социалистической. Рабочую силу мы ни в коем случае не можем приносить в жертву машине.

Для осуществления лозунга «догнать и перегнать» нам нужно не только построить такие заводы, каких нет даже в Америке, но кроме того нам нужно, чтобы наша рабочая сила качественно была не только не ниже, но даже выше американской.

У нас в Советском Союзе впервые в истории имеет место неантагонистическое соединение живой рабочей силы со средствами производства. Получается единство противоположностей совершенно нового типа (так сказать, гармоническое единство противоположностей),—и это единство должно быть нами тщательно изучено. Коллектив рабочих не противопоставлен у нас классу капиталистов как владельцу средств производства. Наоборот, коллективный рабочий чувствует себя владельцем коллективных средств производства. В силу этого мы имеем перед собой совершенно новые отношения производства, которые складываются и развиваются на наших глазах и требуют специального анализа.

Почему Ленин с таким вниманием отнесся к первым субботникам? Да потому, что в них он совершенно правильно видел «великий почин», зародыш нового коммунистического труда, т. е. того труда, который обеспечит переход к внеклассовому обществу. Мы должны с нашей методологической точки зрения проанализировать такие новые общественные явления, как сопереживание, ударничество, рабочие коммуны (производственные и бытовые), рабочие производственные совещания, рабочее изобретательство и т. д. Все эти новые формы производства создают новые производительные силы. Ведь даже простая кооперация дает больший коэффициент полезного действия, чем сумма индивидуальных работников. На примере окрепших колхозов крестьяне воочию убеждаются, что даже при тех средствах производства, которые сейчас имеются в колхозах, работать в колхозе гораздо выгоднее, чем в одиночку.

Что касается производственных коммун, то они возникли у нас главным образом в связи с переходом на непрерывку: рабочие, замещая друг друга в выходные дни на разных станках, стремятся к повышению своей квалификации, чтобы не падала производительность труда; отсюда получается определенный уровень производительности труда, общие расчетные книжки и т. д.

Все это придает совершенно новый характер производственному процессу на наших предприятиях.

Новый тип производственных отношений мы имеем теперь также и в деревне. Характерно, что некоторые колхозники заявляют: «Мы теперь уже не крестьяне, а колхозники; мы не желаем быть крестьянами». С другой стороны, на наших зерновых фабриках (совхозах) мы имеем новый тип пролетария—индустриальный сельскохозяйственный рабочий, тракторист, комбайнер и т. д. Далее, работа машинно-тракторных станций, ликвидация кулачества на основе сплошной коллективизации—все это создает новые общественные отношения производства, подлежащие нашему анализу и изучению.

В настоящее время особую остроту получила проблема кадров—не только инженерских кадров, но гораздо шире: проблема расширенного воспроизводства живой рабочей силы нового типа. Недавно был доклад в Коммунистической академии по вопросу об изучении социального состава нашего пролетариата. Там указывали, что и среди пролетариата имеют место случаи вредительства, рвачества и т. д. В нашем анализе не должны выпадать и эти моменты: мы должны выявить как новые формы производственных отношений, так и старые, которые мешают новым.

Мы сейчас ставим не только вопрос об уничтожении кулачества как класса, но также и вопрос об уничтожении равнины между физическим и умственным трудом. Что такое в идее, в тенденции школа-фабрика, завод-вуз, как не начало уничтожения противоречия между умственным и физическим трудом?

Я только ставлю все эти вопросы и думаю, что в процессе дискуссии другие товарищи останутся на них более обстоятельно. При анализе производственных отношений реконструктивного периода мы уже можем предвидеть тот момент, когда у нас господствующими производственными отношениями будут только производственные отношения социалистического типа, когда мы уничтожим в СССР классы, выкорчевав самые корни классовых различий. Нам нужно заранее посмотреть и проанализировать, какие типы производственных отношений у нас начинают складываться,—для того, чтобы помочь наиболее целесообразному типу наилучшим образом развиваться. Теоретическая мысль должна предупреждать события, а не плестись за ними в хвосте.

Вот почему я полагаю, что сейчас проблема развития производительных сил в рамках реконструктивного периода и проблема нового типа производственных отношений имеет для нас первостепенное практическое значение. При этом упор надо делать на воспроизводство живой рабочей силы нового социалистического типа,—живой рабочей силы, которая должна овладеть всей современной техникой и эту технику себе подчинить. Здесь громадное значение имеет рабочее изобретательство и рабочие производственные совещания. Вспомним, что и на заре промышленного переворота XVIII столетия именно рабочее изобретательство явилось одной из важнейших его предпосылок. Еще в большей степени является оно сейчас у нас величайшим движущим моментом в процессе развития нашего производства и его переделки на социалистический лад.

Здесь создаются новые формы производственных отношений, анализ которых будет сделан в последующих выступлениях.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВАРИЩА КУЗНЕЦОВА

Перед нашей теоретической мыслью стоят весьма важные практические задачи. Мы должны выбить теоретический фундамент из-под реакционных

¹⁰ Напр. в «Сравнениях из дневника» т. XVIII, ч. 2, 1923, с. 116.

минималистских установок в вопросах реконструкции всего нашего хозяйства. Уничтожить эти тенденции нельзя без теоретического преодоления механистических и идеалистических схем в этом вопросе.

Мы сейчас переходим к планированию технической реконструкции. Механистическая концепция считает, что трансформация наших общественных укладов ограничена наличием уровня техники и что развитие техники идет самоотом, независимо от переделки общественных отношений. Это в высшей степени вредная теория. Вопросы технической реконструкции становятся сейчас особенно актуальными и требуют основательного теоретического анализа.

Из механистического представления о производственных отношениях как о пассивном рефлексе производительных сил следует, что производственные отношения в своей трансформации ограничены уровнем техники. Маркс смотрел на дело совершенно иначе. Маркс отмечал определяющее влияние новых классовых отношений на развитие техники и в особенности на применение в промышленности тех принципов, орудий и приемов, которые при старой общественной форме могли существовать только в науке или только на отдельных участках производства.

Капитализм первоначально был связан, как известно, с мануфактурой. Капиталистические производственные отношения, развившиеся в мануфактурный период, требовали новой, адекватной им техники. «Когда английская торговля,—пишет Маркс,—приняла такие размеры, что ручной труд не мог уже удовлетворять существующему на рынках спросу, почувствовалась потребность в машинах. Тогда стали думать о приложении механических знаний, уже вполне развившихся в XVIII в.»¹¹

Мощное развитие механического естествознания воплотилось тогда, под влиянием классовых задач буржуазии, в новую машинную технику, подпирившую таким образом развитие тех общественных отношений, которые уже были налицо.

В мануфактуре производительные силы противоречили капиталистическому порядку, и основная производительная сила—пролетариат, мануфактурный пролетариат,—постоянно напоминал об этом. Маркс пишет: «Так как ремесленное искусство остается основой мануфактуры и функционирующий в ней совокупный механизм лишен объективного скелета, независимо от рабочих, то капиталу постоянно приходится бороться с нарушением субординации со стороны рабочих»¹². Классовая борьба рабочих с капиталистами и классовый натиск капиталистов на рабочих толкает вперед техническое развитие на заре машинной промышленности. Маркс пишет, что «начиная с 1825 г. почти все новые изобретения были результатом конфликтов между рабочими и предпринимателями, которые всеми силами старались обесценить труд работников-специалистов. После каждой сколько-нибудь значительной стачки появляется новая машина»¹³.

Мы видим, таким образом, что техническое развитие, определяя общественные изменения, в свою очередь получает от них решающие толчки. Общественная трансформация может *обгонять* технику, открывать новые возможности для ее применения и стимулировать таким образом ее развитие.

В своей заметке о записках Суханова Ленин резко возражает против представления об автоматической связи между уровнем производительных сил и

общественной трансформацией,—представления, которое было теоретическим фундаментом меньшевистских выкладок о «невозможности» революции в России.

В совидательный период революции представление об автоматической связи между техникой и общественными изменениями играет вреднейшую политическую роль. Классовое наступление, создание новой общественной формы форсирует развитие техники, подпирившей новый строй. Развитие же техники в свою очередь толкает вперед общественную трансформацию.

Если игнорировать эту связь, то мы получим или идеалистическую схему или механистическую. Согласно идеалистической схеме получается, что общество может развиваться без адекватного развития техники. Согласно механистической схеме социалистическое строительство ограничено наличием состояния техники. В обоих случаях метафизическая концепция означает игнорирование активной политики, планирования, социалистической реконструкции.

Новая общественная форма, которая у нас создавалась после революции, определяет не только чрезвычайно быстрое развитие производительных сил, но и указывает качественно новые пути для развития техники. Линия технического развития, вытекающая из социалистической общественной формы, это—линия *некапиталистического развития советской техники*. Что мы вкладываем в это понятие? Новая общественная система, установившаяся на наших фабриках и заводах, означает очень большой прорыв в социалистическую организацию труда. И вот для того, чтобы подкрепить эти новые общественные отношения на производстве, нам нужна *автоматическая фабрика*, потому что именно автоматическая фабрика является такой технической системой, которая ведет к уничтожению различия между квалифицированным и неквалифицированным трудом и далее к уничтожению различия между физическим и умственным трудом.

Уже Марксу была известна автоматическая фабрика на первых ступенях ее развития. В то время она существовала лишь в некоторых отраслях промышленности.

Перспективы внедрения методов автоматического, совершенно механизированного производства в тяжелую индустрию открываются электрификацией. Тов. Осинский пишет: «Неразрешимые для парового двигателя задачи вполне в состоянии разрешить и начинает разрешать двигатель электрический. Введение электричества как двигательной силы открывает новую эпоху в развитии крупной машинной индустрии, которая направляет и тяжелую индустрию по пути автоматической фабрики и вообще облегчает переход всех отраслей промышленности к этому типу фабрик».

Маркс указывал, что автоматическая фабрика означает уничтожение тех искусственных различий между трудящимися, которые свойственны капитализму. Однако эти различия увековечиваются капиталистами в целях эксплуатации. «Хотя машина,—пишет Маркс,—технически опрокидывает старую систему разделения труда, тем не менее последняя продолжает владеть свое существование на фабрике сначала в силу привычки как традиция мануфактуры, а потом систематически воспроизводится и укрепляется капиталом в еще более отвратительной форме—как средство эксплуатации рабочей силы»¹⁴.

У нас дело в корне меняется. При капитализме до конца идущая автоматизация производства невозможна по многим причинам: 1) потому, что она связана с плановой электрификацией, 2) потому, что она ведет к падению

¹¹ Е. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, с. 388.

¹² «Капитал», т. I, с. 346—347.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, с. 389.

¹⁴ «Капитал», т. I, с. 401—402.

нормы прибыли, 3) потому, что она означает подчинение машины рабочему. Эти черты автоматической фабрики делают ее чрезвычайно важной для нас, причем здесь техника самым очевидным образом подпирала новые общественные отношения.

В Москве, на Благущее, есть электромоторный завод им. т. Лепсе. Там возникли *производственные коммуны*. Они встретили весьма пестрое отношение среди наших хозяйственников. Существовало даже мнение, что это сплошь реакционная затея. Конечно, та уравнивательность, которая тормозит повышение квалификации рабочего, реакционна. Но на заводе им. Лепсе было ясно видно, что уравнивательность в производственных коммунах стимулирует переход к автоматическому производству и сама опирается на автоматизацию производства. Когда рабочие, члены производственных коммунах столкнулись с тем обстоятельством, что нельзя выплачивать равную зарплату квалифицированному и неквалифицированному рабочему, они не уничтожили коммуны, не приспособились к наличному уровню техники, но ввели конвейер и продолжают автоматизацию производства дальше. В результате производительность труда увеличилась у них на 50—60%. Было бы очень важно теоретически осмыслить эти факты.

Ленин много писал о том, какое громадное значение имеет изучение такого рода творческого опыта рабочих масс. Это гораздо важнее литературно-схоластических сочинений о новом этапе.

Автоматизация производства в нашей промышленности представляет собой одно из тех явлений в технической реконструкции, которые вытекают из специфической природы нашего советского хозяйства. Автоматизация неразрывно связана с электрификацией, которая является главной линией развития нашей техники. План электрификации, к которому мы должны перейти, включает в себя не только строительство новых электростанций, но и создание новых производств (электрометаллургия, электрохимия). Это значит, что мы сочетаем энергетическую реконструкцию с технологической реконструкцией и притом в такой форме и в таком масштабе, которые совершенно недоступны капитализму.

Современная буржуазная наука пошла гораздо дальше, чем промышленное воплощение этой науки. Только социалистическая форма производства способна пустить в дело ряд новейших завоеваний теоретического естествознания. В XVIII в. механический материализм обобщил громадный прогресс в механических знаниях. В наши дни мы видим новый колоссальный расцвет теоретического естествознания, революцию в науке, которая уже не может уложиться в рамки механического материализма. Перед диалектическим материализмом открывается поле громадной и плодотворнейшей работы: необходимо методологически осветить новую революцию в естествознании и сделать то, что не под силу капиталистической промышленности—а именно воплотить в промышленную технику новейшие достижения науки. Наша новая общественная форма открывает здесь перед нами самые широкие перспективы.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВАРИЩА БАТИЦЕВА.

Перед нами стоит весьма важная и весьма актуальная проблема—производительные силы и производственные отношения в реконструктивный период. Но чтобы правильно поставить и правильно разрешить эту конкретную проблему, мы должны иметь правильную методологическую установку в этом важ-

нейшем вопросе марксистской теории. Тов. Кривцов пытался слишком эмпирически подойти к проблеме и не дал надлежащей методологической установки.

Проблема производительных сил и производственных отношений занимает центральное место в историческом материализме. В материальном производстве, в производительных силах и *производственных отношениях* Маркс открыл основу общественной жизни и общественного развития.

В нашей переписной литературе имеются два основных немарксистских течения, возвращающихся к домарковскому пониманию общества. С одной стороны, механистическая концепция, которая наиболее типически представлена Богдановым и Бухариным, а также, в новейшем издании,—т. Тыманским, идущим еще дальше Бухарина в натуралистическом понимании общества. С другой стороны, мы имеем идеалистическое течение Рубина, Давыдова и др. Исходный пункт обоих этих противоположных течений один и тот же: неправильное, немарксистское понимание производительных сил и производственных отношений, непонимание специфической материальной основы общества. Так, для т. Бухарина производительные силы—это просто сумма вещей—рабочих сил и средств производства в натуре.

Нельзя отождествлять производство и производительные силы, как это часто у нас делается. Процесс производства включает в себя также и производственные отношения, вне которых немисливо само производство.

Бухарин, Богданов и др. рассматривают процесс производства как чисто натуралистический процесс, как простой обмен веществ между человеком и природой. Общественная сущность производственного процесса ускользает при таком натуралистическом подходе. Конечно, в процессе производства имеют место и физические, и химические, и биологические процессы и т. д. Но главное—это общественная сторона производства. Как общественный процесс процесс производства включает в себя и производительные силы, и производственные отношения. Другими словами, здесь имеют место и отношения людей к природе, и отношения их друг к другу. Как естественный процесс процесс производства лежит за пределами общественной науки и не может определять общественное развитие.

Как нужно понимать труд и какое место он занимает в производительных силах? У т. Бухарина труд также трактуется чисто натуралистически. Нельзя понимать труд исключительно как биологический процесс, нельзя сводить его к биологическому организму рабочего, хотя бы уже потому, что квалификация каждого данного рабочего коренится во всем обществе и в предшествующих поколениях. Труд есть общественная категория и выражает собою общественно-производственное отношение.

Теперь вопрос о технике. В нашей литературе нередко ставят знак равенства между производительными силами и техникой. Между тем это совершенно неправильно, ибо производительные силы представляют собой общественную категорию и включают в себя не только технику, но и общественный человеческий труд. Без рабочей силы техника не может влиять на общественные отношения. Только живой труд может оживить мертвый труд, воплощенный в орудиях производства. Без соединения с живым трудом этот труд остается мертвым и никак не может проявить себя.

В V главе I тома «Капитала» Маркс говорит о необходимых условиях и элементах процесса производства: о предмете труда, о сырье, об орудиях труда и о самом человеческом труде. Но он не ставит знак равенства между этими элементами производства и производительными силами. Производитель-

ные силы совершенно очевидно являются созданием общества и проходят через горнило человеческого труда. Поэтому Маркс говорит, что естественные силы природы, которые еще не прошли через горнило человеческого труда, не могут называться производительными силами общества. Производительные силы—это совокупность живого и мертвого труда.

Говоря о развитии производительных сил, нельзя сводить это развитие к простому количественному росту производительных сил, ибо в различных общественных формациях производительные силы имеют различный специфический характер. Если Маркс в «Ницете философии» выражает совокупность производительных сил, которыми располагала Англия в 1770 и 1840 гг., в единицах живой рабочей силы, то этим Маркс отнюдь не хотел сказать, что для характеристики состояния производительных сил ничего больше, кроме этих суммарных цифр, не нужно.

Достаточно привести такой пример. В какой-нибудь типически аграрной стране и в какой-нибудь типически промышленной стране общий количественный показатель производительных сил может быть одинаковым. Однако внутренняя структура производительных сил в этих странах будет весьма различна: в промышленной стране мертвый труд преобладает над живым, в аграрной наоборот.

Если мы далее сравним производительные силы СССР с производительными силами капиталистических стран, то даже и в том случае, если бы среди этих последних нашлась такая страна, где и количественные показатели и соотношение живого и мертвого труда были бы одинаковы с СССР,—даже и в этом случае *качество* производительных сил будет в обеих странах глубоко различно.

В рабовладельческом обществе и живой, и мертвый труд являются объектом частной собственности одного и того же лица. В капиталистическом обществе живой и мертвый труд противостоят друг другу как чуждые друг другу враждебные силы. Для того чтобы соединить их, необходима покупка живой рабочей силы. У нас в СССР нет больше этого антагонизма между живым и мертвым трудом. Этим определяется глубочайшее качественное различие между нашими производительными силами и производительными силами капиталистического общества. Наши производительные силы становятся силами совершенно иных общественных отношений.

Производительные силы выступают в единстве с производственными отношениями. Отношения людей к природе составляют производительные силы, а отношения людей друг к другу—производственные отношения. Немыслим процесс производства и отношения людей друг к другу вне производительных сил, как и производственные силы не могут быть мыслимы вне производственных отношений.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВА. ВАШАХМАДЗЕ

Товарищи! Основная цель настоящей дискуссии заключается в следующем:

- 1) мы должны разобраться и покончить с той путаницей в понимании производительных сил и производственных отношений, которую страдают наши учебники и отдельные статьи по этому вопросу;
- 2) мы должны коснуться также (побочным образом) тех споров, которые так волновали наших экономистов и которые, к сожалению, в значительной степени выродились в схоластику;
- 3) мы должны показать, что учение Маркса, Энгельса и Ленина о произво-

дительных силах и производственных отношениях является не абстрактно теоретическим вопросом, а актуальной боевой проблемой настоящего дня. Правильное разрешение этого вопроса дает возможность правильного понимания закономерностей реконструктивного периода и тем самым является лучшим орудием ориентировки и действия в этот период величайших классовых сдвигов, ломки старых отношений и строительства социализма.

К сожалению, т. Кривцов и другие выступавшие здесь товарищи обнаружили слишком эмпирический подход к проблеме нашей дискуссии. Не умея правильно ставить и разрешать теоретические вопросы и боясь на этой почве схоластических споров, некоторые товарищи ударяются вообще в эмпиризм. Но эмпиризм не дает спасения от схоластики, и схоластика не есть по существу отрицание эмпиризма, но представляет лишь обратную сторону эмпиризма: они взаимно дополняют друг друга.

В своем вступительном слове т. Кривцов ограничился только общим описанием некоторых моментов и фактов, избегая теоретической постановки вопроса. Я постараюсь это сделать, не претендуя, конечно, на окончательное разрешение относящихся сюда проблем.

Первый вопрос, который нужно с самого начала поставить,—это вопрос о соотношении производительных сил и производственных отношений. Как нужно понимать их соотношение?—Мы отвечаем, что они представляют единство противоположностей. Кто неправильно мыслит себе закон единства противоположностей, кто подменяет его механистическим представлением об антагонизме внешних сил, тот никогда не поймет действительного соотношения производительных сил и производственных отношений. Нельзя представлять себе дело таким образом, что производительные силы и производственные отношения существуют *обособленно* друг от друга и воздействуют друг на друга как две особых *сущности*. Некоторые доходят до того, что ищут отдельно закон движения производительных сил и отдельно закон движения производственных отношений. Получается полнейшее непонимание того, что производительные силы и производственные отношения представляют в *их единстве одну сущность* и что они как единство противоположностей представляют *самодвижение общества*. *Единство* противоположностей производительных сил и производственных отношений и их *борьба* являются движущей силой общественного развития.

По т. Кривцову выходит, что рабочая сила является основной движущей силой развития производительных сил и всего вообще общественного развития. Это—натуралистическая постановка вопроса. Когда Маркс говорит, что рабочий *класс* является самой важной производительной силой в современном обществе, Маркс имеет в виду не рабочую силу в физиологическом смысле, а то обстоятельство, что рабочий *класс* является носителем новых способов производства, новых производственных отношений, в противоположность классу капиталистов, который стремится сохранить старые, отжившие способы производства и производственные отношения. Выпячивая на первый план рабочую силу как важнейшую производительную силу в физиологическом смысле этого слова, можно впасть в такую же ошибку, в какую впадают механисты, когда они говорят, что машина, техника *in patiga* являются движущей силой общества. Если встать на ту точку зрения, что техника это все, а остальное приспособляется к ней, то это приведет к отрицанию обострения противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Эти противоречия в классовых обществах выражаются через

классы и классовую борьбу, причем на известной стадии развития революционный класс уничтожает старые производственные отношения и создает новые.

В связи с этим мы должны разобрать также другую сторону вопроса, а именно понимание производственных сил и производственных отношений как содержания и формы общественного развития. У нас существует большая путаница в понимании отношения содержания и формы. Механистическое понимание этого отношения сводится к тому, что форма рассматривается как нечто внешнее по отношению к содержанию и равнодушное к данному содержанию: форма может меняться при сохранении одного и того же содержания. С точки зрения Канта, как явление оторвано от сущности, так и форма оторвана от содержания. С точки же зрения диалектического материализма форма неравнодушна к содержанию и является *внутренней структурой* данного содержания. Форма и содержание неразрывно связаны друг с другом.

Что образует экономическую структуру общества? Некоторые товарищи считают, что экономическая структура общества—это совокупность двух самостоятельных сущностей: производительных сил и производственных отношений. Между тем производительные силы существуют только через производственные отношения. Производственные отношения как внутренняя структура общества содержат в себе в снятой форме производительные силы с их натуральной стороны. Поэтому-то мы и говорим, что производительные силы—это прежде всего социальная категория.

Конечно, в технике есть и натуральная сторона—и ее изучает, скажем, история техники. Но в политической экономии мы должны рассматривать производительные силы исключительно с их общественной стороны как общественную организацию труда.

Маркс различает двойственный характер производственных отношений: одна сторона—это непосредственные отношения производителей в процессе производства, а другая сторона—это имущественные отношения. У Маркса нет термина «технические производственные отношения». Нет его и у Энгельса, и у Плеханова, и у Ленина. Термин этот может привести к неправильному натуралистическому пониманию производственных отношений, что мы и видим особенно у Бухарина, который сводит производственные отношения к физическому распределению людей в пространстве и во времени.

Через двойственный характер производственных отношений осуществляется противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Нельзя представлять себе это противоречие как борьбу между техникой и производственными отношениями. Восстанут не машины, не орудия, а определенные общественные отношения против других общественных отношений внутри данной экономической структуры. В капитализме напр. имеет место конфликт между общественным характером производства и индивидуальным характером присвоения. Не поняв этого, мы не поймем революционной теории Маркса и станем на точку зрения притупления общественных противоречий, на точку зрения приспособления производственных отношений к производительным силам.

Что мы имели в недавней экономической дискуссии? С одной стороны, Рубин и сторонники социальной школы в политэкономии брали общественные производственные отношения только как рыночные отношения, т. е. подменяли внутреннюю, сущностную форму или экономическую структуру внеш-

ней формой, внешним проявлением этой структуры. Отрывая внешнюю форму от содержания, рубинская концепция была идеалистична и шла по социал-демократической линии. В самом деле, социалистическая революция необходима именно потому, что отделение труда от средств производства (отделение, которое лежит в основе экономической структуры капитализма) нельзя уничтожить путем социал-демократического вставания внешних социальных форм в социализм.

Бессонов и Кон, выступив против этой теории, сами поддались на удочку рубинского понимания производственных отношений как рыночных отношений, как внешней формы. Требуя включения в политэкономии истории техники, они, в основном, отождествляли производительные силы с техникой. То же отождествление мы видим и у Рубина, который только, в отличие от Бессонова, отослал производительные силы в «предпосылки» политической экономии.

Диалектический материализм считает производственные отношения формой движения производительных сил, но рассматривает их не как внешнюю форму, а как структуру, как закон существования и движения данных производительных сил. Проблема производственных отношений представляет таким образом проблему закономерности движения производительных сил.

При таком понимании проблемы производительных сил и производственных отношений мы получаем ключ к объяснению закономерностей переходного периода. Практика социалистического строительства требует углубленного теоретического обоснования для того, чтобы мы могли лучше ориентироваться в происходящем и предвидеть новые формы закономерностей, зарождающиеся на различных этапах переходного периода.

Тов. Кривцов совсем не останавливался на характере закономерностей и форм движения производительных сил в нашу эпоху. Мы должны познать специфическую закономерность переходного периода, а для этого необходима правильная методологическая установка.

Как подходил Ленин к познанию переходного периода? Для Ленина переходный период есть становление новой формации в борьбе между старыми экономическими укладами и новой общественной формой. Эти старые и новые формы, борющиеся между собой, являются различными производственными отношениями. Ленин указывает три основных формы движения производительных сил в СССР или три основных уклада нашей экономики: частнокапиталистический, мелкотоварный и социалистический. И Ленин показывает, как относятся друг к другу эти три основных уклада и как рождаются в их борьбе две основных тенденции развития производительных сил: товарно-капиталистическая и социалистическая. Эти две тенденции и борьба между ними и являются на определенной стадии переходного периода той движущей силой, которая определяет закономерность переходного периода на определенной стадии его.

Крестьянская форма производительных сил или мелкотоварный способ производства имеет естественную тенденцию выделаться из себя капиталистические элементы. Это основная тенденция мелкотоварного производства. Но мелкотоварный производитель является также тружеником, и как труженик он идет в союзе с пролетариатом: здесь лежит другая тенденция. Если пролетарское государство правильно руководит борьбой, то мы и получаем, что низшая форма производства (мелкотоварное производство середняка) начинает идти по социалистическому пути, т. е. движется к самой высшей форме

(социалистической), минуя стадию капиталистического развития. Троцкисты, упуская из вида двойственную природу середняка, не понимали этого и допускали только капиталистический путь развития крестьянства.

Задача руководящей партии пролетариата в переходный период заключается в том, чтобы помочь крестьянину и убедить его в преимуществах социалистической формы производственных отношений. Действительность показала, что основные массы трудового крестьянства выбрали не капиталистический, а социалистический путь. Если имеются две высшие формы—социалистическая и капиталистическая, то социалистическая как наиболее высокая форма имеет все шансы подчинить себе мелкотоварную крестьянскую форму движения производительных сил.

Нельзя думать, что низшая форма механически вырастает в новую высшую форму, сохраняя при этом свою самостоятельность. Высшая форма должна снять низшие формы. Поэтому не только кулак не может врать в социализм, но даже и середняк, как середняк, не просто «вырастает» в социализм, а перерабатывается путем снятия крестьянской мелкотоварной формы. Мелкотоварный способ производства должен перейти на коллективистический способ производства. Только этим путем мы можем ликвидировать кулачество как класс.

Развитие производительных сил непосредственно и неразрывно связано с развитием производственных отношений. В условиях диктатуры пролетариата немислима индустриализация сельского хозяйства без коллективизации. Коллективизация и тракторизация крестьянского хозяйства являются дополняющими друг друга факторами социалистической передельки сельского хозяйства. Без коллективизации невозможно применение сложных машин.

Переживаемый нами этап эпохи характеризуется тем, что те две противоположные тенденции развития мелкотоварного хозяйства, которые до известной стадии развития могли сосуществовать в нашей стране, теперь начинают *исключать* друг друга. Это выражается в обострении классовой борьбы (хлебная стачка кулака, социалистическое наступление на кулака, ликвидация кулака на базе сплошной коллективизации).

Правые уклонисты не понимали единства производительных сил и производственных отношений, и потому Бухарин ставил вопрос о развитии производительных сил вообще. Он не понял, что производительные силы не могут развиваться без соответственного развития производственных отношений и что это развитие представляет собою борьбу различных способов производства. Отсюда—непонимание обострения классовой борьбы и механистическая концепция вставания кулака в социализм.

Не меньшую ошибку допускают и «левые» загибщики. Они тоже являются механистами, но только с другого конца. Они погнались за количеством колхозников, не заботясь о качестве, и тем самым забыли об единстве количества и качества, об единстве производительных сил и производственных отношений.

В переживаемый нами реконструктивный период социалистическая форма закономерности перешла в необходимость осуществления социализма. На данной стадии развития без социалистических форм нельзя себе мыслить движение производительных сил в расширенном масштабе. Здесь мы имеем перерастание одних форм закономерностей переходного периода в другие.

Строя фундамент социалистического общества в городе и деревне, мы выкорчевываем самые корни товарнокапиталистической тенденции развития

производительных сил. Это конечно не значит, что вопрос: «кто кого» снят. Наоборот, на данном этапе этот вопрос приобретает самую острую форму. Идет борьба за уничтожение классов, борьба, в высшей степени обостренная. Сейчас история поставила вопрос окончательно: или мы будем с возрастающей быстротой двигаться вперед к полной победе социализма, или же мы должны погибнуть.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВ. ТУРЕЦКОГО

Я коснусь главным образом только одного вопроса: о взаимоотношении производительных сил и производственных отношений. Проблема эта методологически упирается в диалектику формы и содержания. В этой же связи я затем попытаюсь рассмотреть вопрос о взаимоотношении производительных сил и производственных отношений в переходный период.

Хотя дискуссия в политической экономии к настоящему времени уже закончена, однако было бы большой ошибкой думать, что мы не должны вскрывать методологических корней тех ошибок, которые были сделаны и той и другой стороной. Это необходимо также и для того, чтобы эти ошибки не могли повториться на новом этапе теоретической мысли в политэкономии, при изучении актуальных проблем современности. Вскрытие методологических корней этих ошибок необходимо, в частности, для правильного понимания вопроса о производительных силах и производственных отношениях в переходный период.

Мне думается, что методологическим источником ошибок и той и другой стороны в экономической дискуссии является неправильное понимание взаимоотношения формы и содержания в материалистической диалектике.

Если мы возьмем ту постановку вопроса, которая была у Рубина, то она характерна тем, что Рубин отрывал производительные силы от производственных отношений, распределяя их по разным наукам. При этом он давал приблизительно такие формулировки: та наука, которая занимается изучением производственных отношений (т. е. политэкономия), изучает закономерности производственных отношений в их взаимодействии с производительными силами; та же наука, которая имеет своим объектом развитие производительных сил (т. е. наука об общественной технике), изучает закономерности развития производительных сил в их взаимодействии с производственными отношениями.

Между тем необходимо признать, что производительные силы и производственные отношения рассматриваются в диалектическом материализме как *единство противоположностей* (единство, взаимопроникновение и борьба противоположностей), при котором не может быть речи о том, чтобы каждая из этих противоположностей имела свои какие-то особые, независимые от другой стороны, закономерности. С точки зрения диалектического материализма отношение между этими сторонами не может ограничиваться простым взаимодействием, внешним по отношению к каждой из них. Сущность диалектического понимания единства противоположностей как раз и заключается в том, что оно вскрывает в каждом явлении «его двигательную силу», «источник», «мотив» (Ленин) его развития, вскрывает закон развития (а тем самым и закон существования) данного явления. Это и отличает диалектическую постановку вопроса от механистической, при которой противоположности рассматриваются как противоположно направленные силы, из коих каждая представляется как совершенно самостоятельная, так что сущность

ее, закон ее существования должен быть обнаружен независимо от этого противоречия. Так понимаемый принцип единства противоположностей демонстрирует, конечно, свою полную бесплодность.

То понимание производительных сил и производственных отношений, которое мы имели у Рубина, несомненно сближалось с механистической точкой зрения на этот вопрос. Производительные силы и производственные отношения выступали у Рубина как какие-то самостоятельные «силы», каждая из которых имеет свой особый закон движения и между которыми, следовательно, существует лишь внешнее взаимодействие. При таком подходе нельзя обнаружить причин самодвижения данного явления.

Оборотной стороной этого механистического взгляда и явился *формализм* Рубина, так как форма в таком случае выступает как нечто совершенно самостоятельное и отрывается от своего содержания (производственные отношения от процесса производства).

Эта постановка вопроса у Рубина была связана еще с одним моментом—с неправильным, немарксистским подходом к изучению общественных процессов и с немарксистской трактовкой классификации общественных наук. По Рубину, мы, анализируя общество, выделяем в нем разные «стороны»: производительные силы, производственные отношения, право и т. д., причем каждую из этих «сторон» изучает особая наука. Марксистское диалектическое понимание общественного целого исходит из совершенно иных положений. Марксово понимание политической экономии как анатомии гражданского общества, марксово понимание производственных отношений как экономической *структуры* общества исходит из синтетического подхода к изучению общественных явлений, при котором мы не просто анализируем, выделяя отдельные стороны, а вскрываем сущность или законы развития общества в целом, путем изучения его структуры, его «анатомии».

Производственные отношения не есть просто одна из «сторон» общества, наряду с другими его сторонами: они выражают внутреннюю связь общественного целого, то, что характеризует качественное своеобразие данного общества, его специфическую форму движения, его формацию, его сущность.

Аналитический же подход к изучению общественных явлений приводит к тому, что общественное целое механистически раскалывается на отдельные элементы или «стороны», которые рассматриваются как самостоятельные субстраты с собственными законами движения и между которыми устанавливается лишь простое взаимодействие. Таким образом получается точка зрения различных «факторов», против которой выступал в свое время Плеханов, показывая, что эта точка зрения есть аналитическая и ничего общего с марксизмом не имеет.

Эти ошибки Рубина были очень распространены в нашей экономической литературе и не могут считаться изжитыми еще и сейчас. Аналогичную точку зрения мы находим и у Борилина¹, также различающего две науки, из которых одна изучает закономерности развития производительных сил, а другая—закономерности производственных отношений. При этом наука о производительных силах характеризуется Борилиным тоже как общественная наука. По Борилину, в политической экономии мы изучаем производственные отношения и развитие производительных сил в той их части, в которой они

¹ «Наши разногласия в политэкономии», ст. в журн. «Под знаменем марксизма» № 12, 1929. Ср. его же статью в «Бюллетене Заочно-консульт. отд. ИКП» № 3.

определяются законами развития производственных отношений, в науке же об общественной технике—в той их части, в которой они определяются имманентным, самостоятельным развитием самих производительных сил.

Я более подробно задержался на методологических корнях рубинских взглядов потому, что механистическая суть точки зрения Бессонова и Кона уже неоднократно выяснилась. Эта вторая сторона в дискуссии либо сводила производственные отношения к простому рефлексу производительных сил, т. е. рассматривала их как два самостоятельных параллельных ряда, между которыми существует отношение функциональной зависимости; либо требовала включения производительных сил как самостоятельного ряда в политическую экономию, исходя из того, что политическая экономия изучает противоречия между производительными силами и производственными отношениями, а это противоречие понималось здесь как внешнее противоречие двух противоположно направленных сил.

Каково же правильное, диалектико-материалистическое понимание взаимоотношения между производительными силами и производственными отношениями? Совершенно ясно, что когда мы говорим о производительных силах и производственных отношениях как о содержании и форме, то под содержанием мы понимаем не просто техническую, физическую сторону производительных сил вне определенной социальной формы, ибо если под производительными силами разуметь просто технику и рабочую силу как чисто физиологический процесс, то взятые с этой стороны производительные силы еще не являются содержанием производственных отношений. Явления, относящиеся к физической (или физиологической) форме движения материи, не могут служить содержанием для высшей (социальной) формы движения материи: такой взгляд привел бы к чисто механистическому сведению и вместе с тем к абсолютному отрыву формы от содержания (одно явление имело бы физическое содержание и социальную форму). Нельзя представлять себе дело таким образом, что содержание общественного процесса на всем протяжении исторического развития остается техническим, физическим содержанием, а социальная форма приводит к нему извне, как бы надевается на него.

Итак, должно быть ясным, что когда мы говорим о производительных силах как о содержании производственных отношений, то мы их берем не как чисто техническое (физическое) содержание, а как содержание *социальное*, т. е. мы берем производительные силы в определенной социальной форме. Это значит, что содержание всегда существует только в определенной форме. Техника, взятая вне определенной социальной формы, не является производительной силой: только в определенной социальной форме она превращается в некоторую производительную силу.

Некоторые товарищи, говоря о социальной форме, присущей технике, думают, что техника и вообще производительные силы имеют какую-то свою социальную форму помимо производственных отношений. При этом обычно ссылаются на то, что диалектическое понимание формы и содержания требует, чтобы сама форма была содержательной, а само содержание оформленным. Отсюда и делают тот нелепый вывод, что производительные силы должны иметь свою, отличную от производственных отношений, форму, а производственные отношения—свое, отличное от производительных сил, содержание.

На самом же деле производительные силы, взятые как содержание, имеют своей социальной формой именно производственные отношения, которые только и делают их содержанием. Если отбросить от производительных сил

эту их социальную форму, то они превратятся в неоформленный материал, распадутся на отдельные элементы, связь и единство которых определяются данным типом производственных отношений.

Таким образом, только в единстве с производственными отношениями производительные силы представляют собою содержание. Форма же (производственные отношения), взятая как голая и оторванная от процесса производства, превращается в пустую форму. Только как социальная форма определенного процесса производства она является определенной содержательной формой. Здесь мы видим подлинное взаимопроникновение формы и содержания: содержание, взятое не как материал, а как подлинное содержание, уже само включает в себя форму; форма, взятая не как пустая форма, а как содержательная форма, уже сама включает в себя определенное содержание.

Таким образом мы рассматриваем форму не как внешнюю форму, не как колпак, который надевается на содержание, но как внутреннюю форму, как внутреннюю структуру данного явления, как определенный тип связи производительных сил и притом связи не статической, не неподвижной, а связи в движении,—иначе говоря, как *форму движения*, как ту специфическую форму, в которой протекает процесс развития производительных сил в данном обществе. Но в таком случае должно быть ясно, что совершенно нелепо говорить о каких-то *других законах* развития производительных сил помимо той формы, в которой они развиваются. Ведь очевидно, что производительные силы могут развиваться только в определенной форме. Законом их развития может быть, следовательно, только закон развития их в этой определенной форме. Они могут развиваться либо в феодальной, либо в капиталистической, либо в социалистической, либо в какой-нибудь другой форме, но сами по себе, вне какой бы то ни было социальной формы, они развиваться не могут, ибо производственные отношения и есть форма их развития, их *форма движения*.

Поэтому неправы те, кто говорит о каких-то еще *других социальных законах* развития производительных сил помимо производственных отношений. Неправы также и те, которые думают, что если взять производительные силы сами по себе, с чисто физической их стороны, как простое «соединение техники и рабочей силы, то само по себе это соединение должно двигать вперед развитие производительных сил, независимо от их социальной формы. Если бы дело обстояло так, что всякое приложение живого труда к мертвому всегда, независимо от социальной формы, давало движение вперед, тогда не могло бы существовать застойных формаций. Уже из того очевидного положения, что производительные силы не могут существовать вне человеческого общества, следует, что они могут существовать и развиваться только в определенной общественной форме. От этой общественной формы зависят темпы и пути их развития и характер связи их элементов.

Итак я утверждаю, что производительные силы развиваются только в определенной специфической форме, что закон их развития выражается в этой определенной социальной форме и что никакого другого «имманентного» развития у них быть не может. Это положение целиком согласуется с тем местом в гегелевской «Логике», которое было дважды подчеркнуто Лениным в его конспекте: «То, что является деятельностью формы, есть далее в той же мере собственное движение самой материи»¹. В применении к про-

блеме производительных сил и производственных отношений это значит, что то, что является деятельностью производственных отношений, то, что является законом развития производственных отношений, есть в то же время и закон развития самих производительных сил, ибо производительные силы могут существовать только в определенной форме, в форме определенных производственных отношений.

Но тут обычно делается такое возражение. Говорят, что такая постановка вопроса приводит к отождествлению производительных сил и производственных отношений и к отказу от основного положения исторического материализма, гласящего, что движущей причиной общественного развития является противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

Такое возражение совершенно неосновательно и свидетельствует лишь о непонимании диалектики взаимопроникновения производительных сил и производственных отношений. Ибо факт единства и взаимопроникновения их нисколько не исключает момента противоречия. Наоборот, подлинное диалектическое единство и взаимопроникновение противоположностей *предполагает* противоречие, существующее между этими противоположностями. Но это противоречие не есть внешнее противоречие направленных в противоположные стороны сил, но подлинное внутреннее противоречие формы и содержания. Это значит, что противоречие между производительными силами и производственными отношениями нельзя понимать таким образом, что имеется развитие производительных сил, которое идет куда-то по своему собственному пути, следуя своим собственным законам, и рядом с этим имеются производственные отношения, которые развиваются по своим особым законам, и что затем они сталкиваются лбами друг с другом.

Подлинно-диалектическое понимание противоречия между производительными силами и производственными отношениями заключается в том, что противоречие это не есть противоречие между производительными силами *вообще* и теми или другими производственными отношениями, а противоречие между производительными силами и производственными отношениями *внутри определенной общественной формы*. Это значит, что производительные силы, развиваясь по законам развития определенной общественной формы (допустим, по законам *капиталистического развития*), приходят в противоречие с этой же самой социальной формой, по законам которой они развиваются. Таким образом, противоречие между формой и содержанием находит свое выражение внутри самой формы.

Это положение можно проиллюстрировать на том понимании одного из основных противоречий капиталистического общества—именно кризисов,—которое мы находим у Маркса. Относительно противоречий, вызывающих кризисы, Маркс пишет следующим образом: «*Противоречие*, если выразить его в самой общей форме, *состоит* в том, что *капиталистическому способу производства присуще стремление к абсолютному развитию производительных сил* независимо от стоимости и заключающейся в последней прибавочной стоимости, а также независимо от общественных отношений, при которых происходит капиталистическое производство; *тогда как, с другой стороны, его целью является сохранение существующей капитальной стоимости и ее увеличение в возможно большей степени* (т. е. постоянно ускоряющееся возрастание этой стоимости). Его специфическая особенность состоит в том, чтобы использовать имеющуюся капитальную стоимость как средство для воз-

¹ «IX Ленинский сборник», с. 135.

можно большего увеличения этой стоимости. Методы, которыми он этого достигает, ведут к уменьшению нормы прибыли, обесценению имеющегося капитала и развитию производительных сил труда за счет уже произведенных производительных сил»¹.

Капиталистическое производство *стремится* развивать производительные силы до безграничности, но именно как капиталистическое производство оно *не может* развивать их до безграничности. В этом внутреннем противоречии капиталистического способа производства и находит свое выражение та своеобразная форма противоречия между производительными силами и производственными отношениями, которая имеет место в капиталистическом обществе. Маркс пишет: «Противоречие капиталистического способа производства заключается именно в его тенденции к абсолютному развитию производительных сил, которое постоянно вступает в конфликт с теми специфическими условиями производства, в которых движется и только и может двигаться капитал»².

Еще одна цитата из III тома «Капитала»: «Действительная граница капиталистического производства—сам капитал. Это значит: капитал и самовозрастание его стоимости является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства: производство есть только производство для капитала, а не наоборот: средства производства не являются просто средствами для постоянного расширения жизненного процесса общества производителей. Пределы, в которых только и может происходить сохранение и увеличение капитальной стоимости, основывающееся на экспроприации и обеднении широких масс производителей, эти пределы постоянно вступают поэтому в конфликт с методами производства, которые должен применять капитал ради своих целей и которые направлены к неограниченному увеличению производства,— производству как самоцели, к безусловному развитию общественной производительной силы труда. *Средство—безграничное развитие общественных производительных сил — вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью, — увеличением стоимости существующего капитала.* Поэтому, если капиталистический способ производства есть историческое средство для развития материальной производительной силы и для создания соответствующего ей мирового рынка, то он представляет вместе с тем *постоянное противоречие* между этой своей исторической задачей и соответствующими ей общественными отношениями производства»³.

И, наконец, цитата из III тома «Теории прибавочной ценности»: «*Differentia specifica*,—следовательно, также специфическая ограниченность,— которая составляет предел буржуазного распределения, входит и в само производство, определяет его, господствует над ним. Но оно вынуждено в силу своих собственных имманентных законов, с одной стороны, так развить свои производительные силы, как будто оно не является производством на ограниченной общественной основе; с другой стороны, оно может их опять-таки развить лишь в пределах этой ограниченности. В этом состоит самая глубокая, внутренняя, таинственная причина кризисов, выступающих в нем противоречий, внутри которых оно движется и благодаря которым даже грубому наблюдателю оно представляется лишь исторической преходящей формой»⁴.

¹ «Капитал», т. III, ч. 1, с. 188, изд. 1927 г. Курсив — т. Турецкого.

² Там же, с. 195.

³ Там же, с. 189. Курсив — т. Турецкого.

⁴ «Теория прибавочной ценности», т. III, с. 72.

Из всех этих цитат мы видим, что, по Марксу, противоречие между производительными силами и производственными отношениями с необходимостью выражается как противоречие внутри определенной общественной формы. Капиталистический способ производства как определенная социальная форма развития производительных сил заставляет развивать эти производительные силы до безграничности, но эта же социальная форма вместе с тем обуславливает ограниченность покупательной способности, создавая противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Этот частный характер присвоения, в форме которого протекает капиталистическое производство, служит тормозом для его развития.

Таким образом, положение о том, что формой развития производительных сил является определенный тип производственных отношений, несколько не противоречит тому положению, что основным законом движения общества является противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Производительные силы всегда развиваются в какой-нибудь определенной социальной форме, которая и является законом движения данного общества. Эта социальная форма вступает в противоречие с той *тенденцией развития производительных сил*, которая кроется в самой этой социальной форме. Противоречие это имеет своеобразный характер для каждой общественной формации.

Теперь я могу перейти непосредственно к вопросу о развитии производительных сил в нашу эпоху переходного периода. Правые оппортунисты считали, что необходимо развивать производительные силы *вообще*, независимо от той социальной формы, в которой происходит это развитие. Такая установка имела своей методологической опорой теорию равновесия, которая рассматривает производственные отношения просто как известную организацию элементов, а производительные силы—как баланс между обществом и природой. С этой точки зрения для того, чтобы обеспечить прочное равновесие внутри данного общества, необходим активный баланс между обществом и природой, т. е. необходимо развитие производительных сил, причем неважно, в какой форме это будет происходить, хотя бы и в кулацкой форме.

В действительности, как мы знаем, производительные силы развиваются всегда в какой-нибудь определенной социальной форме. Та социальная форма, которую мы имеем в эпоху диктатуры пролетариата, представляет собою форму переходную, форму переходного периода. В ней борются две противоположные тенденции: товарнокапиталистическая и социалистическая тенденция развития хозяйства. Эта переходная форма представляет собою борьбу нарождающегося социализма с побежденным, но еще не добытым капитализмом (*Ленин*). В этой борьбе и протекает весь процесс строительства социализма, представляющий собою единство положительного строительства с ожесточенной классовой борьбой.

Основными укладами нашего общества Ленин считал: капиталистический уклад, мелкоотварный и социалистический. Основная линия борьбы проходит между капитализмом и социализмом. Однако, своеобразие мелкоотварного хозяйства, «ежедневно и ежечасно» порождающего капитализм, и двойственный характер крестьянина-середняка (основного носителя мелкоотварного уклада) выдвигают на первый план (особенно в стране с преобладающей массой мелкоотварных хозяйств) проблему взаимоотношения социалистического уклада и мелкоотварного, ставят как основную задачу союз рабочего класса

с крестьянством,—союз, в форме которого и протекает борьба за построение социализма против капиталистических элементов нашего хозяйства.

Таким образом, на первый план выступает противоречие между товарно-капиталистической тенденцией мелкого, товарного хозяйства и социалистической тенденцией, и весь путь развития эпохи пролетарской диктатуры есть путь к разрешению этого противоречия.

Нельзя рассматривать эти два уклада (мелкотоварный и социалистический) как совершенно самостоятельные и независимые друг от друга. Как раз у правых мы встречались с взглядом о самостоятельном существовании социалистического сектора города и несоциалистического сектора деревни, причем правые думали, что имманентное развитие каждого из них приводит их к социализму. Тов. Сталин обравно выразил это в виде катящихся параллельно друг другу платформ.

Противоположная установка была у троцкистов. Она нашла свое выражение в «Новой экономике» Преображенского. Здесь эти уклады рассматривались как две внешние противоположно направленные силы, между которыми идет голая борьба, причем социалистический сектор эксплуатирует несоциалистический и получает этим путем средства для социалистического строительства. Ясно, что здесь упущена проблема взаимоотношений между пролетариатом и средним крестьянством, упущено и то обстоятельство, что проблема взаимоотношения между социалистическим и несоциалистическим секторами включает в себя также и положительную задачу—строительство социализма, притом не только в городе, но и в деревне.

У правых и у «левых», следовательно, оба сектора—социалистический и несоциалистический—рассматривались как совершенно самостоятельные: в одном случае, как направленные противоположно друг к другу силы, в другом случае—как параллельные, приспособившиеся друг к другу. И та, и другая установка является, конечно, неверной.

На самом же деле мы в переходную эпоху имеем реальное единство этих противоречивых тенденций, но это такое единство, которое включает в себя и борьбу между обеими тенденциями. В этом единстве и борьбе противоположностей и состоит та новая форма движения, которая и определяет весь процесс развития переходного периода. Своеобразие переходной эпохи как общественной формы состоит в том, что, в то время как *непереходные* формации имеют только один основной уклад и их основное противоречие заключается внутри этого уклада, *внутри одного определенного способа производства, переходная эпоха* включает в себя не один уклад, и ее основное противоречие лежит в борьбе между ее укладами.

Поэтому, когда мы говорим о переходном к социализму периоде, то проблема производственных отношений осложняется здесь в том смысле, что мы имеем, с одной стороны, производственные отношения внутри капиталистического и мелкотоварного сектора, с другой стороны—производственные отношения внутри социалистического сектора и, с третьей стороны—определенный тип взаимоотношений между социалистическим и несоциалистическим (и прежде всего, мелкотоварным) секторами, характеризующий переходный период как общественную форму.

Неучитывание этого положения ведет к целому ряду теоретических и политических ошибок. Так, у правых мы встречаемся с такой мыслью, что де развязывание производственных сил в форме рыночных отношений, кото-

рое имело место на первом этапе нэпа, исходило из положения о необходимости развития производительных сил во что бы то ни стало, в какой бы форме они ни развивались. Такая постановка вопроса неправильна. Тот тип взаимоотношений, который был тогда установлен между социалистическим и несоциалистическим (в первую очередь мелкотоварным) укладом (форма смычки), был определенным типом производственных отношений, который был необходим на этом этапе для того, чтобы восстановить промышленность и сельское хозяйство. Это была социальная форма, в которой только и могло происходить развитие производительных сил до такого уровня, чтобы затем можно было перейти к реконструктивному периоду.

Переход к новому этапу означает, что та форма, в которой до тех пор шло развитие производительных сил, изжила себя, что дальше в этой форме производительные силы уже не могут развиваться, что эта форма (форма первого этапа нэпа) пришла в противоречие с развившимися благодаря ей производительными силами. Это противоречие не есть столкновение между производительными силами вообще и производственными отношениями, но выражается внутри определенной социальной формы. Форма эта, с одной стороны, есть та социальная форма, которая идет по направлению к социализму и имеет своей основной целью построение социализма, но, с другой стороны, на известном отрезке времени, в той своей ограниченной модификации, в которой она выступает на первом этапе нэпа, эта социальная форма дает известные возможности и развитию капиталистических отношений. Вот это и приводит на определенном этапе развития к противоречию, приводит к тому, что дальнейшее развитие производительных сил деревни в этой форме становится невозможным: оно должно пойти либо по открыто капиталистическому пути, противоречащему всей основной тенденции переходного периода, либо по пути социалистической реконструкции. Дальнейшее развитие индустриализации в городе тоже становится невозможным в форме старых взаимоотношений между городом и деревней: оно требует переделки сельского хозяйства, которое должно быть подтянуто к индустриализирующемуся городу. Дальнейшее развитие производительных сил требует изменения той формы нэпа, которая существовала раньше, изменения того типа взаимоотношений, который существовал между городом и деревней, между социалистическим и мелкотоварным укладом. Во весь рост встает вопрос о производственной смычке, форма же рыночных отношений постепенно отсечается на задний план.

Новый тип производственных отношений, складывающийся на новом этапе нэпа, приводит к дальнейшему росту производительных сил. Коллективизация деревни выкорчевывает корни капитализма и приводит к переходу от мелкотоварного к крупносоциалистическому типу производства. Это и есть та новая форма производственных отношений в деревне, в которой только и возможно дальнейшее развитие производительных сил.

По вопросу о коллективизации мы встречаемся, с одной стороны, с оппортунистическим взглядом, утверждающим, что мы должны сперва создать всю необходимую техническую базу, а затем уже приступать к строительству колхозов, а с другой стороны, с «левыми» загибами, требующими создания новой формы производственных отношений в деревне совершенно независимо от состояния производительных сил.

Обе эти установки являются совершенно неправильными. Для перехода к коллективизации необходимо было достигнуть определенного развития производительных сил, именно такого развития, которое пришло в противо-

речие с прежней формой их развития и потребовало новой формы производственных отношений. Сама коллективизация деревни—это не простая организационная связь, а производственные отношения как форма развития производительных сил. Это не есть нечто создающееся в один день: это—процесс, рассчитанный на известный промежуток времени, проходящий через различные этапы (различные степени коллективизации), — процесс, в течение которого развиваются производственные силы деревни и подводится технический базис под новые общественные отношения. Кроме того, нельзя упускать из виду, что форма производственных отношений и развитие производительных сил в деревне не могут рассматриваться вне их связи с социалистическим укладом города, что нельзя говорить только о тех тракторах и сельскохозяйственных машинах, которые находятся в данный момент на полях, а надо учитывать также тенденцию развития промышленности, огромный стимул которой дает коллективизация деревни.

Проблема взаимоотношения социалистического и мелкотоварного укладов как характеризующая социальную форму переходного периода не учитывается также и теми товарищами, которые говорят о забегании вперед формы с последующим подтягиванием под нее производительных сил. И здесь форма развития производительных сил в деревне берется как нечто совершенно самостоятельное, а ее взаимоотношение с социалистическим сектором города—как внешнее для нее. На самом же деле эта форма производственных отношений в деревне *определяется* взаимоотношением социалистического уклада города и мелкотоварного уклада деревни, которое отнюдь, конечно, не ограничивается подведением технической базы.

На этих отдельных моментах я хотел проиллюстрировать, каким образом абстрактная на первый взгляд проблема взаимоотношения производительных сил и производственных отношений, понятая как диалектика формы и содержания,—каким образом эта чисто теоретическая, методологическая проблема получает актуальное значение в применении к экономике переходного периода, давая возможность разрешить некоторые неясные вопросы.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВАРИЩА РАЗУМОВСКОГО¹

На конференции аграрников-марксистов Сталин сказал, что все вопросы экономики переходного периода в сущности нужно сейчас ставить «по-новому». По-новому мы ставим вопрос о напе, по-новому мы ставим вопрос о классах и по-новому мы должны ставить вопрос о производительных силах и производственных отношениях. И именно потому, что мы должны его сейчас ставить по-новому, правильная общая методологическая установка в этом вопросе приобретает в условиях реконструктивного периода особенно важное значение.

Дело в том, что до самого последнего времени в теоретическом понимании производительных сил и производственных отношений господствовала очень большая неясность. Эта неясность сказалась и на тех дискуссиях, которые имели место по вопросу о предмете политэкономии. Она дала себя знать и в литературной дискуссии по вопросу о производительных силах,

когда в наших журналах появилось около десятка статей, из которых в лучшем случае одна была более или менее близка к правильному разрешению проблемы.

Наше понимание производительных сил и их взаимоотношений с производственными отношениями должно быть, разумеется, *материалистическим*, но оно должно быть также и *диалектическим* пониманием. Оно должно быть наконец основанным на *классовом* подходе, т. е. направленным на изучение классовой сущности производственных отношений и классового характера производительных сил. Все эти теоретические моменты так переплетаются в марксистском понимании производительных сил, настолько *неотделимы* один от другого, что, я сказал бы, невнимательное отношение к одному из этих моментов вызывает целый ряд ошибок и в нашей общей концепции производительных сил. Это прежде всего относится к возможным вульгарно-материалистическим и идеалистическим ошибкам в их понимании. На этом я хотел бы вначале заострить ваше внимание, поскольку этот, казалось бы, общий теоретико-познавательный вопрос имеет непосредственное отношение не только к проблеме диалектики производительных сил и производственных отношений «вообще», но и непосредственно к условиям развития экономики переходного периода и в особенности реконструктивного периода. Очень часто мы встречались с совершенно определенной установкой в вопросе о производительных силах, с той типичной установкой, которая господствовала по крайней мере до последнего времени в социал-демократической меньшевистской концепции. Это—распространявшееся, в противовес идеалистическому пониманию истории, *вульгарно-материалистическое* представление о производительных силах как о голой «технике», т. е. материальных средствах производства, обусловленных разве только в своем развитии воздействием географической «среды». Это—чисто мистическое представление о производительных силах (технике) как о чем-то единственно активном в историческом развитии, самодвижущемся, ни от чего не зависящем и всецело определяющем пассивные, от них всецело зависящие, общественные производственные отношения, политические отношения, идеологические надстройки и т. д. Правда, нужно сказать, что сейчас у социал-демократии, по мере того как она перерастает в социал-фашизм, наблюдается некоторое новое направление мысли, открытый переход к *идеализму* в вопросе о производительных силах и производственных отношениях. Это очень хорошо сказалось на последней работе Каутского «Материалистическое понимание истории».

Может ли революционный марксизм—хотя бы в благих целях борьбы с идеализмом—хоть на миг согласиться с вульгарно-механистической точкой зрения? Здесь важно подчеркнуть, что понятие производительных сил у Маркса и Энгельса представляет собою известный *исторический* продукт теоретического развития и теоретической борьбы в предшествовавшей социально-экономической литературе. Участие в этой борьбе, с одной стороны, принимали апологеты капитализма, вульгарные экономисты (я не говорю уже конечно о классиках политэкономии, которые тоже, разумеется, занимались этим вопросом); с другой стороны, этим вопросом занимались социалисты-утописты. И здесь наметились две противоположные точки зрения по вопросу о том, что является в сущности источником общественного богатства. Является ли источником общественного богатства капитал, мертвые, неодушевленные средства производства, или же этим истинным производителем общественных богатств является общественный человеческий труд.

¹ Сводная и переработанная стенограмма двух выступлений т. Разумовского.

Буржуазные экономисты изо всех сил тшились доказать «производительность» самих материальных средств производства, принадлежащих капиталистам. Современное преклонение с.д. перед автоматическим развитием техники в сущности представляет собой только запоздалую отрыжку старого буржуазно-фетишистского взгляда на производительные силы общественного развития.

Утописты, в противоположность этим «пиндарам капитала», выдвинули точку зрения, согласно которой производительный труд рабочего класса, человеческая рабочая сила, ее духовные способности представляют собою истинного создателя всех общественных благ. Это «духовное» и абстрактное рассмотрение—вне материальных условий труда—производительных способностей общественного человека было характерно для революционного идеализма социалистической интеллигенции. Маркс в своих работах оставил нам очень интересную критику взглядов как апологетов капитализма, так и социалистов-утопистов. Его понимание производительных сил представляет собой продукт диалектического преодоления этих различных, противоположных точек зрения—точки зрения буржуазии, с одной стороны, и точки зрения утопической мелкобуржуазной интеллигенции и ранних, теоретически еще не созревших представителей пролетариата,—с другой.

Исходя из развитых Марксом положений о диалектическом единстве личных и вещественных факторов в производительных силах и их диалектическом единстве с производственными отношениями, нельзя согласиться с целым рядом определений, которые даны были производительным силам, нельзя напр. согласиться с тем, что производительные силы—это «способ совместной деятельности людей». Правда, в «Немецкой идеологии» говорится: «И этот способ совместной деятельности есть сам некоторая производительная сила». Но ведь у Маркса смысл здесь совсем другой. Ведь нам даже согласно правилам школьной логики нельзя так безаказанно менять местами подлежащее и сказуемое. Совершенно очевидно, что если мы говорим о том, что способ совместной деятельности людей сам в том или ином смысле является производительной силой, то это еще не значит, что мы можем ставить знак равенства, тождества между производительными силами и «способом совместной деятельности». Между тем у Маркса мы имеем целый ряд иных указаний. Поскольку вообще допустимо говорить об «определениях»,—ибо все категории исторического материализма «определяются» Марксом в самом процессе их диалектического развития, на конкретном материале,—то следует вспомнить хотя бы то известное место из III тома «Капитала», где Маркс говорит о конфликте между производственными отношениями и производительными силами. Маркс здесь поясняет: «Производительные силы,—производительная способность и развитие ее факторов». Вот формулировка Маркса—«производительная способность общественного человека и развитие ее факторов, производительная способность общественного труда в развивающемся единстве ее материальных и личных факторов». Правильное понимание этого положения Маркса о производительных силах позволит нам уберечься и от вульгарно-механистического понимания производительных сил и от идеалистического их истолкования.

Должен сказать, что такой идеализм в понимании производительных сил хотели здесь приписать выступавшему по этому вопросу т. Рудапу. Я согласен с тем, что тов. Рудап несколько не совсем удачно выразил свою мысль, назвав технику «придатком» человека. Но в основном мысль т. Рудапа правильна,

поскольку она направлена против меньшевистской, социал-демократической трактовки вопроса. Тов. Рудап хотел собственно выразить ту простую мысль, что при изучении производительных сил, единства содержащихся в них факторов, мы должны отправляться прежде всего от «общественного человека», от его «производительной способности». Вспомните многочисленные указания, которые дает Маркс, когда он пытается популярно изложить свое понимание производительных сил—хотя бы его известное письмо к Анненкову, где он говорит о «приобретенных» производительных силах, о «производительных силах общественного труда», о производительных силах «людей» и т. д. Почти повсюду у Маркса мы имеем ту же отчетливую мысль—производительные силы рассматриваются им не как нечто абстрактное, само по себе существующее, равнодушное к общественным отношениям, но как производительные силы *общественного труда*, как производительные силы *данного* человеческого общества. Действительно, исходный пункт понимания марксизмом законов развития общества конечно не неодушевленные средства производства; исходный пункт—это общественный человек, общество как «продукт взаимодействия людей», пишет Маркс в том же письме к Анненкову.

Но Маркс рассматривает этого общественного человека в тех реальных условиях, в которых этот общественный человек осуществляет свое отношение к производству. В том же самом письме Маркс говорит, что производительные силы, это «результат практической энергии человека», но ограниченной «условиями», в которых происходит процесс производства. Маркс указывает на предшествующие, «приобретенные» производительные силы, на общественные формы как предпосылки общественного труда индивидов. Исходный пункт в понимании производительных сил, это—конечно общественный человек, но общественный человек, рассматриваемый не абстрактно, общественный человек, рассматриваемый не в его «свободной» деятельности, но общественный человек в тех реальных, материальных и технических условиях, в которых он осуществляет свой производственный процесс.

Все эти соображения совершенно необходимы, чтобы понять, почему Ленин в его заметках на «Экономику переходного периода» Бухарина так подчеркивал известное положение марксизма, что «наиболее крупной производительной силой является сам революционный класс». Они объясняют, почему Ленин так издевался над «социологическим определением» производительных сил у Бухарина как технической системы общества и почему, наоборот, он считал «верной» мысль Бухарина, что упадок производительных сил объясняется ломкой и перестройкой *общественных отношений*¹. Это совершенно необходимо для того, чтобы объяснить, почему, говоря о производительных силах, мы так подчеркиваем момент их связи с производственными отношениями, их характер как *социальной* категории. Я указывал на важность при изучении производительных сил исходить из производительной способности общественного человека в исторически развивающемся единстве ее факторов, из данной ступени развития производительности труда. Почему так важно подчеркивать, говоря о производительных силах, исторически определенную ступень развития производительности общественного труда или, что то же самое, производительную способность общественного труда в единстве факторов «на определенной исторической ступени развития»? Почему для Маркса так важно было подчеркнуть значение «производительного класса» как круп-

¹ Ленин, т. XI, с. 371—374.

нейшей производительной силы? Потому что только таким путем создается правильное историческое представление о—каждый раз—*общественно-определенных* производительных силах, о той роли, которую играют в их развитии исторические, общественные формы, устанавливающие определенное *отношение между мертвым и живым трудом*. Потому что таким путем мистическое, фетишистское понимание характера развития производительных сил превращается в иное выражение развития *той же классовой борьбы*. Не нужно поэтому смешивать человеческую рабочую силу, взятую абстрактно как совокупность физиологических и интеллектуальных затрат, затрачиваемых всегда, независимо от характера общественной формы, и ту же рабочую силу, взятую как производительную силу, как производительный *класс*. Нужно помнить, что проблема производительных сил теснейшим образом связана в исторической концепции Маркса с проблемой *производительного труда*, т. е. труда, направленного на материальное производство, характер которого меняется в зависимости от общественной формы, и с проблемой *производительного класса* в процессе организации труда, в борьбе которого находят выражение новые общественные отношения внутри старой формы и внутренние возрастающие противоречия этой формы. Наконец, только исходя из исторически определенной ступени развития производительности общественного труда, мы подчеркиваем *потенциальный* характер производительных сил или производительной способности общественного труда—лишь в реальном единстве своих факторов *переходящей из возможности в действительность*.

Равамеется, подчеркивая существование значение «личного» фактора, производительного класса в диалектическом единстве производительных сил, мы стали бы на совершенно ложный путь, если бы не учитывали материально-технических условий и предпосылок общественного труда: для нашей эпохи, подводящей техническую базу под социалистические отношения,—это было бы особенно опасно. Конечно было бы странно представлять себе производительные силы без техники, точнее говоря, без *средств труда* (так как под техникой Маркс понимает *применение, использование орудий и средств труда*). Средства труда являются «материальными факторами живого труда» и «*мерилом* развития человеческой рабочей силы»; будучи предпосылками применения живого труда, они в то же время *качественно определяют* состояние «производительной способности» общественного человека на данной исторической ступени, потенциальные *возможности ее развития* при данных общественных отношениях. Каждая общественно-экономическая формация—по мере того, как складываются все ее характерные особенности—*предполагает* конечно и определенную техническую базу. В этом именно смысле Маркс говорит о «*костной системе* производства, о средствах труда как *показателе* тех общественных отношений, при которых совершается труд»¹. Однако это обстоятельство отнюдь не обозначает, что исторически *сначала* должна сложиться техническая база новой общественной формации, *потом* должны на основе ее возникнуть новые общественные отношения. История показывает нечто обратное: общественные отношения капитализма *начали складываться* задолго до великой промышленной революции; еще более это относится к историческому ходу социалистической революции и социалистического строительства. Социалистические отношения не только в городе, но и в нашей отсталой деревне могут складываться и уже складываются *до* появления соответствующей тех-

¹ «Капитал», т. 1.

нической базы. И это несмотря на то, что развитая социалистическая экономика предполагает и высокий уровень развития производительных сил. Не «техника», а, наоборот, новые общественные отношения играют по отношению к каждой общественно-экономической формации роль того *ведущего* начала, которое создает *возможности* развития новой техники и вместе с тем *предопределяет пределы* этих возможностей.

Некоторые выступавшие здесь товарищи, в частности т. Новиков,—известный как великий «комбинатор» в своих остроумных сопоставлениях—пытались доказать, что если мы станем исходить из «производительной способности и развития ее факторов» (Маркс), не говоря просто об единстве техники и рабочей силы, то этим самым мы якобы рискуем приблизиться к концепции Каутского. По мнению т. Новикова решающую роль может играть то один, то другой фактор на разных ступенях исторического развития. Разрешите поэтому обратиться к той полемике Маркса с Годским, в которой повидимому не совсем разобрался т. Новиков и которая представляет глубокий интерес даже с точки зрения понимания производительных сил и производственных отношений в наших условиях.

Маркс выступает против ограниченности и фетишизма буржуазных экономистов. Экономисты стремятся, говорит Маркс, «технологически оправдать специфически определенную форму, т. е. капиталистическую форму». Экономисты, повтому «неправильно придают слишком большое значение вещественному моменту в противоположность труду». И вот утопист Годскин, по словам Маркса и противопоставляет реальную сторону экономического развития их буржуазному шарлатанству. Однако Годскин сам делает очень серьезные ошибки. Ошибки Годскина двоякого рода: во-первых, Годскин старается доказать зависимость рабочего в процессе труда не *от прошлого труда*, а только *от сосуществующего труда*. Годскин здесь не различает процесса производства потребительной стоимости и процесса производства стоимости. Он не различает даже факторы отдельных отраслей процесса производства, где труд зависит от прошлого труда и всего процесса воспроизводства и обращения в целом. «Внутри каждой отдельной отрасли капиталистического производства труд,—говорит Маркс,—зависит от прошлого труда, а не только от сосуществующего труда, хотя этот прошлый труд, как в виде средств труда так и материала, имеет значение в производстве только в контакте с живым трудом, как *его вещественный момент*». Наоборот, в процессе воспроизводства в целом товар является продуктом предыдущего труда лишь «поскольку он одновременно является продуктом и *сосуществующего живого труда*. Все вещественные богатства, которые капиталистическое возвращение фиксирует, выступают как *расплывающийся момент в потоке всего производства*». Почему же Годскин умалчивает значение ценности прошлого труда? Потому, что он смешивает процесс производства вообще с процессом капиталистического производства, потому что он видит в возвращении капиталистов субъективный обмен господствующих классов, но не видит реальных порождающих эти возвращения отношений. Годскин не видит того, что в специфически капиталистической форме «реализованный труд выступает как *противоположность живому труду*» в форме *антагонизма*, что средства труда отчуждены от рабочего, что они господствуют над живым трудом. Годскин не понимает поэтому *определяющей* роли, которую играют произведенные средства производства, т. е. материальная сторона производительных сил, прошлый труд по отношению к живому труду. Прошлый реализованный в средствах производства труд выступает

у него лишь как «пьедестал», который создает себе живой труд, лишь как побочное выражение живого труда, а не как его историческая предпосылка для каждой отрасли производства, к тому же реальная *противостоящая* работой, от них отчужденная при капитализме.

Другая ошибка Годскина заключается в его положении, что действительно «накапливается» нечто живое, а не мертвая масса, что накапливается *искусство* рабочего, степень развития труда. Накопление *объективных* условий производственной деятельности идет у него *рядом* и только *выражает* накопление *искусства и знаний* (scientific power) самих рабочих. «Годскин,—по словам Маркса,—в противоположность грубому представлению экономистов делает ударение на субъекте, так сказать, на *субъективном в субъекте* в противоположность вещи». Для Годскина это—*духовные* способности, искусство рабочего. Годскин «не отмечает того несомненного факта, что *данная ступень развития производительности труда есть то, из чего мы исходим*, что имеется не только как дарование, *способность* рабочего, но также в *вещественных орудиях*, которые этот труд создал себе и которые он ежедневно воспроизводит. Это настоящий *prius*, составляющий исходный пункт, и этот *prius* есть результат процесса развития».

Далее Маркс останавливается на том, что этот *prius* надо искать не только в органическом накоплении искусства рабочего, но и в «измененной природе» и в «*определенных взаимоотношениях производителей*»¹.

В чем заключались идеалистические ошибки Годскина? Они состояли вовсе не в том, что он на первый план выдвигал роль и значение общественного труда и что он рассматривал средства труда как вещественный момент живого труда. Идеалистические ошибки Годскина заключались в том, что Годскин, во-первых, не учитывает роли прошлого труда как исходной предпосылки для каждой отдельной отрасли производства, не учитывает *исторической противоположности* между мертвым и живым трудом, которая создается при *капиталистических отношениях*. Они заключаются, наконец, в том, что Годскин превращает «историческую ступень развития производительности труда», этот доподлинный *prius*, в «субъективное в субъекте», т. е. в *духовные* способности, в искусство рабочего, не видя вещественных факторов производительной способности, не видя общественных отношений производителей, которые имеют для этого исходного пункта исключительное значение.

А в чем состоит теоретическая ошибка Каутского, пытавшегося идти по следам Годскина? В том, что Каутский не видит исторических *противоречий* между мертвым и живым трудом, в том, что Каутский историческую ступень развития производительности труда, в единстве ее факторов, «этот подлинный *prius*», подменяет техникой, а технику—спиритуализирует, превращает в процесс развития нашего *познания*. Каутский не понял мысли Маркса о «субъективном в субъекте», Каутский смешивает общественное сознание и субъективные, т. е. *личные*, моменты производства. Каутский смешивает *гносеологические* и социальные категории, забыв слова Маркса в «Введении к критике» о субъекте, т. е. обществе, которое остается постоянной предпосылкой познания. Глубокую мысль Маркса о примате живого труда в процессе воспроизводства, об определяющей роли общественных отношений, Каутский подменяет слабыми, идеалистическими моментами воззрений Годскина.

¹ «Теория прибавочной ценности», т. III, с. 213—246.

Но если нам нужно выступать *против идеализма* Каутского, подчеркивать его непонимание принципов единства объектов и субъектов, непонимание конкретных материальных условий, в которых проявляется производительная способность человека,—то нужно с такой же силой выступить и *против механического материализма*, который характерен не только для с.-д. концепции, но находит себе поддержку иногда и в среде советских теоретиков. Подчеркивание ведущей роли производительного класса и его общественной организации—в противоположность голый технике, особенно важное в условиях социалистического строительства,—они воспринимают как «идеализм». Под видом «борьбы с идеализмом» они бессознательно воссоздают старую *техническую* концепцию производительных сил, устанавливая своеобразное равновесие между вещественными и личными моментами производства, между производительными силами и производственными отношениями, не видя ведущего начала в их единстве. Они чисто механически то «подтягивают» отставшие производительные силы к производственным отношениям, то наоборот,—отставшие производственные отношения к производительным силам. По мнению некоторых экономистов, в процессе коллективизации деревни, в процессе нашего социалистического строительства в деревне выявляется известная грань, за которую мы не можем переступить, и эта грань якобы заключается в том, что существует определенный уровень производительных сил, за который мы не можем переходить, и что левый «вагиб» якобы заключается в том, что мы переходим предел, поставленный нам этим уровнем производительных сил. Этой своеобразной теории, которую и здесь развивали некоторые товарищи, нужно дать такой же отпор, с каким мы выступаем против идеалистического понимания, потому что мы имеем в ней своеобразную *теорию равновесия* между производительными силами, с одной стороны, и производственными отношениями, с другой, как между некоторыми *двумя самостоятельными сущностями*. Эта концепция сказывалась и в выступлениях тех товарищей, которые возражали здесь *против переоценки социальной формы*, против слишком большого удара на ее «активность».

Задача наша в настоящий период заключается в том, чтобы особенно подчеркнуть активность общественной формы, *активность* общественного качества, чтобы выявить *закон* развития производственных отношений, чтобы подчеркнуть их активную роль в противовес тем социал-демократическим стремлениям и положениям, которые в первую очередь выделяют абстрактное развитие производительных сил, взятых самих по себе, вне своей социальной структуры. Основные положения *диалектики*, которые подчеркивают неразрывную связь между *содержанием* и *формой*, конечно являются для нас здесь указующими. Они определяют основную мысль, которая положена марксистской диалектикой в понимание взаимоотношений между производительными силами и производственными отношениями. Это—*взаимотношение* между содержанием и формой. Но содержание не есть нечто лишнее формы, содержание *само по себе* есть уже нечто оформленное, и наоборот, как правильно уже указывалось, форма *сама по себе* содержательна. Поэтому понятие содержания *предполагает* понятие «формы».

Что значит «предполагать»? Это значит, что содержание не может развиваться *вне общественной формы*: это значит, что содержание развивается только в *определенной* общественной форме. Развитие содержания не только *создает* новые формы, но содержание само может развиваться в условиях предполагаемого *наличия* формы, вне которой нет содержания и которая *содей-*

стует развитию этого содержания. Понять характерные особенности формы как *необходимого момента в развитии самого содержания*, как закона развития содержания, понять ее как *существенную форму* развития содержания— в этом и сводится правильное марксистское понимание производственных отношений в их взаимоотношении с производительными силами. Конечно не существует двух отличных друг от друга законов развития производительных сил и развития производственных отношений. Есть *единый* закон развития и производительных сил и производственных отношений, и этот закон их развития выражается общественной формой. Закон движения формы, закон движения производственных отношений есть вместе с тем закон развития производительных сил на каждом исторически определенном этапе развития производства. Отсюда совершенно очевидно, что, когда мы говорим о противоречии между производительными силами и производственными отношениями, это противоречие также не нужно понимать механически как *механическое* столкновение двух сил. Нужно помнить о *взаимном переходе, о взаимопроникновении* производительных сил и производственных отношений.

Выступающие против переоценки социальной формы в развитии производительных сил в сущности бессознательно вновь отрывают форму от содержания. Они забывают о том, что если исходить из единства формы и содержания, из единого закона развития производительных сил и производственных отношений, то *активность, самодвижение, противоречия социальной формы только выражают, выявляют активность, самодвижение, противоречия самого содержания.*

Ленин в своем «Конспекте «Науки логики» отмечает как один из важнейших моментов диалектики «не только единство противоположностей, но *переходы каждого* определения, качества, черты, стороны, свойства в *каждое* другое, в свое противоположное», и как пример этого он приводит «*борьбу* содержания с формой и обратно—сбрасывание формы, переделку содержания»¹. Борьба содержания с формой является таким образом *только особым выражением их единства, их взаимного перехода.* «Борьба» характеризует собой различия их в этом единстве и является совершенно необходимым выражением этого единства. Содержание и форма находятся в диалектическом единстве, но это их единство *не тождество.* Это противоречивое единство, ведущее к *сбрасыванию формы, к переделке содержания, к социальной революции.* Единство производительных сил и производственных отношений есть *противоречивое* единство; их диалектика «не снимает *реального различия*» (Маркс). Здесь находит свое специфическое выражение единство и вместе с тем противоречие *общего и особого* в общественном процессе производства,—общественного производства «вообще» и его специфически общественных *форм.* Здесь сказывается единство непрерывности и качественной прерывности в историческом процессе общественного производства. В этом именно смысле Маркс говорит о «приобретенных» производительных силах, о необходимости изменить общественную форму для того, чтобы не лишиться этих произведенных сил, о производительных силах предшествующей общественной формации, которые наследует последующая общественная формация. Во *внутренней противоречивости* социальной формы, которая одновременно стремится вывести развитие содержания за свои пределы и в то же время, будучи ограничиваема этими пределами, приходит к своему собственному отрицанию—в противоречиях

¹ Ленин, Конспект «Науки логики», «IX Ленинский сборник», с. 277.

социальной формы сказывается внутренняя диалектика всего «конечного», отмечаемая и Лениным¹.

Формы неизбежно *полагаются и сбрасываются* в процессе развития содержания, подвергающегося *переделке* и в то же время *предполагающей формы, в которых осуществляется эта переделка.* Внутренние противоречия производственных отношений—в капиталистическом обществе это будет противоречие между способом производства и способом присвоения—эти внутренние противоречия социальной формы *вырывают внутренние противоречия самого способа производства.* Нельзя отождествлять производительные силы и способ производства или «способ совместной деятельности». Энгельс в «Анти-Дюринге» отчетливо говорит о противоречии между производительными силами и способом производства, потому что понятие способа производства *охватывает* и его социальную форму, потому что только в этой общественной форме происходит историческая *реализация* потенциальных факторов производства. Эти факторы производительной способности общественного труда—вещественные и личные—в своем развитии постоянно *переходят из возможности в действительность*, и содержание, т. е. производительные силы, приобретает таким образом *форму своего развития.*

В вопросе о производительных силах есть еще одна сторона, интересная в особенности в наших условиях,—в условиях реконструктивного периода. Дело в том, что нельзя метафизически разграничивать различные элементы общественной жизни на категории: вот этот момент общественной жизни является «только» производственными отношениями, а вот этот является «только» производительными силами; вот данная область имеет «только» отношение к классам, а другая сторона, скажем идеологическая, имеет только отношение к достройке и т. д. Здесь сказывается общее непонимание диалектического воззрения марксизма на процесс общественного развития. Задача Маркса и Энгельса заключалась в том, чтобы выявить в категориях производительных сил и производственных отношений *сущность, существенные черты каждой стадии* исторического процесса, экономическую сущность каждой общественно-экономической формации. Но, разумеется, было бы чистой метафизикой проводить пограничные линии между отдельными категориями исторического материализма. Поэтому обычно интересующий многих вопрос, вопрос о том, что «входит» в производительные силы: «входит» ли в производительные силы наука, «входит» ли в производительные силы сознание и т. д., произтекает из некоторой метафизической установки.

Разумеется, если стоять на формально логической точке зрения, тогда производительные силы, это—некоторая особая «сила», куда никакая наука—раз последняя является надстройкой—входить не может! В действительности же наука является «надстройкой» лишь поскольку мы рассматриваем ее как научную «систему», как продукт определенного общественно-экономического уклада, и перестает быть «только надстройкой», как только она становится элементом интеллектуальных затрат рабочей силы. Маркс говорил о науке как об *общей* производительной силе и в «Теориях прибавочной стоимости» показал, каково различие этих *общих* производительных сил от *общественных* производительных сил и т. д. Когда Маркс говорит об общественных производительных силах, то он имеет в виду их общественный характер, экономические моменты, которые характеризуют производительные силы. Когда Маркс

¹ Ленин, Конспект «Науки логики», «IX Ленинский сборник», с. 69.

говорит, что наука является только общей производительной силой, он подчеркивает то обстоятельство, что, поскольку наука не направлена непосредственно на процесс материального производства, она потому еще не получила специфически общественного характера. Маркс указывает в «Капитале», как при капитализме и наука не может избежать того, чтобы стать общественной производительной силой, получить определенный классовый отпечаток. Нужно сказать, что и в наших условиях наука в ее *практическом* приложении, т. е. будучи направлена на процесс материального производства, все более становится общественной производительной силой, стало быть, приобретает тот общественный характер, который пропитывает всю нашу советскую систему.

В частности это относится к науке о планировании, к науке о *плане*. Ведь самый план социалистического строительства является величайшей производительной силой. Здесь говорилось уже о том, что рабочую силу нельзя рассматривать вне ее идеологических моментов. Разумеется, в известном смысле это относится и к сознанию производительного класса вообще. Тов. Сталин напр. в одном месте говорит, что сознание рабочих, участвующих в производстве, является сейчас величайшей двигательной силой нашей промышленности. Несомненно—это величайшая двигательная сила. Выходит, что не только наука, не только планирование, но и пролетарское, коммунистическое сознание «входит» в совокупность производительных сил!

Нельзя наконец метафизически, абстрактно, как-то разграничивать производительные силы и производственные отношения, не учитывая их перехода одни в другие, не учитывая того, что производительные силы *переходят* в производственные отношения, что новые производственные отношения сами становятся новыми производительными силами. Не кто иной, как Маркс, в «Капитале» на целом ряде примеров показывает этот постоянный *переход* производительных сил в производственные отношения и производственных отношений в производительные силы. Общеизвестна напр. мысль Маркса о кооперации, которая является производственным отношением и в то же время становится новой производительной силой. Сюда же относится и ранняя мысль Маркса относительно «способа совместной деятельности», который сам «есть некоторая производительная сила». Сюда же относится и слова Энгельса в «Анти-Дюринге» о новом поколении людей при социалистической организации труда, которое явится новой производительной силой. В постоянном диалектическом взаимопроникновении содержания и формы, в понимании их *единства* и в то же время в понимании их реального *различия* в этом единстве в каждый отдельный момент исторического развития—в этом и заключается единственно правильное понимание их взаимоотношений:

Уже из всего сказанного вытекает,—и это важно особенно подчеркнуть,— что правильное марксистское понимание развития производительных сил, учитывающее связь их с производственными отношениями, учитывающее специфически общественный, классовый характер производительных сил, должно для разрешения проблемы развития производительных сил обязательно учитывать и *расстановку классовых сил и классовую борьбу*. Без этого нельзя понять производительных сил переходного и в частности реконструктивного периода. Здесь уже приводили известный пример, что классовая борьба на определенном этапе развития капитализма *форсировала* развитие техники. Я напомню соответствующее указание Ленина, что каждый класс функционирует, поддерживает и укрепляет тот способ производства, в котором он является господствующим. Производственные отношения—это *классовые* отношения, отноше-

ния *классовой* борьбы, в *классовой* борьбе получает свое выражение внутреннее, *имманентное* противоречие *производственных отношений*, которое является законом движения производительных сил. Вот почему полностью охватить развитие производительных сил в реконструктивный период нельзя без изучения, без понимания взаимоотношений *классовой* борьбы, которую мы ведем сейчас и с проявлением которой мы сталкиваемся на каждом шагу. Вот почему особенно важное значение для нашего периода приобретает правильное понимание «взаимопроникновения» производительных сил и производственных отношений, понимание того, что самый конфликт между производительными силами и производственными отношениями, движущий историческое развитие, что он тоже находит себе выражение во *внутреннем противоречии* данной социальной *формы*.

Еще Ленин в своем «Развитии капитализма в России» показал, что «развитие производительных сил общественного труда» при капитализме в частности процесс «преобразования техники» «по самой природе капитализма не может идти иначе как среди ряда неравномерностей и непропорциональностей», что вследствие этой «природы» капитализма мы имеем «непропорциональное, скачкообразное, авартиное развитие» производительных сил. Плеханов позже в своей полемике со Струве развивал мысль, которая была брошена Энгельсом в «Анти-Дюринг»—мысль о том, что конфликт между производительными силами и производственными отношениями—это в то же время *внутренний, имманентный* конфликт для данной социальной формы, что этот конфликт развивается по законам, находящим свое проявление в развитии внутреннего противоречия производственных отношений. Плеханов указывает вслед за Энгельсом, что конфликт между производительными силами и производственными отношениями в недрах капиталистического общества находит себе своеобразное проявление и свой закон движения в противоречии между общественным производством и индивидуальным присвоением, в этом *имманентном* противоречии капиталистической *структуры*. Развитие этого противоречия между индивидуальным присвоением и общественным производством является *законом* развития производительных сил при капитализме. Конечно можно говорить о некотором относительно самостоятельном развитии самих производительных сил, если их рассматривать, абстрагируясь от производственных отношений. На такую относительно самостоятельную, внутреннюю логику в развитии производительных сил указывает Маркс в «Капитале», когда рассматривает необходимый исторический переход от одного орудия к другому орудью, рассматривает переход от ремесла к мануфактуре и т. д. Но это последнее относительно самостоятельное «движение», эта внутренняя логика развития производительных сил всецело подчинены основному движению, выражаемому законами данной общественной структуры, и могут быть полностью поняты, только исходя из закона движения данной общественной формы.

Нужно сказать, что если в вопросе о производительных силах сейчас уже имеются некоторые достижения после той дискуссии, которая имела место, то в вопросе о производственных отношениях до сих пор повторяются еще старые ошибки. Ошибка заключается прежде всего и главным образом в том, что нет правильного понимания двойственного характера производственных отношений. У т. Бухарина в его книге об историческом материализме мы находим, примерно, такое понимание: есть одна группа или одна часть производственных отношений, которая является трудовыми отношениями, и есть

особая группа, или особая часть производственных отношений, которая является классовыми производственными отношениями. Существуют, стало быть, два вида, два типа производственных отношений. При таком понимании производственных отношений мы, разумеется, не можем понять внутренних противоречий в самих производственных отношениях классового общества. Или и в этом случае нам придется говорить особо о внутренних противоречиях в их «технической» части и о внутренних противоречиях в классовой, в экономической части. Между тем Маркс и Энгельс никогда не проводили такого разделения. Для Маркса и Энгельса, начиная с их ранней работы о Фейербахе¹, разделение труда и собственность было «тождественным выражением» одних и тех же общественных отношений, только рассматриваемых в обеих формах своего противоречивого движения. Мы рассматриваем производственные отношения прежде всего с их имущественной стороны—как форму распределения средств производства. Но отсюда же вытекает и другая сторона их, которая выражает отношения производителей в организованном труде и выявляется в кооперации, в разделении труда и т. д. и т. д.

Маркс в «Введении к критике политической экономии» совершенно определенно говорит об этом, когда указывает на то, что распределение средств производства представляет собою одновременно «подведение индивидов под определенные производственные отношения». Это один и тот же процесс, но рассматриваемый в его противоречиях, в его двойственности. Это *одни и те же* общественные производственные отношения, но рассматриваемые в их *имманентной противоречивости*, в том единстве *противоположностей*, какою является их имущественная сторона и отношения производителей в самом процессе труда.

Для нас производственные отношения капиталистического общества не могут просто делиться на одну группу, одну часть, относящуюся к общественному производству, и другую часть, которая относится к индивидуальному присвоению. Каждое общественное отношение капиталистического общества будет для нас *одновременно и тем и другим*—отношением общественного производства и в то же время отношением индивидуального присвоения—отношением капиталистическим. Только исходя из этой мысли Маркса, мы поймем внутреннюю противоречивость производственных отношений капитализма, это единство противоположностей, где ведущим началом является имущественная сторона². В коммунистическом же обществе, основанном на началах обще-

¹ «Архив К. Маркса и Фр. Энгельса», т. I.

² Мы не можем поэтому согласиться с точкой зрения г. Тьянскового («Проблемы марксизма»), который рассматривает производительные силы как основу *технического* процесса, который рассматривает лишь как различные «точки зрения» инженера и экономиста, у которого периоды тождества и различия производительных сил и производственных отношений как бы сменяют друг друга на различных этапах развития. На более правильной позиции стоит г. Мартынов в своей статье, направленной против теории равновесия т. Бухарина («Под знаменем марксизма»); он видит внутреннее, движущее противоречие в самих производственных отношениях, видит также, что одни отношения растут из других. Однако и у г. Мартынова нет диалектического движения «перехода» производительных сил в производственные отношения, и он поэтому остается на формально-логической точке зрения, когда включает организацию труда с одной точки зрения в производительные силы, а с другой «точки зрения»—в производственные отношения. Особенная неясность в понимании производственных отношений проявляется в работах т. Бессонова. Производственные отношения у него *растапаются* на «овеществленные» и «не овеществленные», т. е.

ственной собственности на средства производства, исчезает это основное движущее противоречие капитализма, и законом движения производительных сил и производственных отношений являются внутренние противоречия, назревающие уже в самой общественной организации труда, по мере развития ее производительных сил,—роста населения и т. д.

Марксистское понимание диалектики производительных сил и производственных отношений, их взаимопроникновения, их единства, закон движения которого находит свое выражение во внутренних противоречиях производственных отношений,—всецело должно быть применено *и к условиям советской переходной экономики*. Нельзя говорить об имманентном (?) развитии самих производственных отношений, которые «забегают вперед» и под которые приходится «подтягивать» отставшие производительные силы. В этом вопросе проблемы «абстрактной» философии теснейшим образом смыкаются с нашей политической практикой. У некоторых выступавших здесь товарищей получалось, что перегибы в практике коллективизации потому имели у нас место, что процесс коллективизации перешагнул имманентное (?) развитие производственных отношений, а последнее мыслимо лишь в определенных рамках производительных сил. Получается старая песня—перегибы имели место потому, что вышли за пределы возможностей наших производительных сил, сиречь, техники! И в этом, оказывается, состоит граница диалектики производительных сил и производственных отношений! Товарищи, рассуждающие таким образом, скатываются к *старой-престарой теории равновесия производительных сил и производственных отношений*. Это всецело соц.-демократическая, оппортунистическая концепция. Нет имманентного развития производственных отношений вне соотношений *классов*, вне классовой борьбы, *направляющей* определенным образом развитие производительных сил, вне *противоречий*, движущих развитие производственных отношений нашей эпохи. Диалектика производительных сил и производственных отношений переходного периода состоит вовсе не в «забегании» и не в «подтягивании» одних элементов в отношении к другим, а в том их взаимопроникновении, в котором социалистические производственные отношения оказываются *ведущими* и раскрывающими перед нами все новые и новые *возможности* развития производительных сил. Эти возможности в сущности безграничны: «границы» нашему социалистическому развитию полагаются вовсе не «уровнем производительных сил», но еще непреодоленными полностью противоречиями нашей экономики, мерой нашей *переделки* мелкокрестьянского хозяйства. Говоря о производительных силах социалистического строительства, нельзя ни на минуту забывать о производительных классах, о социалистической организации труда, о классовом, «специфически общественном» характере, который получает у нас то направление, которое дается развитию производительных сил.

Вот почему Маркс говорил об исторических формах борьбы развития производства («Entwicklungs Kämpfe der Produktion»). Вот почему Ленин,

связанные с производительными силами; последнее приводит т. Бессонова к переоценке общественного характера организации труда при капитализме. Примат содержания над формой т. Бессонов понимает таким образом, что у него исторически развивается ранее определенная организация труда, а вслед за ней экономическая сторона. В первый период эта, по мнению т. Бессонова, советская система «развивается» на базе производительных сил, оставшихся от капитализма, которые таким образом оказываются чем-то независимым от новых социалистических отношений, и т. д. (см. заключ. слово т. Бессонова в ИКП, «Бюллетень Заочно-консультационного отделения ИКП» № 5—6).

критикуя точку зрения Суханова, связывает развитие производительных сил не просто с состоянием техники, но более широко, — с уровнем «культуры». Само собой разумеется, что ни на одну минуту мы не можем и не должны забывать и о совершенно необходимой *технической базе* для построения фундамента социалистической экономики. Но этот недостаток технической базы потому только стало *возможным* преодолеть, и это «узкое место» мы потому успешно преодолеваем, что произошли и все еще происходят изменения в отношениях производителей, в общественной организации труда. Вот почему т. Сталин совершенно своевременно указал, что уже в простом кооперативном объединении трудящихся, в простом объединении, «сложении» разрозненных сил отдельных мелкокрестьянских хозяйств кроются могучие производительные силы.

Из той же основной мысли о внутренних противоречиях, движущих развитие нашей экономики, исходил Ленин в своей известной руководящей статье об «экономике и политике в эпоху диктатуры пролетариата», когда он говорил о переходном периоде как периоде борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом, борьбы «*коммунистически объединенного труда*» — объединенного в государственном масштабе — с мелким товарным производством и с возрождающимся на его базе капитализмом. Самую возможность построения социализма в одной стране, как известно, Ленин обосновывает также не одними техническими возможностями: он обосновывает ее прежде всего экономически, исходя из *противоречивого*, неравномерного развития капитализма в эпоху империализма. В своей известной речи на пленуме ЦК в ноябре 1928 г., когда по существу был поставлен вопрос об индустриализации страны, о темпах будущего хозяйства и т. д., т. Сталин указал, что причину напряженности всех наших темпов индустриализации приходится искать во *внутренних и внешних противоречиях* нашего социально-экономического уклада. Техническая отсталость, — справедливо указывает т. Сталин, — чувствовалась и раньше, но ее возможно и необходимо стало ликвидировать лишь на базе *социалистического* строительства. Напряженность наших темпов, по мнению т. Сталина, объясняется отсталостью технической базы нашей советской экономики по сравнению с капиталистическими странами; она объясняется *технической и экономической отсталостью* нашего мелкого крестьянского земледелия, по сравнению с индустрией. Таким образом самые темпы нашего строительства также находят свое объяснение в противоречивой экономике, в невозможности базироваться далее на двух различных экономических основах. Точно так же и в своей речи на конференции аграрников-марксистов т. Сталин подчеркнул, что *общественные отношения* мелкого крестьянского хозяйства не давали возможности расширенного воспроизводства, а потому и вызывали отрыв земледелия от индустрии. И здесь в основу анализа положены *внутренние противоречия* нашей экономики.

С другой стороны, выступая против теории самотека в нашем социалистическом строительстве, т. Сталин счел нужным отметить роль *плана* как могучей силы нашего строительства, значение *государственного* воздействия на развитие производительных сил в нужную для социалистического строительства сторону.

Двойственная *противоречивая* природа плана естественно вызывала ошибки и колебания и у правых уклонистов и у троцкистов. Вся правооппортунистическая концепция плана непосредственно вытекала из явно *механистического* понимания развития производительных сил и их связи с производствен-

ными отношениями. У т. Бухарина это непонимание взаимоотношений содержания и формы, диалектики производительных сил и производственных отношений в переходный период в конечном счете было связано с его *теорией равновесия*.

Наиболее существенным здесь является тот характер *нейтральности*, который придает производительным силам т. Бухарин. У т. Бухарина производительные силы, в основном сводимые им к технике, это производительные силы «вообще», производительные силы, не связанные с определенными классами, не носящие на себе специфического общественного классового отпечатка. Это — не производительные силы капиталистического развития или производительные силы, скажем, социалистического развития и т. д. Есть лишь производительные силы вообще, *нейтральные по отношению к путям их развития, к их социальной форме*. Поэтому естественен был знаменитый лозунг «обогащайтесь», который был выдвинут в свое время т. Бухариным; ведь важно лишь развитие производительных сил вообще, лишь бы они были производительными силами. Здесь сказалось основное непонимание роли социальной формы в определении закона развития производительных сил. С этим положением у т. Бухарина связывалось представление об «имманентном» развитии социалистических производственных отношений, «невзаметно» растущих по мере подготовки соответствующей *технической* базы, вне классовых противоречий, вне классовой борьбы. Производительные силы «вообще» неизбежно должны, по его мнению, вести нас по мере своего развития к социализму, раз *возможности* этого социалистического строительства заложены в наличии у нас социалистических производственных отношений! Правоуклонистская концепция потому и восстает против «чрезмерных», по его мнению, темпов индустриализации, потому и равняется по «узким местам» и т. д., что в основе ее лежит чисто «техническое» понимание социального развития, недоучет *противоречивости* наших производственных отношений, являющейся подлинным источником наших напряженных темпов. Но точно так же, как неуместна с.-д. формула — сначала техническая подготовка, а из нее уже будет *вырастать* социализм, — точно так же ошибочно и обратное положение — сперва социалистическая переделка крестьянского хозяйства и лишь затем техническая революция. Ее исповедуют не только «левые» загибщики, но и т. Бухарин в своих последних статьях! В действительности процесс развития идет не по этому механистическому, но по диалектическому пути: *переделка наших производственных отношений есть вместе с тем и переделка отношений между производителями, переделка класса как «крупнейшей» производительной силы, последняя же предполагает необходимость своего технического перевооружения и создает для него реальные возможности и предпосылки*.

Нужно заметить, что и теоретическая позиция троцкизма была в сущности той же социал-демократической «технической» точкой зрения в вопросах нашего социального развития, несмотря на ее *внешний радикализм*, планы «сверхиндустриализации» и т. п. Нашумевший закон «социалистического накопления» т. Преображенского, его взгляд на крестьянство как на «колонии» и пр. — представлял собой тот же «*технический*» подход к строительству социализма, основанный на неверии в его *социальные* возможности. Явно механистическое понимание производительных сил имело место и у самого Троцкого. Он видел объективную предпосылку социалистического строительства главным образом и почти исключительно в состоянии *техники*. «По-

строить, — говорил он, — изолированно социалистическое государство можно лишь таким образом, что производительные силы этого изолированного государства будут выше производительных сил капитализма», а для этого, по мнению Троцкого, нужно столетия или целое столетие.

Тов. Сталин отвечал ему следующим образом: «Разве тот факт, что во главе производства будут стоять не тунеядцы, а сами производители, разве этот факт не является величайшим фактором того, что социалистическая система хозяйства будет иметь все шансы для того, чтобы двинуть вперед хозяйство семимильными шагами и доказать свое превосходство в более короткий срок? Разве тот факт, что социалистическое хозяйство является наиболее объединенным хозяйством и ведется в плановом порядке, разве этот факт не говорит за то, что социалистическое хозяйство будет иметь все плюсы перед капитализмом?»¹.

Очень много говорят сейчас о необходимости создания фундамента социалистической экономики, о необходимости создания экономической базы социализма. «Создать экономическую базу социализма, — говорит Сталин, — это значит скомкнуть сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целостное хозяйство, подчинить сельское хозяйство руководству социалистической индустрии, наладить отношения между городом и деревней на основе прямого обмена продуктов сельского хозяйства и индустрии, закрыть и ликвидировать все те каналы, при помощи которых порождаются классы и рождается в конце концов капитал, создать в конце концов такие условия производства и распределения, которые ведут непосредственно к уничтожению классов».

Интересен вопрос, в какой мере уже созданы эти экономические предпосылки и по линии развития производительных сил, и в области переделки производственных отношений. Не следует конечно забывать, что все новое в переходных условиях несет на себе необходимую и естественную печать старого, — родимые пятна общества, из которого будущее социалистическое общество выходит. С другой стороны, не нужно забывать, что это новое создается в ожесточенной борьбе со старым, что развитие и движение производительных сил и производственных отношений есть движение и развитие борьбы классов, — борьба сил и отношений мелкого товарного хозяйства и рождающегося на его базе капитализма с силами и отношениями социализма. И здесь крайне существенно отметить те новые явления, которыми характеризуется новый реконструктивный период непа и в которых мы уже перешагнули прежний восстановительный период. Что мы имели на фабрично-заводском предприятии в восстановительный период? Мы получили здесь в наследие от капитализма определенный уровень производительных сил и организации труда, но сил и организации, разрушенных уже в период войны. В течение восстановительного периода мы не только восстанавливали старые капиталистические силы и отношения труда, мы создавали новые силы. Наши новые социалистические отношения в процессе своего развития переделывали содержание, старые производительные силы. В этом смысле уже восстановительный период на предприятии был не только восстановительным, но в известном смысле и началом реконструктивного. Капиталистическая рационализация мы противопоставили социалистическую рационализацию, сокращение рабочего дня, новые взаимоотношения между различными органи-

¹ Сталин, О социал-демократическом уклоне.

зациями на предприятии, производственные совещания и т. д. Все эти моменты накладывали, разумеется, свой отпечаток и на технику производства. Восстановительный период в деревне был характерен восстановлением производительных сил мелкой крестьянской формы производства. Но это было в основном развитие «содержания», которое неминуемо должно было перерасти «форму», не дававшую простора его дальнейшему развитию. Это развитие производительных сил деревни в старой форме должно было неизбежно приостановиться: оно уже не давало возможности расширенного воспроизводства мелкокрестьянских форм производства.

Восстановительный период является периодом сосуществования и в то же время периодом борьбы различных экономических укладов, сосуществования в первую очередь социалистической экономики с крестьянски-средняцкой экономикой, двойственной по своей природе и питающей капиталистические тенденции. На этой двойственности крестьянской экономики вырастали, с одной стороны, иллюзии бухаринской концепции, с другой стороны, на ней базировались и теории левых загибов. Реконструктивный период обозначает переход к постепенному созданию единства нашей экономики. С особой ясностью выявляется, что в этом единстве индустрия является ведущим началом, но сельское хозяйство — базой развития индустрии. Отчетливо выявляется для нас возможность выкорчевывания самих корней капитализма. Развитие экономики в реконструктивный период движется также в формах классовой борьбы, в таких формах, как ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, и т. д. Эти внутренние противоречия нашей экономики, равно как и внешние противоречия с капиталистическим окружением, которое мы должны догнать и перегнать, сознательно выражение этих противоречий и способов их преодоления в плане пятилетки, в генеральном плане и т. д., вот что является основной движущей силой нашего развития по пути к социализму.

На базе сплошной коллективизации в деревне создаются новые формы производственных отношений (артели, коммуны и пр.), новые, переходные социальные группы. На первый план выступает производственная кооперация, которая становится основной, ведущей формой, переделывающей сельское хозяйство середняка. Этот, как выражается Ленин, «ничем не отличный» от социализма тип кооперации создает новую группу колхозного середняка, которая начинает становиться прочной опорой социалистического строительства в деревне. Создается новое промежуточное звено между социалистическим городом и мелкокрестьянской экономикой, звено, помогающее переделывать эту последнюю. Реконструктивный период несет новое и промышленности. Он вызывает социалистическое соревнование, ударничество, производственные коммуны — совершенно новые типы общественных отношений. Мы постепенно вступаем в фазу уничтожения противоположности между городом и деревней, хотя нужно прямо сказать, что мы находимся еще в самом начале этого процесса. Таким образом постепенно осуществляется смыкание сельского хозяйства и социалистической индустрии, о котором говорит т. Сталин.

Я несколько не согласен с товарищами, которые полагают, что нам нужно дать только общую методологическую установку, а не заниматься эмпирическими проблемами. Нужно конечно дать общую методологическую установку, нужно наметить общие тенденции развития. Но об этом нужно говорить уже более конкретно. Все это нужно сейчас переложить на язык тех понятий...

с которыми мы сталкиваемся ежедневно в нашей советской действительности. Ибо нет у нас «абстрактного» развития производительных сил и производственных отношений. Когда мы говорим о количественных и качественных показателях нашей промышленности, когда мы говорим о кадрах, когда мы говорим об энергетической базе нашей промышленности и т. д.,—мы всюду имеем дело с развитием производительных сил, все это элементы развития производительных сил в наш реконструктивный период,—начиная от «техники» через «предмет труда»,—естественные производительные силы, их разведку, изучение и т. д.,—и кончая «рабочей силой»—кадрами. Так именно, товарищи, обстоит дело и с сопереживанием. Сопереживание—важнейшая и характерная особенность наших производственных отношений. Это—новый тип производственных отношений. Нельзя сейчас изучать производительные силы вне этих новых движущих форм общественного развития, какими является сопереживание, ударничество и т. д. и т. д.

В последнее время вновь муссируют вопрос о темпах обобществления, об ускорении процесса обобществления в колхозах. Между тем дело вовсе не в темпах этого обобществления. Не в них то основное звено, в котором сейчас выражается ведущая роль сплошной коллективизации, нашего колхозного строительства: основное звено заключается в самом наличии некоторой новой, колхозной формы. Для развития ее содержания, для развития ее производительных сил нужны также некоторые *переходные* ступени. Левые загибы исходят поэтому из того же непонимания единства производительных сил и производственных отношений, как и правый оппортунизм в свое время не понимал роли *ведущего* значения колхозов, значения колхозов и совхозов как основного зародыша социализма.

Наша переходная эпоха есть *переходная* от капитализма к коммунизму, а отнюдь не сложившаяся еще общественная формация. Закон *построения социализма* является единственным «регулятором» этой экономики, всецело вытекающим из ее внутренних и внешних противоречий. Общественные формы ее могут изменяться вместе с тем, как строится фундамент социалистической экономики. Но это изменение форм есть изменение самого содержания. На данной ступени развития техника далеко еще не всегда может выступать у нас как показатель новых общественных отношений. Однако уже и сейчас вырисовываются очертания не только новых социалистических общественных отношений, но и *новой техники*, к которой мы идем и которая развивается в процессе *социалистической рационализации* труда. Это, во-первых, *непрерывный производственный поток* и конвейер, выведенные далеко за пределы единого капиталистического предприятия. Это—*стандартизация* и унификация производства. Это наконец—*электрификация*, также уводящая нас далеко за пределы индивидуального предприятия, которую поэтому полностью не может реализовать капитализм. Это, наконец,—*коммунистический труд*, т. е. труд не как принуждение, а как высшая честь, как удовольствие и привычка, некоторые зачаточные формы которого уже начинают обрисовываться, начинают появляться в нашем быту.

В заключение я должен сказать, что процесс «деспециализации», т. е. процесс уничтожения всяких специальностей и профессий в будущем коммунистическом обществе, также идет через противоречия. И на этом противоречивом пути его развития мы сталкиваемся с необходимостью *создавать* кадры соответствующих пролетарских специалистов. Вот почему *проблема кадров* приобретает серьезную роль. Проблема кадров конечно не решает еще

всей проблемы производительных сил. Однако вопрос о кадрах, в частности, вопрос о руководящем ядре в организации труда, приобретает исключительную роль, и с этой точки зрения проблема кадров теснейшим образом связана с проблемой живой производительной силы. Наконец, с этим тесно связано и то огромное значение, которое получает в реконструктивный период наука, освобожденная от того характера, который придает ей капиталистическое общество.

Выступавшие здесь товарищи разумеется совершенно правы, когда они говорят, что в сущности у нас слишком мало знания фактического материала для того, чтобы разрешить проблему производительных сил и производственных отношений в реконструктивный период. Но мне представляется, однако, что наша задача заключается не в том, чтобы сразу разрешить все проблемы, возникающие на этом пути. Разумеется, вопросами производительных сил и производственных отношений в реконструктивный период мы будем заниматься еще не мало. Мы только начинаем работу в этом отношении, и задача наша заключается в том, чтобы выдвинуть некоторые наиболее общие методологические проблемы, и мне кажется, что известные достижения в этом направлении имеются.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВ. ВЫШИНСКОГО

Наша дискуссия, к сожалению, развертывается без твердой и определенной установки. Нам надо было сосредоточить свое внимание на некоторых актуальных вопросах, относящихся к обширной теме о производительных силах и производственных отношениях в реконструктивный период. Но т. Кривцов в своем вступительном слове поставил ряд общетеоретических вопросов, причем не со всеми его постановками можно согласиться.

Уже самое определение, которое т. Кривцов дает производительным силам (производительные силы—это способ совместной деятельности людей), не может быть признан удовлетворительным, хотя бы потому что из этого определения выпадает решающий момент—именно указание на материальный характер производительных сил. Т. Кривцов сослался при этом на Маркса. Но Маркс говорит о другом—о диалектической связи производительных сил с производственными отношениями («способ совместной деятельности есть еам некоторая производительная сила»).

Далее, т. Кривцов говорил, что «способ соединения рабочего со средствами труда дает определенную форму производственных отношений». Это тоже неверно. Здесь взято лишь отношение людей к средствам производства. Но производственные отношения включают в себя также (в качестве своего существеннейшего момента) *отношение людей друг к другу* на основе их отношения к средствам производства.

Т. Кривцов и другие выступавшие здесь товарищи приписывали Марксу взгляд на рабочую силу, как на основную и решающий элемент производительных сил. У Маркса сказано: «Изо всех орудий производства, наибольшую производительную силу представляет сам революционный класс». Но нигде у Маркса не сказано, что революционный класс можно отождествлять с рабочей силой. Рабочая сила и средства производства в соединении друг с другом составляют производительные силы, на основе которых создаются производственные отношения. Выступавшие здесь товарищи отождествляли рабочую силу с производственными отношениями и с революционным классом. Отсюда вытекала путаница, причем некоторые договорились до того, что не

производительные силы лежат в основе производственных отношений, а наоборот.

В подтверждение того положения, что рабочая сила является основным и решающим элементом развития производительных сил, товарищи ссылались на сугубую важность проблемы кадров в реконструктивный период. Как будто, если мы, скажем, будем считать средства производства основным элементом производительных сил, то рабочая сила должна рассматриваться как нечто несущественное. Если встать на позицию этих товарищей, то выходит, что проблема кадров — вечная проблема, и тогда непонятно, почему она только недавно встала перед нами в такой острой форме. Товарищи забывают, что именно темпы строительства в реконструктивный период выдвинули на первый план проблему кадров.

В действительности дело обстоит таким образом, что средства производства и их сердцевина — техника — определяют (конечно, не механически, но через преломление в системе производственных отношений) рабочую силу, ее состав, ее квалификацию и т. д. Ведь это одно из основных положений марксизма!

Не трудно догадаться, почему делается такого рода ошибка. Это высказал сам т. Кривцов. Он говорил, что Бухарин кладет технику в основу производительных сил. Ну, а раз так, значит надо в основу положить нечто прямо противоположное! Ошибка Бухарина состоит в другом, а именно в *отождествлении* производительных сил с техникой, в *сведении* их к технике. Сводит же производительные силы к живой рабочей силе так же неправильно, как и сводит их к технике. Нельзя брать одну только рабочую силу и изображать ее локомотивом, за которым тащится система производительных сил. Нельзя рассматривать технику только как «мерило» или «показатель» развития общественных отношений. Техника не есть просто барометр, который, как известно, сам ни в какой мере не влияет на погоду, но является лишь показателем погоды.

Между техникой и общественными отношениями нет автоматической, механической связи. Достаточно вспомнить хотя бы об уровне технического развития САСШ и сопоставить его с существующей там системой общественных отношений.

Когда Маркс говорит о средствах труда, как о показателях тех общественных отношений, при которых совершается труд, то он имеет в виду историческое изучение исчезнувших общественно-экономических формаций по вещественным останкам, дошедшим до нас. В другом месте Маркс говорит, что средства производства есть преемственный момент человеческой истории. Производительные силы Маркс называл «базисом всей истории».

Здесь говорили о том, что ведущую роль играют производственные отношения, а производительные силы тащатся за ними повади. Если этим хотели подчеркнуть, что новые производственные отношения оказывают обратное влияние на производительные силы, то это совершенно верно. Однако, мы не можем забывать того принципиального положения исторического материализма, что производительные силы лежат в основе производственных отношений, а наоборот. Диалектика развития производительных сил и производственных отношений не исключает, а как раз предполагает такое положение, что на определенных этапах общественного развития решающим звеном оказывается система производственных отношений. Это мы имеем в советской действительности при диктатуре пролетариата. Но и при этом следует подчеркнуть,

что выдвигание производственных отношений в роли ведущего звена определяется опять-таки, в конечном счете, производительными силами общества, т. е. их предыдущим состоянием.

Я хотел бы еще заметить, что нельзя производительные силы и производственные отношения противопоставлять друг другу как активной и пассивной. Критикуя т. Гонимана, который считает, что производительные силы активны, а производственные отношения пассивны, т. Разумовский сам впал в другую крайность и стал на противоположную точку зрения. Т. Разумовский рассуждает так: производительные силы — это содержание, производственные отношения — это форма. И вот форма, говорит он, есть закон развития содержания, т. е. производительных сил. Такая формулировка представляется мне неверной: это — аристотелевщина и гегелевщина. Сказать, что форма есть закон развития содержания — разве это не формалистический уклон?

В выступлении т. Разумовского были и другие неясности. Напр. что значит, что при изучении производительных сил «надо отправляться от самого человека»?

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВ. ЧЕСКИСА

Мне кажется, что дискуссия наша приняла слишком абстрактный характер. Вместо того, чтобы говорить о реконструктивном периоде, большинство выступавших здесь товарищей говорили о производительных силах и производственных отношениях вообще, и при этом получилось довольно много неясностей.

Во вступительном слове т. Кривцова проводилась та мысль, что ведущая роль в производительных силах (всем известно, что производительные силы состоят из рабочей силы, орудий труда и предмета труда) принадлежит рабочей силе. Получается, что рабочая сила сама по себе (вне связи ее с орудиями труда) может быть рассматриваема как производительная сила и точно также орудия производства без рабочей силы могут быть рассматриваемы как производительная сила. Такая постановка вопроса представляется мне неправильной. В самом деле, в чем выражается рост производительных сил? — В росте производительности труда, а эта производительность труда зависит главным образом от развития техники. Поэтому отрывать рабочую силу от средств производства нельзя: это — чисто абстрактный подход к вопросу. Самым главным является техника и ее завоевание, но техника без человека, который ею управляет, т. е. без рабочей силы, является мертвым делом. Ибо если иметь развитую технику в стране, где нет соответствующей квалифицированной рабочей силы, то и самой техники не будет, так как машины будут стоять без движения и никому будет их применять. Точно также, если взять высококвалифицированных рабочих и поставить их в такое место, где нет соответствующих орудий производства, то они не будут рабочей силой в действительности, но лишь в потенциальности.

Рабочая сила только в соединении с техникой представляет собой то, что мы называем производительными силами. Рабочую силу без техники нельзя себе представить уже потому, что даже в первобытном обществе она характеризуется применением, пусть самых примитивных, но все-же *орудий производства*. Без орудий производства не может быть человеческого общества.

Перехожу к вопросу о взаимоотношениях между производительными силами и производственными отношениями. Выступавшие до меня товарищи:

правильно указывали, что производительные силы и производственные отношения составляют единство. Абсолютно невозможно себе «представить одно без другого. Если мы говорим о нашем реконструктивном периоде, то ведущая роль производственных отношений бросается в глаза. Но не нужно думать, что это имеет место только в нашем реконструктивном периоде. Вспомним, как в «Коммунистическом Манифесте» описывается то развитие производительных сил, которое получило благодаря действию нового капиталистического способа производства. Благодаря буржуазной революции развитие производительных сил получило такой толчок, что совершенно нельзя даже сравнивать между собой то медленное, черепашее развитие производительных сил, которое имело место при феодализме, с тем, что получилось при капитализме. Поэтому можно вообще сказать, что новый, высший способ производства, особенно после революции, является могучим двигателем для дальнейшего развития производительных сил.

Мы видим теперь, какие у нас получаются темпы в развитии наших производительных сил, несмотря на то, что наша страна в техническом отношении является отсталой. Эти темпы получались у нас благодаря пролетарской революции и новому, социалистическому способу производства.

Здесь товарищи много останавливались на вопросе о форме и содержании. Ясно, что производительные силы—это содержание, а производственные отношения—это форма. Не может быть содержания без формы и формы без содержания. Мы против отрывания формы от содержания. Мы и против механистов и против рублинцев.

Здесь перед нами стоит конкретная и весьма актуальная проблема—о производительных силах и производственных отношениях в реконструктивный период. Можно ли сказать, что в реконструктивный период ведущим началом в развитии производительных сил является рабочая сила? Мне думается, что это неверно. Если мы скажем, что ведущим началом являются производственные отношения, то это будет правильно. В самом деле, наряду с вопросом о кадрах у нас стоит вопрос о развитии нашей тяжелой индустрии. Мы знаем, что самое основное звено, за которое нужно было ухватиться, это было развитие нашей металлургической промышленности, а это означает—*развитие техники*. Только развивая нашу технику, мы не будем зависеть от Запада и будем иметь возможность всесторонне развивать наши внутренние производительные силы.

В связи с этим, естественно, выдвигается и проблема кадров. Но почему она выдвигается как одна из основных проблем? Потому, что старые кадры оказались ненадежными. Проблема кадров была выдвинута в связи с вредительством (особая форма классовой борьбы), а с другой стороны в связи с тем, что при наших громадных темпах имеющиеся у нас кадры далеко недостаточны. Развитие нашей техники требует новых кадров, новой квалифицированной рабочей силы. Если бы этого развития не было,—проблема кадров не стояла бы так остро. Ведь эта проблема не имела такой остроты 3—4 года тому назад.

Говоря о взаимоотношении между производительными силами и производственными отношениями, нельзя ни в коем случае (поскольку речь идет о классовом обществе) упускать из виду классовый характер производственных отношений. В самом деле, как получается противоречие между производительными силами и производственными отношениями? Оно получается в классовом обществе потому, что каждый класс заинтересован в том, чтобы иметь

производственные отношения, соответствующие его интересам. Господствующий класс отстаивает старые производственные отношения, которые уже не соответствуют развитию производительных сил. В силу этого получается противоречие между производительными силами и производственными отношениями, которое является классовым противоречием и разрешается революционным путем.

Такого антагонистического, классового противоречия между производительными силами и производственными отношениями в социалистическом обществе не будет, потому что не будет частной собственности на средства производства, не будет классов и классовой борьбы, не будет классовых производственных отношений. Но это не значит, что при социализме вообще не будет никаких противоречий. Вы знаете, что Ленин говорил относительно антагонизма и противоречия.

Т. Разумовский говорил здесь о переходе производительных сил в производственные отношения и обратно. Это, конечно, верно, ибо производительные силы и производственные отношения представляют собою единство. Но за их единством не следует упускать из вида и их различия. Сама по себе техника не есть еще производственное отношение. А этого т. Разумовский не подчеркнул.

У т. Разумовского получается так, что если т. Сталин говорит, что сознание рабочего является могучим двигателем развития производительных сил, то это значит, что сознание рабочего есть производительная сила. Такой вывод неправилен. Когда говорят о великом значении классового сознания пролетариата, то имеют в виду обратное влияние надстройки на базис. По т. Разумовскому же выходит, что сознание само есть базис. Конечно, между базисом и надстройкой имеется единство, но нельзя упускать и их различия. То сознание, о котором говорит т. Сталин,—это классовое сознание рабочего класса, а не индивидуальное сознание. Здесь мы имеем дело с областью идеологии, которая оказывает обратное влияние на экономику. В зависимости от эпохи меняется характер и степень влияния идеологии на экономику. В эпоху революции, в период перехода от одной общественной формации к другой обратное влияние надстройки на базис бывает настолько значительным, что совершенно меняет весь ход развития.

Я еще хочу немного остановиться специально на нашем реконструктивном периоде. Дело идет, главным образом, о тех новых производственных отношениях, которые у нас зародились или зарождаются. Тут, прежде всего, нужно сказать о том, что у нас нет частной собственности на землю, что орудия производства, фабрики и заводы национализированы, что у нас нет отношения между трудом и капиталом и т. д. Вот то основное, чем отличаются наши производственные отношения от производственных отношений капиталистического общества. На этой основе у нас создаются новые производственные отношения между пролетариатом и крестьянством, между бедняками и середняками, между пролетариатом и кулачеством и т. д.

До недавнего времени отношения пролетариата с крестьянством выражались в известной формуле: союз с середняком, опора на бедноту, борьба с кулаком. С прошлого года начался переход основных масс крестьянства в колхозы. В колхозе крестьянин уже не прежний крестьянин, и отношения между рабочим классом и колхозниками уже не те, которые существуют между пролетариатом и середнячеством. Это—новые производственные отношения, более тесные, чем отношения пролетариата с единоличниками. Между колхоз-

никами и единоличниками опять таки создаются определенные производственные отношения. Эти отношения не должны принимать характер неприязненных отношений; наоборот, колхозники должны помогать единоличникам и на деле убедить их в преимуществах коллективного хозяйства.

На наших глазах возникают новые отношения и внутри рабочего класса. О них уже упоминал т. Кривцов и некоторые другие. Я считаю, что они имеют огромное значение и что очень важно теоретически осмыслить их. Восьмым социальным соревнованием. Это есть новая форма отношений не между различными классами, но внутри одного класса. В капиталистическом обществе основным двигателем была конкуренция. У нас вместо конкуренции—социальное соревнование. Очень важно осмыслить эти новые отношения, чтобы дать понять широким массам их величайшее значение не только с точки зрения развития производства, но и в качестве новой формы жизни, в качестве новой социалистической формы человеческих отношений.

Ударничество—это тоже новая форма, возникшая в условиях строительства социализма. Ударничеству в нашей работе на ближайший период предстоит играть очень большую роль. Нам нужно иметь стимулы для работы, для развития. Буржуазные противники социализма любят выдвигать против нас то возражение, что при социализме будет застои, так как не будет никаких стимулов для развития производительных сил, не будет никакого интереса к личному усовершенствованию. Социальное соревнование и ударничество являются одним из практических опровержений буржуазных критиков. Социальное соревнование и ударничество представляют собой могучие стимулы для всего нашего развития, по крайней мере в эпоху переходного периода. Я думаю, что при коммунистическом социальном соревновании примет новую форму, поскольку там будет господствовать принцип: «каждый по способностям, каждому по потребностям».

Возьмем далее такое явление, как шефство рабочих над советскими учреждениями. Это—тоже новое общественное отношение, призванное играть огромнейшую роль. С одной стороны, пролетариат практически начинает чувствовать себя хозяином тех учреждений, которыми он руководит и над которыми он шефствует. С другой стороны, он переносит в эти учреждения те новые формы, которые существуют среди рабочего класса на фабрике и заводе.

Итак, мы все, кажется, согласны, что в реконструктивный период огромную роль играют производственные отношения, которые до известной степени определяют развитие производительных сил. Необходимо анализировать те новые производственные отношения, которые создаются в реконструктивный период. При этом надо говорить о производственных отношениях не в узком смысле слова, а в более широком: мы должны анализировать те новые общественные отношения, которые имеют своей базой производственные отношения. Можно смело утверждать, что те новые отношения, которые создаются в реконструктивный период, будут играть очень большую роль в жизни общества.

Что же касается общего вопроса о производительных силах и производственных отношениях, то тут всегда необходимо подчеркивать и единство, и различие: единство и различие внутри самих производительных сил, единство и различие в производственном процессе, единство и различие между производительными силами и производственными отношениями. Только единство в различии дает нам действительно диалектическое понимание общественного процесса.

Я согласен с т. Разумовским, что в некоторых последних работах, в частности, в работах т. Тымянского и т. Гонимана имеется много неудач-

ных формулировок по этому вопросу. У т. Тымянского, например, получается, что способ производства не то, что экономическая структура, что это просто техническая тенденция. Это, конечно, неверно.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВА. МОТЫЛЕВА

Во «Введении к критике политической экономии» Маркс, перечисляя ряд вопросов, подлежащих разработке, упоминает в числе этих вопросов такой: «диалектика понятий—производительные силы и производственные отношения, диалектика, границы которой подлежат определению и которая не уничтожает реального различия». Это замечание Маркса проливает яркий свет на то направление, в котором должна двигаться марксистская мысль при дальнейшей разработке проблемы производительных сил и производственных отношений. Маркс указывает, что диалектика этих понятий имеет границы и что она не уничтожает их реального различия. Это замечание имеет огромное значение для понимания ряда проблем экономики реконструктивного периода.

Та философская и экономическая дискуссия, которая развернулась у нас на протяжении последних лет, несмотря на все свои недостатки, дала в результате ряд таких установок, которые могут и должны быть использованы при рассмотрении вопроса о производительных силах и производственных отношениях в реконструктивный период.

Прежде всего, надо выдвинуть то положение, что мы не рассматриваем производственные отношения, как пассивный рефлекс производительных сил. Ошибка товарищей, которые обнаруживали механистические тенденции в политической экономии, заключалась по-моему, именно в том, что они не понимали, что производственные отношения не представляют собою простого фотографического снимка с производительных сил. Не понимая этого, нельзя объяснить, напр. того факта, что в С.-Штатах с их высоко развитыми производительными силами господствуют капиталистические производственные отношения, тогда как у нас, в СССР, где производительные силы гораздо ниже, господствуют производственные отношения переходные к социализму. Совершенно очевидно, что механистическая трактовка производственных отношений, как пассивного рефлекса производительных сил, закрывает нам путь к пониманию всех проблем социалистического строительства.

Второе положение, которое можно выделить среди результатов экономической дискуссии, сводится к признанию активности формы, к признанию активности производственных отношений, как содержательной формы производительных сил. В результате дискуссии, для подавляющего большинства стало бесспорным, что производительные силы—это общественная категория и что производственные отношения связаны с производительными силами, как содержательная форма и формированное содержание. Форма формирует содержание. С этой точки зрения можно понять и то, что имеет место в высоко развитых капиталистических странах, и то, что происходит у нас, в СССР. И тут, и там система производственных отношений активна. Но эта активность в капиталистических странах играет регрессивную роль, задерживая взрыв назревших противоречий. С точки зрения уровня развития производительных сил—капиталистические страны уже созрели для пролетарской революции. Активность формы, активность системы производственных отношений задерживает здесь не только дальнейшее развитие производительных сил, но вместе с тем задерживает и затрудняет пролетарскую революцию.

С этой точки зрения понятно, почему пролетарская революция началась не в стране высоко развитого капитализма, а в такой стране, где система производственных отношений, в силу ряда исторических условий, не настолько развилась и окрепла, чтобы достаточно активно препятствовать взрыву противоречий, когда они назрели.

Если в странах загнивающего капитализма система производственных отношений, как активная форма, задерживает взрыв противоречий и затрудняет развитие производительных сил, то у нас, в СССР, ее активность направляется в обратную сторону: опираясь на эту форму, мы можем определять и ускорять развитие производительных сил.

В нашей работе по теории советского хозяйства мы уделяем недостаточное внимание проблеме преимуществ той системы производственных отношений, которая существует в СССР. Между тем эти преимущества являются источником огромного развития производительных сил. Уничтожение класса капиталистов, а значит, и уничтожение непроеводительного потребления половины прибавочной стоимости, относится к системе производственных отношений, но вместе с тем, это делает возможным ускорение темпа социалистического накопления, ибо высвобождает значительную часть продукта, создаваемого в наших социалистических предприятиях для целей социалистического накопления. Ликвидация частной собственности на землю тоже есть факт, относящийся к системе производственных отношений, но этот факт устраняет паразитическое потребление огромной части народного дохода и способствует ускорению развития производительных сил. С другой стороны, этот же факт делает возможным гораздо более целесообразное распределение промышленных предприятий по территории нашей страны, делает возможной плановую электрификацию и т. д., и т. п.

Такие же преимущества мы имеем по целому ряду других линий. Все эти преимущества нашей системы производственных отношений создают возможность гораздо более быстрого развития производительных сил, чем при капитализме.

Однако, если производственные отношения не представляют пассивного рефлекса производительных сил, если они, в свою очередь, активны и вообще их соотношение с производительными силами далеко не является таким упрощенным, как это рисовалось товарищам механистам, то это отнюдь не значит, что нет *границы* в этой диалектике производительных сил и производственных отношений. Мы должны проанализировать, какие изменения в производственных отношениях возможны при данном состоянии производительных сил и какие изменения в производительных силах должны быть произведены для того, чтобы закрепить новую систему производственных отношений.

Возьмем напр. проблему коллективизации нашего сельского хозяйства, т. е. ту проблему, которая вызвала у нас больше всего уклонов, загибов и перегибов. Можно ли сказать, что бурный рост коллективизации, перелеснувший все наши предположения в предыдущем году, когда еще не было никаких перегибов, что этот рост коллективизации, т. е. изменение в системе производственных отношений, не базировался на изменении в состоянии наших производительных сил? Этого сказать нельзя, потому что, если бы не значительный рост нашей индустрии на протяжении последних лет, то нельзя было бы получить в сельском хозяйстве такую волну коллективизации. Однако, нельзя представлять себе дело таким образом, что система производственных отношений только фотографически отразила этот рост наших производи-

тельных сил. В силу присущей ей внутренней закономерности развития, она сделала возможным гораздо более значительный рост коллективизации. Надо сказать, что одним из результатов философской и экономической дискуссии явилось признание имманентного развития системы производственных отношений в рамках данных производительных сил. Вот эта-то внутренняя закономерность развития системы производственных отношений при данном уровне производительных сил значительно расширила возможности коллективизации.

Но тут то и встал вопрос о границах. Система производственных отношений есть активная форма. Она имеет в рамках данных производительных сил возможность имманентного движения. Поэтому, смешно было думать, что только там можно создавать коллектив, где есть трактор. Но процесс коллективизации в ряде районов перешел за рамки того, что было возможно при данном имманентном развитии производственных отношений и при существующем уровне производительных сил. Когда коллективизация перелеснула через имманентное развитие производственных отношений (при данном уровне производит. сил), тогда начались перегибы, т. е. процесс изменения производственных отношений стал уже незакономерным и был осужден на ряд провалов.

Итак, если мы будем иметь в виду диалектическое соотношение производительных сил и производственных отношений, а также и границы этой диалектики, то станет понятным, что в нашей социалистической реконструкции мы вовсе не должны каждый шаг изменения производственных отношений обуславливать предварительным изменением производительных сил — это была бы механистическая точка зрения; но вместе с тем мы должны каждый шаг, который мы делаем в области изменения производственных отношений, ограничивать теми внутренними возможностями развития производственных отношений, которые существуют при данном состоянии производительных сил, при данном состоянии производственных отношений, как активной формы с имманентным движением, при данном состоянии надстроек, потому что тут и надстройки играют значительную роль, и т. д.

Отсюда следует, что каждый шаг, который мы делаем в области изменения производственных отношений, опираясь на их имманентное движение, мы обязаны закреплять соответственным изменением производительных сил, т. е. подводить новый базис производительных сил под новую систему созданных нами производственных отношений. Этим путем мы не только закрепляем достигнутое состояние производственных отношений, но и создаем возможность нового имманентного движения производственных отношений дальше.

Таким образом, правильное понимание проблемы не только позволяет нам устраивать колхозы там, где еще нет трактора, но вместе с тем требует подведения под эти колхозы новой тракторной базы. Ибо совершенно очевидно, что когда мы подводим тракторную базу под те коллективы, которые созданы на основе простого сложения крестьянских средств производства, в силу имманентного развития производственных отношений, то тем самым мы создаем возможность дальнейшего движения системы производственных отношений.

Мне думается, что нам, экономистам, необходимо научиться трактовать с точки зрения широких категорий исторического и диалектического материализма то, что мы хорошо трактуем с точки зрения узко-экономической и политической. В этой связи я позволю себе выступить против двух взглядов, которые фигурировали здесь на первом заседании.

Первый из этих взглядов, по сути дела, сводил производительные силы к личному фактору, к живой рабочей силе. С этим нельзя согласиться. Производительные силы мы рассматриваем, как единство живой рабочей силы и техники. Нельзя недооценивать технику, как составную часть производительных сил. Такая недооценка может привести и к вредным политическим ошибкам. Ведь мы во имя развития техники идем сейчас на огромные жертвы, мы идем на самоограничение в области потребления. Это сознательно делается именно для того, чтобы единство производительных сил не было нарушено, чтобы обеспечены были необходимые границы в диалектике производительных сил и производственных отношений.

Другую ошибку допустили в своем выступлении т. Кузнецов. Вначале он сделал ряд правильных заявлений обще-теоретического характера. Но в дальнейшем он подменил производительные силы техникой. Это, конечно, неправильно. Если речь идет о нашем реконструктивном периоде, то подобного рода подмена ведет к недооценке проблемы кадров, проблемы личного фактора производительных сил, т. е. той проблемы, с которой мы сейчас столкнулись чрезвычайно болезненно.

В заключение я должен сказать, что быть может те формулировки, которые я давал по вопросу о взаимоотношении между производительными силами и производственными отношениями недостаточного точны и не совсем удачны. Но если в результате этого найдутся желающие поднять знамя либо Рубина, либо Кона, то смею вас заверить, мы сумеем дать надлежащий отпор всяким попыткам пропагандировать с трибуны Комкадемии взгляды, которые все мы единодушно признаем ошибочными.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВА. МАРТЫНОВА

Товарищи! Я взял слово для разъяснения и защиты того, что я написал в № 2—3 «Под знаменем марксизма» в статье о «Теории подвижного равновесия общества и взаимоотношения между обществом и внешней средой». В этой статье я останавливаюсь, между прочим, на проблеме отношения между производительными силами и производственными отношениями. Т. Кривцов упрекнул мою статью в абстрактности и схоластичности. Я должен сказать, что статья моя была написана еще в ноябре и преследовала отнюдь не абстрактную, а определенно политическую цель: дать критику истмата т. Бухарина и показать, что оппортунистические ошибки, которые т. Бухарин делал как в оценке мирового капитализма, так и в оценке советской экономики, тесно увязываются с неправильной методологией т. Бухарина. Я в своей статье не касался тех проблем, которых коснулся т. Кривцов (о характере организации труда и живой рабочей силы в реконструктивный период), но это прямого отношения к критике методологических корней оппортунистических ошибок т. Бухарина не имеет, а я именно этой критике и посвятил мою статью. Есть, конечно, много жизненных, важных тем, которых я не касался в этой статье, но отсюда не следует, что статья моя носила «схоластический» характер, ибо цель моя была политическая, и я делал политические выводы.

Теперь вопрос—правильна ли та точка зрения, которую я развивал в статье. Я искал корней бухаринской теории равновесия общества и нашел, что корни ее заключаются в неправильном понимании основных понятий Маркса о производительных силах и производственных отношениях. Хотя статья моя писалась в ноябре прошлого года, т. е. до того, когда разрешился

конфликт между нашими экономистами, но я уже тогда указывал, что исходная точка зрения т. Бухарина есть точка зрения общая для двух спорящих групп наших экономистов, и что эта точка зрения *неправильна*. Эта исходная точка зрения заключается, прежде всего, в сведении производительных сил к технике. Отсюда рубинцы делали тот вывод, что производительным силам нет места в политэкономии. Этот вывод неверен, ибо производительные силы *не сводятся* к технике. Маркс недаром посвятил ряд глав первого тома «Капитала» таким явлениям, как кооперация, мануфактура, фабрика, являющимся производительными силами общества. Выбросив из политэкономии производительные силы, рубинцы пришли к диалектическому саморазвитию идеи, т. е. к идеалистической немарксистской политэкономии. Механисты, с другой стороны, исходя из того же положения, что производительные силы сводятся к технике, включали их в политэкономии *именно как технику*. В результате у них получилось скатывание с диалектики на механизм. Вот эта точка зрения была исходной и у т. Бухарина.

По Бухарину, противоречие между производительными силами и производственными отношениями есть противоречие между «техникой» и «экономикой», или между «внешней средой» (техника есть внешняя среда) и «обществом». Отсюда и выросла бухаринская теория общественного равновесия.

Что такое производительные силы по Марксу? Маркс говорил, что их можно рассматривать с двух точек зрения. Такое утверждение кажется т. Разумовскому подозрительным. Но я иду по стопам Маркса, который писал: «Состав капитала можно рассматривать с двух точек зрения. Рассматриваемый со стороны *стоимости* состав (капитала) определяется тем отношением, в котором капитал распадается на постоянный капитал... и переменный капитал... Рассматриваемый со стороны *материала*... всякий капитал делится на средства производства и живую рабочую силу»¹. В первом смысле Маркс говорит об «органическом составе капитала», во втором смысле—о «техническом составе капитала».

Производительные силы Маркс тоже рассматривает с двух сторон—со стороны материальной, обращенной к природе, и со стороны общественной, обращенной к обществу. Со стороны материальной, по Марксу, даже «сам человек, рассматриваемый просто, как бытие рабочей силы, есть предмет природы, вещь, хотя и живая, сознательная вещь, а самый труд есть вещественное проявление этой силы»².

Когда Маркс хочет дать материалистическое объяснение общества, он рассматривает производительные силы с их материальной стороны, как технику, которая является материальным базисом общества. Маркс совершенно определенно говорит: «Не заслуживает ли такого же внимания (как история естественной технологии) история образования производительных органов общественного человека, история этого материального базиса каждой особой общественной организации»³. Подходя к производительным силам с этой же материальной стороны, Маркс строил и свою теорию примата производства в экономике и свою теорию базиса и надстроек.

Но когда Маркс хочет объяснить диалектическое развитие общества, то он рассматривает другую сторону производительных сил,—их общественную

¹ «Капитал», т. I, изд. 1925, с. 600—601.

² Там же, с. 174.

³ Там же, с. 349.

сторону. Я в своей статье цитировал ряд высказываний Маркса о том, что разделение труда и кооперация—тоже производительные силы. Но в то же время разделение труда и кооперация суть по Марксу производственные отношения, а именно тот вид производственных отношений, который в отличие от антагонистических, социально-экономических отношений можно назвать технически-трудовыми.

И вот если мы хотим понять диалектическое развитие общества, то мы должны подойти к производительным силам с этой стороны дела. Мы должны изучать ту сторону производительных сил, которую они обращены к обществу, мы должны изучать организацию труда, обобществление труда и т. д. Только с этой точки зрения мы поймем основную движущую силу общества, которая заключается в противоречии между производительными силами и производственными отношениями, между обобществлением труда и частной собственностью на средства производства. Это есть противоречие между трудовыми производственными отношениями (которые составляют одну сторону производительных сил) и между антагонистическими производственными отношениями (которым соответствуют имущественные производственные отношения). Это противоречие есть внутреннее противоречие в производственных отношениях. Поэтому Энгельс и говорил, что *основное* противоречие капиталистического общества есть противоречие между общественным характером труда и частной собственностью на средства производства.

Вот каким образом производительные силы увязываются по Марксу и Энгельсу с производственными отношениями.

Т. Разумовский упрекнул меня в том, что моя точка зрения есть точка зрения статическая, что все дело в постоянном диалектическом переходе производительных сил в производственные отношения и обратно.

Очевидно, т. Разумовский слишком бегло читал мою статью, так как в ней я развиваю именно точку зрения единства противоположностей и конкретно указываю переходы одной противоположности в другую.

Что касается т. Кривцова, то тут уже дело не только в том, что т. Кривцов недостаточно внимательно прочитал мою статью, а в том что т. Кривцов недостаточно внимательно относится к методологии марксизма. Тов. Кривцов говорил в своем вступительном слове: «*Всякая общественно-экономическая формация представляет собою единство производительных сил, которые являются в виде соединения массы живой рабочей силы со средствами производства. Но это единство полно противоречий. Это единство живой рабочей силы со средствами производства, это соединение носит антагонистический характер. Мы здесь имеем пример единства противоположностей*». Эта формулировка неправильна: надо было бы сказать—единство производительных сил и производственных отношений есть единство противоположностей. Если мы возьмем напр. капитализм или феодализм, то там не соединение рабочей силы со средствами производства, не производительные силы несут антагонистический характер, а социально-экономические производственные отношения. По т. Кривцову противоречие имеется внутри производительных сил—между средствами производства и рабочей силой. Я тут никакого противоречия и никакого антагонизма не вижу.

Перехожу к другому вопросу. Я считаю, что т. Кривцов не совсем верно критикует Бухарина по вопросу о том, можно ли искать элементы нового общества в производственных отношениях старого. Поскольку т. Кривцов утверждает, что сведение смены одной формации другой к механической

«перегруппировке производственных отношений» оппортунистично, я совершенно согласен с ним. Но отсюда нельзя делать тот вывод, что вообще нельзя искать элементов нового общества в старом. Разве в феодальном и полуфеодальном обществе не было элементов капиталистического общества? Товарное хозяйство, денежное хозяйство, торговый капитал, мануфактура и т. д.—что это—не элементы капиталистического общества? В феодальном или полуфеодальном обществе уже существовал могущественный класс буржуазии. Значит ли это, что должно было произойти мирное вращение феодализма в капитализм? Совсем не значит, потому что развивающимся элементам капитализма на известной ступени развития становится невыносимо тесно в рамках феодального общества, так что для того, чтобы они могли дальше развиваться, необходима буржуазная революция.

Пролетарская революция тем отличается от всех прошлых революций, что там мы имели лишь смену одного классового общества, основанного на эксплуатации, на другое, а тут мы имеем такой скачек, которого еще не знала история (уничтожение всякой эксплуатации). Поэтому ясно, что в рамках капитализма не могут развиваться социально-экономические производственные отношения, свойственные социализму. Те, которые думают, что в рамках капитализма может развиваться напр. «муниципальный социализм» или «кооперативный социализм», конечно, оппортунисты. Но надо помнить, что и в рамках капитализма происходит не только рост техники: в рамках капитализма развиваются также такие *технически-трудовые* производственные отношения, которые могут *расцвести* только при социализме. Не понимают этого только те, которые не видят разницы между технически-трудовыми и социально-экономическими производственными отношениями. Что такое рост акционерных обществ, картелей, трестов, элементов госкапитализма и т. д.? Энгельс по этому поводу говорит следующее: «Они не разрешают противоречий капитализма, но они заключают в себе формальное средство, возможность их разрешения». А что говорит Ленин о монополии при империализме? Ленин говорит, что монополии не могут, конечно, перестроить капитализма, не могут устранить обмена, конкуренции, кризисов. Но вместе с тем Ленин указывает, что монополия и конкуренция—это два противоречащих друг другу начала и что именно это соединение противоречивых начал конкуренции и монополии (свойственное империализму) подготавливает социалистическую революцию.

Итак, при монополистическом капитализме создаются такие элементы организованности, которые находятся в противоречии с самой природой капитализма, с его анархической природой. В рамках капитализма развиваются такие формы обобществления труда, которые делают класс капиталистов ненужным. Поэтому нужно сказать, что в рамках старой общественной формации могут образоваться элементы новой, причем эти элементы не только не ведут к мирному вращению, не только не устраняют необходимости революции, но наоборот приближают эту революцию.

Возвращаясь к вопросу о понимании производительных сил. Я уже говорил, что производительные силы имеют двойственный характер. Если мы будем рассматривать производительные силы только как технику и введем ее, как технику, в политэкономии, то мы скатимся к социал-демократической точке зрения экономического фатализма. Если мы будем рассматривать их *только* как организацию труда, мы скатимся к идеализму, к субъективной социологии, к авантюризму и всякого рода «левым» загибам. Производитель-

ные силы это есть техника, с одной стороны, а с другой стороны, это есть известная общественная организация труда, известные трудовые производственные отношения, которые, по мере развития производительных сил, приходят во все большее противоречие с социально-экономическими производственными отношениями данного классового общества.

Вот все, что я хотел сказать. По моему мнению, главная наша задача заключается, конечно, не в том, чтобы заниматься абстрактной методологией, а в том чтобы найти нить в лабиринте нашей политической жизни, руководство к нашей революционной борьбе. Но для того, чтобы мы могли приложить нашу теорию к практике и прежде всего к нашей современной советской экономике, чтобы понять закономерности нашей советской экономики, нам необходимо наше теоретическое оружие держать отточенным и пользоваться правильной методологией, настоящей марксистско-ленинской методологией.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВ. АРУТЮНЯЦА

Тов. Вышинский был в известной мере прав, указав на опасность выпячивания активности формы. Сегодняшнее выступление т. Мотылева чрезвычайно любопытно для характеристики той путаницы и той опасности, которую порождает среди некоторых наших экономистов жонглирование диалектическими категориями, ими недостаточно осмысленными. Хотя т. Мотылев и закончил свою речь угрозы по адресу рублиновцев, сам он в значительной мере разводил здесь рублиновщину, не подозревая этого и будучи даже убежден, что он выступает против рублиновщины. Не трудно показать, что т. Мотылев, по существу, стоит на почве той путаницы, которую у нас породила рублиновщина.

Тов. Вашихмадзе мимоходом затронул очень важный вопрос об опасности отворачивания от теории, об опасности схоластики в наших рядах и т. д. Схоластика идет прежде всего от тех товарищей, которые, находясь в обстановке огромного внимания к диалектике, употребляют диалектические категории без умения вложить в них действительный конкретный смысл. Примером такой опасности схоластики может служить и выступление т. Мотылева. Последний сказал, что он хочет конкретные вопросы сегодняшнего дня возвести в категории исторического и диалектического материализма. Но он эти конкретные вопросы возвел совсем не в те категории, в каких их можно было бы осмыслить. Поэтому получилось извращение и конкретных вопросов и тех категорий, которыми он пользовался.

Диалектическое мышление отличается чрезвычайной сложностью. Те товарищи, которые не вполне еще осмыслили диалектику, легко впадают в простое жонглирование ее категориями, а это естественно приводит к пустой схолистике. Основной вывод заключается тут не в отворачивании от теории, а в углубленном изучении теории диалектики. Я бы даже внес некоторое экстравагантное предложение: запретить употреблять диалектические категории всем тем, кто еще не знает диалектики. В этом случае мы лишились бы, правда, 75% так называемых диалектиков, но это послужило бы на пользу делу.

Один из основных грехов экономической дискуссии заключался, как известно, в непонимании категорий производительных сил и производственных отношений. Сейчас считается как будто общепризнанным, что производительные силы и производственные отношения необходимо брать в их единстве,

что это есть единство противоположностей и что их соотношение нужно мыслить в категориях содержания и формы. С другой стороны ясно, что и рублиновцы, и коновцы-бессоновцы одинаково рассматривали производительные силы и производственные отношения, как две обособленные сущности, с той только разницей, что рублиновцы одну из них переносили в особую науку, тогда как их противники втискивали обе эти обособленные сущности в одну науку.

Философская дискуссия со всей ревкостью поставила вопрос о необходимости осмыслить методологию отдельных конкретных областей науки. Только в этом смысле можно считать экономическую дискуссию продолжением философской, но отнюдь не в том смысле (как это думают некоторые экономисты), будто в экономической дискуссии на одной стороне фигурировали механисты, а на другой—диалектики. В экономической дискуссии мы имеем типичный пример того, как два одинаково механистических лагеря оказались неспособными осмыслить в диалектических категориях область своей науки. Я считаю, что главная опасность схоластики идет не от философов, а из окружения, из смежных научных областей, представители которых во что бы то ни стало хотят показать, что они диалектики, и потому и к месту и не к месту орудуя диалектическими категориями.

Тов. Мотылев развивал здесь точку зрения имманентных закономерностей, присущих производственным отношениям отдельно от производительных сил и производительным силам отдельно от производственных отношений.

Таким образом получается отрыв производственных отношений от производительных сил. И если он при этом употребляет термины: «форма» «содержательная форма», «формированное содержание» и т. д.—то это употребление терминов его ни к чему не обязывает и вносит лишь путаницу, обнаруживая непонимание того, что такое форма и содержание, или, в лучшем случае, чисто кантианское, рублиновское толкование формы и содержания. Правильное понимание формы и содержания несовместимо с признанием самостоятельных закономерностей, приписываемых тому, что названо «содержанием», и особых закономерностей, приписываемых самой форме, независимо от содержания.

Тов. Мотылев подчеркивал, что форма активна. Выходит, что форма активна, а содержание пассивно. Это, конечно, неверно. Активность формы—это не больше, чем деятельность самого содержания. Особую активность формы выдумали рублинцы, в частности т. Борилин. Это им нужно было для того, чтобы в политической экономии рассматривать производственные отношения совершенно независимо от производительных сил.

Говоря, что нет содержания без формы и нет формы без содержания, мы хотим сказать, в применении к интересующему нас вопросу, что нет производительных сил вне производственных отношений и нет производственных отношений вне производительных сил. Это значит, что они составляют *единство противоположностей*.

Что же проделывает хотя бы Борилин с этими категориями? У него получается, что производственные отношения как содержательная форма имеют свое особое содержание, совершенно независимо от производительных сил, а производительные силы как оформленное содержание имеют свою особую форму, независимо от производственных отношений. Таким образом, начиная как будто с единства производительных сил и производственных отношений, т. Борилин приходит к полному отрыву их друг от друга, забывая

что производственные отношения были названы «формой» вполне определенного «содержания» — производительных сил.

Своей «диалектикой» формы и содержания т. Борилин хочет показать, что политическая экономия имеет свой вполне определенный объект — производственные отношения как некоторую «содержательную форму». Если Рубин все-таки считал нужным как-то апеллировать к производственным силам, то Борилин, под видом критики Рубина, отстаивает рубинскую позицию лучше самого Рубина, да еще в добавок при помощи вполне «диалектической» мотивировки. На самом же деле здесь происходит самое грубое непонимание того, каким образом соотношение формы и содержания применяется к производственным силам и производственным отношениям.

То же самое, по сути дела, мы имеем и у т. Мотылева. Он утверждает самостоятельную имманентную закономерность развития производственных отношений независимо от производительных сил, хотя он и устанавливает некоторые границы этого имманентного развития. У т. Мотылева получилась лестница с разными ступеньками: забежали вперед производственные отношения (в силу присущей им имманентной закономерности), затем их догнали производительные силы; далее снова — имманентный рост производственных отношений, а потом снова их догоняют производительные силы и т. д. В результате получается совершенно механистический отрыв производительных сил от производственных отношений. При этом, когда т. Мотылев говорит, что определенное имманентное развитие производственных отношений должно быть закреплено соответственным развитием производительных сил, то здесь под производительными силами он явным образом понимает *технику* и только технику, так что упре, брошенный им т. Кузнецову относительно подмены производительных сил техникой, должен быть обращен также и против самого т. Мотылева.

Тов. Мотылев допустил еще одну бессознательную подмену понятий: говоря об «активности» формы, он по существу дела говорил не о производственных отношениях, а о роли надстроек в развитии базиса.

Все это получилось в значительной степени вследствие неправильного понимания диалектических категорий формы и содержания. Как же нужно понимать эти категории в применении к проблеме производительных сил и производственных отношений? Мне кажется, что дело тут не только в том, что нет производительных сил вне производственных отношений и обратно: проблему нужно поставить глубже в соответствии с тем, что говорит Маркс: «Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но находясь в состоянии отделения одних от других, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры»¹.

Что вытекает из этого важнейшего положения Маркса? Когда мы говорим о производительных силах, мы говорим о средствах производства и о рабочей силе. Но ни средства производства, ни рабочая сила в отдельности не являются производительными силами в интересующем нас смысле. Не являются ими и простая сумма средств производства и рабочей силы. Средства производства и рабочая сила, взятые в отдельности — это лишь *потенциаль-*

ные факторы производства. Только тот специфический способ соединения этих факторов, который характерен для данной общественной формации, дает нам то, что мы называем производительными силами в собственном смысле и одновременно дает нам и то, что мы называем производственными отношениями, потому что отношение людей к орудиям производства немисливо вне отношений их друг к другу и всегда обусловлено определенными отношениями их друг к другу. В этом и заключается единство производительных сил и производственных отношений. Элементами производительных сил или, как их называет Маркс, потенциальными факторами производства являются средства производства, с одной стороны, рабочие руки — с другой стороны. Только их соединение дает производительные силы данной формации в их движении, но в то же время, как это ясно из цитаты, специфический способ их соединения дает и производственные отношения, характерные для данной эпохи. Таким образом производительные силы, взятые вне тех или иных производственных отношений, не могут рассматриваться как производительные силы: они распадаются на потенциальные факторы производства, на материал, из которого составляются производительные силы.

Поэтому мы и имеем право применять здесь гегелевские категории формы и содержания. Содержание здесь невозможно вне формы в том смысле, что *форма есть внутренняя структура самого содержания*, специфический способ связи или соединения элементов, составляющих содержание. Если вы отнимете форму, содержание рассыпется на свои элементы, распадется на свой материал, т. е. перестанет существовать как содержание. Производительные силы, взятые вне производственных отношений, как их формы, вне этого специфического соединения, которое дает экономическую структуру, рассыпаются на те потенциальные факторы производства, о которых говорит Маркс.

Вот как надо понимать единство производительных сил и производственных отношений, и вот почему мы считаем необходимым бить экономистов, отрываютых производительные силы от производственных отношений и превращающих их в самостоятельные обособленные сущности.

Теперь я перехожу к вопросу о том, как же развиваются производительные силы в данной форме производственных отношений. Этому вопросу Маркс посвящает весь 4-й отдел I тома «Капитала». Здесь идет речь о кооперации, мануфактуре, развитии машин и т. д. Эти главы чрезвычайно ценны, между прочим, и в том отношении, что они сразу же разбивают технологический взгляд на производительные силы. Как известно, Маркс называет здесь уже кооперацию и мануфактуру производительной силой капиталистического общества. При этом Маркс указывает, что на первой стадии своего развития кооперация характеризуется тем же ремесленным инструментом, каким характеризовалось ремесленное мелкоотоварное производство. Но новая расстановка рабочей силы при старом орудии производства дает уже новые производительные силы, производительные силы капиталистического общества.

Аналогичное явление мы имеем в процессе коллективизации нашего сельского хозяйства. Это не «имманентно» забежавшие вперед производственные отношения, как думает т. Мотылев, а определенные новые производительные силы в том же смысле, в каком ими была кооперация и мануфактура: изменение в одном из факторов производства (в рабочей силе) дает уже и новые производительные силы.

С простой кооперации у Маркса начинается целая диалектика элементов производительных сил. Чрезвычайно интересно проследить эту диалектику

¹ „Капитал“, т. II, изд. 1927, с. 10.

хотя бы в самых общих чертах. Маркс показывает, как от новой организации рабочей силы при старых инструментах происходят неизбежные изменения в самих этих инструментах. Напр. с развитием мануфактурного производства в одном только Бирмингеме стали производить до 500 разновидностей молотков. Инструменты чрезвычайно дифференцируются под влиянием того исключительного разделения труда, которое характерно для мануфактуры.

Далее Маркс показывает, как дифференциация инструментов ведет к дальнейшей дифференциации функций каждого отдельного рабочего. Это приводит к такому упрощению движений отдельного рабочего, что сама собой напрашивается замена этих рабочих механическим приспособлением. Таким образом мы приходим к созданию машин и крупного машинного производства.

Возникновение машин в свою очередь вызывает ряд дальнейших изменений: возникнув на основе изменений в рабочей силе (расщепление производственного процесса, дифференциация труда, упрощение отдельных функций), машины производят грандиозный переворот в этой самой рабочей силе. Машинны выбрасывают из производства ту квалифицированную рабочую силу, которая требовалась ремесленному производству; они расширяют возможность вовлечения новой рабочей силы в производство, вовлекают в производство женский и детский труд.

Таким образом Маркс прослеживает здесь, как в определенной общественной форме происходит своеобразная внутренняя диалектика элементов производительных сил или факторов производства. Другими словами, Маркс развертывает перед нами картину развития производительных сил как содержания, через изменение его элементов, оформленных в содержание данными производственными отношениями.

А что развивал перед нами в прошлый раз т. Кузнецов под видом анализа производительных сил и производственных отношений в реконструктивный период? Тов. Кузнецов говорил о том, что новая организация рабочей силы, выражающаяся в социалистическом соревновании, в ударных бригадах, в производственных коммунах, обратно влияет на самый процесс производства, совершенствуя технику, вводя конвейеризацию, упрощая труд отдельных работников и т. д. Таким образом по сути дела т. Кузнецов пытался здесь проанализировать диалектику рабочей силы и техники в условиях переходного периода, а вовсе не взаимоотношение между производительными силами и производственными отношениями.

Та же самая подмена получилась и у т. Мотылева, когда он указывал, что коллективизация неизбежно должна повлечь за собой развитие техники, тракторизацию и т. д. Тов. Мотылев запутал вопрос, рассматривая все это не как имманентную диалектику элементов производительных сил в данных производственных отношениях, а как какое-то самостоятельное движение производственных отношений, подтягивающее затем под себя производительные силы и т. д.

Так, по-моему, обстоит дело с развитием производительных сил как содержания, поскольку мы рассматриваем производительные силы и производственные отношения как единство содержания и формы.

Как же надо мыслить *противоречия* между производительными силами и производственными отношениями?

Говоря о производственных отношениях, мы прежде всего должны подчеркнуть *внутреннюю двойственность* этих отношений, на которую указывали

и Маркс, и Энгельс, и Плеханов: производственные отношения как отношения непосредственных производителей в процессе производства, и производственные отношения как имущественные отношения. Противоречие производительных сил и производственных отношений выражается для капиталистического общества в противоречии между общественным характером производства и индивидуальным характером присвоения (Энгельс), т. е. выражается как раз во внутреннем противоречии тех своеобразных сторон, которые характеризуют двойственность исторически данных производственных отношений.

Об этом уже говорили и т. Вашихмадзе, и т. Турецкий, который на примере кризисов иллюстрировал то положение, что противоречие между производительными силами и производственными отношениями выражается как внутреннее противоречие данной общественной формы: капиталистическая форма производства, с одной стороны, неизбежно должна развивать производительные силы, а с другой стороны, является препятствием для их дальнейшего развития.

О двойственном характере производственных отношений говорил и т. Мартынов, проводя различие между «технически-трудовыми» и «социально-экономическими» производственными отношениями. Но т. Мартынов несколько односторонне подчеркивал связь технико-трудовых отношений только с развитием производительных сил. Тов. Мартынов прав, рассматривая технико-трудовые отношения как своеобразный мост между производительными силами и производственными отношениями, поскольку трудовые отношения входят и в производительные силы и в то же время являются и отношениями между людьми, т. е. производственными отношениями. Но надо сказать, что в условиях капиталистического способа производства эти трудовые отношения не являются непосредственным выражением степени развития производительных сил. Маркс это очень хорошо показывает в том же 4-м отделе I тома «Капитала».

Выше я пытался в самых беглых чертах передать мысли Маркса о том, как возникла крупная машинная промышленность в результате мануфактурного разделения труда, дифференциации инструментов, упрощения рабочих функций и т. д. Что же происходит после возникновения крупной машинной промышленности? Маркс считает, что то разделение труда, которое имело место в мануфактуре, органически было связано с мануфактурным производством, но оно не может быть свойственно и не должно быть свойственно крупной машинной промышленности, которая постоянно революционизирует существующие формы производственных процессов, производя постоянные перевороты в техническом базисе производства. Между тем, указывает Маркс, капиталистический способ производства навязывает машине старое мануфактурное разделение труда, навязывает крупной машинной промышленности несвойственные ей трудовые отношения. Маркс пишет: «Природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение функций, всеобщую подвижность рабочего. С другой стороны, в своей капиталистической форме она воспроизводит старое разделение труда с его застывшими специальностями. Мы видели, как это абсолютное противоречие уничтожает всякий покой, устойчивость, обеспеченность жизненного положения рабочего, постоянно угрожает вместе со средствами труда выбить у него из рук средства существования и вместе с его частичной функцией сделать излишним и его самого; как это противоречие ведет к чудовищному факту возникновения промышленной ре-

зержной армии, которая должна существовать в нищете, чтобы всегда быть готовой к услугам капиталистического спроса; как оно находит свирепое выражение в непрерывных гекатомбах рабочего класса»¹ и т. д.

Таким образом для Маркса здесь основным противоречием является противоречие между постоянной переменной труда, которую требует машинный способ производства, и старым мануфактурным разделением труда, которое капиталист в своих интересах навязывает машинному способу производства. Вот в чем в данном случае находит свое выражение противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Маркс показывает, как это требование постоянной перемены труда, а значит и всесторонне развитого рабочего, машина пытается осуществить явочным порядком, перебрасывая рабочую силу из одной отрасли производства в другую, причем определенная часть рабочего класса выбрасывается в резервную армию капитала.

Маркс пишет: «Если перемена труда теперь пролагает себе путь только как непреодолимый закон природы и со слепой разрушительной силой закона природы, который повсюду наталкивается на препятствия, то с другой стороны, сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, за всеобщий закон общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения. Она как вопрос жизни и смерти ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде»²... И Маркс указывает, что осуществить это можно только через революцию.

Итак, мы говорим о единстве производительных сил и производственных отношений как о единстве содержания и формы, но не в том банальном смысле, как это развивал здесь т. Мотылев. Мы должны резко бороться против той банальной трактовки этого единства, которая, прикрываясь гегелевской терминологией («содержательная форма» и «оформленное содержание») по существу дела приводит к рубинщине, к точке зрения социальной школы, к отрыву производственных отношений от производительных сил.

Я старался показать, в чем именно заключается единство содержания (производительные силы) и формы (производственные отношения): само содержание, взятое вне формы, рассыпается на свои элементы (потенциальные факторы производства).

Далее я старался показать, в чем выражается противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Мы знаем из Ленина, что всякое единство противоположностей развивается через разделение единого и борьбу противоречивых сторон его. Поэтому нужно уметь вскрывать своеобразную двойственность самого содержания, которая выражается в двойственности производственных отношений. Как развивается противоречие между производительными силами и производственными отношениями, скажем, в феодальном обществе? Происходит это так, что в недрах самого феодального общества дальнейший процесс развития производительных сил порождает новые производственные отношения, порождает мануфактуру,

¹ «Капитал», т. I, изд. 1925, с. 468.   §§

² Там же, с. 468—469.

крупную форму домашней промышленности и т. д., и порождает носителей этих новых производственных отношений. Противоречие между производительными силами и существующими производственными отношениями находит свое выражение в борьбе старых производственных отношений, закрепленных всей надстройкой, и нарастающих новых производственных отношений. Носителями этих производственных отношений являются *классы*. Таким образом противоречие между производительными силами и производственными отношениями находит свое выражение в своеобразном удвоении производственных отношений, в борьбе между старыми и новыми отношениями, т. е. в классовой борьбе, в революции.

В каждой формации это происходит по-разному. В феодальном обществе, где основными классами являются феодалы и крепостные крестьяне, это противоречие, которое приводит его к гибели, развивается не по линии борьбы крепостных с феодалами, а по линии возникновения в недрах феодального общества нового, капиталистического способа производства, вступающего в борьбу со старым способом производства. В капиталистическом же обществе основное раздвоение производственных отношений получается не как внешнее капиталистическому способу производства, а как раздвоение внутри самого этого способа производства.

К сожалению, мое время истекло, а я не успел еще почти ничего сказать о нашем реконструктивном периоде. Если то, о чем я говорил, применить к конкретным вопросам нашего реконструктивного периода, напр. к вопросам коллективизации, то мы должны будем сказать, что коллективизация создает у нас новые производительные силы в деревне. Но, как это должно быть ясно из сказанного, коллективизация, будучи изменением в рабочей силе, неизбежно должна повлечь за собой изменения в технике. Здесь нет того, о чем говорил т. Мотылев, нет взаимодействия между производительными силами и производственными отношениями с их «перегонками», а здесь есть своеобразное развитие производительных сил внутри данных производственных отношений, характерных для нашей страны пролетарской диктатуры¹.

¹ Стенограмма дискуссии дается в сокращенном виде.

Выступление т. Новикова и заключительное слово т. Кривцова не могли быть помещены, в виду того, что в редакцию не возвращены посланные для проверки стенограммы.

ПСИХОТЕХНИКА В РЕКОНСТРУКТИВНЫЙ ПЕРИОД

Доклад И. Н. Шпильрейна, прочитанный в подсекции техники 2/ХП—1929 г.¹

Среди группы психологических наук психотехника занимает особое положение, т. е. она больше чем какая-либо другая психологическая дисциплина связана с науками техническими, рационализаторскими и социальными. Поэтому на психотехнике, больше чем на какой бы то ни было области психологических наук, отражаются те изменения, которые вносит собой в нашу социальную и научную жизнь период реконструкции.

Мы различаем три периода в истории нашей рационализации, причем рационализаторская наша работа идет в основном по трем линиям: рационализация труда, рационализация техническая, рационализация экономическая. Нас сегодня интересует только первая линия.

Первый период, когда у нас впервые начались разговоры о рационализации, которая тогда называлась научной организацией труда или НОТ, можно считать приблизительно от первой конференции по научной организации труда на грани 1920—1921 годов и почти до второй конференции в 1924 г. В этот период вопросы труда занимали центральное место. Больше всего и прежде всего говорилось о том, каким образом стимулировать производительность труда, как ликвидировать то катастрофическое падение производительности, которое наблюдалось в 1920/1921 году. Под знаком этой постановки вопроса происходила первая конференция по НОТу. На ней столкнулись два основных течения: тейлористы и антейлористы. Тейлористы полагали, что поднять производительность труда возможно, апеллируя к материальной заинтересованности рабочего, в конкуренции между рабочими, одним словом, применяя методы, которые были разработаны Тейлором. Как антипод этого течения выступали антейлористы, возглавляемые О. Е. Ерманским. Ерманский выступал против чрезмерной нагрузки рабочего и апеллировал к тому, чтобы при интенсификации труда считались с оптимумом, т. е. с таким пределом интенсивности труда, при котором рабочий будет, в наименьшей степени утомляясь, производить максимальное количество ценностей. Ерманский убеждал, что достигнутый уже тогда уровень знаний позволяет установить такой оптимум.

¹ Доклад г. Шпильрейна, а также прения по этому докладу печатаются здесь в сокращенном виде. Полный текст вышел отдельной брошюрой в издании Ком. академии.

Как то, так и другое течение в одинаковой степени апеллировали к повышению производительности труда индивидуального рабочего. Как то, так и другое течение ограничивались методами стимуляции, ничего общего не имеющими с марксистской организацией труда, не учитывали особенностей советского строя и социалистического производства и оставались индивидуалистическими в своей основе. Именно поэтому Ерманский и Гастев оставались по существу противоположностями, которые именно потому и сталкивались резко всего, что боролись в одной и той же плоскости.

На первой конференции по НОТу было два доклада, посвященных вопросам психотехники, профессионального подбора, а именно — доклады профессоров Челпанова и Эвергетова. Оба эти доклада сообщали только об иностранных достижениях, как об интересном факте, а не как о событии, которое имеет какое-либо касательство к нашей производственной практике. И весь последующий за первой конференцией по НОТу период практической работы по рационализации по существу был периодом, когда вопросы интенсификации труда и привлечения рабочих на фабрику стояли в центре внимания. Но эти вопросы оставались академическими до тех пор, пока оплата труда рабочего была значительно меньше его прожиточного минимума. Поворотным пунктом было введение нэпа, который дал возможность поднять производительность труда и трудовую дисциплину.

Но как только на основе возросшего коэффициента полезности труда оказалось возможным строить рационализаторскую практику, так немедленно возникли вопросы о том, чем же отличается наша рационализация от рационализации капиталистической. И вокруг этих вопросов разгорелась борьба за специфические формы советской рационализации. Прежде всего пришлось доказывать, что наша рационализация не нейтральна ни в политическом, ни в экономическом отношении, что она имеет специфическое советское лицо, что социалистическая рационализация немислима, во-первых, без активного участия рабочих, во-вторых, без того, чтобы изменить самую базу, на которой происходит рационализаторская деятельность, что она немислима без того, чтобы механизация, машинизация, изменение самой структуры и технической базы нашей фабрики получили основное значение в рационализаторской работе, что, наконец, рационализация в советских условиях немислима без плана, без включения ее в общую систему плановых мероприятий, ведущих к построению социализма в нашей стране.

Кульминационным пунктом борьбы за политическое значение рационализации была вторая конференция по научной организации труда в 1924 г. Тут столкнулись две программы: с одной стороны, программа 17-ти¹, а с другой — программа 4-х, возглавляемые Центральным институтом труда в лице А. К. Гастева и других². В шутку говорили, что в этих двух программах столкнулись «адин» и «ажн». Авторы программы 17-ти настаивали на стандартизации, нормализации, механизации как на основных принципах, по кото-

¹ «НОТ в СССР» (тезисы ко II всесоюзной конференции по НОТу), «Правда» №№ 35 и 36, 1924; «Труд», те же №№, «Гигиена труда», № 2/3, 1924. Подписи: Керженев, Радусь-Зенкович, Стопани, Шпильрейн, Бурдянский, Торбек, Рудаков, Гроссман, Архангельский, Звездов, Шатуновский, Рубинштейн, Шехватов, Недачин, Соловьев, Смирнов, Троянский, Мохов.

² «Организация труда и управления», тезисы доклада Гольцмана, Лаврентьева, Колесникова и Гастева Всероссийскому совещанию по НОТу; «Труд» № 28—29, 1924; «Гигиена труда», 1924, № 2/3.

рым должна идти рационализаторская работа. Тезисы Центрального института говорили о репортаже, фиксаже, тренаже и пр. Это была не только терминологическая равнина, это была также глубокая принципиальная равнина между попыткой рационализировать труд, рационализируя его условия, его техническую базу, и попыткой строить рационализацию труда исключительно путем индивидуального тренажа и воспитания перечисленных добродетелей у рабочего. Конференция 1924 г. приняла половинчатое решение¹. Она еще не признала рационализацию одним из важнейших методов социалистического строительства и не учла в должной мере того, что рационализация является политически не нейтральным течением. Конференция сказала, что рационализация—это внедрение в производство лучших методов работы. Однако в дальнейших тезисах революция конференции признает, что основной, ударной задачей на ближайший период является усиление машинной техники, усиление индустриализации страны.

Так же как с индустриализацией, обстояло дело и с планированием, об экономическом и политическом значении которого приходилось спорить с Гастевым и др. Так обстояло дело в 1924 г. Сейчас, когда планирование признано уже одним из важнейших методов строительства социализма и мы проводим социалистическую реконструкцию нашего хозяйства на основе плановой индустриализации,—эти истины доказывать не приходится.

Необходимо указать еще на то, что во втором периоде рационализации главное внимание было обращено на машинную технику, на рационализацию экономическую и техническую. Вопросы непосредственно организации труда были отодвинуты на второй план.

Совсем иначе обстоит дело в настоящее время, когда мы переходим к реконструкции, т. е. к созданию совершенно новых условий, в которых протекает труд. В настоящее время труд и его организация может стать узким местом, если рационализация не коснется этой области. Вот почему в настоящее время вновь встает эта проблема, но встает уже в преобразованном виде с новыми требованиями и с новыми предпосылками.

Если рассмотреть, как в эти три периода развивалась наша психотехническая работа, то мы должны будем сказать, что в первый период, т. е. в период до нэпа, когда вопросы труда стояли в центре рационализации, эта работа никакого практического значения не имела. В то время все, что могла дать психотехника, не было ни экономически, ни политически необходимо. Ставить профессиональный подбор по склонностям и способностям не имело смысла, потому что требования к умелости, к качеству работы и к ее интенсивности были так незначительны, что профессиональный подбор едва ли мог внести в работу значительные улучшения. Ставить исследования утомляемости не имело смысла, во-первых, вследствие малой интенсивности труда, во-вторых, вследствие того, что низкая работоспособность, малая продуктивность работы имели своей причиной не столько утомление, сколько недостаточное питание, недостаточную оплату труда, недостаточные хорошие условия, в которых этот труд протекал. Поэтому даже там, где начинались уже работы по психотехнике,—у нас первые лаборатории были организованы в 1921/1922 году в ЦИТе, в Кавани и в НКТ СССР,—даже там они не могли иметь сколько-нибудь большого значения, так как не были связаны с прикладной производственной работой.

¹ Резолюция II конференции по НОТУ, Москва 1924.

Совсем иначе обстояло дело во второй период, 1924—1926 гг., когда возросла интенсивность труда и возросли требования к отдельному рабочему и его выработке. Тогда психотехника стала у нас принимать понемногу приблизительно те же самые формы работы в смысле методов и постановки проблем, которые она имела в западно-европейских странах. Политические цели работы конечно были другими, другими были и организационные формы психотехнической работы. Мы говорили, что психотехника у нас не может быть делом отдельных частных лиц или предпринимательских групп, и что она не должна и не может быть повернута своим острием против рабочего класса.

Однако в смысле тематики наша психотехническая работа, по существу, не отличалась сколько-нибудь значительно от психотехнической работы в других странах, и только в последнее время в связи с изменением спроса, который в нашем хозяйстве предъявляется к психотехнике, появляется новая тематика.

Некоторые работы, на которые не обращено еще должного внимания, заключают в себе ростки тех новых грандиозных задач, которые стоят перед психотехникой. Сюда относятся напр. исследование, произведенное А. М. Мандрыкой относительно эквивалентности психотехнических шкал¹. Она посвящена вопросу о том, действительно ли одинаковое количество решенных задач всегда означает одинаковую природу трудности теста. Как будто бы это чисто теоретическая работа, политически нейтральная, однако она является началом целого ряда других работ.

Вторая работа—В. М. Когана, по анализу тестовых изменений². Принципиальный смысл ее заключается в том, что Коган попытался ввести в методы оценки теста качественный момент. Мы сейчас оцениваем успешность человека по тестовому испытанию каким-нибудь количеством: количеством ли сантиметров отклонения, количеством ли решенных задач, количеством ли времени, которое требуется в среднем на решение одной задачи и т. д. Однако, дело не в том—реши ли человек 7, 8 или 9 задач, т. е. если мы хотим установить не знания человека, а то, насколько этот человек обладает устанавливаемыми нами нужными интеллектуальными признаками, то надо учесть, какие вообще задачи интеллектуального порядка доступны этому человеку на данном состоянии его развития вообще, т. е. независимо от подготовки, от материала, которым мы оперируем. Это совершенно новый принцип в тестовом испытании, показывающий, что зародилось недовольство традицией тестовых испытаний.

Необходимо остановиться также на работах Всеукраинского института труда, которые пытались установить влияние социального признака на успешность по тестовому испытанию. Симптоматичной является статья Сыркина³,—не потому что можно с ней во всем согласиться, но потому, что она дает постановку, к которой нельзя было не прийти. Сыркин, отказываясь от всякого объяснения этого факта, устанавливает различия в успешности по тестовому

¹ Мандрыка А., О принципах построения шкал с эквивалентными единицами. Психопсихология труда и психотехника. «Труды I всесоюзной конференции», под ред. И. Шпильрейна, М.—Л. 1929, с. 67—70.

² Коган В., Количественные и качественные показатели по тестам. Психоневрологические науки в СССР. «Материалы I всесоюзного съезда по изучению поведения человека», под ред. А. Залкина, М.—Л. 1930, с. 219—220.

³ Сыркин М., Устойчивость социальных различий в показателях тестов одаренности, «Психотехника и психопсихология труда», Харьков 1929, I, с. 9—15.

испытанию между детьми различных социальных групп, различия, которые остаются неизменными от одного школьного класса к другому в течение ряда лет.

Совершенно несомненно, что необходимо проанализировать эту работу.

Применение психотехнических испытаний у нас все время растет. Сейчас психотехническая работа заняла уже очень значительное место в Красной армии, в комплектовании нашего фабзавуча, и мы имеем сотни тысяч людей, профессиональная судьба которых определяется на основании психотехнических испытаний. Также и в высших учебных заведениях эти методы начинают играть все большую роль. При исследованиях утомляемости и упражняемости в различных производственных условиях, различных школах мы натываемся на ряд новых, специфических постановок вопросов, которые свидетельствуют о том, что очевидно мы уже собрали довольно большое количество материала, и что само это количество материала требует качественных изменений. Наша задача сейчас — подумать, как оформить этот большой материал, собиравшийся в течение 8 лет.

К тому же внешний спрос на психотехническую работу принимает другие очертания, нежели он имел еще год тому назад. У нас не только бурно растут новые требования к психотехнической работе, но и совершенно императивно растет спрос на марксистское осмысление того, что делается в психотехнике.

Когда мы говорим о социалистическом строительстве, мы понимаем под этим, что у нас не только строятся новые технические и экономические формы, которые мы называем социалистическими, но что политическим гегемоном и фактическим исполнителем этого строительства является господствующий рабочий класс. Это значит, что у нас в первый раз в истории объединяются в одном лице рабочий как носитель государственной власти и организатор производства и рабочий как непосредственный исполнитель, как непосредственный носитель труда в производстве. Отсюда уже получаются некоторые новые формы в организации труда. Именно потому, что внутри нашего производства нет классовой борьбы, что классовая борьба идет не внутри социалистического предприятия, мы можем на этом предприятии откровенно ставить целый ряд вопросов. В частности, у нас совершенно своевременно заостряется тот лозунг, что труд свободного человека интенсивнее рабского труда, и мы проводим на ряде наших предприятий более интенсивный труд, нежели даже труд, бывший в старые времена.

Но интенсифицируя труд, мы в то же время стремимся улучшить его условия, поскольку у нас опять-таки сочетается стремление, с одной стороны, поднять до максимума производительность труда, а с другой стороны, сохранить живого носителя труда, сохранить рабочего. И таким образом здесь имеется естественная граница интенсификации, которую впервые дает нам тесная увязка, которую мы имеем между всеми элементами нашей производственной организации. Мы сейчас имеем значительный, бурный рост технической и экономической грамотности и наряду с этим рост политической сознательности, которые создавая гораздо более хозяйское отношение к производству, обеспечивают нам совершенно неслыханные рекорды.

Примером может служить конференция рабочих, работающих на предприятиях, где введен непрерывный поток, состоявшаяся по инициативе о-ва работников НОТ и Психотехнического д-ва в Москве в апреле 1929 г.¹ Там

¹ Рабочие о непрерывном потоке, «Московская конференция рабочих с пред-

был низовой рабочий актив, преимущественно цех-делегаты, люди, работающие у станка. Как ставили делегаты этой конференции вопрос об интенсификации труда? Не было ни одного голоса, который бы высказался против непрерывного потока и против интенсивных методов труда. Но наряду с этим было очень много голосов, которые иногда очень резко критиковали недостатки в рационализаторской работе, в технике, в охране труда. Особенно бросалось в глаза то, что вопросы рационализации труда, машинизации и охраны труда тесно переплетались между собой. На этой конференции мы научились очень многому и в частности тому, что в условиях социалистической промышленности противоположность между мероприятиями по рационализации и по охране труда является, по существу, лишь кажущейся, потому что она изживается там, где мы фактически переходим к реконструктивным мероприятиям, к социалистической рационализации наших предприятий.

Мы не очень еще далеко пошли по тому пути, по которому нужно идти. У нас недостаточно еще развиты те специфические формы рационализаторской работы, которые порождены нашими специфическими условиями, — ведущей ролью рабочего класса в рационализации, неслыханным темпом, которым она проводится, и теми исключительно благоприятными политическими условиями, в которых она проходит. Мы сейчас, несомненно, имеем только начало психологической мобилизованности рабочих масс, являющихся одновременно и носителями и объектом этой работы. Мы имеем такие явления, как социалистическое соревнование, как организованное изобретательство, как добровольное снижение расценок, как контрольные комиссии, как всевозможные методы стимуляции труда, как массовый контроль над улучшением условий труда. И именно бурный рост этих форм работы нам показывает, что мы сейчас далеко еще не нащупали всех форм, по которым пойдет активность трудящихся при строительстве социализма. А во-вторых, здесь таится некоторая опасность, на которую ясно указывает постановление ноябрьского пленума ЦК относительно кадров¹. Опасность эта заключается в том, что вопрос о достаточной подготовке кадров к неслыханно грандиозным задачам, стоящим перед нами, может оказаться узким местом, если на него не будет обращено самое большое внимание.

Как известно, среди малосознательных слоев рабочих некоторые мероприятия рационализаторского характера вызывают реакцию такого типа, как «за что боролись», реакцию, которая материальное свое оформление находит в том, что где-нибудь в машину подсыпают песок, происходит умышленная порча какой-нибудь детали, убивают изобретателя и т. д. Но ведь с такими явно контрреволюционными, вследствие своей бессознательности или классовой чуждости, элементами гораздо легче справиться, нежели с такими фактами, когда не *вредительство*, а *причинение вреда* производству происходит вследствие того, что какие-нибудь группы рабочих действительно не понимают значения рационализаторских мероприятий. Когда в этом году на телефонной станции было указано на излишнюю утомляемость телефонисток, вследствие нерациональных стульев, и на необходимость замены этих стульев новыми, заведующий станцией развел руками: «Стулья тоже рационализация? Я в первый раз слышу!». Он не мог себе представить, что производительность труда

приятней, введен непрерывный поток», под ред. и с предисловием И. Шпильрейна, изд. «Техника управления», Москва 1929.

¹ «О кадрах народного хозяйства». Об исполнении решений июльского пленума ЦК о подготовке технических кадров — резолюция по докладу т. Кагановича, принятая пленумом ЦК ВКП(б) 16 ноября 1929 г., «Правда» 19 ноября 1929 г.

каким-нибудь образом связана с той мебелью, на которой сидит работающий человек. Такие примеры встречаются в практике рационализации достаточно часто. Они свидетельствуют о том, что люди, которые вообще говоря готовы содействовать рационализации, недостаточно подготовлены...

Важнейшая цель психотехнической работы на ближайшие годы заключается в *идеологической и технической подготовке кадров*. Но ведь рационализация подготовки—это значит рационализация воздействия. Таким образом мы вмешиваемся в педагогический процесс. Рационализируя его, мы рационализируем и трудовую деятельность. Но, говоря о рационализации собственной работы в реконструктивный период, мы имеем в виду, что работа по социалистическому строительству рассчитана на долгие сроки. Соответственно определяется и тот вид общественного воздействия, который является наиболее важным. Важнейшей отраслью воздействия, подлежащего психотехническому исследованию и психотехнической рационализации, является первоочередная по важности работа—работа пропагандистская, а не агитационная.

Задачи профподбора в капиталистическом государстве определяются очень просто. Если нужны наиболее хорошие рабочие, то отбирают 20 человек из 100 явившихся, а 80 человек могут идти куда им угодно. В нашей государственной системе мы так рассуждать не можем, потому что эти 80 человек—активные участники нашего общего дела и как головы, и как руки, и как рты.

Рост рабочей силы у нас, по контрольным цифрам, будет чрезвычайно быстрым, и задача наша не в том, чтобы путем профподбора обеспечить самоснабжение отдельных предприятий, а в том, чтобы содействовать планомерному распределению трудящихся внутри нашей хозяйственной системы.

Все это дает уже некоторые указания на то, какие именно проблемы должны ставиться для психотехнического изучения. Если главной задачей является подготовка кадров, то мы должны преимущественно ставить перед собой вопросы изучения тех законов, которым подчиняется эта подготовка кадров, законов упреждения и обучаемости. В частности мы имеем громадный материал, который еще почти не тронут психотехническим изучением, а именно—громадный пропагандистский опыт коммунистической партии. Этот опыт надо как то объединить, методологически осмыслить, обработать и использовать.

Психотехника бесспорно является отраслью дифференциальной психологии, и поэтому перед нами выдвигаются задачи создания марксистской дифференциальной психологии. Основным произведением по дифференциальной психологии является книга Вильяма Штерна, имеющая громадную ценность постольку, поскольку она подытожила очень большой опыт прежних исследователей. Она впервые четко поставила вопрос о том, что дифференциальная психология является особой отраслью науки и что должен быть поставлен вопрос о том, что же навязывается типом в психологии, что навязывается стойким или нестойким различием, какие статистические предпосылки необходимы для того, чтобы признать существующими какие-нибудь отклонения личности от нормы, какие статистические и методологические предпосылки необходимы для того, чтобы классифицировать отклонения, как типовые или классовые. В этом отношении Штерн был и вероятно еще останется на долгие годы непревзойденным исследователем.

Вместе с тем в учении Штерна имеются и некоторые особенности, которые нас заставляют считать, что мы можем взять от него только упомянутые элементы, но не можем принять его в целом. Напр. штерновское учение о

конвергенции, т. е. о взаимоотношениях между личностью и обществом, о том воздействии, которое состояние общества оказывает на формирование личности, это чисто абстрактно изложенное учение совершенно не приемлемо с марксистской точки зрения. Штерновская концепция общества ничего общего не имеет с нашей концепцией классового общества, и если нас интересует классовое оформление личности как методологическая проблема, если нас интересует, как формируются идеология, классовый тип, личность в столкновении индивидуума с обществом, то нам необходимо просто забыть то, что у него написано, и создать новую марксистскую дифференциальную психологию.

Не иначе обстоит дело и с вопросом о взаимоотношении между физическим и психическим. Штерн мыслит себе эти взаимоотношения в том смысле, что самодвижение—некоторый нейтральный носитель психических элементов, с одной стороны, физических—с другой стороны, выражающий целенаправленность личности. То-есть, вместо того, чтобы разрешить проблему утверждения единства психических и физических явлений, Штерн пытается обойти эту трудность тем, что он создает новую, третью субстанцию, нейтральность которой не объясняет ее природы—материальная она или не материальная. Таким образом монизм Штерна является по существу даже не дуализмом, а «триализмом».

Не приходится говорить о целом ряде других более мелких различий между нами и Штерном, так например о биологическом определении им понятия класса и т. д.

Во всяком случае сейчас, поскольку дифференциально-психологические исследования являются уже не только теорией, а теснейшим образом связаны с нашей повседневной работой, с теми видами педагогической и политической деятельности, которые приобретают неслыханный размах и которые органически врастают в социалистическое строительство периода реконструкции, важнейшей задачей сегодняшнего и завтрашнего дня является построение марксистской дифференциальной психологии.

Иллюстрируя взаимоотношения между штерновской дифференциальной психологией и марксистской дифференциальной психологией быть может и не вполне удачным примером, можно сказать, что как диалектическая логика не устраняет аристотелевой логики, а дополняет ее и изменяет ее построения, которые мы пытались бы делать, исходя из аристотелевой логики, подобно этому мы берем у Штерна самую мысль о необходимости дифференциальной психологии и изменяем и достраиваем это недостроенное здание при помощи внесения марксистского метода в дифференциальную психологию.

Ряд задач связывает психотехнику с работой по организации труда на предприятии. Вопросы освещения интересуют не только врача, но и психотехника. И там, где врачи работают по рационализации освещения, они работают, по существу, психотехническими или психологическими методами. В Институте охраны труда работа по изучению утомления глаз в связи с условиями освещения ведется, по существу, самыми хорошими традиционными психологическими методами. Психотехника уже и сейчас ставит большие работы по вопросам о предельной допустимой нагрузке, допустимом ритме, темпе и наиболее рациональных перерывах. Все эти работы ведутся с большим или меньшим участием психотехников.

Сейчас изменяется техника. У нас имеется такой новый элемент в производстве, как непрерывный поток. Он, с одной стороны, требует меньшей квалификации, или вернее меньшего процента людей высокой квалификации,

с другой же стороны, он требует уже не столько чисто физической ловкости, сколько таких социальных качеств, как товарищество, умение работать в коллективе, определенная нервная выдержка, приспособление к определенному темпу. И в свете этих внешне оформляющих, организующих труд моментов самая ручная ловкость при конвейере приобретает другую психологическую ценность. Там, где конвейер, где новые формы машины захватили большие группы рабочих, там мы, очевидно, должны будем говорить не о *подборе* рабочих для этих видов труда. Там, где мы имеем быстрые технические сдвиги в самых, казалось бы, реакционных, неподвижных, устарелых типах производства, там мы должны считаться с тем, что основная задача психотехники будет заключаться в том, чтобы *создавать среди наличных* рабочих качества, которые необходимы для новой работы. Когда на «Красном Богатыре» был введен непрерывный поток, т. е. значительно уменьшено число операций, над которыми сидела каждая работница, и значительно изменены условия труда, работницы не были посланы за ворота и вместо них не были наняты другие, а тех же самых работниц, приспособили для новых условий труда. Это значит, что была *решена большая педагогическая задача*. Педагогические задачи подобного рода ежедневно будут перед нами возникать при изменении условий, в которых протекает труд. Этим объясняется важность тех тем, которые связаны с колебаниями производительности, с вопросом утомляемости и упражнения.

Но так как мы ставим себе педагогические задачи, а не задачи профотбора, то перед нами стал вопрос исследования *механизмов* этих явлений так же, как исследования механизма тестовых испытаний вообще. И вот здесь мы ожидаем, что в отношении исследования соответствующих механизмов окажут помощь психологи, ставящие своей задачей не вопросы рационализации, вопросы прикладной психологии, а проблемы исследования теоретических вопросов в психологии. Мы от них и ждем помощи в этом отношении и даем «социальный заказ». Этот «социальный заказ» не следует понимать примитивно, как какую-нибудь работу, которая кем-нибудь заказана: социальный заказ заключается в нашем случае в тех требованиях, которые одна наука предъявляет другой.

И не случайно, что психотехники предъявляют социальный заказ психологам, а не наоборот, так как социальный заказ одной науки другой всегда идет от науки с более сложным объектом изучения к наукам, изучающим элементы этого объекта. Если мы расположим ряд наук в порядке усложнения объектов их изучения, с созданием новых качеств, и поэтому новых подходов и новых методов для изучения этих новых качеств, то мы получаем такой ряд наук: 1) науки физиологической группы; 2) психологической группы; 3) социальной группы. Методика каждой из этих наук применима к ее специфическим объектам до тех пор, пока большая сложность явлений не создает новых качественных образований, которые уже не могут больше изучаться элементарными методами основной науки.

Так напр. при известном соединении физико-химических элементов, метод физико-химический оказывается недостаточным для изучения специфических явлений биологического порядка, и здесь оказываются применимыми физиологические методы исследования.

При дальнейшем усложнении физиологических явлений, создаются качественно новые явления, для исследования которых—что бы ни говорили рефлексологи—физиологические методы оказываются недостаточными. Мы необходимо приходим к исследованию *психологическому*.

Наконец там, где мы говорим о человеческом коллективе, о коллективном творчестве, о социальных взаимоотношениях, об идеологии коллектива—там психологические методы оказываются недостаточными. Мы не в состоянии психологическими методами изучать общественные науки. Для адекватного изучения качественно новых образований необходимы новые методы исследования.

Психология—биосоциальная наука, потому что она занимает среднее место между науками биологическими и социальными. Она исследует те факты, которые создаются явлениями, изучаемыми «чисто биологическими» науками, но которые сами не могут быть изучены только физиологическими методами и требуют методов изучения, *специфических для психологии*. С другой стороны, психология изучает те факты, которые являются элементами социальных взаимоотношений, но являются элементами не исчерпывающими, потому что в социальных взаимоотношениях создаются новые качественные образования, которые не могут изучаться только психологическим методом.

Но мы рассматриваем самую психологическую группу наук тоже не как однородную науку, а как цепь дисциплин, отдельные звенья которой постепенно ведут от биологических наук к социальным. Мы здесь имеем, с одной стороны, такие течения в психологии, методика которых ближе всего подходит к физиологии. Сюда относится «физиологическая психология» Вундта, которую трудно назвать «биосоциальной наукой», которая является гораздо более биологической наукой, чем социальной. И мы имеем на противоположном конце цепи, ближе всего к социальным наукам, психотехническое звено, непосредственно имеющее дело с человеком как членом коллектива производственного, военного и т. д. Вот почему мы говорим, что Вундтовско-Челпановская психология—самая физиологическая дисциплина из всего ряда «биосоциальных» наук, а психотехника—«самая социальная».

Социальный заказ, который мы хотели бы иметь выполненным,—это создание дифференциально-психологической теоретической базы для обоснования исследований по психотехнике. Психологи вундтовской школы—Питченер, Челпанов—не дали таких исследований дифференциально-психологического порядка, они ограничились такими общепсихологическими исследованиями, как исследования закономерностей внимания, времени реакции, памяти. Человека берут вообще, а не как члена определенной группы. Если между испытуемыми встречалась разница в поведении, отклонения некоторых из них от нормы, то эти отклонения рассматривались как случайность, и как таковые устранились от рассмотрения.

Для психотехников же как раз различия между людьми приобретают основное значение для прикладной работы. Мы хотим не только признания существования возрастных, классовых, половых и прочих различий, потому что они играют роль при распределении людей и их подготовке, но мы хотим также признания того, что эти различия должны быть *изучены*, что мы не только *не забываем* их, но что мы их *изучаем*, учитываем и на этом *учете* строим всю психотехническую работу.

Вот почему вопросы о том, какой вид дифференциации может быть назван *неслучайным*, когда она заслуживает изучения, когда и как ее можно создать или уничтожить, для психотехников приобретают преимущественное значение. И вот до сих пор наши «психологи» нам как раз в отношении дифференциации ничего или почти ничего не дали. В частности этот упрек должен быть поставлен и Психологическому институту. В тех случаях, когда

он ставил себе дифференциально-психологические проблемы, он решал их «вообще психологическими», как там говорят, методами. Это значит, что никогда Психологический институт не ставил перед собой задачи, которую должен был поставить себе, раньше чем перейти к любой практической постановке вопроса, задачи о том, какие же признаки могут быть признаками классово-обусловленными, какие критерии существуют для того, чтобы считать различные устойчивым признаком, случайно явившимся, или проявлением типа, какие критерии имеются для того, чтобы считать отклонение от нормы действительно установленным, для того, чтобы считать явление повторяющимся, закономерным, зависящим от того, а не другого факта.

Вот работа, устанавливающая закономерности изменения письма с возрастом и с культурными эпохами. Автор ставит эксперименты и устанавливает, что из пяти человек трое дают отклонение вверх, а двое дают отклонение вниз. Выводится умозаключение: 60% отклоняются вверх, значит общий закон—отклонение вверх. Статистический предварительный анализ сразу же показывал бы, что пять человек—недостаточный коллектив, чтобы на нем проводить такое обследование, так как из пяти трое непременно должны отклониться в одну сторону, а двое—в другую.

Вторая работа: нужно доказать, как влияет на интеллект студентов пребывание в рядах Красной армии. Группа студентов обследуется какими-либо тестами, потом эти студенты проходят военное обучение в течении лета, после чего их вторично обследуют теми же тестами. Получается увеличение успешности в два раза. Но прирост успешности всегда получается, если одну и ту же группу дважды испытывать одними и теми же тестами. В данном случае не было контрольной группы, на которой можно было бы проследить, как велик был бы этот прирост, если бы соответствующие студенты не проходили военного обучения (с места: это не работа психол. и-та!).

Приветствую, что Психологический институт от этой работы, проведенной его аспирантом и под научным руководством его сотрудника, отказывается. Но в Психологическом институте еще не поняли, что необходимо не общепсихологическими методами, а дифференциально психологическими методами подходить к разрешению дифференциально-психологических по существу проблем. Во всяком случае социальный заказ психотехников психологам заключается в том, чтобы, во-первых, они дали исследования дифференциально-психологического порядка. В частности будет чрезвычайно ценно, если они дадут исследования быстро развивающихся сдвигов идеологического порядка, так характерных для нашего переходного времени. Во-вторых, необходимо, чтобы они занялись тестами и дали анализ успешности в тестовом испытании не только с точки зрения цифр, но и с точки зрения качественных механизмов приспособления к ним. Наконец, в-третьих, для психотехников важно, чтобы психологи занялись в первую очередь теми темами, которые наиболее нужны для задач реконструктивного периода.

Целый ряд вопросов физиологического порядка, которые занимают некоторых исследователей, для нас в настоящее время не являются вопросами первостепенными. Вопрос о том, предпочтительнее ли тест бумажный или тест аппаратный, которому некоторые товарищи в Психологическом институте пытались придать чуть не принципиальное значение, есть вопрос очень подчиненного значения. Необходимо ли в данном конкретном случае пользоваться интроспективным методом или только экстраспективным—это также вопрос чисто технический, а не вопрос принципиально-методологический.

Переходя к методологическим задачам психотехники, следует отметить, что работа психотехников до сих пор шла—и будет идти дальше—не по тем путям, по которым шла классическая психология, собирая свой опыт. У нее была другая тематика, другая постановка вопроса. Ее целью было участие в социалистическом строительстве. При этом она накапливала материал новый и потому не поддававшийся сразу теоретическому оформлению. Практическая успешность шла впереди теоретического ее объяснения. На все упреки, которые делались психотехникам, в отсутствие психотехнической теории, они неоднократно объясняли, что об охватывающей теории говорить рано, пока психотехника находится в стадии первоначального накопления материала. Теперь материал накоплен, и выявилась необходимость его теоретического оформления.

Относительно значения тестов напр. можно установить, что подготовка может иногда перекрыть одаренность там, где и материальная наполненность теста представляет для понимания задач повышенные требования к подготовке, и получается, что более подготовленные люди оказываются лучшими по тесту, несмотря на то, что они хуже одарены.

С этим могут не считаться в западноевропейских или американских исследованиях. В исследованиях американской армии было много тестов, которые предполагали наличие знаний, в результате чего менее одаренные люди, получившие хорошее школьное образование, продвигались на командные посты. Плохо ли это или хорошо с точки зрения господствующих классов в Америке? Никакого смещения внутри классов нет, господствующие классы остаются господствовать в армии, и с их точки зрения все в порядке.

И любопытно, что в иностранной психотехнической методической литературе мы почти не имеем исследований о материальной наполненности теста, и это явление совершенно не учитывается в практике. Это объясняется тем, что материальная наполненность теста, взаимоотношение между одаренностью и подготовленностью для решения теста приобретает классовый смысл.

Тов. Таланкин был неправ, когда он во время своего доклада в Особых случаях говорил, что психотехника помогает кулацким сынкам продвигаться на командные посты в армии. Но то, что военные тесты могут содействовать тому, чтобы люди, имевшие лучшую школу, скорее продвигались—это безусловно верно. Отсюда необходимость изменения, а иногда и полного перемотра этих тестов с классовой точки зрения. Например на плакате нужно узнавать прежде показанные фигуры: треугольник, шестиугольник и круг. Красноармейцы их не запоминают. Они легко запоминают например рисунок окна или животного, а треугольник или шестиугольник—это для них абстракция.

При помощи тестов мы измеряем способности. В теории мы хорошо знаем, что способность развивается; однако, когда мы определяем способности при психотехническом испытании с целью приема на работу, мы смотрим на наших испытуемых как на некоторую застывшую иерархию.

При испытании способностей не учитывается, как возникли эти способности и какие в них дальнейшие потенциальные возможности; не учитывается то значение, которое имеют компенсация и перекомпенсация для развития способностей, для активизации их, какое значение имеет интерес для развития способностей и т. д. Эти вопросы должны быть поставлены очень широко, так как развитие способностей, структура личности, форма психотехнического профиля—зависят от социально-классового быта человека, а не только от биологических его задатков.

Мы можем игнорировать взаимосвязь способностей, социальную и биологическую их пластичность, до тех пор, пока мы не психотехники, а только отборщики людей. Но там, где мы подходим к воспитательной задаче, мы вынуждены считаться с динамической способностей. Личность человека есть нечто динамическое, а тест дает нам фотограмму, а не кинограмму, следовательно, дает недостаточные знания о личности. Мы вплотную подходим к теме об идеологических сдвигах, вызванных революцией. У нас пропадает бедна интереснейшего материала для науки и для практики нашего строительства. Имеются некоторые исследования относительно идеала детей, социальной установки подростков, их желаний и морали, но все это является в отношении методики почти полным повторением иностранных образцов, недостаточно классово продуманных, недостаточно учитывающих динамику сдвигов; в частности у нас почти нет исследований, которые бы давали указания на вызванные революцией сдвиги в эстетических представлениях. Докладчик проделал небольшую статистико-психологическую работу, которая проливает луч света на громадные эстетические сдвиги в направленности к интересам коллектива¹⁰. Такие темы до сих пор учитываются у нас далеко недостаточно; сюда относятся вопросы об изменении языка, которое произошло у нас: работа проф. Селищева¹¹ на эту тему, по существу, мало что дает, кроме сожаления о том, что испортили русский язык. А между тем, изменение языка обусловлено грандиозными общественными сдвигами; если эту тему взять шире, она позволила бы подойти вплотную к тому, как же классовое бытие человека определяет его идеологию, его направленность. Проанализировать самую технику становления идеологии—чрезвычайно благодарная и важная задача.

Наконец совершенно ясно, что исследование утомления сейчас уперлось в значительной степени в тупик. Попытки однозначно определить утомление как физиологически, так и психологически, до сих пор не увенчались успехом, и тщательная, большая работа английского комитета по здоровью муниципальных рабочих¹², проведенная в военное время, привела к определению утомления, которое скорее может быть названо определенным, данным от отчаяния, чем определенным, данным на основании достаточного познания изучавшихся факторов. Британские исследователи определяют утомление как понижение работоспособности вследствие произведенной работы. Это значит, что они отказались от однозначного определения изменений в организме, происходящих вследствие утомления.

Исследования утомления показали, что одни и те же моменты—и пульс, и кровяное давление и т. д.—в одном случае оказываются устанавливающими состояние утомления, т. е. соответствующие функции *понижаются* с ростом утомления при продолжении работы, а в другом случае эти функции *повышаются*. Мы попробовали ввести некоторые коррективы, т. е. рассматривать хрупкость признаков соответственно данной конкретной форме работы¹³. Эта хрупкость при установлении профессиограммы должна была дать и во многих случаях давала возможность установить тесты, более чутко отражающие утомляемость соответствующей профессии. Но и это паллиатив. Если мы ищем

¹⁰ Журн. «Психотехника», 1929, II, с. 4.

¹¹ Селищев, Язык революционной эпохи, М. 1928.

¹² Вернон Х. Промышленная усталость и производительность труда, пер. В. А. Напернова, М.—Л. 1925.

¹³ Шпильрейн И., Анализ профессий как основа работы по определению профпригодности и исследования утомления. «Гигиена труда», 1925, № 10.

признаков, которые могут оказаться хрупкими в данной профессии, мы самое явление утомления не объясняем. Кроме того, мы натолкнулись на целый ряд таких явлений, которые опять-таки пришлось объяснить на основании общей теории, но самое объяснение ни в коем случае не может считаться окончательным. Напр. в работе, которая велась товарищами: Рейтлинбаргом, покойным Левигуровичем и Нецким над утомляемостью пожарного¹⁴, мы натолкнулись на то, что человек, не производящий почти никакой физической работы, тем не менее сильно утомляется в течение рабочего дня. Это утомление вызвано постоянным напряжением, постоянной готовностью к тревоге, неорганизованностью рабочего дня и т. д. Это заставляет нас предположить, что есть какие-то новые элементы утомления, которые при чисто физическом учете утомления нами не принимаются во внимание. Мы знаем случаи чрезвычайно быстрого наступления утомления чисто психогенного свойства. Почти при всех исследованиях утомления мы наталкиваемся на нерегулярность, т. е. на то, что при одних и тех же методах у 90 рабочих получилось утомление, а у 10-ти не получилось. Кое-что нащупывает в своей работе по исследованию утомления на фабрике Говнака В. С. Липтварев: он попытался исследовать, что делает работница помимо производства. Но это только начало чего-то нового. Представляется, что мы сейчас уперлись в этих исследованиях утомления в тупик, который объясняется тем, что мы подходим к ним несколько механистически, только с орудиями физиологии и статистики, и что нужно было бы подойти к ним, также учитывая классовую, социальную личность рабочего, его быт, его производственное становление и окружение. Очевидно, придется очень большой материал, который у нас собран в отношении исследований утомления и управления, снова пересмотреть.

Здесь уже намечен ряд вопросов, которые на ближайшее время становятся актуальными вопросами для психотехники. Действительно, если мы хотим серьезно подойти к человеку, не как к машине, не как к организму только, а как к живому рабочему в конкретных советских условиях реконструктивного периода, то мы должны, *во-первых*, пересмотреть наши методы установления и, *во-вторых*, подумать о том, что построение нашей психотехнической работы должно быть сделано на основе диалектического материализма. Если нам пока не удастся еще построить систему психотехники, это конечно никого пугать не должно; важно установить, что эта задача становится сейчас перед нами совершенно императивно нашим нынешним периодом строительства.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ И. Н. ШПИЛЬРЕЙНА

Тов. Котляров. Необходима некоторая реконструкция психологии вообще и психотехники в частности. Основное—это то, что докладчик назвал новым, очень хорошим словом—кинограмма. Нас прежде всего должна интересовать динамика личности, а не просто известные фотографические моменты, которыми и характеризуется экспериментальная психология. С методологической стороны как в психотехнике, так и в психологии этот вопрос еще совершенно не разработан.

Мы не подошли еще совершенно к вопросу об учете навыков, и неясно, как т. Шпильрейн в данном случае мыслит себе эту кинограмму. В нашей

¹⁴ Левигурович Г., Нецкий Г. и Рейтлинбарг Д., Пожарные. Труд, утомление, заболеваемость, под ред. и с предисловием И. Шпильрейна, Москва, изд. НКВД, 1928.

практике мы всегда имеем только фотографию, только определенный рисунок или определенный диагноз, и на основании этого диагноза, полученного за короткий промежуток тестового испытания, мы ставим определенный прогноз.

Основная беда в том, что в нашей психотехнической практике мы подходим к этому вопросу только с такими ранними испытаниями, как испытание, скажем, ребенка, а потом делаем повторные испытания. Но даже эти повторные испытания не увязываются между собой таким образом, чтобы проследить процесс динамики. Очевидно, здесь нужно основное внимание направить на то, чтобы увязать практику психотехники с практикой школы. Необходимо особенно заострить внимание на профессиональной консультации. Установка психотехников не тождественна с установкой общей психологии. Если товарищи психологи будут говорить о кинограмме человека как формирующейся личности, то психотехники должны будут говорить о кинограмме личности с точки зрения профессионально важных качеств.

Когда мы подходим к кинограмме с точки зрения профессионально важных качеств ребенка или подростка или даже взрослого человека, то моменты социогенные, которые формируются непосредственно под влиянием среды, нам конечно может дать только школа. Но психотехники до настоящего времени как в практике профотбора, так и в профессиональной консультации были оторваны от школьной практики. Необходимо также и в первую очередь установить непосредственную увязку психотехнической работы с производственными организациями.

С другой стороны, у самих психотехников должен быть какой-то общий метод работы. В настоящее время существует огромная сеть всяких психотехнических учреждений, но эти учреждения, объединенные в определенном кругу между собой, в сущности, совершенно заменены; форма организационной увязки, которая представлена в Психотехническом обществе, должна быть расширена.

Тов. П. А. Рудик. В докладе очень слабо оттенены те специфические условия, которые отличают положение индустриального труда в условиях нашего реконструктивного периода по сравнению с буржуазными странами. Мы не находим в докладе ясного указания на то, какие изменения в характер трудовой деятельности вносит тот факт, что рабочий в СССР одновременно является и строителем социализма. Не учтено также и то революционное влияние на труд, которое оказывает социалистическое соревнование. Тов. Шпильрейн много говорил о том, что в настоящее время требуется особое повышение интенсивности труда. Однако, нельзя согласиться с тем, чтобы та интенсивность, которой мы добиваемся, была выше той интенсивности, которая требуется от рабочего в капиталистических странах и которая приводит к раннему изнашиванию рабочего организма. Дело не в количестве, а в качественных особенностях, вносимых в труд задачами реконструктивного периода.

Какую самую общую и важную задачу поставил докладчик перед психотехникой в реконструктивный период? Эта задача выражена им в формуле: «идеологическая и техническая подготовка кадров». Нужно согласиться с тем, что задачи психотехники состоят именно в том, чтобы занять свое место в деле формирования и подготовки новых кадров. Но едва ли можно характеризовать ее роль так общо, как это сделано в докладе. Эту формулировку необходимо было бы изменить, углубить или сузить, чтобы точно поставить психотехнику на то место, которое она должна занимать в вопросах подго-

товки кадров. Все дело заключается в том, исходя из каких идеологических основ мы будем понимать значение психотехники. И вот, подходя к вопросу о том понимании, которое дано докладчиком, мы наталкиваемся на прямую апологию Штерна.

Правда, т. Шпильрейн несколько смягчил свои положительные оценки Штерна. Он отмежевался от штерновского понимания общества и социальной среды, от его концепции физического и психического, а также от его телеологических уклонов. Однако, если присмотреться ко всей остальной характеристике Штерна, которая определяла его учение, как «евангелие всякого психотехника», то ее можно понять только как попытку все-таки протащить в наших условиях именно штерновскую психологию и штерновскую точку зрения на психотехнику.

Докладчик говорил о том, что мы должны много брать у Штерна и использовать для психотехники в наших условиях. И вот возникает вопрос, как можно что-либо заимствовать у того учения, которое отличается, по сравнению самого же докладчика, неправильным пониманием влияния среды на человека, у которого оценка психофизической проблемы не выдерживает никакой критики и которое носит в себе телеологические уклоны? Никакое механическое заимствование не может иметь места. Для того, чтобы что-либо заимствовать у Штерна, мы должны подвергнуть его учение строжайшей критике с точки зрения марксистской идеологии, а это как раз и отсутствовало в докладе.

Очень много места было уделено общепсихологическим вопросам. Докладчик стремился дать «социальные заказы» психологии, причем он понимал их как требование производить исследования дифференциально-психологического порядка. Такая постановка вопроса производит несколько странное впечатление: сидит психотехник и ждет, когда психолог выполнит тот или иной заказ на социально-психологическое исследование. Психотехника сама должна ставить необходимые ей теоретические проблемы и сама строить свой теоретический фундамент. Докладчик же занялся критикой работы Психологического института, совершенно забывая, что он сам является его действительным членом и несет ответственность за его работу.

Утверждение докладчика о том, что Психологический институт не производит дифференциально-психологических исследований, неправильно. Достаточно указать на тему, посвященную вопросу о психологических особенностях личности московского пролетария. Она как раз поставлена в дифференциально-психологическом разрезе, в классовом разрезе и, не кто иной, как т. Шпильрейн решительно возражал против постановки этой темы в Институте.

Вопрос о дифференциально-психологических исследованиях не так прост, как это думает докладчик. Прежде всего необходимо, чтобы сами психотехники в своей работе пользовались дифференциально-психологическим анализом, и притом в его классовом, а не индивидуально-психологическом понимании. Однако было бы неправильно, если бы мы определили задачу психологии только как производство одних дифференциально-психологических исследований; ценность психологической работы заключается также и в том, что она открывает и общие закономерности.

Кроме «социальных заказов» психологии докладчик видит задачу психотехники также в том, чтобы соответствующим образом обработать и оценить тот богатый материал, который накопился в психотехнике за предыдущие годы. Хотя материал действительно большой, но это еще не значит, что он

во всех своих частях является ценным, так как сплошь и рядом он собирался исходя из ложных в идеологическом отношении предпосылок. Докладчик указывал, что при оценке решения теста необходимо принимать во внимание фактор одаренности, с одной стороны, и фактор подготовки—с другой стороны. Хотя в тезисах у докладчика ясно и точно сказано, что способности нельзя рассматривать как врожденные, однако в его речи прямо звучит выделение одаренности, как биологической сущности, от подготовки—как социальной сущности. Я думаю, что нетрудно будет убедить докладчика в том, что эти два фактора реально неотделимы, и что одаренность также изменяется и под влиянием социальных причин. Та концепция, что в основе лежат физико-химические процессы, за ними идут психические, далее—социологические, и что каждая низшая структура определяет высшую, не может считаться совсем правильной именно по отношению к психотехническим функциям: в этом отношении высшая социальная структура оказывает непосредственное влияние на развитие факторов низшего порядка, именно тех или других форм поведения. Поэтому при оценке факторов одаренности необходимо в достаточной степени полно принимать во внимание и участие социальных условий наряду с биологическими.

Из всего этого можно сделать следующие общие выводы о задачах психотехники в реконструктивный период:

1. Прежде чем говорить о «социальных заказах» психологии, необходимо дать «социальный приказ» психотехнике: решительно и на деле отказаться от штерновских принципов построения психотехнической работы. Психотехника должна выковать новые, идеологически выдержанные, исходящие из основ диалектического материализма принципы своей работы. Без этого ей нечего будет делать в реконструктивный период.

2. Необходимо по-новому поднять вопрос о проблеме одаренности, тщательно образом исследовать, в каком смысле факторы одаренности могут считаться неизменными и в чем выражается их зависимость от биологических и социальных условий. Только на основании этой углубленной теоретической работы можно делать выводы о практическом применении психотехнических методов к решению задач реконструктивного периода.

3. Особо следует подчеркнуть третью задачу: психотехника должна найти свое место в проблеме обучения кадров. Не отбор или подбор рабочей силы, а разработка методов приспособления данного работника к тем или иным условиям труда.

Тов. *Белокопытова* не может не согласиться с высказываниями т. Шпильрейна о том, что особое положение нашей страны определило особые научные классовые задания. Но она не согласна с ним, когда он переходит от общих утверждений к конкретизации. Когда он говорил, что особое положение у нас заставило оттенить значимость социальных факторов, то здесь у него взаимоотношение социально-биологических факторов было обозначено далеко не четко. И это было не случайной оговоркой, а содержалось во всей той характеристике, которую он давал Штерну. Во всех мероприятиях, которые он предлагал внутри психотехники, и в тех взаимоотношениях, которые он намечал между психотехниками и психологами, чувствовалось, что эти взаимоотношения социального и биологического факторов у него далеко не конкретизированы.

Не говоря о том, насколько субъективно представление о психотехнике как о науке, исключительно базирующейся на социальных основах, и о пси-

хологии, как промежуточной между социальными и биологическими науками приходится остановиться на тех порядках дифференциального различения, которые докладчик правильно рассматривает как необходимые; но они необходимы конечно как внутри психологии, так и внутри психотехники. Он был прав, когда выдвинул ряд работ Психотехнического института (он мог выдвинуть еще ряд работ предшествующего периода), и показал, что там соотношение социального и биологического факторов выявлено недостаточно, и что эти работы в смысле дифференцирования классового порядка находятся только в зачаточной форме. Но если это является кардинальным заданием для психологии как таковой, то таким же кардинальным оно является и для психотехники.

Тов. *Ковтунова* останавливается на заявлении докладчика о том, что марксистская дифференциальная психология должна быть построена на основе дифференциальной психологии Штерна. Докладчик и раньше считал необходимым отмежеваться от Штерна, а с другой стороны, он полностью признавал, что единственная теоретическая концепция, которая может разрешить вопросы дифференциальной психологии,—это персонализм Вильяма Штерна. Это может быть внешнее несоответствие, но и фактически эта так называемая марксистская дифференциальная психология остается штерновской психологией. В действительности же то здание, которое начал Штерн, нужно в основном изменить. Мы не можем достраивать ту дифференциальную психологию, которая в основе своей построена на чуждых нам идеологических позициях. И для того, чтобы говорить о создании марксистской дифференциальной психологии, нужно в корне перестроить наши основные методологические позиции.

Заявления т. Шпильрейна, сделанные им в докладе, являются первой ласточкой в этом отношении. Неизвестно, как они будут претворяться в работе по психотехнике, но нужно сказать, что то отмежевание, которое сделано докладчиком в его последнем выступлении, ни в его прежних докладах, ни в литературе ни разу не фигурировало. До сих пор он совершенно не ставил четко вопроса о том, в каких вопросах он отмежевается от Штерна и где последнего можно использовать.

Тов. *Курманов* отмечает, что выступление т. Шпильрейна его очень обрадовало. Ему кажется, что докладчик хотя и повдно, но все же заговорил так, как нужно было бы говорить много раньше. По мнению докладчика, прежде чем говорить о марксистской психологии, о марксистских принципах исследования, нужно было, чтобы психотехники занимались накоплением фактов; теперь же накопилось столько фактов, что можно думать о переходе количества в качество.

Психотехники заговорили об идеологическом лице, о классовой физиономии человека. Ставится очень большая новая проблема и делается вывод, что мы можем говорить о марксистской психологии. Какие же факты привели психотехников к марксистской психологии? Полное бессилие разрешить те проблемы, которые нащупывались эмпирическим методом. Докладчик говорил о Психологическом институте, который ничего не сделал для психотехники, но ведь и психотехники провели экспериментальную работу, которую нельзя считать серьезной работой. Таким образом после длительных попыток и различных исследований, мы приходим к невозможности подойти чисто эмпирическим путем к разрешению выдвинутых проблем.

Ставится вопрос ребром о том, что нужно начинать исследовать все вопросы с точки зрения диалектического метода, с точки зрения марксизма.

Итак—психотехника стоит перед задачей перехода к усвоению диалектики. К этому она подведена теми тупиками, в которых оказалась, когда исследователь шел эмпирическим путем.

Очень важным и особо ценным является у т. Шпильрейна его чуткость к тем проблемам, которые стоят в практической работе и которые нужно разрешать не только эмпирически, но и с помощью научного вмешательства. И в этом отношении т. Шпильрейн совершенно правильно подходит к вопросу о том, что нужно наконец нашей науке заняться вопросом о том, как разместить живые силы, которыми располагает наша страна, вокруг разворачивающейся техники производственного процесса.

Наши психотехники импортировали к нам много различных психотехнических теорий и достижений с Запада; но то, что буржуазия особенно остро учитывает—идеологические особенности у работников—они до сего времени импортировать не смогли: они стихийно натолкнулись на то, что при профессиональном подборе нам нужно интересоваться не только тем, как быстро двигаются руки или в какой степени острый слух или зрение, но прежде всего тем, что собой работник представляет идеологически. Буржуазия без всяких особых теорий идеологически чуждых людей вычищает целыми тысячами, когда ей это нужно. У нас тоже приходится на практике применять такой принцип—выводить людей с известной установкой, с известной идеологической оформленностью из производственного строя. А до сего времени наши психотехники ни одного слова не могли сказать, как отличить, что рабочий носит в себе вредительские потенции. Имеет это отношение к идеологической характеристике личности? Безусловно. Но до сих пор ничего не сказано об этой очень важной установке. Нам нужно прежде всего брать ее на учет как основную проблему для психотехники, и вслед за ней уже исследовать, как двигаются мускулы, каково зрение, слух, и составлять профессиограмму.

По вопросу дифференциальной психологии и о том, что нам нужно брать от Штерна, создателя этой дисциплины, следует вспомнить указания Ленина. На III съезде комсомола он говорил, что мы не можем двигаться вперед, если не усвоим того что создала буржуазная наука. Но усвоить это надо критически,—имеется известный предел усвоения буржуазных ценностей. Мы должны усваивать все достижения прошлого до тех пор, пока, во-первых, мы не встали крепко на собственные методологические рельсы, и, во-вторых,—не освоились с известным наличием ценных фактов. После этого, используя эти данные, мы можем двигаться самостоятельно. Нам говорят, что дифференциальная психология как раз только и может исходить от Штерна. Однако все, что у него есть ценного, можно найти непосредственно, руководствуясь простым, но величайшим методом, которым нас вооружает марксизм. А схема, которую докладчик предлагает брать от Штерна, нам не поможет. Это чисто формальная, чисто структурная психология. Она все равно не может покрыть тех реальных, дифференциальных различий, которые существуют в объекте. Для того, чтобы создать дифференциальную психологию, надо идти не от Штерна, а от методологических, теоретико-познавательных позиций марксизма. Обвинения по адресу Психологического института в том, что он ничего не делает в этом отношении, являются напрасными. Работу Психологического института, который в общей форме стоит на точке зрения марксистской позиции, нельзя понимать формально: в Институте между отдельными работниками ведется такая борьба за дифференциально-диалектическое понимание объекта, что иногда в одном лице видишь и диалектика и старого

метафизика. Там выкристаллизовывается новая школа, в буквальном смысле идет конкретное выражение дифференциального поведения человека.

Общие закономерности должны выступать в общей психологической сложности как следственные дифференциальной проработки объекта. Психологический институт теперь подошел вплотную к решению этих проблем. Тот материал, который психотехники желают получить, они получают. Но психотехники со своей стороны должны бросить беллетристическую психотехнику и вместе с психологами заняться анализом поведения тех субъектов, которых надо будет ставить во все производственные и общественные машины нашей жизни. Психотехники должны будут дать богатый материал для исследования форм поведения во всем объеме поведения, и совместными усилиями надо будет анализировать социальные и биологические причины, которые лежат в основе конкретного образования данных форм поведения.

Тов. Геллерштейн. Рассматривать доклад как некоторую законченную систему идей, которую пытаются построить психотехники на совершенно новой законченной базе, не следует. К докладу следует подойти диалектически. Вернее, надо выяснить, какое место занимает доклад в общей линии нашей психотехники, за тот период, который составляет ее историю. Если так подойти к докладу, то надо его оценивать как явление очень прогрессивное. Дело не в том, как высказывался раньше т. Шпильрейн и какую эволюцию он пережил.

Чем, в сущности, вызвано то общее мнение большинства работников психотехники, что сейчас психотехника переживает кризис, что она зашла в тупик? Это объясняется многими причинами, но одна из этих причин заключается в том, что психотехника уже не может удовлетвориться тем коэффициентом практической эффективности своей работы, который она дает.

Доклад несколько не отмечает той работы, которую мы вели до сих пор, и не диктует нам «прекращайте работу». Было бы глубоко ошибочно, если бы мы сделали такой вывод. Работа психотехников будет продолжаться, потому что она имеет определенный коэффициент успешности.

Доклад т. Шпильрейна надо рассматривать как попытку наметить для психотехники новые рельсы, попытку показать, в какой области надо работать и как нужно подойти к методике исследования проблемы, и к интерпретации этой проблемы. Важно утверждение докладчика, что в свете тех новых фактов и тех новых требований, которые нам предъявляет действительность, мы не можем удовлетвориться диагностированным.

Почему в докладе так выпячена проблема кадров? К этому нас вынуждает наша теперешняя обстановка. Мы до сих пор занимались экзогенными и эндогенными факторами, а сейчас наша задача заключается не только в том, чтобы оценивать, кем человек является по своим потенциям, но и всемерно способствовать развитию этих потенций. Это—задача педагогическая. В докладе, в соответствии с правильным чутьем реальной действительности и отмечено, что психотехнику сегодняшнего и завтрашнего дня надо переводить от профотбора к профобучению, к реальной подготовке кадров идеологическими, техническими и другими средствами.

Вопрос о Штерне ставится в плоскости чисто фракционной, и некоторые товарищи извлекали даже документы в доказательство того, что т. Шпильрейн говорил раньше и что он говорит теперь. Но его основная мысль правильна: современная психотехника больше всего нуждается в разработке проблемы дифференциальной психологии. Неправильно говорить о том, кто

именно должен заниматься этим—психологи или психотехники. Если психологи захотят отовзваться на реальные запросы сегодняшнего дня, то проблема реальной действительности способна оплодотворить их такими исследованиями, которые могут послужить прикладной психологии. То, что Штерн метафизик—это азбучная истина, но тем не менее Штерн для нас полевен, во-первых, в виду пропаганды, которую он проводит за выдвижение дифференциально-психологических проблем, а во-вторых, в смысле самой классификации этих проблем: проблема вариативности, проблема корреляции, проблема конвергенции. Это то, что мы можем извлечь у Штерна, наполнивши совершенно новым содержанием.

В постановке проблем, с которыми надо подходить к человеческой личности, ее структуре в трудовом поведении, главным образом, в постановке методологических линий докладчик наметил совершенно правильный путь.

Тов. *Санир* считает, что сказанное т. Шпильрейном является огромным шагом вперед по сравнению с тем, что говорили наши советские психотехники до сегодняшнего дня. Тов. Шпильрейн совершенно правильно в основном наметил генеральные линии психотехники на ближайший период с точки зрения задач социалистического строительства. Современный этап социалистического строительства ставит с особой остротой проблему кадров. Психотехника в разрешении этой проблемы должна сделать очень много.

Второе правильное положение заключается в том, что отныне всякая работа по психотехнике должна быть поставлена под контроль методологии диалектического материализма. Однако необходимо поставить вопрос об объективных гарантиях выполнения намеченного плана. Во-первых, недостаточно сказать, что психотехника должна разрабатываться с точки зрения диалектического материализма: нужно указать, по каким конкретным путям должна пойти эта разработка. Многого бесспорно сказано докладчиком, но некоторые пункты не отмечены. С другой стороны, следует поставить вопрос о том, какова субъективная решимость теперешних работников психотехники к проведению установленных ими принципов.

Если говорить о применении диалектического материализма в психотехнике, то в первую очередь нужно решительно отмежеваться от того чистого индуктивизма, который царил в психотехнике до сих пор. В первой главе известного руководства по психотехнике содержится заявление, что для психотехники, поскольку она находится в стадии накопления эмпирических фактов, совершенно безразлично, как будет разрешена проблема о соотношении психических и физических явлений. Однако нельзя представить себе ни одного этапа в развитии какой-либо науки, даже если бы она находилась в первоначальной стадии своего развития, когда не нужно было бы ставить вопроса о применении методологии; и этот вопрос приобретает особенное значение, когда речь идет о работе в нашей стране, когда рядом с психотехникой развиваются науки, которые с помощью диалектического материализма дают блестящие результаты. Такой эмпиризм ведет и к целому ряду методологических беспорядков.

Вместе с тем этот эмпиризм и индуктивизм, с другой стороны, является математическим функционализмом, т. е. таким направлением, которое подходит к своему объекту, не имея в виду вскрытия сущности объекта, внутреннего механизма этого объекта.

Во многих течениях современной физики сейчас очень распространена точка зрения, которая берет предмет с поверхности, устанавливая лишь мате-

матические функциональные связи, и не ставит перед собой задачи причинного анализа, установления глубокой закономерности, лежащей в основе данного явления. Именно на данной стадии развития находится современная психотехника. Если психотехника рассчитывает на будущее,—а она вправе рассчитывать на большое будущее,—она в первую очередь должна отгородиться от того индуктивизма и математического функционализма, которые господствовали в ней до настоящего времени.

Надо выдвинуть некоторую положительную методологическую проблему, до некоторой степени уже известную. Большинство указаний уже сделано т. Шпильрейном,—напр., когда он говорит о том, что при тестовых испытаниях нужно применять социально-классовый анализ. Но этого недостаточно. Если современная психотехника хочет развиваться, она должна поставить во всей широте проблему целостной личности, другими словами—проблему социально-классового содержания этой личности. Эта проблема должна быть являться центральным пунктом выступления докладчика, а не чем-то таким, чему должно быть посвящено подстрочное замечание.

Грех психотехники еще в том, что она скользит по периферии человека. В большинстве случаев исследуются интеллектуальные функции, изучаются память, внимание и т. д. Глубина личности не затрагивается. Однако совершенно ясно, что ни одна из функций не может сколько-нибудь плодотворно быть исследованной, если перед этим не поставлен вопрос о том, в каком контексте исследуются эти функции, какой личности они принадлежат.

Вторая проблема—форма и содержание. Основной грех, которым заражены самые лучшие представители иностранной буржуазной психологии, заключается в психологическом формализме. Говорят о движущих пружинах личности, о структуре личности, об инстинктах, но боятся вскрыть содержание этих движущих пружин. И неудивительно, что этого боятся: западно-европейский психолог не может себе позволить роскоши вскрыть подлинную физиономию личности, потому что он встретился бы с очень неприятным для себя выводом.

Если вспомнить, что содержание человека, те конкретные мысли, которые он переживает, та конкретная направленность, с которой он работает, что они определяют, и очень во многом, механизм психологический в форме мышления, в форме желаний и т. д. и т. д., то станет совершенно ясным, что основной тупик, в который зашла современная психология, заключается в игнорировании содержания личности; тупик этот является имманентным буржуазной психологии, ибо во всей широте он этой проблемы поставить не может. Но то, чего не может сделать западноевропейская психология, те должна сделать наша психология и наша психотехника—поставить вопрос о влиянии содержания на форму, взаимодействии этих моментов в проблеме личности во всю широту. Вот как следует конкретизировать вопрос о применении диалектического материализма в области психотехники.

Если бы т. Шпильрейн с полной решимостью шел на видоизменение психотехники, он не должен был заострять своей полемики с Психологическим институтом, и именно потому, что можно с полным правом сказать, что в постановке проблемы о социально-классовом содержании личности приоритет бесспорно принадлежит этому Институту. В каком соотношении должны быть психотехника и психология? Вопрос ставится так, что психотехника со стороны дает социальный заказ психологии. Хотят представить психотехнику

в качестве чисто прикладной науки, а задачи чисто теоретические отдать общей психологии. Конечно, это неправильно. Общая психология будет развиваться только тогда, когда она будет тесно связана с психотехникой. А психотехника будет хорошо развиваться только в том случае, если все большие психологические проблемы будут поставлены со всей остротой.

Если многие товарищи особенно выдвигали вопрос о Штерне, то они это делали с полным правом. Вопрос вовсе не в том, что психотехников упрекают за то, что они идут за неполностью материалистическим профессором, и сущность критики Штерна вовсе не в том, что Штерн является невеждой, что книги, которые им написаны, будто бы не имеют никакой ценности для психологии. Если Институт экспериментальной психологии до сих пор мало уделял внимания правильной постановке методики дифференциальной психологии, то надо признать этот недостаток. Когда мы критикуем Штерна, мы критикуем именно потому, что наши психотехники до сих пор брали основные категории Штерна. Они часто оправдываются тем, что они пользуются терминологией Штерна. На самом деле, они пользуются рабочими понятиями Штерна. Если наши психотехники дают такое определение личности: «личность есть нечто самоутверждающееся, саморасширяющееся», — спрашивается, можно ли работать на такой методологической основе? Больше того: даже самая ссылка на то, что речь идет только о терминологии, также несущественна, т. к. и терминология приводит к неправильным построениям. Нельзя представить себе таких буржуазных ученых-экономистов, которые бы с легким сердцем пользовались терминологией Маркса: прибавочная стоимость, трудовая стоимость и другие категории. Они этим не пользуются именно потому, что такого рода пользование уже ставит особые задачи исследования, враждебные этим буржуазным экономистам.

Возвращаясь к тому упреку, который приходится бросать даже лучшим из западно-европейских психологов в том, что они импотентны в деле развития содержания личности, что они чистые формалисты в психологии, — следует отметить, что то же самое имеется и у Штерна. Если даже на минуту признать, что с формальной стороны его теория механизма личности является более совершенной, чем теория других буржуазных психологов, то наша психотехника стоит в некотором отношении ниже самого Штерна. Она вяла у Штерна худшее. У Штерна самым хорошим является то, что он первый поднял вопрос о том, что психотехника ограничивается периферией личности, а должна ваять ядро личности. И то, что психотехника эту установку Штерна на поиски ядра личности не вяла, в этом она отстала от Штерна. Она берет от Штерна как раз худшие стороны: неправильную терминологию, неправильные рабочие категории, телеологическую иной раз постановку вопроса и т. д. и т. д.

В заключение т. Сапир отмечает, что тезисы доклада грешат чрезмерным индустриализмом. Поскольку речь идет о намечении генеральной линии в психотехнике на достаточно продолжительный период, нужно помнить, что наше социалистическое строительство идет не только по линии индустриализации, но и по линии социалистической переделки деревни. Здесь также большое поле работы для психотехников в смысле постановки проблемы воспитания новых кадров. Если бы психотехники попытались составить профессиограмму работника деревни в новых условиях, то даже несмотря на то, что этот работник будет работать при условии машинной техники и тем

самым будет сходство между особенностями его профессиограммы и профессиограммы работников в городе, имеется и коренное отличие в виду специфических условий работы.

Конечно психотехника переживает кризис, и не только у нас, но и во всем мире. И выход из этого кризиса, — а кризис переживает не только психотехника, но и ряд других наук, и в частности биология, — выход будет найден тем же путем, каким его предстоит найти и другим дисциплинам, т. е. по линии диалектического материализма. В этом отношении не нужно бояться самокритики. Однако в том разделении развития психотехники на периоды, которую дал т. Шпильрейн, имеются некоторые моменты отказа от этой самокритики. Первый и второй периоды как будто были вовсе неблагоприятными для развития психотехники. Оказывается, что благоприятным является только третий период, и поэтому психотехника начинает развиваться. Во-первых, первый и второй периоды давали некоторые предпосылки, а, во-вторых, в третьем периоде мы немного запаздываем. Но если мы встанем на путь самокритики, признания некоторых ошибок психотехники — по линии социально-психологических недочетов, — психологии — по линии дифференциальной психологии, мы договоримся, примиримся и будем работать по линии социалистического строительства.

Тов. Рудаков попытался подойти к докладу т. Шпильрейна не с точки зрения психотехника и психолога, а с точки зрения хозяйственника. В докладе т. Шпильрейна делается некоторый шаг, который приближает психотехнику к тем задачам, которые практически стоят в организации хозяйства.

Какие перед нами стоят задачи не только в связи с индустриализацией, но и с реконструкцией технической базы? Можно было бы формулировать не только задачу подбора людей, но и — если можно так выразиться — подбора раздражителей. Мы реконструируем сейчас среду.

Не только среда влияет на характер и поведение человека, но мы, в свою очередь, влияя на среду, ее разрушаем и ее реорганизуем. Нам нужно создать такую среду, которая бы создавала такое производственное поведение, которое бы наилучшим образом соответствовало разрешению наших хозяйственных задач.

Однако из выступлений по докладу, а также из той литературы, которая исходит из Психологического института и называется марксистской, мы не можем найти ответа на этот вопрос. Говорится о диалектике и о марксизме, но боевого, революционного марксизма во всем этом нет. Нужно сделать заказ психологам и психотехникам на реконструкцию производственного поведения в той или иной профессии, в плановом порядке, и как бы они ни отвиливали, а к такому то году они должны дать тип такого-то производственного рабочего.

Целый ряд товарищей говорили о том, можно ли тем путем, которым шли до сих пор, найти какую-нибудь смычку между кабинетной работой и той реконструктивной практикой, которая развернулась не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Тов. Шпильрейн в своих тезисах ставит вопрос, который заслуживает огромного внимания; он открывает пути, делает шаг вперед. Если сейчас реконструкция хозяйства у нас идет таким высоким темпом, то мы должны прямо сказать, понимая марксистское учение о поведении, о способностях человека, — что она определяется степенью овладения производительными силами, овладения технической базой. Если вы овладеваете наибольшим количеством машин, наибольшим количеством сил, то этим самым вы соответствующим образом развиваете ваши способности. Если мы ряд лет

реконструируем хозяйство, изменяя машинно-техническую базу, которая создавала «душу» человека (в сущности говоря, сложное поведение современного человека создала машина), если эту машину и всю техническую базу мы сейчас перекраиваем, то как психотехники и психологи отзываются на эти изменения в своих экспериментах над психологией человека? В литературе нельзя найти ничего, где был этот вопрос был освещен. Как влияет реконструкция хозяйства на рабочих и крестьян? Мы наблюдаем наиболее резкие изменения, чрезвычайно интересные, именно в крестьянстве, потому что там предельно-огромный диалектический скачок, которого мы не заметим на фабрике.

Для того чтобы психотехникам и психологам вывести из их кабинетной клетки, им надо учесть тот огромный процесс психологических сдвигов, которые произошли в различных слоях населения, учесть, как повлияла машина и новая техника, и в свою очередь учесть, как мы можем повлиять на эту технику и правильно производить подбор людей.

Тов. *Неижский* считает, что во всех выступлениях представителей Психологического института сквозит непонимание азбучной истины, что психотехника является наукой практической, которая росла не из теории, а в силу совершенно объективных и специфических советских условий, росла именно из практики. Неверно, что кризис в психотехнике заключается в том, — как говорит т. Курманов, — что психотехника в своих эмпирических исследованиях, диктуемых практическими запросами в связи с индустриализацией СССР, зашла в тупик, который не дает ей возможности на основании полученного ею материала прийти к определенным теоретическим обобщениям. Неверно также, что психотехника не оправдала практических запросов, которые предъявлялись ей со стороны производства, о чем говорил т. Рудяков. В настоящее время по приблизительным подсчетам число лиц, подвергнутых психотехническим испытаниям, достигает не менее 100 тысяч человек; результаты этих испытаний имели чисто практический характер, и благодаря им были сохранены десятки, сотни тысяч рублей.

Кризис, переживаемый психотехникой нельзя рассматривать как кризис только психотехники. Он в равной мере распространяется и на психологию, и в первую очередь на ту школу марксистской психологии, которую у нас представляет Психологический институт, являющийся лидером советской психологии. Этот кризис, коротко говоря, заключается в следующем: в силу определенных условий советской действительности, совершенно новых и необычайных в историческом процессе, мы имеем кризис психологии так же как и целого ряда других наук, тесно связанных с изменением идеологических форм жизни общества. Психология, в лице Психологического института, должна перейти от слов к делу. Прогрессивная роль Психологического института в прошлом и в настоящем заключается в том, что он сформулировал то «слово», которое послужило идеологическому и организационному разоружению школы проф. Челпанова. В настоящее время от психологии требуют дела, и прежде всего от психологии требует дела психотехника, т. е. та ее органическая часть, которая в советских условиях непосредственно определяется хозяйственной жизнью страны. Психотехника как наука сугубо практическая в силу своего развития должна была идти так же, как и медицина в прошлом, чисто эмпирическим путем. Она начала с совершенно конкретных дел, достигла больших успехов и заняла определенное место не только в лаборатории, в кабинетной работе, но и в государственном масштабе. Свидетельством этого является недавнее постановление Совнаркома об организации профессиональ-

ного подбора. Теперь психотехника приступает к своему «слову». И вот необходимо, чтобы стремление психологии перейти от слов к делу и стремление психотехники, накопившей большое количество материала, требующего перегруппировки, перейти от дела к слову, — чтобы эти стремления были достаточно выражены с обеих сторон и привели к определенному синтезу.

Необходимо, чтобы между психологией и психотехникой был найден общий язык и чтобы он послужил созданию действительно марксистской психотехнической теории.

Тов. *Колодная* указывает на то, что в докладе было как бы некоторое игнорирование биологического фактора в психотехнической работе. Между тем само положение психотехники как науки, находящейся на грани биологических и социальных наук, обязывает ее изучать все те факторы, которые обуславливают трудовое поведение человека. Необходимо глубокое, всестороннее изучение личности, всей ее психо-физиологической организации в целом. Сюда относится как учет и анализ социально-бытовых условий, среды, окружающей личности, так и наследственного фактора, состояния здоровья и т. д. Связь между особенностями одаренности и физической организации, между конституцией и психической структурой, значение неврологического исследования при определении профессиональной пригодности — все это настолько уже установлено, что излишне на этом останавливаться.

При сопоставлении данных психотехнических испытаний, полученных при исследовании пяти тысяч подростков, с данными исследованиями окулистов оказалось, что у всех подростков, у которых были отклонения в бинокулярном зрении, было понижение данных при исследовании технической одаренности. Сюда относятся тесты на глазомер, пространственные представления, техническую наблюдательность и т. д. Когда мы судим о профпригодности только на основании исследования тех или иных способностей, не имея предварительно медицинского паспорта, мы поступаем неправильно.

В докладе т. Шпильрейна имеется некоторый перегиб в сторону отказа от теоретической работы. Он был всегда за неразрывную связь между практической и теоретической работы; однако теперь, давая социальный заказ психологам, он низводит работу психотехников к чисто практической работе. Не получается ли здесь то же самое, что мы видим в Германии, где психотехникой занимаются инженеры и делают эту работу по рецептам, которые им дают психологи.

Сейчас, когда психотехника собирается объединить и обобщить все огромное количество накопленных за много лет фактов, ей нужно, подводя базу под свою работу, учесть два момента: с одной стороны, необходимость самой создавать теорию, не давая заказов другим, а с другой стороны, не отрывать свою работу от биологии.

Тов. *Бурдянский* считает, что период реконструкции дает социальный заказ психологии и психотехнике; эти науки должны дать ответ на вопрос о том, что они могут сделать для периода реконструкции. Очевидно, что и психологи и психотехники неправы. Психологи слишком много требуют от психотехников. Тов. Шпильрейн готов отгородиться от теоретических проблем, ввалив их только на психологов; однако и психотехники должны отвечать на теоретические вопросы.

Психотехника, кроме того, должна внимательно прислушаться к данному ей социальному заказу, ибо в ней чувствуется некоторое кризисное состояние.

Общую установку т. Шпильрейна дал совершенно правильную. Правда, он допустил неточность, когда говорил об интенсивности труда, так что можно было подумать, что у нас интенсивность труда больше, чем в капиталистическом хозяйстве. Вторая неточность заключается в том, что мы через Тейлора и Форда пришли к Марксу; и когда мы испытывали Тейлора, и когда мы испытывали Форда, мы имели в виду указания Маркса.

Совершенно неправ т. Рудик, что т. Шпильрейн не показал отличия труда при капитализме и социализме. Можно было думать, что т. Рудик скажет что-нибудь новое, сверх того, что сказал т. Шпильрейн. Но он ничего нового не дал и пропустил, что у т. Шпильрейна в тезисах ясно написано, что современная машинная техника выдвинула вопрос о машине своеобразного порядка, и в силу этого особое внимание к человеку. И далее у Шпильрейна сказано, что современный работник одновременно и пролетарий-трудящийся и пролетарий-носитель государственной власти и организатор производства.

Основной задачей психотехники, по Шпильрейну, является идеологическая и техническая подготовка кадров; следовало бы добавить — и организационная их поведения. Совершенно правильно т. Шпильрейн выдвигает вопрос относительно необходимости применения дифференциальных методов марксистской психологии в этом вопросе.

По вопросу о Штерне доклад несомненно является шагом вперед. Мы получили достаточный ответ об отношении т. Шпильрейна к Штерну. Правильно понимать Шпильрейна так, что он собирается достраивать здание Штерна, которое он сам сегодня разрушил. Ведь Штерн в своей концепции отказывается от понимания классового общества. Как же можно достраивать после этого Штерна?

Встает вопрос о том, можно ли использовать мысли Штерна? «Система Тейлора,—говорил Ленин,—как и всякий прогресс капитализма, соединяет в себе уточненное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний». Это диалектическая формула. Мы используем у Тейлора все то, что в нем для нас ценно. Точно также надо изучать Штерна отбрасывая все извращения, в которых он расходится с положениями диалектического материализма.

Тов. Шпильрейн, говоря о тестах, указал на многие извращения. Харьковский Институт труда, учитывая вопрос о том, как различные социальные категории реагируют на те или иные тесты, был очень близок к тому, чтобы поставить вопрос о выдвигании способных детей интеллигенции, оставив в стороне вопрос о классах. И лишь в конце концов, когда им, грубо говоря, наступили на хвост, некоторые из них заявили, что они предполагали выдвигание в рамках классовых.

Тов. Курманов предъявляет к психотехнике чрезмерные требования: он бы хотел, чтобы психотехника могла разоблачить шахтинцев. Однако аппарат диктатуры пролетариата имеет другие механизмы, при помощи которых легче обнаруживать шахтинцев, чем психотехникой, тем более, что шахтинцы всегда готовы голосовать и за индустриализацию и за социализм. По всем тестам они, как народ опытный, дадут такие результаты, что их придется зачислить по первой категории в классово-выдержанные.

Говоря относительно проблемы обучения, докладчик напрасно обошел проблему про ориентации в то время, как особенно важно начинать с детского возраста следить за поведением ребят. Тов. Шпильрейн говорил

почти исключительно о рационализации труда, и таким образом сузил рамки задач психотехники. Почему обойдены вопросы рационализации управления, вопросы о психотехническом воздействии в деле управления? Мы имеем много возможностей по линии воздействия, но не имеем нужной помощи в этом деле от психотехники. Дальше т. Шпильрейн сказал, что психотехника касается больше пропаганды, а агитация на заднем плане. С этим нельзя согласиться. Когда мы вовлекаем в социалистическое строительство новые кадры крестьян, тут с одной пропагандой не пойдешь, нужна и агитация.

Тов. Шпильрейн полагает, что не стоит психотехнике соваться в партийную работу. Однако, в период реконструкции, когда приобретает особое значение четкость в работе и партийного аппарата, будет не плохо, если психотехника подойдет и к этому вопросу.

Из доклада т. Шпильрейна можно сделать следующие выводы: во-первых, нужно усилить темп работы по методологии.

Во-вторых — тематике, о порядке работы всех учреждений и институтов, занимающихся психотехникой. Нужно, чтобы в плановом порядке ставились темы, которые нам нужны для реконструкции хозяйства. Недавно было совещание научных институтов при Госплане, и товарищи из Госплана совершенно правильно ставят именно так вопрос. Они хотят, чтобы научные учреждения по труду разрабатывали вопросы, которые могли бы давать указания другим участникам научной работы по линии реконструкции нашего хозяйства.

Наконец, надо развить работу по подготовке собственных кадров, ибо она уже сейчас является чрезвычайно узким местом, и мы не можем дать психотехников на пустующие штатные должности.

Тов. Шатуновский считает, что т. Шпильрейн не случайно начал свой доклад с той борьбы, которую вела группа 17-ти коммунистов с тейлористом Гастевым, который считал охрану труда чем-то вроде общества покровительства животным, и с другой стороны, с Ерманским, который кисло-сладо выступал в защиту рабочего класса против тейлоризма. Эта борьба в свое время была совершенно уместна и была, в общем, победоносна. Она привела к сегодняшней нашей привязанной установке. Кончилась ли эта борьба? Еще несколько дней тому назад проф. Ерманский выступил с заявлением, что хронометраж есть нечто вредное, потому что он ведет к нормированию, а нормирование порабощает рабочий класс и усиливает его эксплуатацию, а нам нужно его защищать.

Тов. Бурдянский привел слова Ленина о тейлоризме, показав, что мы в этой борьбе стояли на правильной точке зрения: брать у Тейлора то, что является освобождением рабочего класса от лишних движений, от лишней работы. Точно так же мы подходим сейчас и к Форду, который будет строить у нас Нижегородский завод, а мы будем его слушаться в очень многом. И вот сейчас эти старые вопросы возникают опять по отношению к Штерну. Он чужой, у него не та идеология. Нужно было все-таки за эти годы чему-нибудь научиться и не повторять того, что мы в свое время говорили и по отношению к Тейлору и по отношению к Форду.

Необходимо подчеркнуть еще два момента. Наша психотехника, если она хочет угнаться за сегодняшним темпом и сегодняшними задачами, должна гораздо решче повернуть в машине. Шофер, который сидит на автомобиле в 12 сил, и шофер, который сидит на машине в 60 сил. — разные сущности.

И современный машинист, который везет поезд в километр и который может переговариваться с кондом его только по телефону, это не машинист, который везет поезд в 12 вагонов. Необходимо изучение этого момента в условиях разрастающегося производства. До сих пор психотехник—это главным образом врач, или в лучшем случае психолог, но не инженер, и работает он в лаборатории не всегда производственной. Напр. НКПС-овская лаборатория—она все еще наркомздравская, и с этим надо покончить.

Другой момент—это использование психотехники в области профобучения. Сейчас нам нужны рабочие гораздо менее квалифицированные, так как у конвейера работа гораздо более простая, чем она была раньше. Однако наш рабочий отличается от западно-европейского тем, что он на производственном совещании решает судьбу своего предприятия. Наше обучение рабочего не должно идти по пути обучения его нескольким каким-нибудь процессам и движениям, а мы должны его ввести во все производство, и с этой точки зрения нужно направлять профессиональное обучение. И если психотехники сейчас горячо ударят по тому упрощению подготовки кадров рабочих, которая производится некоторыми нашими органами, и в том числе ЦИТОм, и поставят задачу подготовки так, чтобы пролетарий, который создает сейчас нашу страну и нашу индустриализацию, охватывал все производство, то это будет величайшей заслугой, какую психотехники могут в деле профобучения оказать стране.

Две задачи: во-первых, приближение к машине и изучение рабочего вместе с растущей машиной, и во-вторых, приближение к профобучению и охват этой проблемы вместе с растущими задачами нашего рабочего, который стоит во главе строительства,—должны быть для психотехники основными.

Тов. Коган считает, что дискуссия по докладу т. Шпильрейна превратилась в вечер самокритики психотехники. Некоторые по-своему поняли смысл этого заседания и решили, что если сами психотехники говорят, что у них многое неладно, то это значит, что у них в действительности все плохо, и практически, и теоретически. Но в данном случае нужно подходить к самокритике так, как на всяком промышленном предприятии. Ставится общий доклад относительно тенденций роста, освещающий недостатки для того, чтобы наметить линии, по которым могло бы четко идти развитие, и уточнить взгляды на те моменты конкретной методики, которые нуждаются в некоторой коррекции.

К сожалению, товарищи психологи заняли неправильную позицию в отношении этого самокритического доклада. Если мы посмотрим на положение психотехники в иностранных органах печати, то мы натолкнемся на то, что по мере роста практических требований со стороны экономических условий происходит все большее и большее слияние психотехники с психологией, и прежде всего персональное. Все больше больших мастеров психологии мы находим в рядах психотехники. У нас в этом отношении со времен Челпанова ничего не изменилось. Все так же психологи замыкаются в рамки кабинета и совершенно не занимаются конкретными исследованиями. Интересно знать, как т. Сапир в процессе своего невропатологического исследования выполняет все те требования причинного анализа целостности личности, которые так легко можно прокламировать в теоретической форме. Повидимому, имея в виду ту конкретную личность, для которой необходимо в данном случае лечение, т. Сапир пользуется тем, чем он может пользоваться в на-

стоящее время. У него сейчас нет непосредственных объяснений для причинного анализа всех явлений, и он пользуется своим эмпирическим, индуктивным опытом, который ставится в вину психотехнике, и делает свою практически-полевую работу.

Докладчик слишком быстро переходил от проблемы к проблеме. В действительности многое в том, что мы сейчас делаем в области профподбора, профконсультации, нуждается в серьезном методологическом изучении, и тогда мы сможем принести большую пользу промышленности. Если мы можем констатировать, что из ста человек, которых мы отбираем в фабзавуч, 70 мы отбираем правильно, а 30 неправильно, то это есть тот недостаток, который мы должны восполнить с помощью психологии, которая должна прийти нам на помощь. Мы должны от констатирования перейти к объяснительной работе, к указанию на те причины, которые могут объяснить наши дефекты, и т. д. Тов. Сапир говорил, что в докладе т. Шпильрейна нет указания относительно исследования целостности личности. Однако в наше время быстрого хозяйственного роста недопустимо, чтобы какая бы то ни была наука ставила себе методологические задачи в качестве самоцели. По пути разрешения ряда жизненных вопросов мы можем говорить об уточнении наших методов.

Если бы психологи с самого начала пришли психотехникам на помощь, то мы уяснили бы и ряд обще-психологических вопросов, так как при практическом разрешении дифференциально-психологических проблем попутно возникает целый ряд вопросов обще-психологического порядка.

Неправ был т. Рудик, говоривший о том, что докладчик, разделяя понятия одаренности и подготовки, тем самым считает одаренность биологическим явлением. Так подходить к вопросу нельзя, так как, учитывая подготовку, мы только создаем плюс или минус для различных субъектов: для одного эта подготовка являлась тормозящим фактом, для другого—стимулирующим, но все же для нас неясно, какова была бы действительно данная функция, если бы мы имели прочие равные данные, равную подготовку и т. д.

В докладе надо приветствовать постановку вопроса о несколько новой связи нашей работы с экономическими потребностями, так как вне этого сейчас нельзя ставить ни одного вопроса.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО И. Н. ШПИЛЬРЕЙНА

В своем заключительном слове т. Шпильрейн высказывает свое удовлетворение теми интенсивными прениями, которые развернулись по поводу его доклада. Не будучи в состоянии ответить на все вопросы, затронутые в прениях, он считает необходимым осветить лишь основные недоумения, высказанные выступавшими.

Недоразумение первое, вылившееся в выступлениях тт. Рудика, Колодной и Бурдянского, заключалось в том, что, говоря о социальном заказе, который психология получает от психотехники, докладчик якобы предполагал, что психотехника тем самым освобождается от всякой теоретической, исследовательской работы. Это неверно, так как наряду с социальным заказом психологии у психотехники остается целый ряд собственных методологических и исследовательских проблем.

Второе недоразумение заключается в том, что т. Рудик понял докладчика таким образом, будто бы он видит разницу между нашим производ-

ством периода реконструкции и производством буржуазным только в том, что у нас большая интенсивность труда и лучше условия труда. Тов. Шпильрейн считает, что так карикатурно понять его можно было только в том случае, если было желание не понять. Говоря об особенностях реконструктивного периода, докладчик указал на то, что рабочий одновременно и производитель ценностей.

Что касается вопроса об одаренности, то т. Рудик год тому назад в Психотехническом обществе в своем заключительном слове подчеркнул, что «вообще теория одаренности не нужна для общих практических целей, наоборот, она даже вредна»¹⁵. Сейчас же т. Рудик полагает, что ошибка докладчика состоит в том, что он не развил теорию одаренности.

Возражая по вопросу о Штерне, т. Шпильрейн отмечает, что он никогда не интересовался Штерном столько, сколько интересуются им его оппоненты. Он считает, что говорил относительно Штерна достаточно ясно. Штерн дал систему дифференциальной психологии, и психотехники пользуются его работой потому, что без дифференциальной психологии нельзя строить психотехники. Пока перед психотехникой не стояла другая тема, другие задачи, до тех пор можно было пользоваться основной системой, данной Штерном. Теперь эта схема оказывается недостаточной. Развивая в докладе этот вопрос, докладчик указал, в каких частях она является непригодной, отметив, что мы должны идти по таким путям, чтобы построить марксистскую социальную психологию. От него требуют, чтобы он прочел курс марксистской дифференциальной психологии от начала и до конца. Если бы он уже мог это сделать, он бы это сделал, но он этого сделать еще не может так же, как еще не могут этого сделать и работники из Института экспериментальной психологии, в котором докладчику было предложено коллегией этого Института вести семинар дифференциальной психологии, взявши за основу учебник Штерна. Если этот Институт, в котором ученым секретарем является т. Сапир, в котором т. Ковтунова является зав. учебной частью, т. Белокопытца и т. Рудик — научными сотрудниками, а т. Курманов — аспирантом, считает возможным и необходимым вести семинар на основании книги Штерна, то очевидно товарищи, считающие себя наиболее призванными защищать марксистскую методологию, находят эту книгу приемлемой. Когда у нас будет марксистская дифференциальная психология, которую может быть напишет кто-нибудь из выступавших товарищей, то тогда мы, конечно, книжку Штерна положим на полочку для исторических справок, а заниматься будем по этому учебнику марксистской дифференциальной психологии.

Тов. Курманов обижается, что психотехники дают психологии заказ, и хочет дать заказ психотехникам, чтобы они вместе с психологами работали по одному методу. Считая, что насчет тематики договориться можно, т. Шпильрейн находит неправильным замечание о «беллетристической психотехнике». В Психологическом институте теперь только начинают понимать, что марксизм не повторение цитат, а научный метод; однако, по однажды усвоенному методу цитатизма бесконечно повторяют эту самую цитату: «марксизм не повторение цитат, а научный метод». «Действительность всегда конкретна» и т. д. Между тем психотехнику из нашего строительства никак не вычеркнешь. Психотехника, благодаря проделанной работе, стала важнейшим фактором нашего социалистического строительства. И поэтому, если заказ т. Курманова заключается в том, что он формулировал в своем выступ-

лении, то не только психотехники не смогут его выполнить, но им не разрешат бросить психотехники и заняться тем, что предлагает т. Курманов.

Сотрудничество между психотехниками и психологами необходимо; однако сотрудничество это должно в наибольшей степени соответствовать потребностям социалистического строительства. Тов. Сапир не ответил на вопрос, чем же заменить математический функционализм, в котором он обвинял психотехников. Он обвинял докладчика в том, что определение предрасположения он дает в терминах математического функционализма. Ему был задан вопрос: «как же вы определяете предрасположение, чем вы замените наше определение?» Он сказал, что в конце своего выступления ответит, но не ответил. Очевидно гораздо легче критиковать, чем дать что-нибудь положительное.

Тов. Шпильрейн присоединяется к заявлению т. Нецкого, что дела психотехников говорят все-таки за них. В психотехнике конечно не все идеально, но все-таки кое-что уже сделано и в армии, и на транспорте, и в промышленности, и в школе. А теперь следует ждать дел от тех товарищей, которые называют себя психологами, чтобы отгородиться от прикладной практической работы. Легче будет увязаться не на словах, а на деле.

Что же касается работы Психологического института на заводе «Каучук» по изучению личности коренного московского пролетаря, то т. Шпильрейн был действительно против этой работы, так как, когда она предпринималась, не были рассчитаны ни силы работников, ни время, ни объем работы, ни темы ее, ни проблемы, на которые надо получить ответ, ни сроки отдельных участков работы и всей работы в целом. В результате инициаторы этой работы уже больше полугода говорят умные вещи о деталях работы на «Каучуке», а между тем еще не были на производстве, не вглядели и за полгода на тех пролетариев, которых собрались изучать. Это не плановая работа, это доплановая работа. Это — идеалистические разговоры о «хождении в народ».

Затем докладчик считает необходимым сделать несколько разъяснений т. Рудик, который утверждает, что работы докладчика, касающиеся языка красноармейцев¹⁶, перемены имен и фамилий¹⁷ и значимости чисел¹⁸, не являются дифференциально-психологическими. Из этого замечания следует, что т. Рудик не имеет ясного представления о том, что такое дифференциальная психология. Сравнение нескольких групп красноармейцев по происхождению, по родам оружия, по продолжительности пребывания в армии, по годам рождения, и установление, как в зависимости от этого у них в частности изменяются структура речи, количество слов и состояние словаря и т. д., — является именно дифференциально-психологической работой, так как мы устанавливаем, как отражаются социальные различия на психологических различиях между людьми. Если мы устанавливаем, какова динамика изменения эстетических вкусов в отношении фамилий, то это тоже работа дифференциального порядка. Надо договориться, что под дифференциальной психологией мы будем понимать ту отрасль психологии, которая устанавливает различия между психоло-

¹⁶ Шпильрейн И., Рейтынбарт Д., Нецкий Т., Язык красноармейца, М. Гиз, 1928.

¹⁷ Шпильрейн И., О перемене имен и фамилий, «Психотехника», II, 4, 1929.

¹⁸ Шпильрейн И., Новый метод психологического анализа элементарных процессов счета, «Вопросы психофизиологии, рефлексологии и гигиены труда», сборник II, 1924.

гней различных социальных, национальных, возрастных, половых, конституциональных групп.

В ответ на замечание т. Бурдянского относительно того, что у нас нет интенсификации труда, т. Шпильрейн указал на то, что у нас имеются случаи, когда рабочие работают более интенсивно и более быстро, нежели работали рабочие в соответствующих отраслях промышленности до войны, до революции. Замечания т. Бурдянского относительно «внеклассовых выдвиженцев» в Харькове докладчик считает правильными.

По вопросу об агитации и пропаганде докладчик не считает, что агитационные задачи сейчас менее важны, но в виду того, что наши лозунги не являются лозунгами быстро сменяющимися, а являются задачами, спланированными на много лет, мы соответствующим образом можем готовить большие слои трудящихся к их задачам в этом строительстве. В частности, работа среди крестьян, о которой говорил т. Бурдянский и т. Сапир, является работой пропагандистской, длительной подготовкой и организацией крестьян для соответствующей перестройки их хозяйства.

ПрофорIENTATION докладчик обошел не случайно, а «в плановом порядке», поскольку он считает, что сейчас задача профорIENTATION поглощается более важной задачей подготовки кадров.

В заключение т. Шпильрейн считает, что сделанный им доклад может быть положен в основу его доклада на съезде по поведению и что он должен положить начало целому ряду докладов, развивающих высказанные в нем основные мысли.

Хотя психотехника, несомненно, стоит в ряду психологических дисциплин, но она не чисто психологическая дисциплина. Как всякий работник социальных дисциплин, психотехник должен связаться с экономистами, с хозяйственниками, а с другой стороны — с психологией, с большой физиологией. Эти переходы только тогда перестанут быть проблемами, когда все психологи поймут, что ценность их работы не в том, что они большее или меньшее количество раз повторяют чью-нибудь цитату, а в том, чтобы они научились понимать смысл этих цитат и лозунгов и применять их к той основной работе, которая выдвигается в связи с нашим социалистическим строительством.

ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННЫХ ВОЙН В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ VI КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА

(ДОКЛАД М. Н. ТУХАЧЕВСКОГО В ВОЕННОЙ СЕКЦИИ КОМАКАДЕМИИ¹)

Докладу предшествовало краткое вступительное слово т. Бубнова о ближайших задачах военной секции Комкакадемии.

Этим докладом, сказал т. Бубнов, мы открываем, если можно так выразиться, публичную деятельность нашей секции. М. Н. Покровский в одном из своих выступлений несколько лет тому назад, характеризуя Комкакадемию, как научный методологический центр, отмечал, что Комкакадемия «должна принадлежать известная монополия на руководство научной работой во всеобщем масштабе». Всей своей деятельностью Комкакадемия уже доказала, что она шаг за шагом осуществляет те задачи, которые возлагаются на нее партией. Это обстоятельство имеет прямое и непосредственное отношение к работе секции по изучению проблем войны и налагает на нас весьма ответственные задачи.

То, что мы являемся военной секцией при Комкакадемии — определяет основное направление нашей деятельности. И то, что мы сосредоточиваем свое внимание на приложении марксистского метода к изучению военных проблем и одновременно с этим хотим добиться того, чтобы в рамках нашей секции были объединены различные научные специальности, связанные с военными проблемами, — подчеркивает большую сложность тех задач, которые стоят перед военной секцией.

Сама организация военной секции при Комкакадемии свидетельствует не только о том, что мы чрезвычайно остро нуждаемся в усилении нашего внимания к важнейшим научным проблемам военного дела, но также и о том, что мы уже достаточно накопили сил для того, чтобы вплотную приступить к их изучению.

Подводя далее краткие итоги основным недочетам и достижениям в области теоретической военно-научной мысли, т. Бубнов указал, что за последнее время мы не только систематизировали наш опыт в военном деле, но мы умеем привлекать марксистский метод к военному делу вплотную, пользуясь им при рассмотрении важнейших военных проблем. Это крупнейшее достиже-

¹ Вступительное слово т. Бубнова и доклад т. Тухачевского даются нами в сокращенном изложении. Полные стенограммы их выступлений помещены в выпущенном из печати первом томе «Записок секции по изучению проблем войны при Комкакадемии». Там же даны и прения по докладу т. Тухачевского.

ние не только дает базу для работы военной секции, но и предъявляет к ней довольно-таки высокие требования.

Тов. Бубнов остановился затем на основных задачах военной секции Комкадемии.

Нам нужно так планировать свою работу, чтобы ни в какой степени не дублировать и не заменять ту научно-исследовательскую работу, которой должен заниматься целый ряд специальных военных учреждений.

Основная цель нашей военной секции заключается не в том, чтобы стать единственным или главным центром по изучению военных проблем, — наше дело заключается в том, чтобы быть такой организацией, которая оказывала бы максимальное содействие той научно-исследовательской работе, которая широко развигывается в различных военных учреждениях.

Область военных знаний — область громадная. Мы, военная секция, не должны ни в коем случае брать эту область целиком. Объем нашей деятельности должен быть ограничен вопросами обще-теоретического обще-экономического и исторического порядка.

Нам нужно три основных условия для этой работы. Первое — твердо помнить о том, что мы являемся секцией при Комкадемии, при центре большевистской науки. Во-вторых, что в своей деятельности мы ограничены совершенно определенным кругом проблем, входящих в область военных знаний. В третьих, мы должны собрать в секции не только людей, работающих над различными проблемами военного знания, но мы должны как организационная часть войти в то целое, которое называется Коммунистической академией.

Мы должны теснейшим образом увязать свою работу со всеми секциями Комкадемии. Мы должны втянуть в нашу работу президиум Комкадемии. Мы должны установить прочную связь с Институтом красной профессуры и теми молодыми марксистско-ленинскими силами, которые сейчас двигают нашу большевистскую науку. Я не сомневаюсь в том, что мы в ближайшие месяцы поведем нашу военную научно-исследовательскую работу так, как надлежит ее вести в стенах Коммунистической академии, являющейся созданием ленинской партии.

ДОКЛАД М. Н. ТУХАЧЕВСКОГО

В первой части своего доклада т. Тухачевский останавливается на характеристике современного состояния капитализма, его относительной и неустойчивой стабилизации и мероприятиях империалистических стран, направленных к обеспечению своего тыла в неизбежно предстоящих новых войнах как между империалистическими странами, так и в той войне, которую они готовят против Советского Союза. В соответствии с решениями VI конгресса Коминтерна, т. Тухачевский характеризует задачи компартии и рабочего класса в борьбе с новыми империалистическими войнами и превращении их в гражданские войны.

Тов. Тухачевский останавливается затем на характеристике современной империалистической войны и периодах ее развития.

Размах будущей войны будет грандиозный. Однако не может быть такого положения, чтобы империалистическая война вспыхнула одновременно во всех странах. Опыт прошлого показал, что коалиции создаются постепенно, нарастают в течение продолжительного времени. Этот фактор оказывает боль-

шое влияние на ход самой войны, на разнообразие различных ее периодов, на динамику развития войны.

В зависимости от того, какой характер имеют страны, входящие в коалиции, т. е. являются ли эти страны материковыми, нераздробленными, или же они имеют «морской» характер, когда отдельные континентальные или островные части объединяются при посредстве морских коммуникаций, — резко изменяется и самый характер войны, и это сказывается на стратегии воюющих стран.

Крупное значение имеет и географическая структура коалиций и географический характер их нарастаний.

Географическая структура коалиций изменяется не только под давлением нарастания коалиций, но и как результат вооруженных схваток. Отдельные звенья коалиций могут быть разгромлены и территории их оккупированы, что очень резко влияет на географическое распределение вооруженных сторон. Так, коалиция центральных держав в мировой войне нарастала чрезвычайно уродливо и географически невыгодно по отношению к тем целям, которые она преследовала. Турция, напр. первоначально была совершенно отделена от Австрии и Германии. Последней понадобилось провести целый ряд операций и кампаний для того, чтобы эту коалицию объединить в одно целое. С другой стороны, охватывающее положение Антанты было разрушено выходом из нее России в 1918 г. и т. д. Географическая раздробленность коалиций, даже при общем абсолютном превосходстве в силах, может исключить возможность их объединенного использования и облегчить поражение коалиции по частям и т. д. Могут ли капиталистические коалиции по своей воле комбинировать наиболее выгодно географическое сочетание своих звеньев? Очевидно, только лишь отчасти. Противоречивая природа капитализма, неравномерность его развития и конкуренция вносят противоречивый элемент и в расстановку сил для войны.

Вместе с нарастанием коалиции изменяется и ее экономическая мощь. Но и нарастание последней может быть совершенно непланомерным. Выпадение одних звеньев коалиции и присоединение других может вносить в эту картину различные видоизменения в различные периоды войны. Овладев Сербией, Румынией и Польшей, Германия значительно упорядочила вопрос о сырье и продовольствии, чему ей помогли как эксплоатация ресурсов оккупированных стран, так и соединение с Турцией и Болгарией. Однако экономические приобретения могут быть сведены на-нет очагами превращения империалистической войны в гражданскую. Так напр. оккупация германцами Украины, в конце-концов, не разрешила их продовольственных затруднений, но зато оказала громадное влияние на развитие революции в странах центральных держав. Для Антанты неудачное распределение человеческих и индустриальных ресурсов оказалось точно также невыгодным и бесплановым. Россия обладала неисчерпаемыми человеческими запасами, но ее коммуникационные связи с Антантой были настолько ограничены, что она, при своей недостаточной промышленной мощи, не могла их целесообразно использовать. С другой стороны, Франция испытывала громадные затруднения с человеческими ресурсами, несмотря на весьма широкое использование колониальных жителей.

Развитие войны создает в различных ее периодах неравномерное напряжение, что часто порождает ножицы между техническими и людскими ресурсами. Так напр. в Германии нарастание технических средств борьбы шло непрерывно, зато человеческий материал, после его максимального использо-

ние не только дает базу для работы военной секции, но и предъявляет к ней довольно-таки высокие требования.

Тов. Бубнов остановился затем на основных задачах военной секции Комкадамии.

Нам нужно так планировать свою работу, чтобы ни в какой степени не дублировать и не заменять ту научно-исследовательскую работу, которой должен заниматься целый ряд специальных военных учреждений.

Основная цель нашей военной секции заключается не в том, чтобы стать единственным или главнейшим центром по изучению военных проблем, — наше дело заключается в том, чтобы быть такой организацией, которая оказывала бы максимальное содействие той научно-исследовательской работе, которая широко развигывается в различных военных учреждениях.

Область военных знаний — область громадная. Мы, военная секция, не должны ни в коем случае брать эту область целиком. Объем нашей деятельности должен быть ограничен вопросами обще-теоретического обще-экономического и исторического порядка.

Нам нужно три основных условия для этой работы. Первое — твердо помнить о том, что мы являемся секцией при Комкадамии, при центре большевистской науки. Во-вторых, что в своей деятельности мы ограничены совершенно определенным кругом проблем, входящих в область военных знаний. В третьих, мы должны собрать в секции не только людей, работающих над различными проблемами военного знания, но мы должны как органическая часть войти в то целое, которое называется Коммунистической академией.

Мы должны теснейшим образом увязать свою работу со всеми секциями Комкадамии. Мы должны втянуть в нашу работу президиум Комкадамии. Мы должны установить прочную связь с Институтом красной профессуры и теми молодыми марксистско-ленинскими силами, которые сейчас двигают нашу большевистскую науку. Я не сомневаюсь в том, что мы в ближайшие месяцы поведем нашу военную научно-исследовательскую работу так, как надлежит ее вести в стенах Коммунистической академии, являющейся созданием ленинской партии.

ДОКЛАД М. Н. ТУХАЧЕВСКОГО

В первой части своего доклада т. Тухачевский останавливается на характеристике современного состояния капитализма, его относительной и неустойчивой стабилизации и мероприятиях империалистических стран, направленных к обеспечению своего тыла в неизбежно предстоящих новых войнах как между империалистическими странами, так и в той войне, которую они готовят против Советского Союза. В соответствии с решениями VI конгресса Коминтерна, т. Тухачевский характеризует задачи компартии и рабочего класса в борьбе с новыми империалистическими войнами и превращении их в гражданские войны.

Тов. Тухачевский останавливается затем на характеристике современной империалистической войны и периодах ее развития.

Размах будущей войны будет грандиозный. Однако не может быть такого положения, чтобы империалистическая война вспыхнула одновременно во всех странах. Опыт прошлого показывал, что коалиции создаются постепенно, нарастают в течение продолжительного времени. Этот фактор оказывает боль-

шое влияние на ход самой войны, на разнообразие различных ее периодов, на динамику развития войны.

В зависимости от того, какой характер имеют страны, входящие в коалиции, т. е. являются ли эти страны материковыми, нераздробленными, или же они имеют «морской» характер, когда отдельные континентальные или островные части объединяются при посредстве морских коммуникаций, — резко изменяется и самый характер войны, и это сказывается на стратегии воюющих стран.

Крупное значение имеет и географическая структура коалиций и географический характер их нарастаний.

Географическая структура коалиций изменяется не только под давлением нарастания коалиций, но и как результат вооруженных схваток. Отдельные звенья коалиций могут быть разгромлены и территории их оккупированы, что очень резко влияет на географическое распределение вооруженных сторон. Так, коалиция центральных держав в мировой войне нарастала чрезвычайно уродливо и географически невыгодно по отношению к тем целям, которые она преследовала. Турция, напр. первоначально была совершенно отделена от Австрии и Германии. Последней понадобилось провести целый ряд операций и кампаний для того, чтобы эту коалицию объединить в одно целое. С другой стороны, охватывающее положение Антанты было разрушено выходом из нее России в 1918 г. и т. д. Географическая раздробленность коалиций, даже при общем абсолютном превосходстве в силах, может исключить возможность их объединенного использования и облегчить поражение коалиции по частям и т. д. Могут ли капиталистические коалиции по своей воле комбинировать наиболее выгодно географическое сочетание своих звеньев? Очевидно, только лишь отчасти. Противоречивая природа капитализма, неравномерность его развития и конкуренция вносят противоречивый элемент и в расстановку сил для войны.

Вместе с нарастанием коалиции изменяется и ее экономическая мощь. Но и нарастание последней может быть совершенно непланомерным. Выпадение одних звеньев коалиции и присоединение других может вносить в эту картину различные видоизменения в различные периоды войны. Овладев Сербией, Румынией и Польшей, Германия значительно упорядочила вопрос с сырьем и продовольствием, чему ей помогли как эксплуатация ресурсов оккупированных стран, так и соединение с Турцией и Болгарией. Однако экономические приобретения могут быть сведены на-нет очагами превращения империалистической войны в гражданскую. Так напр. оккупация германцами Украины, в конце-концов, не разрешила их продовольственных затруднений, но зато оказала громадное влияние на развитие революции в странах центральных держав. Для Антанты неудачное распределение человеческих и индустриальных ресурсов оказалось точно также невыгодным и бесплановым. Россия обладала неисчерпаемыми человеческими запасами, но ее коммуникационные связи с Антантой были настолько ограничены, что она, при своей недостаточной промышленной мощи, не могла их целесообразно использовать. С другой стороны, Франция испытывала громадные затруднения с человеческими ресурсами, несмотря на весьма широкое использование колоннальных жителей.

Развитие войны создает в различных ее периодах неравномерное напряжение, что часто порождает ножицы между техническими и людскими ресурсами. Так напр. в Германии нарастание технических средств борьбы шло непрерывно, зато человеческий материал, после его максимального использо-

вания в первые годы войны, численно начинал быстро снижаться. В конечном счете, в 1918 г., помимо сложившейся политической ситуации, Германия терпела поражение главным образом от недостатка людей, а не от недостатка техники. К этим затруднениям необходимо еще добавить затруднения в добытии промышленного сырья и продовольствия.

Итак, нарастание коалиций с точки зрения накопления человеческих, промышленных, сырьевых и продовольственных ресурсов не может идти прямо пропорционально географическому нарастанию. Вместе с ведением войны, диспропорция между этими элементами может сильно обостриться, причем особого обострения достигает она, если эти элементы неравномерно распределены между звеньями коалиции. Невыгодное географическое расположение и военные неудачи эту неравномерность и диспропорцию еще более обостряют.

Кривая нарастания экономических ресурсов коалиции, зачастую разбивающаяся на ряд несогласованных кривых между ее отдельными звеньями, не означает еще непосредственного прямого выражения военной силы коалиции. Эта последняя определяется размерами мобилизованных армий, степенью их технического оснащения и обученности, возможностью сосредоточения превосходных сил на решающих театрах, способностью отдельных стран не только поддерживать, но и развивать численность и техническую мощь своих армий, и наконец подготовленностью промышленности этих стран к мобилизации и военному производству в различные периоды войны. Как это видно из вышеприведенных примеров, кривые этих элементов могут принимать разнообразный характер и создавать различный удельный вес отдельных стран коалиции в различные периоды войны.

Мобилизация промышленности и всех экономических ресурсов по-разному решается в различных странах, в зависимости от степени их промышленно-экономического развития и уровня их технического прогресса. Первый период войны 1914—1918 гг. характеризуется использованием тех многомиллионных накоплений материальной части и огнеприпасов, которые были сделаны еще в мирное время. К мобилизации промышленности никто не был готов. Она запоздала, и образовался значительный прорыв между первым периодом массовых маневренных действий и дальнейшими крупными наступательными операциями. Позиционная война возникла главным образом благодаря этому разрыву. В дальнейшем началось соревнование сторон в производстве наступательных средств, но эта задача более или менее заметно была разрешена лишь в 1918 г.

В настоящее время не может быть тех длительных сроков мобилизации промышленности, с которыми мы сталкиваемся в войне 1914—1918 гг. В некоторых капиталистических странах поговаривают о 6-ти недельном сроке мобилизации промышленности. Таким образом характеристика первого и последующих периодов войны в предстоящих столкновениях не может делаться по трафарету опыта 1914—1918 гг., без учета новейших технико-экономических сдвигов и всего технического прогресса в целом.

Однако успехи мобилизации промышленности не означают, что нет факторов, влияющих на необходимость появления периодов войны, отличных один от другого. Вопрос о системах вооружения или, вернее говоря, о перевооружении армий более современными образцами вряд ли может быть в полной мере разрешен даже самыми богатыми капиталистическими странами еще в мирное время. Только Соединенные штаты частично позволяют себе

роскошь более быстрого перевооружения. Европейские же страны идут главным образом по пути модернизации материальной части, модернизации снарядов и других видов вооружения. Это не касается конечно авиации, танков и химического оружия, где прогресс развития носит активный характер.

Совершенно очевидно, что процесс перевооружения начнется с началом войны, а это создаст новый технический базис борьбы, который неизбежно преобразующе повлияет и на формы тактики и стратегии.

Все это не может не создавать условий, отличающих первый период войны от последующих и этих последующих между собою. В соединении с социальными изменениями в армии эти технические сдвиги могут создавать еще более резкие перемены.

Во время войны 1914—1918 гг. мы видели, как введение новых образцов вооружения преобразующе влияло и на формы ведения войны. Рост пулеметного вооружения при отставании производства огнеприпасов и роста численности артиллерии повлиял на закрепление позиционных форм войны. Введение в пехоту ручного пулемета разорвало линейные цепи и образовало глубокий групповой боевой порядок пехоты, гораздо более способный к маневренным и подвижным действиям. Массовое применение танков создало совершенно новые условия для ведения наступательных операций. Рост авиационных средств по-новому поставил как ведение общевойскового боя, так и ведение крупных армейских операций. Применение химического оружия внесло массу новых элементов.

Уже в 1914—1918 гг., в силу быстро растущего технического прогресса в военном деле, почти все армии воюющих сторон чуть ли не каждый год довооружались и перевооружались. В связи с этим тактика видоизменялась и вместе с ее изменением приходилось переучивать заново многотысячные офицерские массы и многомиллионные массы войск. Германское и французское военное командование почти каждый год собирало офицерский состав в особых лагерях и переучивало его по-новому, в соответствии с изменением технического базиса и характера боя.

Для того чтобы учесть диалектику развития коалиционной войны, по периодам в условиях будущих столкновений, к тому историческому анализу и к тем выводам, которые можно сделать из опыта империалистической войны 1914—1918 гг., необходимо добавить те новые технико-экономические сдвиги, которые характеризуют современное развитие капиталистических стран и СССР. Эти новые сдвиги весьма определенно и решительно отражаются на массовости военной продукции, на скорости промышленной мобилизации и на степени независимости отдельных стран от импорта во время войны. Эти данные уже и сейчас не позволяют поставить знака равенства с прошлым опытом, а если еще иметь в виду непрекращающийся процесс развития, — то все это придется учесть как фактор крупнейшего порядка для будущих войн.

К этому необходимо еще добавить и ряд таких технико-экономических сдвигов, которые повышают экономическую самостоятельность отдельных стран, эмансипируют их от импорта как в мирное, так и в военное время. Возьмем напр. разрешение энергетической проблемы во Франции. Франция имеет большие запасы руды, но ей не хватает каменного угля, и его приходится ввозить из Англии или Германии. Это создает большие затруднения для Франции на случай войны и большие валютные затруднения в мирное

время. Для того чтобы освободиться от этой зависимости, Франция принимает в этом отношении ряд мероприятий. С другой стороны, Франция ставит очень широко вопрос о развитии своих гидро-электрических станций. Для этого используются все значительные водные ресурсы отрогов Альп и Пиринеев. Такое распределение водных ресурсов чрезвычайно выгодно для Франции на случай ее борьбы с Германией, ибо отбрасывает ее энергетическую базу далеко к югу и юго-западу от германской границы. В 1914 г. энергетическая база Франции, как раз наоборот, была выдвинута ближе к германской границе.

В Италии имеются два базиса энергетических водных ресурсов: Альпы и Апеннины. Но в этих районах имеется различный режим воды в различное время года. Следовательно встает вопрос об объединении этих районов гидро-электростанцией, сверхмощными электропередачами и таким образом установить целостное энергетическое хозяйство. Это уже осуществлено, причем промышленность Италии в подавляющем проценте перешла на электроэнергию, и следовательно военная продукция и возможность ведения войны в значительной степени будет зависеть от работы сети электропередач. Но это выдвигает и дополнительные задачи по обороне. Если в прошлом мы привыкли говорить об обороне железных дорог и отдельных промышленных центров от авиации, от партизанских действий, от морских десантов и пр., то сейчас во весь рост встает задача обороны высоковольтных электропередач. Вполне понятно, что в гражданской войне борьба за сеть электропередач должна приобрести совершенно исключительное значение. Превращение империалистической войны в гражданскую дает дополнительные возможности в руки пролетарской революции.

Развитие химической промышленности интересно не только с точки зрения наиболее прогрессивного разрешения многих технологических процессов, а также производства порохов, взрывчатых и отравляющих веществ, но и с той точки зрения, что ее развитие создает реальные предпосылки для уменьшения зависимости отдельных стран от импорта как в военное, так и в мирное время. Некоторые германские ученые высказывают мысль, что Германия, путем дополнительного вложения больших химических средств в сельское хозяйство, может освободиться от импорта продовольствия.

Химическая промышленность позволяет добывать нефть из бурых каменных углей, облегчает разрешение многих сырьевых проблем и путем введения различного рода суррогатов. Громаднейшее значение приобретает развитие искусственного волокна, шелка, шерсти, кожи и т. д. Помимо значения химической промышленности, как повышающей независимость страны от импорта, она играет и решающую роль в смысле производства порохов и взрывчатых веществ.

Эти процессы развития несомненно повышают обороноспособность отдельных стран, способность их, с точки зрения экономической, к длительной изолированной борьбе. В общем эти факторы создают для индустриально развитых стран новые приемы борьбы с блокадой. Но необходимо указать и на то, что все эти факторы, повышая обороноспособность капиталистического государства, вместе с тем облегчают революционное восстание и ведение гражданской войны рабочему классу, так как централизация энергетических ресурсов позволяет более легкое овладение ими.

Итак, нарастание коалиций происходит в процессе самой войны. Уже это создает предпосылки для образования различных периодов войны. Удель-

ный вес отдельных стран, входящих в коалицию, изменяется по периодам войны, а вместе с этим перемещается и центр тяжести военного могущества коалиций в различные периоды. Если к этому добавить географическое распределение и перемещение нарастающего революционного движения и превращения империалистической войны в гражданскую, то эта сложность и изменчивость военной системы каждой из коалиций станет еще очевиднее. Распределение революционных очагов самым коренным образом повлияет на перемещение центров тяжести военного могущества коалиции, что и должно учитываться стратегией социалистического государства, так как перерастание империалистической войны в гражданскую будет иметь наиболее интенсивный характер в борьбе империалистов против СССР. Поражение отдельных звеньев коалиции, иногда и не играющих самостоятельной крупной роли, может внести крупные изменения в распределение сил и средств в коалиции и вызвать нарушение основной расстановки ее сил. Поражением крупного звена иногда можно опрокинуть всю коалицию. Противоречия между капиталистическими государствами, даже входящими в одну и ту же коалицию, борьба рабочего класса против своей буржуазии — все это крайне затрудняет планомерное использование сил коалиции. Поэтому подготовка пролетариата к активной борьбе и к выполнению пораженческой роли по отношению к своему буржуазному «отечеству» имеет решающее значение для развития международной пролетарской революции, и именно поэтому борьба с правым уклоном, оппортунизмом и в частности с папифизмом является основной задачей всех секций Коммунистического Интернационала.

Дальше т. Тухачевский останавливается на вопросах развития современной техники в смысле влияния ее на строительство вооруженных сил и на развитие тактики и стратегии. Во время империалистической войны наибольшую техническую революцию из сухопутных родов войск пережила пехота, а не артиллерия. Численность последней выросла в полтора-два раза, но качественной, технической революции артиллерийское вооружение в основном не претерпело. Пехотный прогресс — переход на автоматический огонь — значительно укрепил оборону и создал большие затруднения для наступательных действий. Невозможно было снабжать все войсковое соединение таким количеством артиллерии, которое требовалось для производства прорыва укрепленной полосы. Пришлось перейти к системе организации артиллерии резерва главного командования, которая временно включалась в войсковые части на тех направлениях, где наносились решающие удары. Эта новая организационная идея резервов главного командования получила широкое развитие и притом не только для артиллерии, но и для прочих родов войск.

Массирование артиллерии, расход большого числа огнеприпасов позволяют с безусловным успехом решать крупные наступательные сражения. Но разрушения отходящим противником коммуникаций создают ножницы между потребностью в огнеприпасах у наступающей стороны и возможностями их подвоза. Необходимо, однако, считаться с теми новыми техническими достижениями, которые позволяют совершенно иначе подходить к разрешению этой проблемы. Во-первых, на помощь артиллерии приходят танки, которые приспособлены в настоящее время для сопровождения наступающих колонн на очень большие расстояния и которые требуют значительно меньшего, по сравнению с артиллерией, подвоза с тыла для их питания. Вместе с тем, танки являются могущественнейшим орудием наступающей пехоты, помогающим, а иногда и заменяющим артиллерию. Во-вторых, необходимо учитывать те гро-

мадные достижения, которые имеются в области автомобильного и тракторного транспорта, в области восстановительной и эксплуатационной деятельности железных дорог и, наконец, в технике постройки новых железных и грунтово-шосейных путей. Старые нормы, когда 1—2 км. шоссе и дороги ремонтируются месяцами, отходят в область преданий. Не говоря уже о более простых типах дорог, даже бетонное шоссе строится весьма быстро. Все это говорит и о том, что неправильны те консервативные опасения, что автотранспорт будет иметь малое применение на наших театрах войны, в силу невысокого качества дорог.

Моторизация не заменяет массовости армии, как думают некоторые наши теоретики, а наоборот, является спутником этой массовости, развивая ее подвижность и позволяя увеличивать массы армий до еще больших пределов.

Мощное развитие авиации, имеющей значение не только боевого средства, но и средства транспортного, позволяет в оперативном отношении многие проблемы разрешать по-новому. Особенно большую новизну создают совместные действия масс авиации и танков.

Радиотехника начинает уже перерастать рамки только лишь средства связи и начинает играть самостоятельное боевое значение.

Целый ряд крупнейших технических изобретений и направление развития современной техники решительным образом отражается на структуре современных армий. Эта последняя, несомненно, будет переживать реконструкцию в связи с новыми техническими достижениями.

В связи с ростом нашего социалистического хозяйства, в связи с успешным выполнением нашей пятилетки, которую мы хотим выполнить в 4 года, в связи с крупными успехами индустриализации и в особенности машиностроения, в связи с новыми, невиданными темпами социалистического переустройства деревни, мы конечно не можем остаться на прежнем уровне нашего военно-теоретического мышления.

Теория военного дела не может строиться только на экономическом уровне текущего года. Каждая теория воспитывает в определенном направлении умы военных работников, и требуется некоторое время на то, чтобы перестроиться по-новому, усвоить более современные формы. Поэтому мы не можем не учесть в теории военного дела Красной армии пятилетнего плана развития нашего народного хозяйства. Очень опасно соскользнуть с реальной технико-экономической почвы, но не менее, если не более опасно не учесть происходящего прогресса, не реагировать на него соответствующим перестроением военно-теоретических положений и выпустить из своих рук новые ресурсы и возможности для ведения войны.

Между тем эти ресурсы, являясь общим отражением роста нашей экономики, создают и большие технические возможности для обороны нашей страны. Если еще учесть темпы нашей индустриализации и в частности автомобилестроения и тракторостроения, то станет совершенно ясным, что наша военно-теоретическая мысль по масштабу дерзаний должна быть совсем не той, какой она была до сих пор. А наша военно-научная мысль отстает от успешного выполнения страной генеральной линии нашей партии. Ведение гражданской войны в условиях разрушенного транспорта и индустрии, в условиях разрывов, произведенных фронтами гражданской войны в нашей экономике, — отразилось на мышлении многих наших теоретиков как-то так, что, мол, Красной армии и в будущих войнах придется воевать на пони-

женном технико-экономическом базисе. Такое представление идет в разрез с достижениями нашей промышленности сегодняшнего дня, и тем более оно не отвечает, и тем более оно противоречит пятилетнему плану развития нашего хозяйства и всей генеральной линии нашей партии.

Совершенно понятно, какое громадное значение для нашей территориальной системы имеет коллективизация целых районов и областей в стране. Коллективизация раздробленных крестьянских хозяйств несомненно содвигает такие сдвиги в широких массах крестьянства, которые не смогут не отразиться на всей системе нашего военного строительства. Ставит ли наша теоретическая мысль все эти вопросы, идет ли она в уровень с достижениями в области нашего экономического и социального развития? Мы видим здесь только отдельные отрывные проблески такого прогрессивного направления нашей военно-теоретической мысли. Но в нашей военно-теоретической литературе имеется и течение, представляющее отражение мелкобуржуазного упадочничества, оппортунизма, правого уклона. Представители этого течения теоретической мысли обычно оказываются оторванными от жизни Красной армии, в рядах которой господствует прогрессивный дух, основанный на техническом росте и совершенствовании Красной армии. Доказательством такого прогресса Красной армии являются успехи в нашей боевой подготовке, выработка прогрессивных, отвечающих условиям современной войны, уставов, появление некоторых научных трудов, например, т. Триандафилова, работы т. Никонова, т. Жигура и т. д.

На борьбе с рядом мелкобуржуазных и оппортунистических положений, выявившихся в нашей военной литературе, необходимо заострить внимание.

Возьмем вопрос о политике и стратегии. Слабость нашей промышленности во время гражданской войны, относительная пока что слабость ее по сравнению с империалистическим окружением делает то, что для оппортунизма особенно заманчива мысль поставить наши стратегические цели в непосредственную зависимость от экономики, минуя классовую политику государства. Напр. т. Меликов в своей книге «Марна-Висла-Смирна», критикуя наше наступление на Варшаву и отстаивая необходимость останова где-нибудь на линии Буга, говорит: «Таким образом все наши оперативные замыслы должны были быть прямо пропорциональными той хозяйственной обстановке, в которой находилась в третьем году гражданской войны советская страна»².

Это чрезвычайно интересная постановка вопроса. Наше экономическое положение было таково, что промышленность была в упадке, транспорт находился в состоянии крайней немоги, и из положения т. Меликова вытекает невозможность нашего похода на Варшаву, и более того, прямая пропорция наших оперативных действий по отношению к хозяйственному положению страны могла бы выразиться в лучшем случае в обороне по всему фронту. Тов. Меликов выхолостил в постановке своего вопроса пролетарскую политику, политику нашей партии. В 1920 г. мы имели положение, когда вся Западная Европа была охвачена обостренной классовой борьбой. Революционное движение нарастало. В Германии, Италии и даже в Англии рабочий класс пришел в движение. В таких условиях было предпринято наше наступление на Вар-

² Меликов, Марна-Висла-Смирна, Гиз, с. 198.

шаву для ниспровержения польского буржуазно-шляхетского государства. Это был революционный акт. И в той конкретной обстановке, в которой развивалось наше наступление на Варшаву в 1920 г., эта политика была совершенно реальной, несмотря на то, что хозяйственное положение страны и не соответствовало нашему оперативному напряжению.

Интересное место мы находим у т. Свечина. В своем выступлении на ВПАК-е в 1924 г. Свечин беговорочно выхолащивает из гражданской войны политику пролетарского государства. «Под политикой, говорит он, продолжением которой является стратегия, следует разуметь не только дипломатические действия Советского правительства и не только внутреннюю политику, как отражение идеологии взявшего власть рабочего класса, но следует иметь в виду весь тот экономический базис, на котором выжидается эта политическая надстройка. Если с этой точки зрения посмотреть на гражданскую войну, то при всем противоречии идеологии белых и красных, мы не можем рассматривать политику революции и контрреволюции как две противоположности. За обеими идеологиями, рабоче-крестьянской и буржуазно-дворянской, в политике гражданской войны в обоих лагерях мы увидим базу голода, нищеты, разрушенного транспорта, утомленного войной и уклоняющегося от воинской повинности крестьянства; мы увидим дезертиров, «зеленых», и увидим также деклассированных мировой войной людей, получивших определенные военные навыки и пригодных для быстрого формирования военных частей. На этом фоне военная политика белых и красных в гражданскую войну не могла не получить много общих черт»³.

«Вместо того чтобы притти к учению о красной стратегии, исследователь гражданской войны прежде всего должен будет констатировать известное совпадение основной стратегической линии как красных, так и белых. Поход Деникина на Москву в 1919 г. имеет свое продолжение в виде похода красных на Варшаву в 1920 г. Держась строго научной почвы, мы в конечном итоге из исследования гражданской войны можем построить не красное стратегическое учение, а учение о стратегии, строящейся на совершенно разрушенном экономическом фундаменте»⁴.

Тов. Свечин имеет союзником и другого старого военного специалиста, т. Верховского, который в своей книжке «Огонь, маневр и маскировка» договаривается до того, что нам, быть может, лучше отдать Минск и Киев, чем занять Белосток и Брест. Такие настроения являются уделом не только некоторых представителей старых военных специалистов, но имеют распространение и среди коммунистов. Мы напр. вели немалые споры с одной «глубокомысленно» стратегической теорией, которая проповедывала нечто большее, чем оборону—отход внутрь страны, на подобие почти что в 1812 г., и которую тов. Ворошилов, высмеивая, прозвал «можайской стратегией».

Эти крупнейшие ошибки, конечно, не являются случайными. Мы имели большую дискуссию по вопросу о политике и стратегии и на нашем первом Всесоюзном съезде ВНО. Там даже очень серьезные марксисты утверждали, что пролетарское государство не имеет права низложить вооруженной силой буржуазию другой страны. Такого сорта утверждения мы имели неоднократно в нашей военной литературе, и неоднократно поступали сочинения с такого сорта идеологией в портфель Военного отдела Госиздата, которые этому пос-

³ Журнал Военной академии РККА „Красные вои“, ноябрь 1924.

⁴ Там же.

леднему приходилось исправлять. VI конгресс Коминтерна дает нам по этому поводу достаточно четкие разъяснения и считает, что пролетариат поддерживает и ведет «войны социализма против империализма и организует оборону национальных революций и государств с пролетарской диктатурой». Ленин в своих тезисах о мире говорил о том, что мы «безусловно должны готовить революционную войну»⁵. «На вопрос о том, можно ли сейчас, немедленно вести революционную войну, следует решить, учитывая исключительно материальные условия осуществимости этого и интересы социалистической революции, которая уже началась»⁶.

«Действительно революционной войной в настоящий момент была бы война социалистической республики против буржуазных стран с ясно выраженной и вполне одобренной со стороны социалистической армии целью—свержения буржуазии в других странах»⁷.

В целях низложения буржуазного государства, очевидно, необходимо провести ряд решающих операций, и это важно именно для нас, так как мы будем драться против капиталистической коалиции. Поражение отдельных звеньев этой коалиции, нарушение системы расстановки сил империализма, наряду с применением и оборонительных кампаний и операций—является для нас делом решающей важности. И вот мы наблюдаем появление таких теорий, которые стараются представить решительные операции, решающее глубокое наступление, как акты, несоответствующие современному положению, современной стратегии. Родоначальником этой теории в нашей военной литературе является т. Свечин, который, в свою очередь, унаследовал ее от германского профессора Гауса Дельбрюка. Этот последний считал себя наследником Клаузевица. Но Дельбрюк, а за ним и т. Свечин искажали выдающееся учение Клаузевица. Клаузевиц считает, что когда ставится задача ниспровержения государства противника, то действия главных сил наступающей армии своей целеустремленностью вставляют все основные силы и средства противника обращаться против армий, наносящих главный удар, и тем самым гораздо легче решается вопрос с защитой своей собственной и территории тылов. Это положение совершенно правильное, соответствующее действительности.

А установка т. Свечина диаметрально противоположна установке Клаузевица и по существу прямо направлена против ведения наступательных операций.

Тов. Меликов в своей книге «Марна-Висла-Смирна» развивает по существу положение т. Свечина о том, что наступательные операции могут дать успех лишь в том случае, если они позволят уничтожить армию противника, по возможности, в первые дни операции⁸. Но так как такие чудеса никак не могут быть осуществлены в несколько дней, то очевидно, что тем самым отрицается возможность проведения наступательных операций и кампаний по низвержению капиталистических государств.

Борьба т. Свечина против возможности и целесообразности ведения решительных операций—является лишь составной частью его общей теории, которую он в основном унаследовал от Дельбрюка и которая называется стратегией «измора». «Измор» и «сокрушение»—это две непримиримые, противоположные категории, по т. Свечину. На деле стратегия «измора» целиком и полностью направлена против революционных войн, имеющих целью ниспровержение буржуазного государства какой-либо страны.

⁵ Ленин, т. XV, с. 62, тезис 12.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 64, тезис 21.

⁸ Меликов, цит. сочин., с. 200, 131.

По т. Свечину получается, что решительную войну ведет наиболее слабое государство, а сильное своим экономическим и политическим тылом государство ведет лишь войну на «измор». Переведите это положение на нашу теперешнюю реальную обстановку и перспективы ближайших лет нашего развития, и вы получите, что наша советская страна должна вести войны на «измор». А что такое война на «измор»? Прямых, определенных, сколько-нибудь исчерпывающих ответов на это вы не найдете у т. Свечина. В «стратегии измора» можно лишь уловить отрицание применения сокрушительных операций, отказ от действий на решающих направлениях с перенесением центра тяжести действий на второстепенные операции и т. п.

Вредна и теория т. Верховского, проповедующая армию бронированных рыцарей и отрицающая необходимость и закономерность массовых современных армий. В то время, как марксизм видит в массовых армиях капитализма одно из его крупнейших противоречий, от которого он должен погибнуть, т. Верховский, по стопам Зольдана и отчасти Фуллера, считает, что капитализм может отказаться от массовых армий и перейти на небольшие профессиональные армии, строящиеся на использовании современной броневой техники. Но что конкретно для нас, для нашего Советского Союза означает проповедь малой армии? Она означает отказ от всех тех преимуществ массовости, мобильности и наступательности армии, которые нам дает наше успешное социалистическое строительство.

Мы переживаем сейчас такой период, когда быстро развивается наша экономика и быстро растет наш технический базис в стране. Ясно, насколько это сильно сказывается и скажется на Красной армии. Но естественно задать себе вопрос—что же наша военно-теоретическая мысль тянет нас вперед и двигает дальше, или нет? Конечно, мы имеем ряд достижений в этом отношении, главным образом среди практических работников Красной армии. Широкая красноармейская общественность с оживлением и полным доверием встречает наши уставы, новые учебно-методические установки и все то ценное, что появляется в нашей военной литературе, и в частности с большим интересом встретила книгу т. Триандофилова. Но некоторая часть наших теоретиков тащит нас не вперед в соответствии с развитием нашей страны, а назад. А это означает по существу борьбу против тактического и технического прогресса нашей армии.

Мы в развитии нашей военной литературы значительно отстаем от темпа осуществления генеральной линии партии в стране. Мы недостаточно отдаем себе отчет в тех сдвигах, которые в стране происходят, и недостаточно учитываем их, а тем более недостаточно учитываются наши будущие возможности, наши планы, предначертания, выполнимые с горавдо большим успехом, чем это предполагалось раньше, что не может не сказаться на нашей Красной армии. И здесь военно-теоретическая мысль должна быть толчком. Для этого необходимо оживить нашу военно-теоретическую литературу. Необходимо вести жестокую борьбу с мелко буржуазной идеологией, оппортунистическими элементами и упадочническими шатаниями в нашей военной литературе. Необходима серьезная теоретическая работа, разоблачающая истинную сущность этих вредных теорий, проникших в нашу военную литературу, расколлаживающих и убивающих уверенность в победе в нашем военном читателе. Надо бороться и со всякого рода левыми вагибами. Успехи социалистического строительства вовут нас вперед и в области военной теории. К этим успехам и к этой борьбе на фронте марксистского развития военных наук необходимо призвать и нашу военную теоретическую мысль.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

(Принято в заседании президиума Коммунистической академии 11/VI 1930 г., протокол № 26).

I. ПРЕЗИДИУМ

Президиум состоит из лиц, выбранных пленумом Коммунистической академии в количестве 17 членов и 7 кандидатов.

Президиум разрешает наиболее важные принципиальные вопросы научного, научно-организационного, учебного и административно-хозяйственного характера. Утверждает план работ и контрольные цифры Коммунистической академии и ее учреждений, заслушивает отчеты и дает директивы ассоциациям и институтам Коммунистической академии по их научно-исследовательской работе, в проведении которой они пользуются большой самостоятельностью, устанавливает правила и определяет контингент приема аспирантуры, дает общие директивы по наиболее важным вопросам подготовки аспирантуры, разрешает вопросы, связанные с участием в зарубежных съездах и имеющих наиболее важное значение всесоюзных съездах, утверждает организацию новых учреждений, институтов, секций Коммунистической академии и т. д., рассматривает и вносит на общее собрание вопросы об избрании и выбытии действительных членов, членов-корреспондентов, утверждает руководящий научный персонал Коммунистической академии (директоров, их заместителей и членов руководящих коллегий, институтов и библиотек), утверждает состав редакционных коллегий всех периодических изданий Коммунистической академии, подготавливает к общему собранию отчеты и планы работ, а также вырабатывает повестку дня.

Примечание. Собрания президиума происходят не реже одного раза в месяц.

Президиум выделяет из своей среды бюро в составе председателя, его заместителей и ученого секретаря. Бюро разрешает текущие вопросы, по преимуществу оперативного характера.

Пленум Коммунистической академии созывается президиумом не реже двух раз в год.

Пленум утверждает план работ Коммунистической академии, заслушивает отчеты о работе президиума, выбирает членов президиума, действительных членов и членов-корреспондентов, заслушивает доклады и выносит решения по отдельным методологическим проблемам, имеющим наиболее важное значение и т. д.

II. УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРИАТ

Аппаратом президиума является Ученый секретариат, в круг обязанностей которого входит организация заседания бюро, президиума и общих собраний.

Подготовка материалов и предварительная проработка вопросов, подлежащих обсуждению бюро, президиума и общего собрания.

Информация о деятельности Коммунистической академии.

Составление плана работ Коммунистической академии, наблюдение за его выполнением и контроль за исполнением институтами и учреждениями постановлений президиума.

Организация отчетности научных учреждений Коммунистической академии.

Поддержание связи между Коммунистической академией и другими учреждениями по линии научно-организационной.

Установление связей между учеными учреждениями Коммунистической академии.

Проработку всех указанных вопросов Ученый секретариат проводит путем созыва периодических совещаний ученых секретарей, создания специальных комиссий по отдельным вопросам и т. д.

III. НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Научно-исследовательская работа Коммунистической академии находится под непосредственным руководством президиума Коммунистической академии.

В задачи президиума по линии научно-исследовательской работы входят:

а) Дата принципиальных директив учреждениям Коммунистической академии, ее отделением и находящимся в ее ведении местным марксистско-ленинским учреждениям.

б) Руководство составлением планов научно-исследовательской работы.

в) Поддержание связей как с директивными, так и с высшими правительственными органами в целях своевременного выдвижения актуальных проблем современности и информирование их о состоянии научно-исследовательского дела.

г) Координация работы с отделом кадров по линии научно-исследовательской работы аспирантов.

д) Дата заключений Ученому комитету и другим учреждениям и отзывом об отдельных научно-исследовательских работах, научных съездах как внутри СССР, так и за границей.

е) Координация научной работы отдельных учреждений Коммунистической академии, ее отделений и марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений.

ж) Организация контроля и учета по линии выполнения планов научно-исследовательской работы, как с количественной, так и с качественной стороны.

з) Разрешение вопросов, связанных с организацией конференций, экспедиций и т. п.

и) Утверждение плана по изданию научно-исследовательских трудов.

к) Организация общеакадемических докладов.

л) Освещение в прессе, как советской, так и зарубежной, деятельности Коммунистической академии в области научно-исследовательской работы.

м) Разрешение вопросов, связанных с организацией новых научно-исследовательских учреждений, а также о реорганизации существующих.

Президиум, не создавая при себе специального аппарата по научно-исследовательской части, проводит всю работу, как через Ученый секретариат президиума, так и через соответствующие учреждения Коммунистической академии.

IV. ОТДЕЛ КАДРОВ

В задачи отдела кадров Коммунистической академии входит выработка общих директив, увязка и контроль за учебной работой институтов и учреждений Коммунистической академии, а также изучение и подбор научных кадров для Коммунистической академии. В осуществление этих задач отдел кадров утверждает учебные планы, согласовывает программы по общим для всех институтов дисциплинам, разрабатывает вопрос о контингентах и правилах приема аспирантуры, устанавливает общие принципы производственной практики, вырабатывает общие положения об учете учебной работы, контролирует учебную работу институтов, намечает распределение окончивших аспирантуру.

Во главе отдела кадров стоит член президиума.

Заведующий отделом кадров, по мере надобности, но не реже одного раза в месяц, созывает совещания заведующих отделами кадров институтов совместно с представителями аспирантуры.

V. АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЧАСТЬ

Административно-хозяйственная часть ведает штатами, финансами, хозяйственной стороной учреждений Коммунистической академии, строительством и т. д.

Во главе административно-хозяйственной части стоит заведующий, назначаемый президиумом, при нем имеется соответствующий аппарат в виде управления делами.

VI. СТРУКТУРА ИНСТИТУТОВ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Во главе Института стоит директор ответственный перед президиумом за всю работу Института, как политическую, так и научную. При нем состоит директорат в составе: заместителя, зав. подготовкой кадров и ученого секретаря, который и ведет всю оперативную работу.

Для обсуждения наиболее важных научных и научно-организационных вопросов при директорате создается Ученый совет в составе заведующих секциями, представителей научных сотрудников и аспирантуры, представителей общественных организаций и хозорганов, принимающих участие в работе Института. Во главе Ученого совета стоит директор Института.

Ученый совет заседает не реже одного раза в месяц.

Состав Ученого совета намечается директором и утверждается президиумом Коммунистической академии.

Действительные члены Института намечаются директором Института и утверждаются президиумом Коммунистической академии.

Не реже двух раз в год происходят заседания пленумов институтов, в состав которых входят члены Ученого совета, действительные члены Института, старшие научные сотрудники и представители аспирантуры. На обсуждения пленумов выносятся только наиболее важные теоретические и научно-организационные вопросы, как напр. итоги наиболее важных теоретических дискуссий, план работы и т. д.

В зависимости от развертывания научной работы Института по отдельным наиболее важным отраслям этой работы создаются секции.

Во главе секции стоит заведующий и ученый секретарь, назначаемые директором Института.

Для обсуждения наиболее важных теоретических и научно-организационных вопросов создаются ученые советы, а в случае малочисленности состава секции функции ученого совета выполняются пленумом секции.

Для разработки отдельных коллективных и частных проблем создаются группы. При институтах создаются отделы кадров (учебная часть), во главе которых стоят заведующие, которые единолично отвечают перед директором за состояние дела подготовки и подбора кадров. При отделе создается учебное бюро в составе заведующего отделом, который является его председателем, одного представителя от преподавательского состава и одного от аспирантуры.

Учебное бюро в порядке предварительной проработки занимается разработкой вопросов учебно-методического характера: рассматривает учебные планы, программы, дает учебные характеристики аспирантам, заслушивает отчеты о занятиях и т. д.

Все руководство подготовкой кадров концентрируется в отделе кадров при директорате институтов.

Участие секций выражается в следующем: они дают свои заключения отделу кадров Института по вопросам об учебном плане и программах, относящихся к данной специальности, о темах, которые желательно дать на проработку аспирантам в порядке семинарских занятий по специальным дисциплинам, обеспечивают необходимые условия для самостоятельной научно-исследовательской работы аспирантов второго и в особенности третьего курса, осуществляя руководство этой работой с научной стороны и не вмешиваясь в организационно-оперативную сторону учебной работы, которая целиком лежит на ответственности отдела кадров Института.

Наряду с подготовкой новых кадров, на отделе кадров лежит обязанность подбора и изучения научных кадров для Института.

Институты являются самостоятельными в сметном отношении, т. е. имеют право трехстепенного распорядителя кредитов.

VII. КОНЦЕНТРАЦИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Исходя из директивы пленума Коммунистической академии о необходимости большей концентрации учреждений Коммунистической академии, — утвердить следующий список институтов и ассоциаций Коммунистической академии:

1. Институт философии с включением антирелигиозной комиссии (быв. комиссия по изучению истории религии).
2. Институт экономики с включением в него: а) кооперативной секции и б) монографической комиссии.
3. Аграрный институт.

4. Институт мирового хозяйства и мировой политики.
  5. Институт советского строительства и права с включением в него женской секции и комиссии по национальному вопросу, которая при дальнейшей работе должна быть реорганизована в Институт по изучению национального вопроса.
  6. Институт истории.
  7. Институт литературы, искусства и языка.
  8. Ассоциация естествознания с институтами: а) Биологический институт им. Тимирязева, б) Биомузей, в) Институт высшей нервной деятельности, г) Институт мозга, д) Психотехнический институт и е) Лаборатория генезиса минералов.
  9. Ассоциация востоковедения с включением Института по изучению Китая.
  10. Секция по изучению проблем войны.
  11. Библиотека с библиотечным советом из представителей Институты.
  12. Издательство.
- При институтах и ассоциациях имеются следующие общества:
1. При Институте истории—общество историков-марксистов.
  2. При Институте экономики—а) общество статистиков-марксистов и б) техников-марксистов.
  3. При Аграрном институте—общество аграрников-марксистов.
  4. При Институте литературы и языка—общество литературоведов-марксистов.
  5. При Институте советского строительства и права—общество марксистов-государствоведов.
  6. При Ассоциации естествознания—общество биологов-материалистов, общество психоневрологов и общество врачей.
  7. Краеведческую комиссию реорганизовать в научное общество, оставив его при президиуме Коммунистической академии.
  8. При президиуме Коммунистической академии состоит общество педагогов-марксистов.
  9. Поставить перед обществом материалистов-диалектиков и Ученым комитетом вопрос о том, чтобы это общество существовало при Институте философии Коммунистической академии.

VIII. ОБ ОТДЕЛЕНИЯХ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ, НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ И ПЕРЕСМОТРЕ УСТАВА

Поручить Ученому секретариату:

- а) особе разработать вопрос об отделениях Коммунистической академии с привлечением Ленинградского отделения, а также о научных обществах.
- б) На основе утвержденных принципов организационной структуры проработать устав Коммунистической академии и представить его на утверждение президиума к 15 сентября 1930 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

В 37-38 номере „Вестника Коммунистической Академии“ допущено не объективное изложение прений на Всесоюзной Конференции аграрников-марксистов по докладам т. т. Милюткина и Гайстера (см. стр. 12) из которого можно сделать вывод что редакция полностью берет под свою защиту работы т. Крицмана.

Редакция разъясняет, что упомянутое изложение прений не отражает ее точки зрения на работы т. Крицмана, в которых несомненно имеются теоретические ошибки.—*Ред.*

Редакционная коллегия:

Бухарин М. И., Дзеляцкий Ш. М., Деборин А. М., Крицман Л. Н., Лукин Н. М., Милютин В. П., Пашуянис Е. Б., Покровский М. Н., Шмидт О. Ю.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
XVI Партсъезд и научно-исследовательская работа	3
Покровский М. Н. Как должна быть поставлена работа Коммунистической Академии	8
Материалы Коммакадемии	
Пленум Коммунистической Академии при ЦИК СССР 17 июня 1930 г. (стенографический отчет)	14
О задачах Института экономики в области научно-исследовательской работы . .	91
Обращение ко всем работникам в области советского строительства и права . .	96
Отдел докладов и дискуссий	
Производительные силы и производственные отношения в реконструктивный период	101
Психотехника в реконструктивный период (доклад И. Н. Шпильрейна, прочитанный в подсекции техники 2/XII—29 г.)	166
Тухачевский М. Н.—Характер современных войн в свете решений VI конгресса Коминтерна	199
Х р о н и к а	
О структуре Коммакадемии	211
Содержание	215

